

Многоуважаемому Степану Васильевичу Смоленскому от лектора 22 апреля 1883 г.

РУКОВОДЯЩІЕ ТИПЫ

и

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТЪ

ВЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПОСЛѢ ГОГОЛЯ.

(Публичныя лекціи, прочитанныя въ пользу Общества вспомоществованія нуждающимся ученикамъ Казанскаго реальнаго училища).

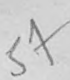




Н. Невзорова.



КАЗАНЬ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1883.



Цензурою дозволено. 13 января 1883 года.

Казань. Типографія Губернскаго Правленія.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Цѣль предпринятыхъ нами публичныхъ лекцій, а равно и печатанія ихъ, отчасти объяснена въ томъ вступленіи, которымъ начато было ихъ чтеніе. Задавшись хотя и скромною, но, по нашему мнѣнію, полезною для слушателей публичныхъ чтеній задачею— выяснить руководящіе типы и воспитательный элементъ въ русской литературѣ послѣ Гоголя, мы только въ самыхъ краткихъ чертахъ старались опредѣлять значеніе писателей, не входя при этомъ въ критическую оцѣнку того или другого произведенія въ его цѣломъ. Само собою понятно, что анализъ произведеній со стороны ихъ художественности, выясненіе индивидуальныхъ особенностей и міровоззрѣнія каждаго изъ поэтовъ задача едва ли не болѣе плодотворная, чѣмъ наша, особенно если имѣть въ виду слушателей, уже знакомыхъ со всѣми произведеніями разсматриваемыхъ писателей. Но желая, съ одной стороны, сдѣлать лекціи интересными для большинства слушателей, даже и такихъ, которые мало знакомы съ литературой, а съ другой, принимая въ разсчетъ, что лицамъ, слѣдящимъ за развитіемъ нашей словесности, уже извѣстны обстоятельные критическіе разборы многихъ изъ ея произведеній, мы предпочли ограничиться только вышеуказанною цѣлію и позволили себѣ иногда довольно длинныя выдержки изъ самыхъ произведеній. Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ обозначены критическія статьи, которыя находились подъ руками при составленіи лекцій.

Что касается самыхъ типовъ, то мы останавливались только на тѣхъ изъ нихъ, на которые походитъ множество людей съ своими нравственными привычками и идеями и въ которыхъ, какъ намъ казалось, рельефнѣе отражается русская общественная жизнь въ своемъ развитіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Стр.

Понятіе объ идеалѣ, какъ стремленіи всѣхъ народовъ къ разумной, счастливой жизни.—Литература, какъ наилучшее средство въ дѣлѣ развитія и воспитанія общества.—Отличіе литературы отъ науки.—Понятіе о литературномъ типѣ.—Типы общечеловѣческіе и національные.—Типы положительные и отрицательные.—Общее содержаніе и языкъ произведеній литературы послѣ Гоголя.—Задача предпринятыхъ чтеній .... 1.

ТУРГЕНЕВЪ.

Записки охотника.-Рудинъ.-Дворянское гнѣздо.-Накануне.-Отцы и дѣти.-Дымъ.-Новь.-Заключеніе 8.

ДОСТОЕВСКІЙ.

Бѣдные люди.-Двойникъ.-Записки изъ мертваго дома.-Преступленіе и наказаніе.-Идіотъ.-Бѣсы.-Подростокъ.-Братья Карамазовы.............. 38.

ГРАФЪ Л. Н. ТОЛСТОЙ.

Дѣтство, отрочество и юность.-Утро помѣщика.-Казаки.-Война и миръ.-Анна Каренина .... 66.

ГОНЧАРОВЪ.

Обыкновенная исторія.-Обломовъ.-Обрывъ .... 96.

ПИСЕМСКІЙ.

Тысяча душъ.-Тюфякъ.-Взбаламученное море.-Водоворотъ.-Ваалъ.......................... 112.

Стр.

ОСТРОВСКІЙ.

Островскій, какъ драматическій писатель, и его значеніе.-„Гроза".-„Бѣшеныя деньги".-„Доходное мѣсто".-„На всякаго мудреца довольно простоты". 125.

НЕКРАСОВЪ.

„Муза мести и печали", какъ преобладающій элементъ въ поэзіи Некрасова.-„Дядя Власъ".-„Горе стараго Наума".-Поэма „Саша" -„Русскія женщины".-„Кому на Руси жить хорошо?"......... 156.

ЩЕДРИНЪ.

Губернскіе очерки.-Ташкентцы.-Благонамѣренныя рѣчи.-Монрепо и Монплезиръ............ 176.

РѢШЕТНИКОВЪ.

Отсутствіе художественнаго таланта въ произведеніяхъ Рѣшетникова.-„Гдѣ лучше?„-„Почтальонъ Макся".-„Подлиповцы"................... 195.

ПОМЯЛОВСКІЙ.

Содержаніе и характеръ произведеній Помяловскаго, объясняемый его образованіемъ и воспитаніемъ.-Бурсацкіе типы.................... 205.

Бытописатели русскаго крестьянства.

Левитовъ........................... 218.
Глѣбъ Успѣнскій и Златовратскій............ 221.
Мельниковъ......................... 226.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Понятіе объ идеалѣ, какъ стремленіи всѣхъ народовъ къ разумной, счастливой жизни.—Литература, какъ наилучшее средство въ дѣлѣ развитія и воспитанія общества.—Отличіе литературы отъ науки.—Понятіе о литературномъ типѣ.—Типы общечеловѣческіе и національные.—Типы положительные и отрицательные.—Общее содержаніе и языкъ произведеній литературы послѣ Гоголя.—Задача предпринятыхъ чтеній.

Милостивые Государи и

Милостивыя Государыни!

Всякій народъ, всякое общество, даже всякій отдѣльный человѣкъ всегда и вездѣ задается вопросами: нельзя ли лучше устроить свою жизнь, чѣмъ она есть; нельзя ли найти др. высшія, нравственныя наслажденія, кромѣ тѣхъ грубыхъ, чувственныхъ, которымъ люди предаются почти каждый день? Болѣе или менѣе удовлетворительные отвѣты на эти вопросы даетъ литература. Прямая ея обязанность поддерживать въ обществѣ естественное стремленіе къ этой разумной, счастливой жизни, указывать путь къ этой жизни, быть для народа путеводною звѣздою.

Не увлекая въ міръ несбыточныхъ мечтаній и надеждъ, литература должна изображать жизнь такъ, какъ она есть, должна ярче и осязательнѣе выражать тотъ *идеалъ*, по которому сознательно или безсознательно живетъ каждый народъ и къ осуществленію котораго онъ стремится. Интересуясь явленіями жизни, въ которыхъ отражается

народный идеалъ, поэты—эти герои русской мысли—не могутъ не высказывать о нихъ своего приговора. Если поэтъ выразитъ въ своемъ произведенiи только одни чувства по поводу извѣстнаго явленiя, то и этимъ уже онъ произнесетъ судъ надъ нимъ. Если же произведенiе поэта проникнуто негодованiемъ и презрѣнiемъ ко всему безчестному, пошлому и своекорыстному, то оно этими чувствами наэлектризуетъ и читателя. Свѣтлые образы людей непоколебимой честности, высокаго благородства и самоотверженiя, живо изображенные писателями во всемъ величiи и красотѣ, еще сильнѣе содѣйствуютъ возвышенiю и облагороженiю характеровъ въ людяхъ.

Въ рукахъ литературы и—какъ высшей формы ея проявленiя—поэзiи есть могучiя средства, содѣйствующiя скорѣйшему распространенiю нравственныхъ и даже практическихъ знанiй въ народѣ. Въ нѣкоторыхъ отношенiяхъ эти средства даже болѣе дѣйствительны, чѣмъ тѣ, какими обладаетъ наука, имѣющая прямой своей задачей разъясненiе всѣхъ вообще явленiй. Искусство, по самой формѣ своей, гораздо доступнѣе, понятнѣе и привлекательнѣе для большинства, чѣмъ сухая, отвлеченная форма науки. Въ поэзiи нѣтъ, да и быть не можетъ отвлеченныхъ положенiй, какихъ-либо нравственныхъ разсужденiй и доказательствъ. Она представляетъ намъ свое содержанiе въ живыхъ образахъ, въ формѣ, которая овладѣваетъ нашимъ воображенiемъ и чувствомъ.

Пояснимъ это примѣромъ.

Говорятъ, обыкновенно, что цыфры краснорѣчивы и убѣдительны. Намъ извѣстно, положимъ, посредствомъ однодневной переписи, какiя недавно были въ Москвѣ и Петербургѣ, количество несчастныхъ жертвъ, страдающихъ отъ какой-нибудь болѣзни, нищеты, голода и т. п. Зная количество этихъ жертвъ, мы не поймемъ и не прочувствуемъ всего ужаса ихъ положенiя. Мы останемся, пожалуй, даже равнодушны; наша жизнь опять потечетъ своимъ обычнымъ, праздничнымъ и беззаботнымъ чередомъ. Но если вмѣсто цыфръ мы увидимъ самыя жертвы бѣдствiя, живые образы ихъ, или если поэтъ нарисуетъ предъ нашимъ воображенiемъ ихъ мученiя и страданiя, тогда сердце и самаго грубаго изъ насъ невольно почувствуетъ состраданiе, а главное—мы задумаемся надъ причиной того или другого бѣдствiя и надъ средствами къ его устраненiю.

«Все, что живетъ и движется вокругъ поэта, все, чѣмъ богата природа и людское общество, у него все это—

Какъ-то чудно
Живетъ въ душевной глубинѣ.

Въ немъ, какъ въ магическомъ зеркалѣ, отражаются и, по волѣ его, останавливаются, застываютъ, отливаются въ твердыя, неподвижныя формы—всѣ явленія жизни, во всякую данную минуту". [1]) Писатель-поэтъ всматривается въ жизнь, сначала носитъ въ своей душѣ единичныя представленія, потомъ присоединяетъ къ нимъ др. однородные факты и образы и наконецъ создаетъ фотографическій снимокъ съ окружающихъ его людей, снимокъ, выражающій въ себѣ всѣ существенныя черты большинства частныхъ лицъ подобнаго рода. Этотъ-то снимокъ и есть *литературный типъ.* Художникъ-поэтъ, стараясь уловить текущій моментъ въ жизни, схватить убѣгающее явленіе, изобразить въ типѣ и запечатлѣть навѣки мимолетную фазу нашей жизни, не насилуетъ своей природы, не дѣлаетъ созидаемый имъ типъ органомъ какихъ-нибудь преднамѣренныхъ мыслей. „Талантъ настоящій", говоритъ И. С. Тургеневъ, «никогда не служитъ постороннимъ цѣлямъ...; окружающая его жизнь даетъ ему содержаніе—онъ является ея сосредоточеннымъ отраженіемъ» [2]). Чѣмъ художественнѣе воспроизведенъ тотъ или другой типъ въ литературѣ, тѣмъ живѣе его образъ до мельчайшихъ подробностей. Нигдѣ въ этомъ образѣ не должно проглядывать отвлеченное понятіе. Впечатлѣніе, производимое тѣмъ или другимъ типомъ, должно получаться такое же, какое мы испытываемъ при встрѣчѣ съ живымъ человѣкомъ,—безотчетное чувство симпатіи, или антипатіи. Къ типу, который вышелъ изъ рукъ поэта-художника, даже самъ авторъ-творецъ его находится въ такихъ же отношеніяхъ, какъ и читатели: онъ можетъ имѣть симпатію или антипатію къ живому лицу, которое возникло въ его фантазіи, но ему, для пониманія своего дѣтища, придется совершить такую же оцѣнку и разборъ, какъ и всякому другому. Въ этомъ заключается причина, почему нѣкоторые типы производятъ въ читателяхъ неопредѣленное, а иногда и смутное понятіе. Одни восхищаются и увлекаются извѣстнымъ типомъ, принимаютъ его за идеальнаго героя, начинаютъ подражать ему, другіе считаютъ тотъ же самый типъ за карриктуру. Такъ было въ литературѣ прежде, напр. съ Евгеніемъ Онѣгинымъ Пушкина, съ Печоринымъ Лермонтова, такъ

---

[1]) Добролюбовъ, т. 2, стр. 585.
[2]) Литературныя воспоминанія.

остается и въ ближайшее къ намъ время—съ Базаровымъ Тургенева, съ Анной Карениной и т. д. Нѣкоторые изъ поэтовъ сами должны были разъяснять созданные ими типы. Такъ поступилъ Лермонтовъ съ «Героемъ нашего времени», Тургеневъ съ Базаровымъ, Гончаровъ со всѣми своими твореніями. Вотъ отсюда-то и вытекаетъ необходимость критики, необходимость разъяснить смыслъ, скрытый въ созданіяхъ художника.

Національные, чисто-русскіе типы имѣютъ большее воспитательное значеніе для общества, особенно въ дѣлѣ развитія его самосознанія, чѣмъ типы общечеловѣческіе. Между національными типами и самою страною существуетъ тайная и необходимая связь. Эти типы—выраженіе цѣлой исторіи страны, выраженіе ея лучшихъ силъ, ея надеждъ и стремленій. Поэтъ выражаетъ своими созданіями только то, что заключено въ душѣ народа. На этомъ основаніи національные типы, чтобы понимать ихъ читателю, не требуютъ такой подготовки, какъ типы общечеловѣческіе. Они доступнѣе, понятнѣе и, такъ сказать, роднѣе массѣ народной, одѣтые въ одежду этой массы, говоря ихъ языкомъ, живя ихъ интересами. Гамлетъ и Лиръ, Сальери и Донъ-Жуанъ могутъ быть поняты только очень развитымъ человѣкомъ и потому только на него могутъ подѣйствовать воспитательно. Но судьба напр. Обломова, или Катерины Островскаго такъ поучительна, что не потребуетъ большихъ объясненій. Судьба этихъ и подобныхъ людей ясна и проста, какъ будничная жизнь, окружающая насъ.

Принялсь за созданіе своихъ типовъ, поэтъ слѣдуетъ или путемъ *отрицательнымъ*, осмѣивая преобладающіе въ обществѣ недостатки, или путемъ *положительнымъ*—представляя читателямъ лица, одаренныя всѣми достоинствами, до коихъ можетъ подняться умственное и нравственное состояніе общества, т. е. *идеальные типы*.

Поэтъ, изображающій прекрасное въ природѣ и человѣкѣ, поясняется, обыкновенно, сравненіемъ его съ телескопомъ, чрезъ который мы наблюдаемъ величественные міровые предметы, небесныя свѣтила; поэтъ же, выставляющій ярко *пошлость жизни, пошлость пошлаго человѣка*, сравнивается съ микроскопомъ, посредствомъ котораго разсматриваются мелкія твари. Оба орудія приводятъ къ одному и тому же—къ сознанію премудраго устройства міра. Такъ и поэты того и др. вида своими положительными и отрицательными типами, дѣлая предметъ художественнымъ и возводя его «въ перлъ созданія»,

приносятъ одинаковую пользу. Они озаряютъ предъ нами всю тину, опутывающую людскую жизнь, для того, чтобы мы умѣли видѣть въ самыхъ темныхъ ея закоулкахъ искру божественнаго пламени.

Наша литература не богата положительными типами. Писатели очень рѣдко, почти совсѣмъ не создаютъ героическихъ характеровъ, какихъ много въ европейской литературѣ. «Послѣ Гоголя», говоритъ И. А. Гончаровъ, «мы въ искусствѣ не сошли съ пути отрицанія, между прочимъ, и потому, что художнику легче даются отрицательные образы. Самъ Гоголь пробовалъ во 2-й части «Мертвыхъ душъ» написать положительный образъ и потерпѣлъ неудачу. А другіе и подавно: въ послѣднее время ни у кого не вышло въ этомъ родѣ ничего художественнаго». [1]) Здѣсь не мѣсто входить въ разсмотрѣніе историческихъ и общественныхъ причинъ, создавшихъ у насъ отрицательное отношеніе къ той жизни, которою живутъ наши образованные классы. Довольно замѣтить, что идеалъ правды и добра, присущій нашимъ художникамъ, царитъ въ ихъ произведеніяхъ, какъ невидимое, неуловимое отвлеченіе, какъ фундаментъ, на которомъ воспроизводится художественное зданіе. Восходя къ идеалу путемъ отрицанія, сопоставляя дѣйствительность съ отсутствующимъ идеаломъ, даровитые наши писатели умѣютъ тонко и умно наблюдать нашу жизнь. Подмѣчая въ людяхъ и явленіяхъ всякое уклоненіе отъ нормы, указанной здравымъ смысломъ и чувствомъ правды и добра, наши поэты-художники въ большей части своихъ произведеній выражаютъ

„*Ума холодныхъ наблюденій*
И сердца горестныхъ замѣтъ“,

въ чемъ, безъ сомнѣнія, заключается тайна ихъ воспитательнаго вліянія на общество.

Гоголевская или, какъ ее называли, «натуральная школа» произвела въ литературѣ коренной переворотъ, поставивъ ее на дѣйствительную почву и сдѣлавъ ее слугою общества. Писатели ближайшаго къ намъ времени рѣзко распадаются на два главныхъ *поколѣнія*. Самые крупные таланты принадлежатъ людямъ сороковыхъ и начала пятидесятыхъ годовъ. Каждый изъ нихъ—звѣзда большой величины, хотя они, взятые вмѣстѣ, и не имѣютъ общаго не только во взглядахъ, но и въ художественныхъ пріемахъ. Изъ этого персонала, который можно назвать пер-

[1]) „Лучше поздно, чѣмъ никогда“. „Русская Рѣчь,“ Іюнь, 1879 г.

вымъ поколѣніемъ новѣйшихъ писателей, иные уже умерли (Некрасовъ, Писемскій, Достоевскій), другіе почти совсѣмъ смолкли (Гончаровъ), третьи всѣ дѣйствуютъ (Тургеневъ, графъ Л. Н. Толстой, Островскій, Щедринъ): они сохранили свои творческія силы и не порвали своей связи съ современностью.

Второе поколѣніе нашихъ писателей выступило въ самомъ началѣ и на протяженіи шестидесятыхъ годовъ. Почти одновременно стали писать Помяловскій, Рѣшетниковъ, Левитовъ и др.

Теперь возьмемъ всѣ таланты перваго и втораго поколѣнія, и самые крупные и болѣе скромные, припомнимъ общее содержаніе и характеръ ихъ произведеній.

Шестидесятые и семидесятые года, создавшіе нашихъ новѣйшихъ писателей, были временемъ усиленной общественной жизни. Цѣлый рядъ гуманныхъ преобразованій, совершенныхъ въ послѣдніе два десятилѣтія и направленныхъ къ улучшенію положенія всѣхъ классовъ, возбудили въ русскомъ народѣ чувство общественности. Писателей стали интересовать не отдѣльныя личности съ ихъ особенностями, какъ это было въ предшествующіе періоды литературы, а люди, способные такъ или иначе быть общественными дѣятелями. Такимъ образомъ содержаніемъ литературныхъ произведеній явилась вся живая часть нашего общества. Его боли и радости, его свѣтлыя и мрачныя стороны замѣнили собою изображеніе судьбы отдѣльныхъ лицъ и ощущенія «любви и сладкой нѣги», въ которыхъ литература витала въ предшествующіе періоды.

Такъ какъ современное развитіе общества направлено преимущественно къ улучшенію низшихъ слоевъ общества, то и писатели новѣйшаго періода, подготовляя почву къ этимъ улучшеніямъ, касались въ своихъ произведеніяхъ всѣхъ классовъ общества, ввели въ литературу *разночинца*, старались научить насъ цѣнить и любить человѣка даже подъ самымъ толстымъ слоемъ грязи и порока.

Въ слѣдствіе этого, произведенія писателей ближайшаго къ намъ поколѣнія представляютъ такое богатство содержанія и такое разнообразіе въ построеніи, какое трудно найти и въ западно-европейской литературѣ Даже по языку наши писатели настолько своеобразны, что почти каждый изъ нихъ есть творецъ своей стилистической манеры, что объясняется, между прочимъ, и тѣмъ, что нашъ литературный языкъ не сложился еще и на половину противъ языка старыхъ западныхъ литературъ.

Не всѣ произведенія того или др. писателя и не всѣ типы мы намѣрены разбирать. Наша цѣль гораздо легче и проще—провести слушателей по галлереѣ литературныхъ типовъ и остановиться на тѣхъ, болѣе выдающихся, которые служили и служатъ выразителями разныхъ слоевъ общества, разсмотрѣть типы, на которые походитъ множество людей, съ своими нравственными привычками и идеями. Но мы боимся прикоснуться своей холодной и жесткой рукой къ нѣжнымъ поэтическимъ созданіямъ, боимся профанировать чувство слушателей сухимъ и безчувственнымъ изображеніемъ того или другого характера, почему и просимъ заранѣе, м. г. и м. г., благосклоннаго снисхожденія.

ТУРГЕНЕВЪ.

Жизненная сторона произведеній Тургенева. ЗАПИСКИ ОХОТНИКА: Хорь и Овсяниковъ— даровитые русскіе люди.—Касьянъ, напоминающій юродиваго.—Бирюкъ.—Пѣвцы. РУДИНЪ—лишній человѣкъ, «рыцарь идеи». ДВОРЯНСКОЕ ГНѢЗДО: Лаврецкій и Лиза,—односторонне понявшая свой долгъ. НАКАНУНѢ: Елена, стремящаяся къ дѣятельному добру. ОТЦЫ и ДѢТИ: Базаровъ —прежній нигилистъ.—Восторженный юноша Аркадій, безсознательно щеголяющій идеями Базарова. ДЫМЪ: Баденъ-Баденское общество: Губаревъ, Ворошиловъ и др. пошлые люди.—Литвиновъ—лучшій изъ нихъ.—Уясненіе заглавія повѣсти «Дымъ». НОВЬ: Соломинъ—практическій дѣлецъ.—Неждановъ—родня Рудину. ЗАКЛЮЧЕНІЕ. Быстрая смѣна однихъ типовъ другими, указывающая на безостановочное развитіе нашего общества.

Отличительная черта литературной дѣятельности И. С. Тургенева заключается въ томъ, что онъ быстро угадывалъ новыя потребности, новыя мысли, зараждавшіяся въ русскомъ обществѣ. Этимъ поэтическимъ чутьемъ художника-поэта къ живымъ струнамъ общества, къ новымъ мыслямъ и чувствамъ, только что еще начинавшимъ проникать въ сознаніе лучшихъ людей и объясняется *жизненная сторона* и обаяніе, которое завоевалъ себѣ Иванъ Сергѣевичъ. «Мнѣ», говоритъ онъ, «кажется, что меня скорѣе можно упрекнуть въ излишнемъ постоянствѣ и какъ бы прямолинейности направленія. Авторъ «Рудина», напи-

Разборъ произведеній Тургенева смотр. въ сочиненіяхъ Добролюбова, т. 3-й; критика Венгерова въ отдѣльной книгѣ; критическія статьи Шелгунова и Никитина въ журналѣ „Дѣло"; Авдѣева „Наше общество въ герояхъ и героиняхъ литературы"; „Невскій сборникъ" 1867 г. т. 1-й; критическія статьи въ „Русскомъ вѣстникѣ" 1862 г. май іюль, и 1877 г., февраль; критическія статьи Скабичевскаго въ „Отечественныхъ запискахъ"; „Публичныя лекціи" Ор. Миллера и др.

саннаго въ 1855 году и авторъ «Нови», написанной въ 1876 году являются однимъ и тѣмъ же человѣкомъ. Въ теченіе всего этого времени, продолжаетъ Иванъ Сергѣевичъ, я стремился, насколько хватало силъ и умѣнья, добросовѣстно и безпристрастно изобразить и воплотить въ надлежащіе типы и то, что Шекспиръ называетъ «самый образъ» и «давленіе времени», и ту, быстро измѣняющуюся физіономію русскихъ людей культурнаго слоя, который преимущественно служилъ предметомъ моихъ наблюденій» [1]). И дѣйствительно, во многихъ герояхъ Тургенева мы видимъ живыхъ людей, у которыхъ слиты воедино самыя возвышенныя отвлеченныя идеи съ самою пустою, бездѣятельною жизнію. Всѣ эти Рудины, Базаровы, Лаврецкіе, Неждановы, всѣ они отличаются другъ отъ друга только внѣшними оттѣнками, будучи вылѣплены изъ одной массы и окрашены подъ одинъ цвѣтъ. Не смотря на высоко-поэтическую, художественную обработку, типы Тургенева скорѣе могутъ вызывать въ насъ чувство сожалѣнія за то, что такія иногда возвышенныя стремленія, которыми они воодушевлены, остаются безъ дѣйствительнаго примѣненія въ жизни, отчасти по винѣ самихъ носителей этихъ стремленій. Общая черта въ физіономіи тургеневскихъ типовъ прекрасно выражается стихами Некрасова о своемъ Агаринѣ. Что дѣлаетъ этотъ герой?

Книжки читаетъ да по свѣту рыщетъ;
Дѣла себѣ исполинскаго ищетъ;
Благо, наслѣдье богатыхъ отцовъ
Освободило отъ малыхъ трудовъ,
Благо, идти по дорогѣ избитой
Лѣнь помѣшала да разумъ развитый...
«Нѣтъ, я души не растрачу моей
На муравьиной работѣ людей:
Или подъ бременемъ собственной силы
Сдѣлаюсь жертвою ранней могилы,
Или по свѣту звѣздой пролечу,
Міръ, говоритъ, осчастливить хочу»!

Но мы сдѣлали бы большой пробѣлъ, если бы прежде разбора этихъ героевъ, ищущихъ «исполинскаго дѣла», не обратили вниманія на другіе типы, съ такою щедростію разсыпанные художникомъ въ «Запискахъ охотника»— этой, такъ сказать, поэмѣ, охватывающей весь бывшій крѣпостной бытъ народа и выражающей всю природную, богатую мощь русскаго человѣка.

[1]) Литературн. и житейск. воспоминанія.

ЗАПИСКИ ОХОТНИКА.

«Записки охотника» сослужили свою службу не тѣмъ только, что, показавъ мрачныя стороны крѣпостного права, убивавшаго живыя силы Россіи, убѣждали и правительство, и общество въ неотложной необходимости его уничтоженія. Нѣтъ. Тургеневъ первый разрушилъ существовавшій до него взглядъ, что въ мужицкомъ тѣлѣ нѣтъ ничего похожаго на человѣка. Художникъ-поэтъ первый съ такою правдою разъяснилъ, что и у него есть душа, и душа человѣческая, что онъ умѣетъ думать, чувствовать, какъ думаютъ и чувствуютъ грамотные русскіе люди. До Тургенева никто лучше не сказалъ: «Это такой же человѣкъ, какъ и мы!» По всѣмъ почти «Запискамъ» разсѣяно у поэта столько задушевности, что невольно всякій долженъ признать все могущество поэзіи, умѣющей въ самой будничной обстановкѣ русскаго простолюдина найти возвышенную картину.

«Записки охотника» не потеряли и едва ли когда-нибудь потеряютъ свое значеніе: въ этихъ отрывочныхъ разсказахъ, связанныхъ, впрочемъ, единствомъ основной мысли, читатель узнаетъ всю мощь русскаго народа, его богатыя духовныя силы, его чувство, нелишенное поэзіи.

«Не бездарна та природа
Не погибъ еще тотъ край»,

который населенъ даровитымъ народомъ, имѣющимъ такія здоровые корни для будущаго развитія и такія чудныя задатки, какіе видимъ въ герояхъ «Записокъ».

Полюбуйтесь на этихъ русскихъ самородковъ—на крестьянъ Хоря и однодворца Овсяникова. «Толкуя съ Хоремъ», говоритъ Тургеневъ, «я въ первый разъ услышалъ простую, умную рѣчь русскаго мужика». Пріятное впечатлѣніе производилъ этотъ Хорь. Онъ былъ человѣкъ положительный, практичный, административная голова. Онъ «разумѣлъ про себя», т. е. не желалъ оставаться въ дуракахъ и примѣнять свою доброту къ непадлежащему мѣсту. Хорь былъ не богатъ, но ни въ чемъ и не нуждался. Достигъ этого онъ не кулачествомъ, не плутнями, а исключительно умомъ своимъ, здоровымъ русскимъ умомъ, не хватающимъ, положимъ, звѣздъ съ неба, но способнымъ отбиться отъ нужды. Онъ былъ человѣкъ дѣятельный: вѣчно надъ чѣмъ-нибудь копался—телѣгу чинилъ, заборъ подпиралъ, сбрую пересматривалъ. Но эти заботы о хозяйствѣ не заглушали присущаго Хорю поэти-

ческаго настроенія. Лишь только, бывало, другъ его Калинычъ запоетъ, или заиграетъ на балалайкѣ, Хорь слушаетъ, слушаетъ, загнетъ вдругъ голову на бокъ и начнетъ подтягивать жалобнымъ голосомъ свою любимую пѣсню: «доля ты моя, доля!» Когда Тургеневъ началъ разсказывать Хорю и Калинычу свои заграничныя похожденія, заинтересовались наши мужики, но заинтересовались каждый по своему: восторженнаго и мечтательнаго Калиныча занимали красоты природы, горы, водопады, великолѣпныя зданія и т. п. прелести и диковинки. Хорь же, какъ человѣкъ практичный, разспрашивалъ больше о предметахъ государственныхъ и административныхъ.

«Что, у нихъ это тамъ есть такъ же, какъ у насъ, аль иначе?“... Чувствительный Калинычъ выражалъ свое удивленіе охами да ахами. Не таковъ Хорь, какъ человѣкъ практическій. Онъ слушалъ разсказы, молчалъ, хмурилъ брови и лишь изрѣдка замѣчалъ, что «дескать это у насъ не шло бы, а вотъ это хорошо—это порядокъ». «Русскій человѣкъ такъ увѣренъ въ своей силѣ и крѣпости», замѣчаетъ Тургеневъ,—что онъ не прочь и поломать себя... Что хорошо, то ему и нравится, что разумно, того ему и подавай, а откуда оно идетъ—ему все равно. Его здравый смыслъ легко подтруниваетъ надъ сухопарымъ умомъ европейца, но и европейцы, по словамъ Хоря, любопытный народецъ, и поучиться у нихъ онъ готовъ».

Однодворецъ Овсяниковъ совсѣмъ не слылъ за богача и былъ не такъ уменъ, какъ Хорь, а между тѣмъ его уважаетъ вся окрестность, къ нему обращаются за совѣтами. Онъ миритъ разссорившихся сосѣдей и всѣ покоряются его приговору. По понятіямъ Овсяникова «человѣкъ долженъ жить, и ближнему помогать обязанъ есть. Бываетъ, что и себя жалѣть не долженъ». Онъ почитаетъ за грѣхъ продавать хлѣбъ—Божій даръ, и, во время общаго голода и страшной дороговизны, раздаетъ окрестнымъ помѣщикамъ и мужикамъ весь свой запасъ хлѣба. Его спокойствіе, исполненное чувства собственнаго достоинства, его чисто древне-боярская величавость вполнѣ соотвѣтствуетъ древнему складу понятій. Онъ придерживается старинныхъ обычаевъ не изъ суевѣрія, а по привычкѣ: читаетъ духовныя книги, гостей принимаетъ ласково и радушно. Но это не мѣшаетъ ему брить бороду, носить нѣмецкое платье и признавать, что новые порядки лучше старыхъ. Не смотря на свое неразвитіе, Овсяниковъ, въ разсказѣ про одного изъ народолюбцевъ Василія Николаевича Любозванова, простымъ житейскимъ

умомъ своимъ сразу постигаетъ смѣшную сторону этихъ непризванныхъ народолюбцевъ, ихъ напускное желаніе сблизиться съ народомъ. „Собрались мужики поглазѣть на своего молодаго барина. Вышелъ къ нимъ Василій Николаевичъ. Смотрятъ мужики,—что за диво!—ходитъ баринъ въ плисовыхъ шароварахъ; рубаху красную надѣлъ и кафтанъ тоже кучерской: бороду отпустилъ, а на головѣ такая шапонька мудреная, и лицо такое мудреное, —пьянъ, не пьянъ, а не въ своемъ умѣ. «Здорово», говоритъ, «ребята! Богъ вамъ на помощь.» Мужики ему въ поясъ,—только молча: заробѣли, знаете. И онъ словно самъ робѣетъ. Сталъ онъ имъ рѣчь держать: „я-де русскій», говоритъ, и вы русскіе»; я русское все люблю.... русская, дескать, у меня душа, и кровь тоже русская».... Да вдругъ скомандуетъ: „а ну, дѣтки, спойте-ка русскую народственную пѣсню!“ У мужиковъ поджилки затряслись; вовсе одурѣли“.... Мужики къ Василью Николаичу и приступиться не смѣютъ: боятся. И, вѣдь, вотъ опять что удивленія достойно: и кланяется имъ баринъ, и смотритъ привѣтливо,—а животы у нихъ отъ страху такъ и подводитъ, что за чудеса такія батюшки, скажите?....“ Да „чудеса-то“ очень простыя. Наши народники, считающіе себя образованными людьми, иногда имѣютъ искреннее желаніе сблизиться съ народомъ, да вотъ бѣда, не умѣютъ! Они, надѣвши мужицкій костюмъ, далеки отъ народа по своимъ понятіямъ и духу, почему и возбуждаютъ въ немъ только смѣхъ и досаду къ себѣ и своей дѣятельности.

А вотъ и Касьянъ съ Красивой Мечи. „Онъ и въ Роменъ ходилъ и въ Симбирскъ-славный городъ, и въ самую Москву, золотыя маковки; ходилъ на Оку-кормилицу, и на Цну-голубку, и на Волгу-матушку, и много людей видалъ, добрыхъ крестьянъ, и въ городахъ побывалъ честныхъ. Видъ этого Касьяна Тургеневу невольно напомнилъ „юродиваго“. Касьянъ повелъ плечами, помолчалъ, разсѣянно глянулъ и запѣлъ потихоньку. Тургеневъ не могъ уловить всѣхъ словъ его протяжной пѣсенки, но ему послышалися слѣдующія слова:

„А зовутъ меня Касьяномъ,
А по прозвищу Блоха“.

„Э!“ подумалъ Тургеневъ, да „онъ сочиняетъ“. Какая-то особенная, совершенно своеобразная поэзія разлита по всему тщедушному существу Касьяна. Онъ считаетъ „грѣхомъ“ для охотника даже пташку безъ нужды убить. „Кровь—святое дѣло кровь! Кровь солнышка Божія не

видитъ, кровь отъ свѣту прячется... великій грѣхъ показать свѣту кровь—охъ, великій!“ И правда, Касьяны—это совсѣмъ не изъ числа обыкновенныхъ натуръ; во всѣхъ случаяхъ своей жизни эти люди, Касьяны, сохраняютъ въ душѣ поэтическія наклонности и не позволяютъ заѣсть себя прозѣ жизни. Они и говорятъ-то „какимъ-то обдуманно-торжественнымъ и страннымъ языкомъ“.... Касьянъ, оставшись одинокимъ, не спивается: жизнь его не затираетъ. Онъ живетъ въ своемъ духовномъ „мірке“, который создалъ себѣ, живетъ и не пошлѣетъ. А отчего онъ создалъ себѣ этотъ „мірокъ?“ А оттого, что все его существо не отъ „міра сего“, что натура его не изъ числа обычныхъ, посредственныхъ натуръ. Вѣдь недаромъ же народъ называетъ подобныхъ людей *„юродивыми“* или *„блаженными“*.

Вотъ еще предъ нами лѣсникъ—Бирюкъ. (Бирюкомъ въ Орловской губерніи называется человѣкъ одинокій и угрюмый). Величавая его осанка—высокій ростъ, могучія плечи, суровое и мужественное лицо, широкія брови и смѣло глядѣвшіе небольшіе каріе глаза—все въ немъ обличало необыкновеннаго человѣка. Свою обязанность лѣсника Бирюкъ отправлялъ настолько добросовѣстно, что всѣ про него говорили: „вязанку хворосту не дастъ утащить... И ничѣмъ его взять нельзя: ни виномъ, ни деньгами; ни на какую приманку нейдетъ“. Суровый съ виду, Бирюкъ имѣлъ нѣжное, доброе сердце. Поймаетъ въ лѣсу мужика, срубившаго дерево, такъ пристращаетъ, что и лошадь пригрозитъ не отдать, а дѣло, обыкновенно, кончитъ тѣмъ, что сжалится надъ воришкой и отпуститъ его. Бирюкъ любитъ сдѣлать доброе дѣло, любитъ и обязанности свои исполнять добросовѣстно, но не будетъ кричать объ этомъ на всѣхъ перекресткахъ, не будетъ рисоваться этимъ.

Заглянемъ на минуту, вмѣстѣ съ Тургеневымъ, въ деревенскій, такъ называемый, „народный клубъ». Въ кабакѣ происходитъ сцена, устраивается турниръ между пѣвцами. Вотъ рядчикъ запѣваетъ веселую, плясовую пѣсню въ родѣ:

Распашу я, молода-молоденька,
Землицы маленько,
Я посѣю молода-молоденька
Цвѣтика аленька.

Онъ начинаетъ такія отдѣлывать завитушки, такъ защелкалъ и забарабанилъ языкомъ, такъ неистово заигралъ горломъ, что, когда онъ пустилъ послѣдній, замирающій

голосъ, общій, слитный крикъ слушателей отвѣтилъ ему неистовымъ взрывомъ. Но вотъ на сцену выступаетъ Яковъ. Онъ прислонился къ стѣнѣ; глаза его едва мерцали сквозь опущенныя рѣсницы. Онъ глубоко вздохнулъ и запѣлъ.... понемногу разгорячаясь и расширяясь, полилась его заунывная пѣсня: „Не одна-то въ полѣ дороженька пролегала"... „Пѣлъ онъ и всѣмъ присутствующимъ сладко становилось", говоритъ Тургеневъ, „и сладко, и жутко..... Русская правдивая, горячая душа звучала и дышала въ пѣвцѣ, и такъ хватала за сердце, хватала прямо за русскія струны. Пѣснь его росла, разливалась. Яковомъ видимо овладѣвало упоеніе... онъ отдавался весь своему счастію. Онъ пѣлъ, и отъ каждаго звука его голоса вѣяло чѣмъ-то роднымъ и необозримо-широкимъ, словно знакомая степь раскрывалась предъ слушателями, уходя въ безконечную даль. Закипала на сердцѣ кровь и поднимались къ глазамъ слезы. Глухія, сдержанныя рыданья, продолжаетъ Тургеневъ, поразили меня... я оглянулся—жена цѣловальника плакала, припавъ грудью къ окну."... Яковъ кончилъ. Слушатели стояли всѣ, какъ оцѣпенѣлые. Рядчикъ тихо всталъ и пошелъ къ Якову. —„Ты.... твоя..... ты выигралъ", произнесъ онъ съ трудомъ и бросился вонъ изъ комнаты. Да. Не удаль и не веселая пѣсня трогаетъ русскаго человѣка, хоть и для нея въ немъ много мѣста. Русскому человѣку нужна задушевность; ему пріятно, когда у него щемитъ сердце, когда ему хочется плакать, или сидѣть гдѣ-нибудь въ уголку да молчать.

РУДИНЪ.

Переходимъ къ типамъ „новыхъ людей", искателей „исполинскаго дѣла", и остановимся прежде всего на Рудинѣ, на котораго такъ похожи многіе изъ позднѣйшихъ героевъ Тургенева.

Рудинъ, сдѣлавшійся такимъ же нарицательнымъ именемъ, какъ напр. типъ Молчалина, Хлестакова, Чичикова и др., на первый взглядъ каждому можетъ показаться страннымъ человѣкомъ. При богатыхъ природныхъ дарованіяхъ, обширной памяти, необыкновенномъ дарѣ слова, онъ производитъ, съ перваго раза, сильное впечатлѣніе. „Этотъ человѣкъ не только умѣлъ потрясти тебя, онъ съ мѣста тебя сдвигалъ, онъ не давалъ тебѣ останавливаться, онъ до основанія переворачивалъ, зажигалъ себя", говоритъ про Рудина Басистовъ. На словахъ—это человѣкъ „беззавѣтно увлекающійся благороднѣйшими и

гуманнѣйшими идеями, котораго молодежь слушала съ благоговѣніемъ и считала своимъ пророкомъ", „геніемъ". Этотъ „рыцарь идеи" и „слова употребляетъ все такія длинныя", говоритъ про него Пигасовъ. „Ты чихнешь, онъ тебѣ сейчасъ станетъ доказывать, почему ты именно чихнулъ, а не кашлянулъ". Пожалуй, Рудинъ въ своемъ родѣ былъ *новымъ* человѣкомъ, *новымъ* въ томъ смыслѣ, что онъ указывалъ собою, хотя еще и слабо, на признаки пробужденія въ нашемъ обществѣ отъ той спячки, въ которой оно находилось до 60-хъ годовъ. Рудинъ, этотъ „рыцарь идеи", великъ на словахъ, но не таковъ онъ, къ несчастію, на дѣлѣ. Умъ его не былъ самостоятеленъ. Его голова была такъ устроена, что онъ изъ всего читаемаго извлекалъ только одно общее. «Молодежи», говоритъ Тургеневъ, „выводы подавай, итоги, хоть невѣрные". Болтая „о честности высокой и объ иныхъ матерьяхъ важныхъ", Рудинъ былъ для жизни „лишній человѣкъ". Его надломленная и искалѣченная натура, способная болтать, охать и страдать, не прочь была пожить на чужой счетъ. Онъ не способенъ былъ проникнуться даже обыкновенными человѣческими чувствами. Все у него было искалѣчено. „Холоденъ, какъ ледъ, и знаетъ это, а прикидывается пламеннымъ". Рудинъ изъ самолюбія влюбляетъ въ себя Наташу. Мать ея не соглашается на бракъ съ Рудинымъ. Влюбленная рѣшается бѣжать и вотъ въ эту-то рѣшительную минуту Рудину становится ясно, что онъ никогда не любилъ ее, „настоящею любовью; *любовью сердца*, а не *воображенья*". Увлекаетъ Рудинъ своимъ краснобайствомъ не однихъ пустыхъ барышень, онъ увлекаетъ и помѣщиковъ, которые даютъ ему въ займы деньги, напередъ зная, что безъ отдачи. За что ни берется Рудинъ—ни чему не предается всей душой, не увлекается дѣломъ. Онъ сдѣлался учителемъ словесности въ гимназіи. Но и здѣсь самолюбіе его было оскорблено начальникомъ: онъ не выдержалъ и скоро бросилъ учительство.

Какъ явились у насъ эти Рудины, у которыхъ былъ такой поразительный разладъ между ихъ поведеніемъ и возвышенными идеями, провозвѣстниками которыхъ они считали себя и гордились этимъ.

Причина появленія этихъ Рудиныхъ, кромѣ соціально-общественныхъ условій, между прочимъ, лежитъ, по нашему мнѣнію, въ домашнемъ воспитаніи. У насъ, особенно въ последнее время, чадолюбивые родители съ особеннымъ усердіемъ заботятся о томъ, чтобы изъ ребенка вышелъ развитой

человѣкъ и чѣмъ раньше и быстрѣе онъ развивается, тѣмъ лучше, по понятіямъ подобныхъ родителей. Ребенку начинаютъ сообщать самыя разнообразныя свѣдѣнія. Понятно, онъ скоро опереживаетъ своихъ сверстниковъ, воспитывающихся въ иныхъ условіяхъ, и щеголяетъ предъ ними своими свѣдѣніями. Одновременно съ этимъ у ребенка являются искусственные интересы: его занимаютъ ужъ не конфекты, игрушки, бѣготня, нѣтъ—ему нужно, чтобы его похвалили другіе, чтобы пощекотали его дѣтское самолюбіе. Ребенокъ подростаетъ, искусственные интересы развиваются и осложняются. Онъ поступаетъ въ школу. Его и здѣсь занимаетъ не столько ученье, сколько желаніе—быть выскочкой, выдѣлиться изъ толпы товарищей. Онъ заботится, чтобы учитель поставилъ ему отмѣтку „5" и объявилъ бы предъ цѣлымъ классомъ, что онъ „молодецъ". Юношѣ минуло 17 лѣтъ. Теперь ужъ его не интересуютъ отмѣтки. Ему хочется совершить удивительнѣйшій подвигъ, чтобы имя его повторяли всѣ соотечественники. И вотъ въ погонѣ за этимъ „исполинскимъ дѣломъ" юноша, ничѣмъ не сдерживаемый, бросается изъ стороны въ сторону, хватается то за одно, то за другое дѣло, отвыкая отъ труда, усидчивости, и незамѣтно для себя, мало по малу, становится Рудинымъ, на словахъ способнымъ на жертвы, на подвиги, а на дѣлѣ—дряблымъ, ни къ какому дѣлу неспособнымъ человѣкомъ. И пропадаютъ эти люди подобно Рудину, который погибъ въ 1848 г., сражаясь на баррикадахъ въ Парижѣ. Желаніе его исполнилось. Онъ кончаетъ жизнь совершенно особеннымъ, изъ ряда выдающимся образомъ. Да что же толку въ этомъ?

ЛАВРЕЦКІЙ И ЛИЗА.

(въ „Дворянскомъ гнѣздѣ".)

Прекрасны и весьма любопытны женскіе типы у Тургенева. Имъ такъ понято женское сердце, „юная дѣвственная душа; онъ такъ охватываетъ ее и съ такимъ вдохновеннымъ трепетомъ, съ такимъ жаромъ любви рисуетъ лучшія мгновенія женщины", что въ этомъ отношеніи всѣ другіе художники-писатели должны уступить ему пальму первенства. Рисуя тяжелое душевное состояніе и безвыходное положеніе русской женщины, поэтъ объясняетъ, какъ она воспитывается и что вліяетъ на развитіе ея ума, сердца и того, что называется „идеаломъ" жизни. „Воспитаніе, полученное дѣвушкой дома", говоритъ Тургеневъ, „заранѣе опредѣляетъ ея судьбу,

счастіе или несчастіе, гибель или спасеніе". До Тургенева думали, что женщина—это существо небесное, непостижимое. Нѣтъ, отвѣчаетъ онъ намъ, постижимое, понятное, стремящееся къ жизни, но пока—безпомощное, ищущее, неудовлетворенное, страдающее.

Лиза въ „Дворянскомъ гнѣздѣ" росла хорошенькой дѣвушкой въ помѣщичьей семьѣ. Она еще въ дѣтствѣ была серьезна. Даже куклы—и тѣ не занимали ея. Ни къ чему она не ласкалась, даже къ нянѣ Агафьѣ, хотя и любила больше всѣхъ ее одну. Мѣрнымъ и ровнымъ голосомъ няня съ увлеченіемъ и часто излагала ей житіе Пречистой Дѣвы, житіе отшельниковъ, угодниковъ Божіихъ и святыхъ мучениковъ. Лиза съ упоеніемъ слушала свою няню и образъ всевидящаго Бога становился ея сердцу чѣмъ-то очень близкимъ. Вся была она проникнута чувствомъ долга, боязнію, какъ бы не оскорбить кого-нибудь. Ей ужъ 19 лѣтъ; она никого не любитъ, или—лучше сказать—любитъ всѣхъ и никого въ особенности. За ней начинаетъ ухаживать пустой, свѣтскій пройдоха Паршинъ и проситъ ея руки. Такъ какъ онъ не противенъ ей, а мать непремѣнно желаетъ, чтобы она вышла за него за мужъ, то Лиза уже готова была отвѣтить согласіемъ на предложеніе Паршина, какъ подвертывается Лаврецкій, человѣкъ честный, прямой. Онъ первый нарушаетъ ея тихую жизнь сердца. Когда онъ сказалъ: „я васъ люблю, я готовъ отдать вамъ всю жизнь мою, она вздрогнула, какъ будто ее что-то ужалило, и, поднявъ взоры къ небу, промолвила: „это все въ Божьей власти!".

Лаврецкій бросилъ въ Парижѣ обманувшую его жену, которую искренно любилъ. Успокоившись нѣсколько отъ душевныхъ потрясеній и пріѣхавъ домой, онъ встрѣтилъ въ Лизѣ скромное, правдивое и любящее существо. Въ ней онъ и рѣшился искать счастія, залѣчить рану, которую причинила ему бросившая жена. Положеніе Лаврецкаго страшно удивило и поразило кроткую, религіозную Лизу. Она съ безпокойствомъ разспрашиваетъ о судьбѣ его жены, удивляется, какъ онъ рѣшился „разлучить то, что Богъ соединилъ", настаиваетъ, чтобы онъ простилъ свою жену. Не смотря на всѣ успокоенія Лаврецкаго, что женѣ его живется хорошо за границей, что она ни въ чемъ не нуждается, Лиза продолжаетъ то укорять, то успокаивать Лаврецкаго, выражаетъ заученныя въ дѣтствѣ, но не продуманныя, не прочувствованныя и не переработанныя сознаніемъ фразы: „нужно покориться

несчастію",...,,христіаниномъ нужно быть не для того, чтобы познавать небесное....земное..., а для того, что каждый человѣкъ долженъ умереть......" Вотъ какая путаница религіозныхъ понятій вынесена Лизой изъ ея дѣтской жизни!

Отношенія между Лизой и Лаврецкимъ зашли далеко. Дѣвушка всѣмъ своимъ существомъ отдалась Лаврецкому, какъ вдругъ къ послѣднему пріѣзжаетъ его жена. Бѣдная Лиза поражена.

— Намъ обоимъ остается исполнить свой *долгъ!* говоритъ она Лаврецкому. „Вы должны примириться съ своей женой". Лаврецкій удовлетворяетъ желаніе Лизы, т. е. рѣшается жить съ женой въ одномъ домѣ для того, чтобы прикрыть ея развратъ. „Ну, а въ чемъ же вашъ долгъ?" спрашиваетъ Лизу Лаврецкій. Лиза не отвѣчала ему словами, но показала на дѣлѣ—она ушла на вѣки въ монастырь.

Вотъ какое понятіе о *долгѣ* имѣла Лиза! Откуда и какъ она составила это понятіе? Очевидно, эта покорность и неспособность ея вести хоть какую-нибудь борьбу съ несчастіями въ жизни объясняется прежде всего всей исторіей русской женщины, ея забитостію и приниженностію. Лиза—это та же затворница, живущая въ терему, съ тѣми же народными взглядами и понятіями на жизнь, которыя занесены чрезъ дѣвичью въ дѣтскую и съ увлеченіемъ переданы ей тайной воспитательницей, няней Агафьей. Лиза благочестива, Лиза религіозна, но есть ли въ ея благочестіи хоть порывы, хоть капля той *живой, дѣятельной нравственности*, къ которой призываетъ насъ христіанство? Лиза, какъ и многія др. героини Тургенева, страдаетъ самымъ узкимъ себялюбіемъ, доходящимъ до того, что для нея любовь—источникъ всего, и внѣшняго и внутренняго благополучія. Съ нею, этою любовью, она возится какъ сумасшедшая, и отъ нея погибаетъ, забывая, что здоровая, нормальная любовь женщины есть спокойное, тихое чувство, не исключающее изъ круга обязанностей женщины заботъ о развитіи своего ума, о подготовкѣ себя къ труду: придется ли прилагать этотъ навыкъ къ труду въ семейной жизни, или внѣ оной—это все равно. Только такое воспитаніе и направленіе женщины обезпечиваетъ ея будущность, подготовляетъ ея къ разнымъ случайностямъ въ жизни, дѣлаетъ ея побѣдительницей въ борьбѣ съ ними и доставляетъ счастіе.

ИНСАРОВЪ И ЕЛЕНА.

(„Накануне“).

Героиней въ „Накануне“ является Елена, девушка съ более серьезнымъ умомъ и характеромъ, чемъ Лиза въ „Дворянскомъ гнезде“ Отецъ и мать Елены были люди ограниченные, добрые: со стороны ихъ она не видела никакого гнета къ себе. Однако дурныя отношенія между ея отцомъ Стаховымъ и его женою Анной Васильевной наложили неизгладимую печать на юное, нежное сердце Елены. Отецъ ея женился на Анне Васильевне изъ-за приданаго и, обходясь съ ней больше чемъ холодно, сблизился съ Августиной Христіановной. Убитая этимъ мать делила свое горе съ умной и чувствительной Еленой, которая хоть и обожала отца, однако въ этомъ грязномъ деле переходила на сторону матери, какъ существу угнетенному. Чувствительность и сострадательность еще больше развилась въ Елене, когда она познакомилась съ нищей девочкой Катей, къ которой она тайно ходила на свиданіе въ садъ, приносила ей лакомствъ, дарила платочки, слушала, какъ Катя обещалась убежать отъ своей злой тетки, чтобы жить *на всей Божьей воле,* и сама мечтала о томъ, какъ наденетъ сумку и убежитъ съ Катей. Катя скоро умерла, но не умеръ въ душе Елены ея образъ, ея мечты. Елену начали занимать „нищіе, голодные, больные“. Она видела ихъ во сне, разспрашивала о нихъ всехъ своихъ знакомыхъ. Даже все притесненныя животныя, худыя дворовыя собаки, осужденныя на смерть котята, выпавшіе изъ гнезда воробьи, даже насекомыя и гады находили въ Елене покровительство и защиту. Отецъ называлъ все это пустымъ неженичаньемъ: но Елена была не изъ техъ кисейныхъ институтокъ, сантиментальныхъ барышень, у которыхъ иногда мало деятельной любви. Она отдавалась только практически-полезной деятельности. Когда Елена стала побольше, поумнее, она уже не удовлетворялась кормленіемъ и ухаживаньемъ за животными: ей нужно было чего-то побольше, но чего—она не знала, да и знать ей было не откуда. Въ доме отца она не видала ни одного случая, где бы родители ея проявили свое участіе къ положенію ближняго. Елена постоянно находилась въ какой-то ажитаціи, искала чего-то выше, чемъ подаваніе милостыни, уходъ за щенками и котятами, защита мухи отъ паука. Отъ постоянной жажды и исканія чего-то даже наружность ея приняла особенный характеръ. „Во всемъ ея существе, въ

выраженіи лица, въ внимательномъ и немного пугливомъ, въ ясномъ, но измѣнчивомъ взорѣ, въ улыбкѣ, какъ будто напряженной, въ голосѣ тихомъ и нервномъ, было что-то нервическое, электрическое, что-то порывистое и торопливое". Елена сознавала, что силы ея пропадаютъ даромъ. „Хоть бы въ служанки куда-нибудь идти, право", говоритъ она, „мнѣ было бы легче!" Она желала по крайней мѣрѣ встрѣтиться съ такимъ человѣкомъ, который понялъ бы ее, отозвался бы на ея стремленія къ дѣятельному добру. Такой человѣкъ скоро нашелся.

Лѣтомъ, живя на дачѣ въ Кунцовѣ, она встрѣчается съ болгариномъ Инсаровымъ. Вся цѣль жизни этого человѣка сосредоточена была на одной точкѣ—на своей родинѣ. Онъ не служитъ ей какой-нибудь исключительной стороной, напримѣръ, какъ писатель, пропагандистъ, воинъ,—нѣтъ; онъ дѣлаетъ для нея все, что можетъ: переводитъ съ болгарскаго на русскій и съ русскаго на болгарскій, чтобы способствовать ознакомленію родины съ народомъ, ей полезнымъ, составляетъ болгарскую грамматику, разбираетъ ссоры земляковъ, ведетъ переписку съ мѣстными дѣятелями, словомъ, онъ весь для своей Болгаріи. Все его обаяніе для Елены, жаждущей дѣятельнаго добра и не знающей, какъ дѣлать его, заключалось въ величіи и святости той идеи, которой проникнуто было все существо его. Елена, еще не видала Инсарова, а уже поражена его мечтами, уже отдалась ему. Инсаровъ думаетъ „освободить свою родину", говоритъ она:„—эти слова и выговорить страшно—такъ они велики!" Увидѣвши его, она выражается: „Когда онъ говоритъ о своей родинѣ—онъ растетъ, растетъ, и лицо его хорошѣетъ, и голосъ, какъ сталь"....

Инсаровъ поѣхалъ въ Болгарію для освобожденія своей родины, но на дорогѣ смерть застигла его; дѣятельности его мы не видимъ въ повѣсти. Такъ какъ Еленѣ не за чѣмъ было возвращаться въ Россію послѣ смерти Инсарова, то она и отправилась въ Зару: „тамъ готовится возстаніе, собираются на войну; я пойду въ сестры милосердія... останусь вѣрна его памяти, дѣлу всей его жизни... А вернуться въ Россію,—зачѣмъ? Что дѣлать въ Россіи?"

Почему Елена увлеклась болгариномъ Инсаровымъ, а не русскимъ, представляетъ ли русское общество благопріятныя условія для развитія личностей, подобныхъ Инсарову и Еленѣ—вотъ вопросы, требующіе разрѣшенія. „Критики", говоритъ Тургеневъ, „дружно удивлялись мо-

ей странной затѣѣ выбрать именно болгарина въ „Накануне". Между тѣмъ дѣло объясняется очень просто. Почти весь 55-й годъ Иванъ Сергѣевичъ безвыѣздно провелъ въ своей деревнѣ, въ Мценскомъ уѣздѣ Орловской губ. Изъ числа его сосѣдей самымъ близкимъ человѣкомъ былъ нѣкто Василій Каратѣевъ, молодой помѣщикъ 25 лѣтъ. Во время Крымской кампаніи, отправляясь на войну, онъ передалъ Ивану Сергѣевичу рукопись, въ которой, бѣглыми штрихами, было намѣчено то, что составляетъ содержаніе „Накануне". „Каратѣевъ, какъ видно изъ этой рукописи, во время своего пребыванія въ Москвѣ, влюбился въ одну дѣвушку, которая отвѣчала ему взаимностью: но, познакомившись съ болгариномъ Катрановымъ, полюбила его и уѣхала съ нимъ въ Болгарію, гдѣ онъ вскорѣ умеръ". *)

Добролюбовъ въ свое время замѣчалъ, что русское общество не можетъ увлечься Инсаровымъ. Самъ Тургеневъ, столь хорошо изучившій лучшую часть нашего общества, не нашелъ возможнымъ сдѣлать его нашимъ. Мало того, что онъ вывезъ его изъ Болгаріи, онъ недостаточно приблизилъ его даже просто, какъ человѣка. Но въ послѣднее время и у насъ являлись герои, своею отвагою напоминающіе Инсарова. Бѣда только въ томъ, что въ нашей странѣ эти герои, подобные Инсарову, являются скорѣе жалкими, а иногда просто смѣшными. Отличительная черта большинства изъ нихъ—это непониманіе ни того, за что они берутся, ни того, что выйдетъ изъ ихъ усилій.

Тургеневъ, объясняя причину несчастія Рудина, говоритъ отъ лица Лежнева: Рудинъ Россіи не знаетъ, а это точно большое несчастіе. Россія безъ каждаго изъ насъ обойтись можетъ, но никто изъ насъ безъ нея не можетъ обойтись. Горе тому, кто это думаетъ, двойное горе тому, кто дѣйствительно безъ нея обходится. Космополитизмъ—чепуха, космополитизмъ—нуль, хуже нуля; внѣ народности ни художества, ни истины, ни жизни, ничего нѣтъ. Безъ физіономіи нѣтъ даже идеальнаго лица; только пошлыя лица возможны безъ физіономіи".

А что сказать объ Еленѣ? Ея сильная, недюжинная натура, до самаго сближенія съ Инсаровымъ, все задавала себѣ вопросы: „Какъ дѣлать добро?" Въ груди ея кипѣло искреннее желаніе добра, она искала, чтобы хоть кто-нибудь объяснилъ ей, что нужно дѣлать. Съ болью не-

*) Литературныя и житейскія воспоминанія.

доумѣнья, почти съ отчаяніемъ, Елена пишетъ въ своемъ дневникѣ: „О, еслибы кто-нибудь сказалъ мнѣ, вотъ что ты должна дѣлать!“ Елена, очевидно, страдала той тоской, которая грызетъ иногда всякаго честнаго человѣка, жаждущаго дѣятельности и добра какъ обществу, такъ особенно людямъ, находящимся въ бѣдности. Положимъ Елена—идеальное лицо; но основныя черты ея стремленій намъ понятны, а потому мы не можемъ не сочувствовать имъ. Отличительная особенность ея стремленій—любовь, любовь къ страждущимъ и притѣсненнымъ, томительное исканіе дѣятельнаго добра—все это болѣе или менѣе уже чувствуется въ нашемъ обществѣ. Виновата Елена, какъ и многіе изъ ея послѣдовательницъ только въ томъ, что ея стремленіе къ дѣятельному добру не было направлено къ пользѣ Россіи и къ тому, что ближе всего должно соотвѣтствовать призванію и назначенію женщины. Такимъ образомъ типъ Елены Тургенева заставляетъ насъ выяснить тотъ взглядъ, котораго мы намѣрены держаться при оцѣнкѣ женскихъ типовъ въ нашей литературѣ.

Большая часть русскаго общества стоитъ за то, что прямое и натуральное призваніе женщины быть матерью и прежде всего матерью. Но признавая за этими взглядами общества извѣстную степень основательности, не нужно забывать и того, что не всѣ же дѣвушки могутъ и должны быть матерями, не всѣ могутъ выйти замужъ. Въ виду этого-то у насъ такъ называемый „женскій вопросъ“ и былъ предметомъ самыхъ продолжительныхъ и горячихъ обсужденій въ литературѣ. Благородныя стремленія Елены и ей подобныхъ къ дѣятельному добру, внѣ супружества и семьи, естественны, а потому и законны. Прежнее понятіе о „женственности“, которое ограничивалось почти исключительно нарядами, внѣшнимъ блескомъ, ужимками, кокетствомъ, замкнутостію дѣвушки и ея застѣнчивостію, не могло удовлетворять Елену и ей подобныхъ и вызвало въ нихъ реакцію со всѣми ея крайностями. Въ печати стали толковать и доказывать, чтобы сдѣлать женщину *равноправною*. Требованіе *равноправности*, какъ требованіе законное, въ послѣднее время отчасти выполнено тѣмъ, что мы видимъ женщину и въ университетахъ, и на войнѣ, въ качествѣ сестеръ милосердія, и въ школѣ, и въ торговыхъ конторахъ, и на телеграфѣ и проч. Если бы Елена жила въ наше время, то неудивительно, что она была бы удовлетворена тою дѣятельностію, которой теперь посвящаютъ себя благо-

разумныя изъ женщинъ. Не пришлось бы ей, быть можетъ, отправиться, очертя голову, въ Зару, туда, гдѣ готовилось возстаніе. И въ Россіи не мало нашлось бы ей дѣла, самаго широкаго и плодотворнаго, кромѣ семьи и домашняго очага. Очевидно, стремленіе женщинъ, подобныхъ Еленѣ, выступить на политическое поприще, только и можно объяснить реакціей со всѣми ея крайностями, протестомъ противъ того затворничества, въ которомъ находилась русская женщина въ теченіе почти всей русской исторіи.

БАЗАРОВЪ

(въ „**Отцахъ и дѣтяхъ**“).

Въ романѣ „Отцы и дѣти“ Тургеневъ поставилъ рядомъ другъ предъ другомъ взгляды отцевъ и взгляды дѣтей. Главный герой романа Базаровъ, этотъ, назадъ лѣтъ 20, новый человѣкъ, является выразителемъ понятій дѣтей, т. е. новаго поколѣнія. Герой этотъ поставленъ такъ, что личность его производитъ самое благопріятное впечатлѣніе. Мы видимъ предъ собою человѣка способнаго и крѣпкаго, котораго нельзя упрекнуть ни въ какой пошлости.

Базаровъ—внукъ дьячка и сынъ отставнаго штабъ-лѣкаря. Въ послѣднее время, на нашихъ глазахъ, изъ разныхъ низшихъ слоевъ общества стали выходить люди, выросшіе въ нуждѣ, не изнѣженные барской холей и съ перваго шага въ жизни вынужденные въ потѣ лица добывать себѣ кусокъ хлѣба. „Мнѣ не въ диво работать“, говоритъ молодому Кирсанову старикъ Базаровъ, „я, вѣдь, плебей, „homo novus“—не изъ столбовыхъ“. Въ этомъ положеніи „новыхъ людей“, скрывается зерно ихъ достоинствъ и недостатковъ.

Молодой Базаровъ съ юношей Аркадіемъ Кирсановымъ пріѣзжаютъ въ деревню къ его отцу, хоть и необразованному генералу 1812 г., но умному человѣку, старающемуся приспособиться къ новымъ условіямъ жизни.

Базарова прежде всего удивляютъ въ усадьбѣ Кирсановыхъ аристократическія привычки, ихъ чопорность, щепетильность въ одеждѣ, ихъ патріархальные взгляды и убѣжденія. Своими прямыми, но довольно грубыми замѣчаніями Базаровъ скоро вооружилъ противъ себя всѣхъ.

На вопросъ Кирсанова, что такое Базаровъ, Аркадій отвѣчаетъ:

— „Онъ нигилистъ!“—

— „Нигилистъ!“,—проговорилъ Николай Петровичъ, его

отецъ.—„Это от латинскаго nihil, *ничего;* стало быть это слово означаетъ человѣка, который... который *ничего* не признаетъ?“—

— „Скажи, который ничего не уважаетъ!“—подхватываетъ дядя Аркадія.

— „Который ко всему относится съ критической точки зрѣнія“,—поправляетъ ихъ Аркадій.—„Нигилистъ—это человѣкъ, который не склоняется ни предъ какими авторитетами, который не принимаетъ ни одного принципа на вѣру“.—

Вотъ первое опредѣленіе нигилиста, нигилиста „чистой крови“.

— „Стало быть вы идете противъ народа?“—замѣчаетъ Кирсановъ-дядя по случаю отрицанія Базаровымъ патріархальныхъ воззрѣній.

—„А хоть бы и такъ?“—отвѣчаетъ Базаровъ.—„Народъ полагаетъ, что когда громъ гремитъ—это Илья пророкъ въ колесницѣ по небу разъѣзжаетъ; чтожъ? Мнѣ согласиться съ нимъ?“—

— „Вы его презираете“—замѣчаетъ дядя Кирсанова.

— „Чтожъ, коли онъ заслуживаетъ презрѣнія! Вы порицаете мое направленіе; кто вамъ сказалъ, что оно во мнѣ случайно, что оно не вызвано тѣмъ самымъ *народнымъ* духомъ, во имя котораго вы такъ ратуете?“—

Вооружаясь противъ старыхъ авторитетовъ и понятій, Базаровъ съ этой точки смотритъ и на искусство.

„Отецъ у тебя славный малый“,—говоритъ онъ Аркадію.—„Стихи онъ напрасно читаетъ... Удивительное дѣло—эти старенькіе романтики! Разовьютъ въ себѣ нервную систему до раздраженія...ну, равновѣсіе и нарушено!“—

По понятіямъ Базарова и „Рафаэль гроша мѣднаго не стоитъ“, и поэзія, и художества, и природа—все это лишнія затѣи.

Базаровъ, какъ честный и прямой человѣкъ, не скрываетъ своихъ убѣжденій и недостатковъ. Мало того. Онъ выставляетъ ихъ на показъ, какъ свои достоинства и даже нарочно ихъ преувеличиваетъ. Не обладая свѣтскими манерами, онъ является умышленно грубымъ; не имѣя красиваго платья и изобилія въ бѣльѣ, онъ выказываетъ небрежность въ одеждѣ. Изъ этихъ умышленныхъ небрежностей, въ ближайшее къ намъ время, какъ извѣстно, многіе изъ молодежи, не очень проницательные послѣдователи Базарова, сдѣлали себѣ мундиръ: изъ желанія рисоваться и быть передовыми людьми, они предпочитали обыкновенному платью что-нибудь повычурнѣе, погрубѣе...

Въ какомъ же смыслѣ мы назвали Базарова однимъ изъ лучшихъ представителей молодого поколѣнія, что въ его взглядахъ есть симпатичнаго и что должно возбуждать антипатію къ нему?

Прежде разрѣшенія этихъ вопросовъ послушаемъ, какъ самъ поэтъ смотритъ на Базарова.

„Въ основаніе его", говоритъ Тургеневъ, „легла одна поразившая меня личность молодаго провинціальнаго врача. Въ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ воплотилось на мои глаза" продолжаетъ поэтъ, „то, едва народившееся, еще бродившее начало, которое потомъ получило названіе „нигилизма"... Рисуя фигуру Базарова, я исключилъ изъ круга его симпатій все художественное, я придалъ ему рѣзкость и безцеремонность тона—не изъ нелѣпаго желанія оскорбить молодое поколѣніе, а просто вслѣдствіе наблюденій надъ моимъ знакомцемъ, докторомъ Д. и подобными ему лицами. „Эта жизнь такъ складывалась", говорилъ мнѣ опытъ—можетъ быть ошибочный, но, повторяю, добросовѣстный; мнѣ нечего было мудрить—и я долженъ былъ именно такъ нарисовать его фигуру. Личныя мои наклонности тутъ ничего не значатъ; но, вѣроятно, многіе изъ моихъ читателей удивятся, если я скажу имъ, что, за исключеніемъ воззрѣній на художества—я раздѣляю почти всѣ его убѣжденія" *).

Въ Базаровѣ Тургеневъ, очевидно, взялъ одинъ изъ лучшихъ типовъ нигилизма. Герой его прямо изъ школы вынесъ задатокъ духа отрицанія, вынесъ сѣмя его, которое нашло въ немъ благодарную почву. Ничего нѣтъ страшнаго, ничего нѣтъ непонятнаго въ отрицаніи, или нигилизмѣ Базарова. Вѣдь Базаровъ, ничего не отвергалъ слѣпо: онъ только все повѣрялъ, ко всему относился критически. Это страстное желаніе все провѣрить, понять сущность и найти причину всѣхъ явленій, заставляетъ его, иной разъ, незамѣтно *перескочить*, и споткнуться; чѣмъ онъ скорѣе хочетъ дойти до вывода, тѣмъ чаще спотыкается и тѣмъ больше неразрѣшимыхъ вопросовъ видитъ впереди. Базаровъ отрицаетъ, но отрицаетъ только то, въ чемъ не видитъ никакой пользы для себя; онъ, теряясь въ объясненіи для насъ непонятнаго, какъ въ физическомъ, такъ и нравственномъ мірѣ, не думаетъ въ своемъ умѣ оставить послѣ ломки пустоту, а старается замѣстить ее, чѣмъ удобнѣе, чѣмъ сподручнѣе. Базаровскому нигилизму справедливѣе можно дать названіе ученія *положительности*, чѣмъ *отрицанія*.

*) Литературныя и житейскія воспоминанія.

Базаровъ—это блѣдный, только что зарождавшійся типъ человѣка, желающаго, хотя и односторонне, жить интересами знанія, посвящающаго свои силы дѣлу науки, сосредоточеннаго въ вычисленіи элементовъ предполагаемой планеты, въ анализѣ сложной органической комбинаціи, въ тонкихъ изслѣдованіяхъ нервной системы. Базаровъ, какъ томимый голодомъ, сурово отказывается отъ всего далекаго, отвлеченнаго, туманнаго и направляетъ мысль и дѣятельность къ достижимымъ цѣлямъ. Этою страстностію и жаждою знанія объясняется и его любовь къ естественнымъ наукамъ: онѣ, по его понятіямъ, прямѣе и скорѣе ведутъ къ рѣшенію всѣхъ вопросовъ и объясненію первой причины. Не вина Базарова, что послѣдователи извратили основные принципы его: они принимали на вѣру, безъ достаточной критической провѣрки, новыя ученія и понятія, имъ правившіяся, понятія, оторвавшія ихъ отъ старыхъ корней, почему и остались висящими на воздухѣ. Въ ихъ глазахъ все, что носитъ характеръ отрицанія, само по себѣ есть уже непреложный догматъ, есть кумиръ, противъ которыхъ они такъ горячо вооружались.

Итакъ нигилизмъ Базарова, извращенно понятый его послѣдователями, могъ принести многимъ изъ нашего общества существенный вредъ; остальныя убѣжденія Базарова, очевидно, кромѣ взглядовъ его на искусство и поэзію, какъ замѣчаетъ самъ Тургеневъ, не могутъ не вызывать въ насъ сочувствія.

Такъ, Базаровъ не Рудинъ: онъ врагъ фразы. Постоянно трудящійся и трудящійся безъ устали онъ братски относящійся къ простымъ людямъ, принимаетъ сердечное участіе въ нуждахъ послѣднихъ. Его мужество не поддѣльное; онъ сохраняетъ полнѣйшее спокойствіе подъ пулею. Тургеневъ, не довольствуясь впечатлѣніемъ наружнаго вида, заставляетъ насъ заглянуть даже въ его душу, и мы дѣйствительно видимъ, что смерть, пронесшаяся надъ его головою, произвела на него не бо́льшее впечатлѣніе, чѣмъ прожужжавшая муха. Базаровъ постоянно удерживаетъ власть надъ собою. Слово его всегда толково и сжато; онъ высказываетъ только то, что хочетъ сказать. Прямота и честность его доходитъ даже до крайностей. Онъ, избѣгая всего напускнаго, извращающаго, по его понятіямъ, человѣческую природу, всячески старается подавлять въ себѣ даже самыя естественныя требованія природы. Онъ считаетъ напримѣръ любовь празднымъ чувствомъ, чѣмъ-то отжившимъ, устарѣлымъ, ничего не видитъ въ ней, кромѣ грубаго удовлетворенія

чувственности, а между тѣмъ самъ такъ полюбилъ Одинцову, что не могъ сладить съ собой. Онъ отвергаетъ дуэли, смѣется надъ ними, какъ надъ рыцарскими затѣями, а какъ пришлось отомстить ненавистному Павлу Петровичу, такъ безъ всякихъ колебаній рѣшился драться. Онъ брезгуетъ нѣжничаньемъ съ родителями, а между тѣмъ не можетъ нахвалиться ими, какъ людьми хорошими, какихъ „въ свѣтѣ днемъ съ огнемъ не сыскать". За то остальнымъ своимъ принципамъ Базаровъ остался вѣренъ до самой смерти. Ухаживая, по доброй волѣ, за бѣднымъ больнымъ крестьяниномъ съ самоотверженной любовью, онъ вскрываетъ съ научною цѣлію его трупъ и смертельно заражается.

АРКАДІЙ.

(въ **„Отцахъ и дѣтяхъ"**).

Типъ Аркадія въ „Отцахъ и дѣтяхъ" по художественной отдѣлкѣ стоитъ не ниже Базарова. Этотъ юноша, обожающій Базарова, щеголяющій его идеями, постоянно смотритъ на него не иначе, какъ съ умиленіемъ и улыбкою. Посмотрите на этого восторженнаго, еще не установившагося и недозрѣвшаго юношу: сегодня онъ строитъ воздушные замки, завтра ихъ разрушаетъ; нынче онъ идеалистъ, а назавтра матеріалистъ; посмотрите на ту легкость, съ которою воображеніе переноситъ его отъ одного предмета къ другому, легкость, съ какою юный умъ соединяетъ несоединимыя понятія. Все это—признаки молодости, физическаго и умственнаго роста.

Но всего милѣе этотъ Аркадій, когда онъ находится въ самообольщеніи и думаетъ, что онъ, по своимъ понятіямъ, неизмѣримо выше своего отца и дяди. Онъ сожалѣетъ объ ихъ отсталости, искренно и серьезно желаетъ ихъ просвѣтить. И чѣмъ же?—Бюхнеромъ, матеріалистическія сочиненія котораго онъ подкладываетъ своему отцу на мѣсто Пушкина!...

Не убѣжденія, конечно, Аркадія интересуютъ насъ. Истинно-художественно схвачена поэтомъ та пора юности, когда никакія убѣжденія еще не залегаютъ глубоко, когда они являются простою игрою представленій, когда они не держатся долго, и исчезаютъ при первомъ утреннемъ туманѣ—при первыхъ серьезныхъ шагахъ въ школѣ и жизни. Всѣ эти Аркадіи,—каковы бы ни были ихъ убѣжденія, не опасны и безвредны. Всѣ ихъ инстинкты хороши, всѣ порывы ихъ сердца чисты и благородны. За такую молодежь, какъ Аркадій, отчаяваться нечего; можно только

пожалѣть и пожалѣть горько, что онъ такъ мало вынесъ изъ школы положительныхъ знаній, убѣжденій и зрѣлыхъ понятій. Но что изъ него выйдетъ въ жизни—трудно сказать. Это будетъ зависить отъ его дальнѣйшаго, еще пока совсѣмъ не оконченнаго развитія. Благо ему, если онъ, когда мысль его начнетъ крѣпнуть, попадетъ подъ благотворное вліяніе общественной среды и добраго товарищества.

ДЫМЪ.

(Повѣсть).

Въ повѣсти „Дымъ" Тургеневъ рисуетъ цѣлую галлерею типовъ, изображающихъ изъ себя людей, что-то дѣлающихъ, въ сущности же самыхъ отчаянныхъ бездѣльниковъ, не подкупающихъ симпатіи читателя ни одной чертой. Всѣ эти личности живутъ за границей и нерѣдко вспоминаютъ и разсуждаютъ о Россіи.

Вотъ напримѣръ графъ X, диллетантъ, считающій себя за глубоко-музыкальную натуру, а на самомъ дѣлѣ не умѣющій разобрать и двухъ нотъ, не тыкая вкось и вкривь указательнымъ пальцемъ по клавишамъ, и поетъ не то, какъ плохой цыганъ, не то, какъ парижскій куаферъ. Еще чище этого графа баронъ Z, мастеръ на всѣ руки: и литераторъ, и администраторъ, и ораторъ, и шулеръ. Не уступитъ этому барону и князь I, „другъ религіи и народа", нажившій во время откуповъ громадное состояніе продажей сивухи, подмѣшанной дурманомъ. Всѣ эти графы, князья и бароны проматываютъ въ Баденъ-Баденѣ свое отцовское состояніе послѣ наставшей для Россіи новой эры—освобожденія крестьянъ. „Нѣтъ словъ", говоритъ Тургеневъ, „чтобы выразить важность, съ которою они сдавали, брали взятки, ходили съ трефъ, ходили съ бубенъ... ужъ точно государственные люди!"

Плохи? спрашиваетъ васъ Тургеневъ.

А вотъ вамъ русскіе радикалы, продолжаетъ онъ: вотъ вамъ Губаревъ, глава кружка, человѣкъ „наружности почтенной и немного глуповатой, лобастый, глазастый, зубастый, бородастый, съ широкой шеей, съ косвеннымъ, внизъ устремленнымъ взглядомъ... Онъ и славянофилъ, и демократъ, и соціалистъ, и все, что угодно. Вотъ вамъ Ворошиловъ—ординарецъ, бывшій кадетъ, записанный на золотую доску и трактующій о разныхъ матерьяхъ важныхъ тономъ ученика, сдающаго экзаменъ. Вотъ вамъ Суханчикова, писклнвымъ голосомъ кумушки-сплетницы, разсказывающая небывалые ужасы объ аристократахъ.

Всѣ эти люди пьютъ-ѣдятъ, ѣдятъ-пьютъ, сплетничаютъ и думаютъ, что они дѣло дѣлаютъ, что они чуть-ли Россію не спасаютъ, болтая о ея положеніи отъ скуки. Чисто русскимъ человѣкомъ-западникомъ является Потугинъ, который говоритъ: „Я и люблю, и ненавижу свою Россію, свою странную, милую, скверную, дорогую родину". Крѣпко вѣря въ цивилизацію, Потугинъ простодушно ждетъ отъ нея исцѣленія всѣхъ золъ Россіи, то и дѣло, что занимается складываніемъ слова *ци-ви-ли-за-ція*.

Самая, конечно, выдающаяся личность въ средѣ Баденъ-Баденскаго общества — это Литвиновъ, человѣкъ со стремленіями къ дѣятельности, къ производительному труду въ духѣ новаго времени.

„Онъ понималъ, что имѣніе его матери плохо и вяло управляемое его одряхлѣвшимъ отцомъ, не давало и десятой доли тѣхъ доходовъ, которые могло-бы давать, и что въ опытныхъ, знающихъ рукахъ, оно превратилось бы въ золотое дно; но онъ также понималъ, что именно опыта и знанія ему не доставало—и онъ отправился заграницу учиться агрономіи и технологіи, учиться съ азбуки. Четыре года слишкомъ провелъ онъ въ Мекленбургѣ, въ Силезіи, въ Карлсруэ, ѣздилъ въ Бельгію, въ Англію, трудился добросовѣстно, пріобрѣлъ познанія; нелегко они давались, но онъ выдержалъ искусъ до конца, и вотъ теперь, увѣренный въ самомъ себѣ, въ своей будущности, въ пользѣ, которую принесетъ землякамъ, пожалуй, даже краю, онъ собирается возвратиться па родину."

При всемъ сочувствіи Тургенева къ Литвинову, при всѣхъ достоинствахъ, ставящихъ его неизмѣримо выше героевъ Баденъ-Баденскаго общества, онъ не можетъ быть названъ „идеальнымъ" человѣкомъ. Дѣло въ томъ, что онъ поставилъ всю свою жизнь на карту ради любви къ великосвѣтской Иринѣ, въ рукахъ которой онъ былъ жалкой игрушкой. „Кромѣ любви", говоритъ Литвиновъ, „у меня ничего нѣтъ и не осталось; назвать ее моимъ единственнымъ сокровищемъ было бы недостаточно: я весь въ этой любви; эта любовь—весь я; въ ней—мое будущее, мое призваніе, моя святыня, моя родина!" Любовь къ Иринѣ заглушила въ Литвиновѣ всѣ заботы объ улучшеніи хозяйства, усадьбы, о благѣ своего края. Очевидно, всѣ его разсужденія и хлопоты по изученію сельскаго хозяйства были чѣмъ-то напускнымъ; все это было мимолетною страстію, модою, нисколько не вызываемою внутренними потребностями.

Люди, подобные Литвинову, никогда не отдадутся дѣятельности всей душей, всѣмъ сердцемъ, никогда не будутъ видѣть въ ней главную цѣль своей жизни. Тотъ или другой родъ занятій никогда не будетъ вполнѣ удовлетворять ихъ, почему они всегда будутъ плохими работниками и общественными дѣятелями.

Какъ „добрый чудакъ" Потугинъ, такъ и Литвиновъ нисколько не ослабляютъ, повидимому, мрачнаго фона общей картины русскаго общества, картины, нарисованной въ „Дымѣ". На эту грустную картину намекаетъ даже и самое ея заглавіе.

Вотъ что говоритъ уѣзжающій и смотрящій въ окно вагона Литвиновъ. „Дымъ, дымъ, повторилъ онъ нѣсколько разъ; и все вдругъ показалось ему дымомъ, все, собственная жизнь, русская жизнь—все людское, особенно все русское.... все торопится, спѣшитъ куда-то—и все исчезаетъ безслѣдно, ничего не достигая; другой вѣтеръ подулъ—и бросилось все въ противоположную сторону, и тамъ опять та же безустанная, тревожная и ненужная игра.... Дымъ, шепталъ онъ, дымъ; и вспомнились ему горячіе споры, крики и толки у Губарева, у другихъ высоко и низко поставленныхъ, передовыхъ и отсталыхъ, старыхъ и молодыхъ людей.... Дымъ, повторялъ онъ, дымъ и паръ—и даже все то, что проповѣдывалъ Потугинъ.... Дымъ, дымъ и больше ничего".

По прочтеніи этой повѣсти, какъ мы сказали, получается очень тяжелое впечатлѣніе. Русскому человѣку не хочется думать, не хочется вѣрить, что въ нашемъ отечествѣ нѣтъ хорошихъ людей, что будто всѣ мы, русскіе, ни на что не способны, такъ что нашимъ поэтамъ остается только оплакивать настоящее и будущее положеніе родины. Но такое заключеніе, отъ подобной мрачной картины общества, на которой почти не видно свѣтлыхъ точекъ, было бы очень и очень ошибочно.

Въ самой же повѣсти есть, хотя и очень слабыя, указанія и надежды на лучшее будущее, на то, что русская жизнь, нарисованная въ „дымѣ" рукою художника-поэта, жизнь переходная. Вотъ, напримѣръ что говоритъ Литвиновъ, возвратившись въ Россію изъ-за границы: „Новое (указывается на реформы въ слѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ) принималось плохо, старое всякую силу потеряло; неумѣлый сталкивался съ недобросовѣстнымъ; весь поколебленный бытъ ходилъ ходуномъ, какъ трясина болотная, *и только одно великое слово „свобода"* носилось, какъ Божій духъ, надъ водами. Терпѣніе требовалось

прежде всего и терпѣніе не страдательное, а дѣятельное, настойчивое"....

„Но минулъ годъ, за нимъ минулъ другой, начинался третій. Великая мысль осуществлялась понемногу, переходила въ плоть и кровь: выступилъ ростокъ изъ брошеннаго сѣмени, и уже не растоптать его врагамъ, ни явнымъ, ни тайнымъ"....

Соломинъ,

(въ „**Нови**")

Интереснымъ типомъ въ одномъ изъ послѣднихъ произведеній Тургенева,—въ „Нови", является Соломинъ-этотъ практическій общественный дѣятель изъ „народа", „хитроумный механикъ", „способный всякаго англичанина за поясъ заткнуть".

Соломинъ изображается новымъ дѣятелемъ, „глубоко забирающимъ плугомъ, который долженъ вспахать русскую *новь*, едва тронутую „поверхностно—скользящею сохой".

„Внѣшность Соломина производила впечатлѣніе чухонца, или скорѣе шведа. Онъ былъ высокаго роста, бѣлобрысъ, сухопаръ, плечистъ. Одѣвался онъ ремесленникомъ, кочегаромъ: на туловищѣ его, обыкновенно, былъ клеенчатый, помятый картузъ, на шеѣ шерстяной шарфъ, на ногахъ дегтярные сапоги. Маріанну больше всего трогало въ Соломинѣ то, что онъ „правдивый человѣкъ". —„Извѣстное, хоть несовсѣмъ понятное дѣло", замѣчаетъ Тургеневъ: „русскіе люди—самые изолгавшіеся люди въ цѣломъ свѣтѣ; а ничего такъ не уважаютъ, какъ правду—ничему такъ не сочувствуютъ, какъ именно ей".

Соломинъ, управляющій фалѣевской фабрикой, такъ отзывается о своемъ хозяинѣ: „Ничего. Тряпки не сосетъ. Изъ новыхъ. Вѣжливъ очень и рукавчики носитъ, а глазъ всюду запускаетъ, не хуже стараго. Самъ шкуру деретъ, а самъ приговариваетъ: „Повернитесь-ка на этотъ бочекъ, сдѣлайте одолженіе; тутъ есть еще живое мѣстечко. Надо его пообчистить!" Ну, да со мной онъ шелковый, я ему нуженъ!".

Въ этихъ словахъ вполнѣ отразилась та *двуличность*, которая составляетъ существенную черту характера Соломина. Онъ служитъ добросовѣстно, безкорыстно, онъ всячески заботится объ интересахъ хозяина, онъ дѣйствительно „правая рука его". А между тѣмъ вглядитесь глубже въ этого Соломина и вы увидите, что онъ такой же *наемщикъ*, какъ и всякій невѣжественный поденьщикъ; его нисколько не привлекаетъ самое дѣло. Всѣ

его заботы сосредоточены только на вопросѣ о своей рубахѣ, да на томъ, какъ бы поставить себя такъ, чтобы „хозяинъ хвостъ предъ нимъ прижалъ". Благородныхъ порывовъ въ этомъ человѣкѣ нѣтъ никакихъ: и по натурѣ и по образованію Соломинъ стоитъ ниже другихъ дѣятелей-работниковъ; успѣвъ схватить и понять практическую сторону жизни, онъ думаетъ, что будущее принадлежитъ имъ, Соломинымъ. Но подобные работники неспособны вложить въ дѣло самихъ себя, свою душу, а потому они простые наемщики, въ своемъ родѣ канцелярскіе чиновники, и только. Отъ нихъ Россіи нельзя ждать ничего путнаго.

Такую же, если еще не бо́льшую двуличность Соломинъ обнаруживаетъ и въ отношеніи къ революціонерамъ, которыхъ онъ пріютилъ у себя на фабрикѣ. Соломинъ, какъ умный человѣкъ, самъ вышедшій изъ народа, прекрасно понималъ полное отсутствіе какого бы то ни было участія въ ихъ дѣятельности того самаго народа, безъ котораго ничего не подѣлаешь, и котораго долго нужно готовить, и не такъ, и не къ тому, какъ готовятъ эти революціонеры. Сочувствуя имъ, Соломинъ, за обѣдомъ у Голушкина дѣлаетъ имъ замѣчаніе, что въ дѣлѣ пропаганды есть молъ двѣ манеры выжидать: „выжидать и ничего не дѣлать, и выжидать да подвигать дѣло впередъ". Когда Маркеловъ ему замѣтилъ на это, что имъ „постепеновцовъ не нужно", то Соломинъ возразилъ, что „постепеновцы до сихъ поръ шли сверху, а мы, молъ, попробуемъ снизу". Это же жалкое, двоедушное виляніе, игра на двухъ стрункахъ—и вашимъ, и нашимъ—выразилась и въ томъ фактѣ, что Соломинъ, хоть и позволилъ Неждапову и Маріамнѣ жить у себя на фабрикѣ, но изъ опасенія потерять свое тепленькое мѣстечко обязалъ ихъ не пускаться въ пропаганду между его рабочими, „оттого, во первыхъ, что эта пропаганда опасна; во вторыхъ, я хозяину поручился, что этого здѣсь не будетъ; въ третьихъ: у насъ кое-что началось—школы тамъ и прочее. Ну, ты, говоритъ онъ Неждапову, испортить можешь. Дѣйствуй на свой страхъ, какъ знаешь—я не препятствую; а фабричныхъ моихъ не трогай!" Соломинъ поглядываетъ на всѣхъ этихъ революціонеровъ сбоку, какъ молъ оно происходитъ. Дѣла своего вы молъ не сдѣлаете, справедливо думаетъ онъ, а погибнуть—погибнете, и погибнете не только вы, но и десятые, и двадцатые изъ васъ; попытаться же вамъ я не мѣшаю, потому.... любопытно.

НЕЖДАНОВЪ

(въ „Нови“).

Неждановъ изъ всѣхъ тургеневскихъ героевъ больше всего сродни приходится Рудину. Это все то же раздвоенное, лишнее, вывихнутое существо, обреченное на вѣчное томленіе и страданіе отъ противорѣчія грубой русской дѣйствительности съ идеалами, воспринятыми изъ европейской цивилизаціи.

Неждановъ родился отъ князя Г., богача, генералъ-адъютанта, и отъ гувернантки его дочерей. Первоначальное воспитаніе Неждановъ получилъ въ пансіонѣ одного швейцара, дѣльнаго и строгаго педагога, а потомъ поступилъ въ университетъ на эстетику, т. е. на историко-филологическій факультетъ. По природѣ Неждановъ былъ человѣкъ съ очень хорошими наклонностями, но фальшивое положеніе, въ которое онъ былъ поставленъ съ дѣтства, развило въ немъ самыя противоположныя черты характера. Это противорѣчіе сказывалось даже въ его внѣшности. „Опрятный до щепетильности, брюзгливый до гадливости, онъ силился быть циничнымъ и грубымъ на словахъ; идеалистъ по натурѣ, страстный и цѣломудренный, смѣлый и робкій въ одно и то же время, онъ, какъ позорнаго порока, стыдился и этой робости своей, и своего цѣломудрія, и считалъ долгомъ смѣяться надъ идеалами....Ничто такъ не обижало, не оскорбляло Нежданова, какъ малѣйшій намёкъ на его стихотворство, на эту его, какъ онъ полагалъ, непростительную слабость. По милости воспитателя швейцара, онъ зналъ довольно много фактовъ и не боялся труда. Товарищи его любили....ихъ привлекала его внутренняя правдивость, и доброта, и чистота; но не подъ счастливой звѣздой родился Неждановъ: нелегко ему жилось.—Онъ самъ глубоко это чувствовалъ—и сознавалъ себя одинокимъ, не смотря на привязанность дѣтей“.

Состоя весь изъ противорѣчій, онъ явно, на виду у всѣхъ, занимался одними политическими и соціальными вопросами, хотя тайно и наслаждался поэзіей. Имѣя достаточно и силъ, и знаній, Неждановъ не чувствовалъ себя способнымъ къ зауряднной дѣятельности, въ родѣ напримѣръ учителя. „Какой я учитель!“ приходило ему въ голову;—„какой педагогъ!“ Всѣ свои довольно богатыя природныя силы онъ рѣшился примѣнить на поприщѣ политической пропаганды. Съ этою цѣлію Неждановъ, бросивши учительство въ частномъ домѣ, рѣшился вмѣстѣ

съ Маріамной—дѣвицей одинаковыхъ съ нимъ убѣжденій и стремленій—отправиться въ народъ для пропаганды. Вотъ что онъ пишетъ въ письмѣ къ своему другу Силину: „Другъ Владиміръ, я пишу тебѣ въ минуту рѣшительнаго переворота въ моемъ существованіи“.... И потомъ продолжаетъ: „Все темно впереди—и мы вдвоемъ устремляемся въ эту темноту. Мнѣ не нужно тебѣ объяснять, на что мы идемъ и какую дѣятельность избрали. Мы съ Маріамной не ищемъ счастія: не наслаждаться мы хотимъ,—а бороться вдвоемъ, рядомъ, поддерживая другъ друга. Наша цѣль намъ ясна; но какіе пути ведутъ къ ней—мы не знаемъ. Но, Владиміръ, Владиміръ? мнѣ тяжело.... Сомнѣніе меня мучитъ, не въ моемъ чувствѣ къ ней, конечно, а... я не знаю! Только теперь вернуться уже поздно. Протяни намъ обоимъ издалека руки—и пожелай намъ терпѣнья, силы самопожертвованья и любви...больше любви. А ты, не вѣдомый намъ, но любимый нами всѣмъ нашимъ существомъ, всею кровью нашего сердца, русскій народъ, прими насъ не слишкомъ безучастно и научи насъ, чего мы должны ждать отъ тебя“.

Вставъ, хотя и послѣ долгой борьбы съ самимъ собою, на ложную дорогу, Неждановъ дѣлается пропагандистомъ. Трудно найти въ нашей литературѣ такой полный и художественный типъ человѣка, посвятившаго себя на „хожденіе въ народъ“, какъ Неждановъ. И страшно, и больно становится за человѣка, когда онъ, увлекшись извѣстной идей, впадаетъ въ какое-то ослѣпленіе и забываетъ, что всею своею дѣятельностію онъ разыгрываетъ ни болѣе, какъ кукольную комедію. Посмотрите, какъ Неждановъ приготовляется идти на деревню. Нарядился, какъ и всѣ наши псевдонародники, въ истасканный, желтоватый, нанковый кафтанъ съ крошечными пуговками и высокой тальей; волосы онъ причесалъ порусски—съ прямымъ проборомъ; шею повязалъ синимъ платочкомъ; на ногахъ у него были нечищенные, выростковые сапоги. Доставши нѣсколько брошюръ, въ томъ числѣ „сказку о четырехъ братьяхъ“, запихнулъ ихъ себѣ въ задній карманъ и началъ вполголоса выламывать свой языкъ, чтобы лучше поддѣлаться подъ народный говоръ: „штошъ... робята...іефто...ничаво...потому-шта... „Кажется, похоже“, подумалъ онъ опять; „да и что за актерство! за меня мой нарядъ отвѣчаетъ“. Къ обѣденному времени Неждановъ, усталый, запыленный, вернулся на свою квартирку съ поля дѣятельности. Маріамна начинаетъ раз-

спрашивать его о результатѣ хожденія съ цѣлію распространенія книжекъ. И сколько самой злой ироніи надъ собою выражаетъ Неждановъ, когда начинаетъ ей разсказывать: „Въ пропагандѣ я оказался швахъ; двѣ брошюрки просто тайкомъ оставилъ въ горницахъ, одну засунулъ въ телѣгу.... Что изъ нихъ выйдетъ—Ты единъ, Господи, вѣси! Четыремъ человѣкамъ предлагалъ брошюры. Одинъ спросилъ—божественная ли эта книга?—и не взялъ; другой сказалъ, что не знаетъ грамотѣ—и взялъ для дѣтей—потому на обложкѣ есть рисунокъ; третій сперва мнѣ все поддакивалъ—„тэ-акъ, тэ-акъ"..., потомъ выругалъ меня самымъ неожиданнымъ образомъ, и тоже не взялъ; четвертый, наконецъ, взялъ—и много благодарилъ меня, но, кажется, ни бельмеса не понялъ изъ всего того, что я ему говорилъ. Кромѣ того, одна собака укусила мнѣ ногу; одна баба съ порога своей избы погрозилась мнѣ ухватомъ, прибавивъ: у! постылый!—Шалопуты вы московскіе!—Погибели на васъ нѣтути! Да еще одинъ солдатъ, безсрочный, все мнѣ въ слѣдъ кричалъ: „Погоди, постой! мы тебя, братъ, распатронимъ!... Охъ, трудно, трудно эстетику соприкасаться съ дѣйствительной жизнію", такъ Неждановъ заканчиваетъ свой разсказъ Маріаннѣ.

Очевидно Неждановъ, это тотъ же, уже знакомый намъ, непризванный народолюбецъ — искатель „исполинскаго дѣла". Особенность этого типа только въ томъ состоитъ, что онъ ушелъ нѣсколько дальше Рудина; онъ не былъ человѣкъ фразы; онъ готовъ былъ трудиться, готовъ былъ даже на всякія пожертвованія. „Жить и ничего не дѣлать—съ этою мыслію онъ не могъ мириться и скорѣе готовъ былъ умереть, чѣмъ продолжать безцѣльно жить". Но гдѣ же причина того, что душевное состояніе Нежданова съ каждымъ днемъ настолько ухудшалось, что онъ началъ мечтать и желать, какъ бы покончить съ собой—наложить на себя руки? Отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается отчасти въ томъ, что избранная Неждановымъ дорога настолько мало подходила къ его характеру, образованію, что онъ самъ понимаетъ всю свою неспособность къ усилію, труду.

Да и какого бы рода дѣятельность Неждановы не избирали, они вездѣ окажутся плохими работниками. Дѣло въ томъ, что „благотворное зерно" жизни чистой, человѣчной, упало не на *новь*, а на почву, много разъ уже вспаханную и засѣянную, на почву, приспособленную къ извѣстнымъ спеціальнымъ растеніямъ. То-то и бѣда, что Неждановъ пря-

мой сынъ Рудина. „Привычка—вторая природа“—эта пословица можетъ и должна быть примѣняема не къ отдѣльнымъ только лицамъ, но и къ цѣлымъ сословіямъ, обществамъ, поколѣніямъ. Новыя идеи—истинныя ли онѣ, или нѣтъ, это другой вопросъ—засѣли въ Неждановскихъ головахъ, заняли въ ихъ умѣ господствующее мѣсто, а между тѣмъ отцовская, или правильнѣе, Рудинская кровь невдругъ дѣлаетъ ихъ способными примѣнять свои силы тамъ, гдѣ указываетъ общество и его условія. „О, какъ я проклинаю“, говоритъ Неждановъ, „эту нервность, чуткость, впечатлительность, брезгливость, все это наслѣдіе моего аристократическаго отца! Какое право имѣлъ онъ втолкнуть меня въ жизнь, снабдивъ меня органами, которые не свойственны средѣ, въ которой я долженъ вращаться? Создалъ птицу, да и пихнулъ ее въ воду! Эстетика—да въ грязь, демократа, народолюбца, въ которомъ одинъ запахъ этой поганой водки, зелена вина, возбуждаетъ тошноту, чуть не рвоту“.

Въ силу этого Неждановы, какого бы рода дѣятельность они ни избирали, являются или совершенными Рудинами—резонерами, или, не умѣя попасть на настоящую, прямую дорогу, которая вывела бы ихъ изъ заколдованнаго круга новыхъ идей, новыхъ жизненныхъ условій, рѣшаются на самоубійство, какъ и поступаетъ Неждановъ. Недаромъ поэтому И. С. Тургеневъ сдѣлалъ эпиграфъ къ своей „Нови“ изъ записокъ хозяина-агронома: „Поднимать слѣдуетъ новь неповерхностно скользящей сохой, но глубоко забирающимъ плугомъ“.

Обозрѣвъ болѣе выдающіеся, по нашему мнѣнію, типы Тургенева и оглядываясь назадъ, мы замѣчаемъ поразительно быструю смѣну однихъ типовъ другими. Эта быстрота, съ которою одни герои сходятъ со сцены жизни, а другіе выступаютъ на ихъ мѣсто, показываетъ, что наше общество безостановочно развивается, и развивается такъ быстро, какъ оно не развивалось, можетъ быть, ни въ одинъ изъ періодовъ въ теченіе своего болѣе тысячелѣтняго существованія. Нѣкоторые изъ разсмотрѣнныхъ нами типовъ уже устарѣли, другіе видоизмѣнились, но за то народились и новые типы, которыхъ не было въ раннихъ произведеніяхъ Тургенева, каковъ напримѣръ Соломинъ, отчасти Неждановъ и др.

Изъ обзора этихъ типовъ мы видимъ, что большинство изъ нихъ „люди фразы“, люди, не понимающіе истинныхъ задачъ своей родины, того, что дѣйствительно нужно нашему милому, дорогому отечеству. Но нѣтъ у Тургенева

типа, а слѣдовательно еще нѣтъ его и въ нашей жизни, нѣтъ типа Инсарова, который сказалъ бы о себѣ, какъ говоритъ этотъ болгаринъ: „Мы съ своею землею связаны.... Послѣдній мужикъ, послѣдній нищій въ Болгаріи, и мы всѣ желаемъ одного и того же. У всѣхъ у насъ одна цѣль". Значитъ мы и теперь еще живемъ только наканунѣ, а когда же придетъ и придетъ ли настоящій день?.... Когда же народится и явится нашъ чисто-русскій Инсаровъ?...



Ѳ. М. ДОСТОЕВСКІЙ.

Достоевскій, какъ писатель совершенно оригинальный, не имѣющій въ литературѣ ни образцовъ, ни подражателей. БѢДНЫЕ ЛЮДИ: Чиновникъ Дѣвушкинъ, «приплюснутый» жизнію и смирившійся подъ тяжестью своего положенія. ДВОЙНИКЪ: Голядкинъ-чиновникъ, раздвоившійся для успѣха въ жизни и сдѣлавшійся съумасшедшимъ. ЗАПИСКИ ИЗЪ МЕРТВАГО ДОМА: Объясненіе заглавія.—Типы каторжниковъ: хмѣльный разбойникъ и старикъ-раскольникъ. Пѣсни, разгулъ и праздники у каторжниковъ.—Театръ въ острогѣ.—Подстрѣленный орелъ, выпускаемый арестантами на вольную степь. ПРЕСТУПЛЕНІЕ и НАКАЗАНІЕ: Раскольниковъ, раскаявшійся убійца. — Мармеладовъ — пьянчужка-чиновникъ, кабацкій ораторъ, возбуждающій сочувствіе. ИДІОТЪ: Князь Мышкинъ, безпомощный и добрый человѣкъ, соединяющій въ себѣ нравственную красоту съ кажущимся идіотизмомъ. БѢСЫ: Объясненіе заглавія романа и основная мысль. ПОДРОСТОКЪ: Долгорукій—современный «забитый человѣкъ». БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ: Алеша—«ранній человѣколюбецъ».—Старецъ Зосима—предсказатель.—Основная идея романа.

Ѳ. М. Достоевскій, очень рѣзко отличается, какъ отъ предшествовавшихъ, такъ и современныхъ ему писателей. Содержаніе его произведеній, а особенно научно-психологическій пріемъ, глубина нравственнаго чувства и лирическое воодушевленіе, дѣлая Достоевскаго оригинальнымъ писателемъ, ставятъ его на ряду съ первоклассны-

*) Разборъ сочиненій Достоевскаго смотр.: Сочин. Бѣлинскаго „Бѣдные люди"; Добролюбова, т. 3, „Забитые люди"; „Русская рѣчь", 1879 г. критическія статьи Евгенія Маркова; „Мысль", 1881 г. о „Братьяхъ Карамазовыхъ": „Отечественныя записки", 1873 г. Февраль, критическія статьи Михайловскаго; „Русскій вѣстникъ" 1873 г., кн. 4.

ми европейскими поэтами. Оригинальнымъ писателемъ можно считать Достоевскаго потому, что онъ стремится подмѣтить въ современной жизни только основныя психическія черты общества. Если у него нѣтъ точности внѣшнихъ условій общественной жизни, за то есть точность психическихъ процессовъ и характеровъ. Какъ бы ни измѣнялась общественная жизнь, картина психической жизни того или другого героя Достоевскаго всегда будетъ вѣрна, но вѣрна не условіямъ современной дѣйствительности, а основнымъ свойствамъ человѣческаго духа.

Главная сила таланта Достоевскаго такимъ образомъ заключается въ особенномъ психологическомъ анализѣ. Очень немногіе даже и изъ европейскихъ писателей умѣютъ такъ глубоко заглядывать во всѣ тайники и изгибы человѣческой души, какъ онъ. Здѣсь заключается величіе, своеобразность таланта, свойство его генія, но здѣсь же кроется и слабая сторона его произведеній, состоящая въ томъ, что онъ съ особеннымъ усердіемъ и силою обращаетъ вниманіе на извѣстныя явленія и состоянія духовной жизни героя, выдвигаетъ ихъ на первый планъ и придаетъ этимъ состояніямъ чрезвычайные размѣры. Доводя героевъ до болѣзненнаго напряженія силъ, Достоевскій нѣкоторыми изъ нихъ производитъ на читателя рѣзкое, сильное, нерѣдко потрясающее впечатлѣніе. Едва ли преувеличиваютъ тѣ изъ почитателей таланта Достоевскаго, которые увѣряютъ, что при напряженномъ вниманіи и продолжительномъ чтеніи его сочиненій, можно, въ особенности слабонервнымъ лицамъ, дочитаться до галлюцинацій.

Типы Достоевскаго, обыкновенно, раздѣляютъ на слѣдующія категоріи:

I) типы *бѣдныхъ людей* въ буквальномъ смыслѣ, т. е. людей, обитающихъ въ крошечныхъ квартиркахъ и невидимыхъ уголкахъ и, въ то же время, живущихъ почеловѣчески, можетъ быть, даже больше почеловѣчески, чѣмъ обитатели разныхъ палатъ и хоромъ;

II) типы *униженныхъ* и *оскорбленныхъ* —беззащитныхъ, безправныхъ, по своему положенію въ обществѣ, у которыхъ можно отнять все милое, дорогое и въ добавокъ еще наиздѣваться надъ ними;

III) типы *идіотовъ*, мыслящихъ и дѣйствующихъ по своему, не по обычному;

IV) типы *бѣсовъ*, губящихъ себя изъ-за какихъ-то порывовъ и стремленій, обнаруживающихъ въ себѣ неподготовленность, незнаніе Россіи;

v) типы *преступниковъ*, совершающихъ преступленіе не по грубости и невѣжеству, а такъ, скорѣе вслѣдствіе болѣзненнаго настроенія воображенія ума, создавшаго цѣлую цѣпь софизмовъ, изъ коихъ одинъ выходъ—преступленіе:

наконецъ vi) типы *заключенныхъ*, т. е. сосланныхъ въ Сибирь, выброшенныхъ изъ общества, павшихъ нравственно, но все же чувствующихъ, подобно всѣмъ людямъ, и сохраняющихъ образъ и подобіе Божіе въ бо́льшей чистотѣ, чѣмъ многіе изъ гуляющихъ на свободѣ и срывающихъ розы жизни.

ДѢВУШКИНЪ.

(въ повѣсти „**Бѣдные люди**“).

Петръ Алексѣевичъ Дѣвушкинъ—этотъ сплошь и рядомъ встрѣчающійся въ жизни типъ бѣдняка чиновника—дожилъ до сѣдыхъ волосъ, примирился съ своимъ положеніемъ и почти не мечтаетъ о лучшемъ будущемъ. Дѣвушкинъ свыкся съ своей долей, съ своей службой, обста́новкой, съ своими отношеніями къ начальству, что и объясняетъ своей милой Варенькѣ:

„Что это вы пишите мнѣ про удобства, про покой и про разныя разности? Маточка моя, я не брюзгливъ и не требователенъ, никогда лучше теперешняго не жилъ; такъ чего-же на старости-то лѣтъ привередничать? Я сытъ, одѣтъ, обутъ; да и куда намъ затѣи затѣвать! Не графскаго рода!... Родитель былъ не изъ дворянскаго званія, и со всей-то семьей своей былъ бѣднѣе меня по доходу.—Я не нѣженка!“

Не прихотливъ и не расточителенъ Дѣвушкинъ. Да и откуда, изъ какихъ источниковъ, онъ будетъ брать деньги, чтобы позволить себѣ хоть какую-нибудь роскошь въ жизни. Живетъ онъ за перегородкой въ кухнѣ, платитъ за нее два цѣлковыхъ и утѣшаетъ себя тѣмъ, что онъ „ото всѣхъ особнячкомъ, помаленьку живетъ, втихомолку живетъ“... „Сытъ я, „обутъ и одѣтъ: я не ропщу и доволенъ, жалованья достаточно, вотъ уже нѣсколько лѣтъ достаточно“. Если нѣтъ у Дѣвушкина желанія устроиться внѣшнимъ образомъ какъ-нибудь получше, поудобнѣе, то могли ли быть у него какіе-нибудь другіе, высшіе интересы въ жизни? Своимъ умственнымъ развитіемъ онъ совершенно доволенъ и убѣжденъ, что если лучшаго образованія не дано ему, то, очевидно, такъ и должно быть. Дѣвушкинъ безъ огорченія сознается, что онъ человѣкъ не ученый, на мѣдныя деньги учил-

ся, и слога не имѣетъ, и высокихъ матерій понимать не можетъ, а потому далеко и не лѣзетъ. Понятнымъ становится его довольство в своимъ служебнымъ положеніемъ. „Всякое состояніе", говоритъ онъ, „опредѣлено Всевышнимъ на долю человѣческую. Тому опредѣлено быть въ генеральскихъ эполетахъ, этому служить титулярнымъ совѣтникомъ; такому-то повелѣвать, а такому-то повиноваться. Это уже по способности человѣка разсчитано; иной на одно способенъ, а другой на другое, а способности устроены самимъ Богомъ". Установивши такой взглядъ на людей и на свое положеніе, Дѣвушкинъ сообразно съ этимъ опредѣляетъ и идеалъ чиновника: „Состою я уже около 30 лѣтъ на службѣ, служу безъукоризненно, поведенія трезваго, въ безпорядкахъ никогда не замѣченъ. Какъ гражданинъ, считаю себя, собственнымъ сознаніемъ моимъ, какъ имѣющаго свои недостатки, но вмѣстѣ съ тѣмъ и добродѣтели. Уважаемъ начальствомъ, и сами его превосходительство мною довольны; и хотя еще они доселѣ не оказывали мнѣ особенныхъ знаковъ благорасположенія, но я знаю, что они довольны.... Въ большихъ проступкахъ и продерзостяхъ никогда не замѣченъ, чтобы этакъ противъ постановленій что-нибудь, или въ нарушеніи общественнаго спокойствія,—въ этомъ я никогда не замѣченъ, этого не было; даже крестикъ выходилъ"... Вотъ этотъ *„крестикъ"*—самое сильное доказательство, въ глазахъ Дѣвушкина того, что онъ безъукоризненный, идеальный человѣкъ. Поставляя свою судьбу въ полную зависимость отъ „его превосходительства" и измѣряя свои достоинства его взглядами и „крестикомъ", Дѣвушкинъ доходитъ до такого самоотреченія, что онъ не только на всю свою жизнь, но даже на свою шинель и сапоги смотритъ не съ личной точки, а глазами „его превосходительства". „По мнѣ все равно, хоть бы и въ трескучій морозъ безъ шинели и безъ сапоговъ ходить—я претерплю, я все вынесу, мнѣ ничего: человѣкъ-то я простой, маленькій.... Даже „сапоги Дѣвушкину нужны для поддержки чести и добраго имени; въ дырявыхъ же сапогахъ и то и другое пропало.... Вдругъ его превосходительство замѣтятъ и невзначай какъ-нибудь отнесутся на мой счетъ—бѣда!" „Полное отсутствіе *) какого бы то ни было сознанія своего достоинства, полное признаніе своего ничтожества" вотъ что поражаетъ въ Дѣвушкинѣ. Но „онъ счастливъ, самъ счастливъ, собственнымъ униженіемъ счастливъ".

*) Добролюбова т. 3, стр. 616.

Какъ бы для полноты своего счастія, Дѣвушкинъ привязывается и влюбляется въ Вареньку. Онъ хочетъ улучшить ея бѣдное, загнанное положеніе и готовъ отдать свои послѣдніе гроши, чтобы доставить ей хоть какое-нибудь удовольствіе. Это окончательно убѣждаетъ насъ въ томъ, что Дѣвушкинъ, хоть и *приплюснутъ жизнію*, однако въ немъ не погасла искра Божія; она ярко, какъ свѣча, горитъ и теплится въ его приниженной „приплюснутой“ условіями жизни душѣ.

ГОЛЯДКИНЪ

(въ „**Двойникѣ**“).

Не менѣе, чѣмъ Дѣвушкинъ, художественный и оригинальный типъ *„забитыхъ людей“* представляетъ изъ себя Яковъ Петровичъ Голядкинъ. Онъ не такъ бѣденъ, какъ Дѣвушкинъ; онъ и живетъ-то нѣсколько поудобнѣе и пороскошнѣе, чѣмъ Дѣвушкинъ. Онъ чиновникъ, но не такой маленькій, какъ Дѣвушкинъ. Голядкинъ—помощникъ столначальника въ департаментѣ; слѣдовательно, онъ оффиціально имѣетъ *право* господствовать надъ канцеляристами и подканцеляристами низшаго ранга. Голядкинъ зналъ это „право“, которое употребляется въ оффиціальномъ чиновничьемъ мірѣ и попробовалъ было приложить его тамъ, гдѣ оно смысла не имѣетъ, да и оборвался. Случилось же такъ, что и онъ, подобно Дѣвушкину, увлекся дѣвушкой Кларой Олсуфьевной. Встрѣтивъ неудачу и препятствіе къ обладанію своей возлюбленной со стороны ея родственниковъ и еще одного соперника, Голядкинъ, оскорбленный въ своемъ человѣческомъ чувствѣ, особенно, когда ему отказали отъ званаго обѣда въ домѣ родителя его возлюбленной, хочетъ объясниться съ своими врагами и недругами, заявить имъ „свое право“, —но вотъ бѣда: не удается, характера не достаетъ. И вотъ мысли его совершенно разстраиваются; онъ сбивается съ толку и приходитъ къ убѣжденію, что для успѣха въ жизни ему нужно умѣнье заискивать въ людяхъ, чего въ немъ нѣтъ; нужно жить интригами, что только тотъ и живетъ хорошо на свѣтѣ, кто подличаетъ, хитритъ, обижаетъ другихъ....„И вотъ у него является на умѣ рѣшимость—тоже хитрить, тоже подкопы вести, интриговать. Не такъ онъ жилъ прежде, не такъ приготовленъ, характеръ у него не такой“. „Натура-то твоя такова: душа ты правдивая“, разсуждаетъ съ собою Голядкинъ. —„Нѣтъ, ужъ лучше мы съ тобою потерпимъ, Яковъ Петровичъ,—подождемъ и потерпимъ“, продолжаетъ раз-

суждать самъ съ собою Голядкинъ. Съ другой стороны въ его головѣ эти мысли смѣняются роемъ другихъ мыслей: „Тутъ берутъ интригами! Давай же, когда такъ, и я буду интриговать.... Да гдѣ мнѣ интриговать? Натура-то у меня глупая, правдивая,—никогда окольными путями... Но другіе же всѣ окольными путями ходятъ, иначе человѣка затрутъ, а я затереть себя не могу позволить... А что въ самомъ дѣлѣ, еслибъ я....“ И Голядкинъ, вообще наклонный къ меланхоліи и мечтательности, начинаетъ раздражать себя мрачными предположеніями и мечтами, возбуждать себя къ несвойственной его характеру дѣятельности. Онъ раздвоется, самого себя видитъ вдвойнѣ..... Онъ группируетъ все подленькое и житейски-ловкое, все гаденькое, что ему приходитъ въ фантазію; но отчасти практическая робость, отчасти остатокъ гдѣ-то въ далекихъ складкахъ скрытаго нравственнаго чувства препятствуютъ ему принять всѣ придуманныя имъ пронырства и гадости на себя, и его фантазія создаетъ ему „Двойника“ Первое признаніе г. Голядкинымъ своего двойника описывается Достоевскимъ такъ: это былъ „не тотъ г. Голядкинъ, который служилъ въ качествѣ помощника своего столоначальника; не тотъ, который любилъ стушевываться и зарываться въ толпѣ; не тотъ, наконецъ, чья походка ясно выговариваетъ: „не троньте меня, и я васъ трогать не буду“...., нѣтъ, это былъ другой г. Голядкинъ, совершенно другой, но вмѣстѣ съ тѣмъ и совершенно похожій на перваго“. И вотъ г. Голядкинъ-младшій ведетъ себя съ такою ловкостью и безстыдствомъ, какія только въ мечтахъ и возможны: онъ ко всѣмъ подбивается, передъ всѣми извивается и семенитъ, бѣгаетъ съ портфелемъ его превосходительства, изъ чего г. Голядкинъ-старшій заключаетъ, что тотъ уже по своему, „по особому“...Г. Голядкинъ-младшій всегда умѣетъ остаться правымъ, ускользнуть отъ объясненій, отвернуться и подольститься, когда нужно; онъ со всѣми хорошъ, онъ смѣло разсуждаетъ тамъ, гдѣ Голядкинъ-старшій умиленно теряется; онъ сидитъ въ гостиной тамъ, куда Голядкинъ-старшій и въ переднюю носъ показать боится.... Нечего и говорить что г. Голядкинъ все это самого же себя рисуетъ въ видѣ двойника своего. Выдумывая его небывалые, фантастическіе подвиги, онъ имѣетъ мысль, что вотъ онъ поступай только такимъ образомъ (какъ нѣкоторые люди и поступаютъ) и по службѣ онъ успѣвалъ бы, и насмѣшкамъ товарищей не подвергался, и не былъ бы затертъ какой-нибудь выскочкой, раньше его получившимъ коллежскаго,

и главное—не былъ бы такъ безбожно обиженъ драгоцѣнною Кларою Олсуфьевною и ея родными. Но вмѣсто того, чтобы любоваться на подобные подвиги, г. Голядкинъ-старшій возмущается противъ нихъ всею силою того забитаго, загнаннаго сознанія, какая ему осталась послѣ ровнаго и тихаго гнета жизни, столько лѣтъ непрерывно покоившагося на немъ. Ему противны даже въ мечтахъ тѣ поступки, тѣ средства, которыми выбиваются „нѣкоторые люди"; онъ съ постояннымъ страхомъ отбрасываетъ свои же мечты на другое лицо и всячески позоритъ и ненавидитъ его *).

Вся эта смѣна однихъ мыслей и образовъ другими оканчивается тѣмъ, что въ воображеніи его рисуется, будто Клара Олсуфьевна, плѣненная его качествами, присылаетъ ему письмо, въ которомъ приказываетъ увезти ее отъ злостныхъ и неблагонамѣренныхъ его соперниковъ. И Голядкинъ дѣйствительно отправляется подъ окна Клары Олсуфьевны—ждать ее, а отсюда уже отвозятъ его, бѣднаго сумасшедшаго, въ домъ умалишенныхъ...

Записки изъ мертваго дома.

„Записки изъ мертваго дома" есть ничто иное, какъ дневникъ, который веденъ былъ нашимъ геніальнымъ Достоевскимъ въ острогѣ, во время его каторги. Первое впечатлѣніе, которое получилъ каторжникъ Достоевскій при поступленіи въ „мертвый домъ", этотъ „страшный домъ", было самое тяжелое. Это множество людей, собравшихся не по доброй волѣ съ разныхъ концовъ Россіи въ одно разношерстное общество. „Были здѣсь убійцы невзначай и убійцы по ремеслу, разбойники и атаманы разбойниковъ"... Все это былъ народъ,—за нѣкоторыми немногими исключеніями неистощимо-веселыхъ людей, пользовавшихся за то всеобщимъ презрѣніемъ,—угрюмый, завистливый, страшно тщеславный, хвастливый, обидчивый и въ высшей степени формалистъ". И вотъ даже въ этихъ-то лютыхъ звѣряхъ Достоевскій опят съумѣлъ найти Божью искру. Онъ не только не считалъ ихъ достойными презрѣнія, но подсмотрѣлъ и увидѣлъ въ нихъ многое такое, чего, можетъ быть, нѣтъ у насъ, чѣмъ они лучше насъ. Во взглядахъ Достоевскаго на преступника выразился нашъ русскій народный взглядъ, какъ на человѣка „бѣдненькаго", „несчастненькаго", тотъ взглядъ, который заставляетъ каж-

*) Добролюбова т. III. стр. 625

даго изъ народа съ особеннымъ удовольствіемъ подавать свою трудовую копеечку, присылать въ острогъ къ праздникамъ разныя пожертвованія. Подобный человѣколюбивый взглядъ народа на преступниковъ вынесенъ изъ христіанскаго ученія, гдѣ онъ очень опредѣленно выраженъ: „не судите, да несудими будете", или: „кто изъ васъ безъ грѣха, тотъ первый подними камень и брось въ нее". Но перенесемся мыслію туда—въ Сибирь, въ острогъ, который стоялъ на краю крѣпости, у самаго крѣпостного вала. „Случалось, говоритъ Достоевскій, посмотришь сквозь щели забора на свѣтъ Божій: не увидишь ли хоть чего-нибудь?—и только увидишь, что краешекъ неба, да высокій земляной валъ, поросшій бурьяномъ, а взадъ и впередъ по валу, день и ночь, расхаживаютъ часовые; и тутъ же подумаешь, что пройдутъ цѣлые годы, а ты точно также пойдешь смотрѣть сквозь щели забора и увидишь тотъ же валъ, такихъ же часовыхъ и тотъ же маленькій краешекъ неба, не того неба, которое надъ острогомъ, а другого, далекаго, вольнаго неба".

Пройдемся по галлереѣ разныхъ типовъ—обитателей этого страшнаго, „мертваго" дома.

Какъ на особенность въ характерѣ арестантовъ Достоевскій прежде всего указываетъ, что рѣдко кто-нибудь изъ нихъ рѣшался разсказывать свою жизнь, да и любопытство было не въ модѣ, какъ-то не въ обычаѣ, не принято...„Помню, какъ однажды, говоритъ Достоевскій, одинъ разбойникъ, хмѣльной (въ каторгѣ иногда можно было напиться), началъ разсказывать, какъ онъ зарѣзалъ пятилѣтняго мальчика, какъ онъ обманулъ его сначала игрушкой, завелъ куда-то въ пустой сарай, да тамъ и зарѣзалъ. Вся казарма доселѣ смѣявшаяся его шуткамъ, закричала, какъ одинъ человѣкъ, и разбойникъ принужденъ былъ замолчать; не отъ негодованія закричала казарма, а такъ, потому что не надо было *про это* говорить, потому что говорить *про это* не принято".

А вотъ предъ нами стоитъ, какъ живой, старичокъ лѣтъ 60-ти, маленькій, сѣденькій. Прислали его за чрезвычайно важное преступленіе. „Между стародубовскими старообрядцами стали появляться обращенные. Правительство сильно поощряло ихъ и стало употреблять всѣ усилія для дальнѣйшаго обращенія и другихъ несогласныхъ. Старикъ, вмѣстѣ съ другими фанатиками, рѣшился стоять „за вѣру", какъ онъ выражался. Началась строиться единовѣрческая церковь, и раскольники сожгли ее. Какъ одинъ изъ зачинщиковъ, старикъ сосланъ былъ

въ каторжную работу. Былъ онъ зажиточный, торгующій мѣщанинъ; дома оставилъ жену, дѣтей; но съ твердостью пошелъ въ ссылку, потому что въ ослѣпленіи своемъ считалъ ее „мукою за вѣру". И у этого-то старика не было никогда никакой злобы, никакой ненависти. Онъ былъ смиренный, кроткій, какъ дитя; всегда веселъ, часто смѣялся—не тѣмъ грубымъ, циническимъ смѣхомъ, какимъ смѣялись каторжные, а яснымъ, тихимъ смѣхомъ, въ которомъ было много дѣтскаго простодушія и который какъ-то особенно шелъ къ сѣдинамъ. Во всемъ острогѣ онъ пріобрѣлъ всеобщее уваженіе, которымъ нисколько не тщеславился. Но, не смотря на видимую твердость, съ которою онъ переживалъ каторгу, въ немъ таилась глубокая, неизлѣчимая грусть, которую онъ старался скрывать отъ всѣхъ. Я, продолжаетъ Достоевскій, жилъ съ нимъ въ одной казармѣ. Однажды, часу въ третьемъ ночи, я проснулся и услышалъ тихій, сдержанный плачъ. Старикъ сидѣлъ на печи и молился по своей рукописной книгѣ. Онъ плакалъ и я слышалъ, какъ онъ говорилъ по временамъ: „Господи, не оставь меня! Господи, укрѣпи меня! Дѣтушки мои малыя, дѣтушки мои милыя, никогда-то намъ не свидѣться!" Достоевскій отказывается передать, какъ ему стало грустно отъ подобной картины среди темной, глубокой ночи. И долго Достоевскому послѣ вспоминалась эта ужасная картина. Онъ и послѣ часто ночью слыхалъ, какъ этотъ дѣдушка на печи молился за всѣхъ „православныхъ христіанъ" и слышалъ его мѣрное, тихое, протяжное: „Господи Іисусе Христе, помилуй насъ!"....

Описывая составъ каторги, своихъ сожителей, Достоевскій раскрываетъ предъ нами душу многихъ изъ нихъ, раскрываетъ ее съ такою любовію и сочувствіемъ къ несчастнымъ каторжникамъ, съ такою художественною простотою, что невольно увлекаетъ читателя и вызываетъ подчасъ слезы.

Возьмемъ еще одинъ типъ—типъ Алея, одного изъ трехъ братьевъ, дагестанскихъ татаръ, сосланныхъ въ каторгу по слѣдующему случаю: На родинѣ старшій братъ Алея (старшихъ братьевъ у него было пять; два другихъ попали на какой-то заводъ) однажды велѣлъ ему взять шашку и садиться на коня, чтобы ѣхать вмѣстѣ въ какую-то экспедицію. Уваженіе къ старшимъ въ семействахъ горцевъ такъ велико, что мальчикъ Алей не только не посмѣлъ, но даже и не подумалъ спросить, куда они отправляются? Старшіе же братья не сочли и

за нужное сообщить ему это. Всѣ они ѣхали на разбой, подстеречь на дорогѣ богатаго армянскаго купца и ограбить его. Такъ и случилось: они перерѣзали конвой, зарѣзали армянина и разграбили его товаръ. Но дѣло открылось: ихъ взяли всѣхъ шестерыхъ, судили, уличили, наказали и сослали въ Сибирь въ каторжныя работы. Братья и въ ссылкѣ очень любили Алея и скорѣе какою-то отеческою, чѣмъ братскою любовію. Онъ былъ имъ утѣшеніемъ въ ихъ ссылкѣ.... Самъ онъ почти не смѣлъ заговаривать: до того доходила его почтительность. Трудно представить, говоритъ Достоевскій, какъ этотъ мальчикъ во все время своей каторги могъ сохранить въ себѣ такую мягкость сердца, образовать въ себѣ такую строгую честность, такую задушевность, симпатичность, не загрубѣть, не развратиться... Онъ былъ цѣломудренъ, какъ чистая дѣвочка, и чей-нибудь скверный, циническій, грязный или несправедливый, насильный поступокъ въ острогѣ зажигалъ огонь негодованія въ его прекрасныхъ глазахъ, которые оттого дѣлались еще прекраснѣе. Его всѣ любили и всѣ ласкали. Я считаю, заканчиваетъ Достоевскій свой разсказъ объ Алеѣ, его далеко необыкновеннымъ существомъ и вспоминаю о встрѣчѣ съ нимъ, какъ объ одной изъ лучшихъ встрѣчъ въ моей жизни.

Посмотримъ, какъ веселятся каторжники, какъ въ этомъ весельѣ сказывается въ нихъ вся человѣчность, у нѣкоторыхъ нелишенная поэтическаго настроенія. Послушайте, какъ кто-нибудь изъ нихъ, въ гулевое время, выйдетъ на крылечко казармы, сядетъ, задумается, подопретъ щеку рукой и затянетъ высокимъ фальцетомъ какую-нибудь пѣсню, въ родѣ наприм.:

Терпѣть мученья безъ вины
    На вѣкъ я осужденъ.
Не увидитъ взоръ мой той страны,
    Въ которой я рожденъ;
По кровлѣ филинъ прокричитъ,
    Раздастся по лѣсамъ,
Заноетъ сердце, загруститъ,
    Меня не будетъ тамъ.

„Слушаешь, говоритъ Достоевскій, слушаешь, и какъ-то душу надрываетъ“.... Болѣе отрадное впечатлѣніе производила „комаринская“, которую иногда игралъ цѣлый оркестръ.

„Начинаютъ тихо, едва слышно, но мотивъ растетъ и растетъ, темпъ учащается, раздаются молодецкія прищелкиванья по декамъ балалайки.... Это комаринская во

всемъ своемъ размахѣ, и, право, было бы хорошо, еслибъ Глинка, хоть случайно услыхалъ ее у насъ въ острогѣ", замѣчаетъ Достоевскій.

Наступленіе праздниковъ развивало въ арестантахъ такое настроеніе, что весь острогъ въ это время производилъ какое-то трогательное впечатлѣніе. „Уваженіе къ торжественному дню у нихъ переходило даже въ какую-то форменность; немногіе гуляли; всѣ были серьезны и какъ будто чѣмъ-то заняты, хотя у многихъ совсѣмъ почти не было дѣла. Но и праздные и гуляки старались сохранять въ себѣ какую-то важность. Смѣхъ и тотъ какъ будто былъ запрещенъ. Кромѣ врожденнаго благоговѣнія къ великому дню, арестантъ безсознательно ощущалъ, что онъ этимъ соблюденіемъ праздника какъ будто соприкасается со всѣмъ міромъ, что не совсѣмъ же онъ, стало быть, отверженецъ, погибшій человѣкъ, ломоть отрѣзанный, что и въ острогѣ тоже, что́ у людей. Они это чувствовали; это было видно и понятно", говоритъ Достоевскій.

Особенную картину представлялъ острогъ, когда каторжные на святкахъ задумали устроить спектакль. Всѣ вели себя тихо и чинно. Всѣмъ хотѣлось себя выказать передъ господами и посѣтителями съ самой лучшей стороны. На всѣхъ лицахъ выражалось самое наивное ожиданіе. Что за странный отблескъ дѣтской радости, милаго, чистаго удовольствія сіялъ на этихъ изборожденныхъ, клейменыхъ лбахъ и щекахъ, въ этихъ глазахъ, сверкавшихъ иногда страшнымъ огнемъ!... Кончается театръ. Ссоръ не слышно. Всѣ какъ-то непривычно довольны, даже какъ будто счастливы; и засыпаютъ не по всегдашнему, и почти съ спокойнымъ духомъ,—а съ чего бы кажется? А между тѣмъ, говоритъ Достоевскій, это не мечта моего воображенія; это правда, истина. Только немного позволили этимъ людямъ пожить посвоему, повеселиться полюдски, прожить хоть часъ не поострожному, —и человѣкъ нравственно мѣняется.

„Въ острогѣ", замѣчаетъ Достоевскій, „было иногда такъ, что знаешь человѣка нѣсколько лѣтъ и думаешь про него, что это звѣрь, а не человѣкъ, презираешь его. И вдругъ приходитъ случайно минута, въ которую душа его невольнымъ порывомъ открывается наружу, и вы видите въ немъ такое богатство чувства, сердца, такое яркое пониманье и собственнаго, и чужого страданья, что у васъ какъ бы глаза открываются и въ первую минуту даже не вѣрится тому, что вы сами увидѣли и услышали".

Вотъ напр. какое умиротворяющее впечатлѣніе Достоевскій производитъ въ читателѣ слѣдующею сценою. Подстрѣленный орелъ попался въ плѣнъ, въ которомъ каждый каторжникъ молча сочувствовалъ своей собственной горемычной судьбѣ, и котораго всѣ, словно по сговору, захотѣли выпустить на вольную степь.

— „Пусть хоть околѣетъ, да не въ острогѣ", говорили одни.

— „Вѣстимо, птица вольная, суровая, не пріучишь къ острогу-то", поддакивали другіе.

— „Знать онъ не такъ, какъ мы" прибавилъ кто-то.

„Вишь сморозилъ: то птица, а мы, значитъ, человѣки".

— „Орелъ, братцы, есть царь лѣсовъ, и т. д.

И вотъ, несвободные сами, они по крайней мѣрѣ отпускаютъ на волю этого неподдавшагося острогу царя лѣсовъ и любуются, какъ онъ утекаетъ, не смотря на свое больное крыло.

— „Вишь его!" задумчиво проговорилъ одинъ.

— „И не оглянется!" прибавилъ другой.

— „А ты думалъ благодарить воротится?" Замѣтилъ третій.

— Знамо дѣло, воля. Волю почуялъ.

— Слобода, значитъ.

— „У-ухъ! И не видать ужъ, братцы". Чего стоять-то! Маршъ! закричали конвойные, и всѣ молча поплелись на работу, забрякавъ цѣпями.

На канунѣ самаго послѣдняго дня своего пребыванія въ острогѣ Достоевскій въ послѣдній разъ предъ выходомъ изъ каторги обошелъ весь острогъ. Мысленно прощался онъ даже съ этими почернѣлыми бревенчатыми срубами казармъ. Вотъ какія мысли приходили ему въ голову: „И сколько въ этихъ стѣнахъ погребено напрасно молодости, сколько великихъ силъ погибло здѣсь даромъ! Вѣдь надо ужъ все сказать: вѣдь этотъ народъ—необыкновенный былъ народъ. Вѣдь это можетъ быть и есть самый даровитый, самый сильный народъ изъ всего народа нашего. Но погибли даромъ могучія силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно. А кто виноватъ?

То-то, кто виноватъ?"

РАСКОЛЬНИКОВЪ

(въ „**Преступленіи и наказаніи**").

Въ нашемъ обществѣ встрѣчаются люди, живущіе мыслію и жаждущіе осчастливить человѣчество. Есть и дру-

гая, сравнительно бо́льшая половина общества, не имѣющая особенныхъ цѣлей въ жизни, проводящая время по инстинкту, грубо и холодно относясь къ вопросу о счастіи ближняго. Такое раздвоенное общество иногда ставитъ людей, исполненныхъ участія къ чужому горю, въ крайне фальшивое, неестественное положеніе. Въ лицѣ Раскольникова въ романѣ „Преступленіе и наказаніе“ Достоевскій задумалъ, и задумалъ необыкновенно глубоко, типъ подобнаго мыслящаго человѣка со всею страстностію его натуры, со всѣмъ его одностороннимъ міровоззрѣніемъ.

Раскольниковъ—бѣдный студентъ, мечтающій быть честнымъ и полезнымъ дѣятелемъ въ обществѣ; онъ очень любитъ мать и сестру, живущихъ въ бѣдности въ далекомъ провинціальномъ углу. Раскольниковъ надѣется по окончаніи университетскаго курса улучшить какъ свое положеніе, такъ и положеніе матери, почему съ спокойною совѣстію живетъ и учится на счетъ матери, подвергая ее самымъ ужаснымъ матеріальнымъ лишеніямъ. Но онъ вѣритъ въ свои силы и, рано ли поздно ли, надѣется отплатить своей матери за всѣ ея лишенія. При усиленномъ умственномъ трудѣ, который пришлось Раскольникову выносить въ годы ученья, онъ не зналъ ни удобствъ, ни удовольствій. Бѣднота забила его въ душную конуру, гдѣ-то на чердакѣ. При сильно развитой сострадательности, при чуткости своего сердца къ подобнымъ себѣ бѣднякамъ и страдальцамъ, Раскольниковъ то поддерживаетъ своего больного товарища, то беретъ на свое попеченіе бѣднаго отца по смерти этого товарища и помѣщаетъ его въ больницу. Разъ даже задумалъ было Раскольниковъ жениться на дочери своей квартирной хозяйки и что же его привлекало къ ней? „Право, не знаю“, говоритъ онъ впослѣдствіи, уже послѣ ея смерти, „право, не знаю, за что я къ ней тогда привязался, кажется, за то, что всегда больная... Будь она еще хромая, или горбатая, я бы, кажется, еще больше ее полюбилъ“. Ведя борьбу съ своимъ положеніемъ и мечтами, Раскольниковъ исподоволь развивалъ въ себѣ ипохондрію, которая довела его до какого-то озлобленія противъ всего человѣчества. Случись же такъ, что на чердакѣ, гдѣ прозябалъ Раскольниковъ, проживала нравственно-отвратительная ростовщица, существованіе которой было не только не полезно, по его мнѣнію, но даже вредно для общества. Цѣлымъ рядомъ софистическихъ выводовъ Раскольниковъ убѣждаетъ себя, что убить эту ростовщицу не есть даже преступленіе. И вотъ въ душѣ Рас-

кольникова поднимается страшная борьба воспламененнаго мозга съ внутреннимъ, инстинктивнымъ сознаніемъ всей тяжести убійства. Съ одной стороны что-то роковое подталкиваетъ на убійство. „Въ послѣдній день преступленія", говоритъ Достоевскій, „его кто-то взялъ за руку и потянулъ за собою неотразимо, слѣпо, съ неестественною силою, безъ возраженій. Точно онъ попалъ клочкомъ одежды въ колесо машины, и его начало въ нее втягивать". Съ другой стороны, чѣмъ окончательнѣе его рѣшенія дѣлались, „тѣмъ безобразнѣе, нелѣпѣе тотчасъ они становились въ его глазахъ. Не смотря на всю мучительную внутреннюю борьбу свою, онъ никогда, ни на одно мгновеніе, не могъ увѣровать въ истинность своихъ замысловъ во все это время". Но вотъ овладѣвшая имъ мысль беретъ верхъ. Онъ, какъ невольникъ, рѣшается немедленно убить ростовщицу, забываетъ о необходимыхъ предосторожностяхъ, —прежде всего о томъ, что надо запереть дверь; въ эту-то дверь и входитъ несчастная Лизавета, которую онъ также убиваетъ. Совершивши два убійства, Раскольниковъ не рѣшается воспользоваться деньгами. Сперва, впопыхахъ, онъ набиваетъ себѣ карманы, но, даже не глядя, много ли имъ взято, спѣшитъ поскорѣе избавиться отъ награбленнаго, поскорѣе зарыть все это тамъ, гдѣ-то подъ камнемъ.

Въ первый же вечеръ по совершеніи убійствъ для Раскольникова начинаются тяжкія страданія. Всѣ эти награбленныя вещи торчатъ въ его глазахъ живыми уликами преступленія. Онѣ словно обжигаютъ ему не только руки, но самую жизнь. Всякій стукъ, всякій взглядъ ему кажется подозрѣніемъ, обличеніемъ. Даже во снѣ ему представляются картины, какъ приходитъ въ домъ полиція, опрашиваетъ, осматриваетъ, поднимаетъ шумъ и т. д. Раскольниковъ проводитъ время въ полугорячечномъ состояніи. Въ воображеніи его то-и-дѣло носятся фигуры старухи и Лизаветы. „Бѣдная Лизавета! Зачѣмъ она тутъ подвернулась! Лизавета! Соня! бѣдныя, кроткія, съ глазами кроткими, милыя!"...Какой-то страшный, непонятный гнетъ давитъ Раскольникова. Этотъ гнетъ хуже самой смерти. Ему до такой степени надоѣдаетъ всѣхъ бояться, отъ всѣхъ видѣть какъ будто укоръ, что онъ поскорѣе желаетъ освободиться отъ своего убійственнаго моральнаго состоянія и открыть полиціи свою виновность. Чувствуя невыносимую тяжесть своего положенія онъ говоритъ: „О, какъ я не навижу теперь эту старушонку!" кажется бы, другой разъ убилъ, еслибы

очнулась!“ Еще больше давила Раскольникова эта разобщенность съ людьми. Онъ долго не разсказывалъ о своемъ преступленіи даже своей возлюбленной, бѣдной и жалкой Сонѣ Мармеладовой. Но вотъ чаша терпѣнія его переполнилась: онъ идетъ къ ней исповѣдать все, что совершилъ. Прійдя къ ней, ставъ на колѣни и поцѣловавъ ея ноги, онъ произноситъ: „я не тебѣ поклонился, а всему страданію человѣческому поклонился“.

Мать и сестра, которыхъ Раскольниковъ очень любилъ, ради блага которыхъ онъ отчасти совершилъ и самое злодѣяніе, вдругъ пріѣзжаютъ къ нему въ Петербургъ, ничего не зная о его преступленіи. „Радостный, восторженный крикъ привѣтствовалъ появленіе Раскольникова. Обѣ бросились къ нему. Онъ стоялъ, какъ мертвый; невыносимое, внезапное сознаніе ударило въ него, какъ громомъ. Да и руки его не поднимались обнять ихъ: не могли“.

Проходитъ нѣкоторое время. Разъ Раскольниковъ сидитъ у себя въ комнатѣ; мать старается вовлечь своего сына въ разговоръ.

— „Полноте, маменька“, съ смущеніемъ пробормоталъ Раскольниковъ, не глядя на нее и сжавъ ея руку.— Успѣемъ наговориться“!

Сказавъ это, онъ вдругъ смутился и поблѣднѣлъ: опять одно недавнее ужасное ощущеніе мертвымъ холодомъ прошло по душѣ его; опять ему вдругъ стало совершенно ясно и понятно, что онъ сказалъ сейчасъ ужасную ложь, что не только никогда теперь не придется ему успѣть наговориться съ родною матерью, но уже ни о чемъ больше, никогда и ни съ кѣмъ, нельзя ему теперь говорить“.

Сознавъ полную внутреннюю разобщенность не только съ посторонними людьми, но даже съ матерью, Раскольниковъ рѣшается скорѣе исполнить давнишнее желаніе раскаяться, сознаться въ преступленіи и вотъ онъ идетъ и объявляетъ о совершенномъ имъ убійствѣ.

Какъ ни исключителенъ случай совершенія убійства съ цѣлію грабежа развитою личностію, въ родѣ студента Раскольникова, высокодаровитый Достоевскій съ удивительнымъ мастерствомъ нарисовалъ какъ психическое состояніе его, предшествовавшее преступленію и его подготовившее, такъ особенно самое преступленіе со всѣми его ужасными душевными перипетіями, неизбѣжнымъ раскаяніемъ и ссылкой въ Сибирь.

МАРМЕЛАДОВЪ

(въ „Преступленіи и наказаніи").

Перенесемся мысленно въ одну изъ тѣхъ неприглядныхъ сценъ, въ которыхъ подъ наружнымъ, кажущимся комизмомъ скрывается ужасный трагизмъ. Въ распивочной, среди веселой, подгулявшей кампаніи, пьянжучка-чиновникъ, обратившійся въ нищаго, въ кабацкаго оратора, утерявшій, повидимому, образъ и подобіе Божіе, нагло и съ полною откровенностію разсказываетъ, какъ его „единородная дочь" пошла съ желтымъ билетомъ. При этомъ, какъ бы бравируя и гордясь, этотъ несчастный забулдыга хвалится тѣмъ, что онъ „прирожденный скотъ и свинья", потому что онъ даже косыночку своей жены Катерины Ивановны „изъ козьяго пуха" и ту пропилъ, что онъ все гуляетъ, а его Катерина Ивановна „въ работѣ съ утра до ночи".

Тяжелое, невыносимо тяжелое впечатлѣніе производитъ монологъ этого бѣдняка-пьяницы, монологъ, въ которомъ въ формѣ безсвязнаго, повидимому, резонерства выражается страданіе „униженныхъ и оскорбленныхъ", та безпощадная правда, которая потрясаетъ читателя.

Да! меня жалѣть не за что! кричитъ онъ. Меня распять надо, распять на крестѣ, а не жалѣть! Но распни, Судія, распни и, распявъ, пожалѣй его! И тогда я самъ къ Тебѣ пойду на пропятіе, ибо не веселья жду, а скорби и слезъ! Думаешь ли ты, продавецъ", обращается Мармеладовъ къ цѣловальнику, что этотъ полуштофъ мнѣ въ сласть пошелъ? Скóрби, скóрби искалъ я на днѣ его, скорби и слезъ, и вкусилъ, и обрѣлъ! а пожалѣетъ насъ Тотъ, Кто всѣхъ пожалѣлъ, и Кто всѣхъ понималъ. Онъ Единый, Онъ и Судья! Придетъ въ тотъ день и спроситъ: „А гдѣ дщерь, что мачихѣ злой и чахоточной, что дѣтямъ чужимъ и малолѣтнимъ себя продала?"

Въ этихъ послѣднихъ словахъ Мармеладовъ вспоминаетъ судьбу своей милой дочки Софьи въ качествѣ гувернантки.

„Гдѣ дщерь", продолжаетъ Мармеладовъ, „что отца своего земного, пьяницу непотребнаго, не ужасаясь звѣрства его, пожалѣла?" И скажетъ: „Пріиди! Я уже простилъ тебя разъ.... Простилъ тебя разъ.. Прощаются же и теперь грѣхи твои мнози, за то, что возлюбила много... И проститъ мою Соню, проститъ, я ужъ знаю, что проститъ! Я это давеча, какъ у ней былъ, въ моемъ сердцѣ почувствовалъ! И всѣхъ разсудитъ, и проститъ,

и добрыхъ, и злыхъ, и премудрыхъ, и смирныхъ!.. И когда уже кончитъ надъ всѣми, тогда возглаголетъ и намъ: „Выходите, скажетъ, и вы! Выходите пьяненькіе, выходите слабенькіе, выходите скоромники! И мы выйдемъ всѣ, не стыдясь, и станемъ. И скажетъ: „Свиньи вы! образа звѣринаго и печати его; но пріидите и вы!“ И возглаголятъ премудрые, и возглаголятъ разумные: Господи! почто сихъ пріемлеши? И скажетъ: потому ихъ пріемлю, премудрые, потому пріемлю, разумные, что ни единый изъ сихъ самъ не считалъ себя достойнымъ сего. И прострётъ къ намъ руцѣ свои, и мы припадемъ.... и заплачемъ... и всё поймемъ! Тогда все поймемъ!... и всѣ поймутъ... и Катерина Ивановна... и она пойметъ“.

Въ этомъ воплѣ отчаянія, смѣняемаго надеждою на милосердіе Божіе, сказалась та излюбленная Достоевскимъ приплюснутая натура, какихъ мы видѣли и раньше. Въ Мармеладовѣ уснуло все благородное; забубенная жизнь все подавила. Но кто будетъ отрицать, что въ его несвязныхъ словахъ ничего нѣтъ возвышеннаго, человѣчнаго? Натуры, подобныя пьянчужкѣ Мармеладову, часто встрѣчаются въ жизни. Въ погонѣ за сильными ощущеніями въ нихъ часто проглядываетъ человѣкъ, богато одаренный, но не имѣвшій благопріятныхъ условій развиться и стать полезнымъ членомъ общества. Русская широкая натура требуетъ себѣ и простора широкаго. И сколько даровитыхъ людей на Руси, возбуждавшихъ самыя свѣтлыя надежды, кончали свою жизнь кабацкими завсегдатаями, въ родѣ Мармеладова, потому только, что окружающая ихъ обстановка и условія жизни не давали имъ возможности устроить свою жизнь какъ хотѣлось бы; между тѣмъ, въ нихъ самихъ не было выправки характера, необходимой для того, чтобы быть полезными дѣятелями общества.

КНЯЗЬ МЫШКИНЪ

(въ романѣ „Идіотъ“).

Князь Мышкинъ есть тотъ идіотъ, которымъ названо одно изъ произведеній Достоевскаго. Соединяя нравственную красоту съ кажущимся идіотизмомъ и физическою слабостію, Мышкинъ, этотъ послѣдній потомокъ захудалаго княжескаго рода, своею фигурою и поступками, своимъ міровоззрѣніемъ, безпредѣльнымъ довѣріемъ къ людямъ, производитъ на читателя самое пріятное впечатлѣніе и вызываетъ цѣлый рой вопросовъ.

Круглый сирота, князь Мышкинъ воспитывался въ уеди-

неніи за границей по милости друга своего отца и былъ крайне болѣзненнымъ мальчикомъ. Сдѣлавшись молодымъ человѣкомъ, онъ, не будучи идіотомъ, сталъ однако всѣми считаться за идіота, особенно тѣми свѣтскими людьми, въ кругу которыхъ ему приходилось вращаться. Поводомъ къ такимъ заключеніямъ о князѣ Мышкинѣ, какъ объ идіотѣ, послужили его странныя выходки. Такъ начинается цѣлый рядъ обидныхъ для Мышкина и смѣшныхъ сценъ и отношеній къ нему военнаго генерала Епанчина, жена котораго, изъ рода князей Мышкиныхъ, не признаетъ съ нимъ родственной связи. Всѣ надъ нимъ смѣются, даже издѣваются. Швейцаръ, подмѣтившій эти издѣванія своихъ господъ надъ княземъ Мышкинымъ, и тотъ смотритъ на него свысока, говоритъ покровительственнымъ тономъ...„Ну, ну, какъ я объ васъ, объ такомъ доложу?“ нахально говоритъ швейцаръ князю Мышкину, явившемуся къ Епанчинымъ съ визитомъ и усѣвшемуся бесѣдовать въ передней съ швейцаромъ. Изъ среды свѣтскихъ магнатовъ князь нисходитъ въ міръ блестящихъ камелій. Двѣ женщины полюбили его. Изъ отношеній къ нимъ князя Мышкина и обрисовывается весь его характеръ.

Онъ, желая вывести обольстительную камелію Настасью Филиповну изъ критическаго положенія, полюбилъ ее скорѣе изъ жалости и предложилъ ей руку. Она отвѣтила князю любовію за его безкорыстное и платоническое увлеченіе ея красотою. Она первый разъ въ жизни увидѣла въ лицѣ князя одного изъ самыхъ искреннихъ и честныхъ ея поклонниковъ, хотя и знала всѣ его слабости, знала, что онъ не мужчина, не полный физическій человѣкъ. Тѣмъ не менѣе она схватилась за князя, чтобы поддержать вѣру въ себя и въ человѣческое достоинство, но она боялась погубить князя, ей совѣстно было принять такое самопожертвованіе съ его стороны. Настасья Филиповна убѣжденная, что она не стоитъ любви князя Мышкина, убѣгаетъ изъ-подъ вѣнца. Въ одно и то же время и точно также крѣпко полюбила князя Мышкина, презираемая всѣми за свой полуневольный грѣхъ Мари, эта несчастная дѣвушка, надъ которой даже дѣти глумились.

Мари поняла въ князѣ всю нравственную высоту, всю евангельскую простоту его духа, почему и рѣшилась быть женою князя, не смотря на всѣ его странности. Самъ князь одинаково любитъ и Мари и Настасью Филиповну. Онъ даже не въ состояніи понять и уяснить себѣ, что

грѣшнаго, противорѣчиваго можетъ заключаться въ любви къ двумъ женщинамъ, ко многимъ, ко всѣмъ?

Князь Мышкинъ напоминаетъ своимъ поведеніемъ тотъ распространенный въ народной русской словесности типъ „младшаго брата", Иванушку-дурачка, отличительнымъ признакомъ котораго, какъ извѣстно, служитъ вовсе не идіотизмъ, а та всеобъемлющая, беззавѣтная любовь, которая служитъ источникомъ поступковъ, странныхъ и непонятныхъ для эгоистовъ, грубыхъ, чувственныхъ людей. При всей своей безхарактерности и полной непрактичности, какъ и всѣ „Иванушки-дурачки" въ сказкахъ, князь Мышкинъ-благородномыслящій человѣкъ, съ честными стремленіями, любовію къ людямъ, дѣтскою наивностію и смиреніемъ, о которомъ онъ и самъ говоритъ: „Я самъ совершенный ребенокъ, т. е. вполнѣ ребенокъ, что я только ростомъ и лицомъ похожъ на взрослаго, но развитіемъ, душой, характеромъ и, можетъ быть, даже умомъ, я не взрослый, и такъ останусь, хоть бы я до 60-ти лѣтъ дожилъ".

БѢСЫ.

Въ романѣ „Бѣсы" есть два очень характерныхъ эпиграфа. Одинъ изъ Пушкина:

Хоть убей, слѣда не видно,
Сбились мы. Что дѣлать намъ?
Въ полѣ бѣсъ насъ водитъ, видно,
Да кружитъ по сторонамъ.
. . . .
Сколько ихъ! куда ихъ гонятъ?
Что такъ жалобно поютъ?
Домового ли хоронятъ?
Вѣдьму-ль за мужъ выдаютъ?

Другой эпиграфъ взятъ изъ евангельскаго разсказа объ исцѣленіи бѣсноватаго, какъ изгоняемые Христомъ бѣсы попросили у него позволенія переселиться въ пасшееся недалеко стадо свиней и какъ потомъ свиньи бросились въ озеро и потонули. Эпиграфъ этотъ объясняется въ концѣ романа. Больной Верховенскій, отецъ, проситъ сидѣлку прочитать ему разсказъ объ исцѣленіи бѣсноватаго. Та читаетъ, а Верховенскому по этому случаю приходятъ въ голову слѣдующія мысли:

„Видите, это точь въ точь какъ наша Россія. Эти бѣсы, выходящіе изъ больного и входящіе въ свиней—это язвы, всѣ міазмы, вся нечистота, всѣ бѣсы и бѣсенята, накопившіеся въ великомъ и миломъ нашемъ боль-

номъ, въ нашей Россіи, за вѣка, за вѣка!...Но великая мысль и великая воля осѣнятъ ее свыше, какъ и того безумнаго бѣсноватаго, и выйдутъ всѣ эти бѣсы, вся нечистота, вся эта мерзость, загноившаяся на поверхности... и сами будутъ проситься войти въ свиней.... Да и вошли уже, можетъ быть! Это мы, мы, и тѣ, и Петруша.... и я, можетъ быть, первый, во главѣ, и мы бросимся, безумные и взбѣсившіеся, со скалы въ море и всѣ потонемъ, и туда намъ дорога, потому что насъ только на это вѣдь и хватитъ. Но больной исцѣлится и „сядетъ у ногъ Іисусовыхъ"..... и „будутъ глядѣть всѣ съ изумленіемъ".

Очевидно изъ этого, что Достоевскій въ „Бѣсахъ" хотѣлъ прослѣдить роковое вліяніе новыхъ идей на людей, умы и нравственность которыхъ страдаютъ безсиліемъ, полуобразованностію. Поэтому нельзя назвать настоящими героями „Бѣсовъ" какого-нибудь Ставрогина, или Верховенскаго, или Шатова, или Кириллова. Нѣтъ. Дѣйствительный герой въ романѣ „Бѣсы"—эта психическая болѣзнь, эпидемія, заразившая всю эту недоразвившуюся молодежь, всѣхъ этихъ скороспѣлыхъ „спасителей родины". Всѣ они стоятъ на практической дорогѣ съ цѣлію мутить общество и вести политическую агитацію. Выучились по книжкамъ любить народъ, но только не тотъ реальный народъ, который предъ нашими глазами, съ извѣстнымъ кодексомъ правилъ, вѣрованій и понятій, а народъ идеальный, одержимые бѣсами, эти идеалисты-космополиты безъ народныхъ вѣрованій и преданій, не могутъ имѣть никакого успѣха въ средѣ народа, почему они и погибнутъ, какъ многіе уже дѣйствительно и погибли.

Прислушайтесь, какъ эти люди относятся къ народнымъ вѣрованіямъ.

„Вы атеистъ?—Да. Вѣруете вы сами въ Бога? Я вѣрую въ Россію, и вѣрую въ ея православіе. Я вѣрую въ тѣло Христово. Я вѣрую, что наше пришествіе совершится въ Россіи. А въ Бога? въ Бога? Я....Я буду вѣровать въ Бога. Вы стали вѣровать въ будущую вѣчную жизнь?—Нѣтъ, не въ будущую вѣчную, а въ здѣшнюю вѣчную..... Онъ придетъ, и имя ему человѣкобогъ. —Богочеловѣкъ?—Человѣкобогъ; въ этомъ разница.— Ужъ не вы ли и лампадку зажигаете? Да, это я зажегъ. Увѣровали?—Богъ необходимъ, а потому долженъ быть, но я знаю, что его нѣтъ и не можетъ быть". Отношеніе этихъ людей ко всѣмъ религіознымъ предметамъ—самое кощунственное: одинъ бросаетъ мышь въ кіоту

образа, другой издѣвается надъ самыми святыми чувствами, третій уничтожаетъ всю русскую исторію, четвертый объявляетъ себя богомъ, пятый проповѣдуетъ всеобщій развратъ и проч. Поведеніе ихъ и образъ жизни еще болѣе ужасны: они вѣшаются, стрѣляются, систематически совершаютъ преступленія, словомъ—будучи одержимы бѣсами—бросаются со скалы въ море и погибаютъ.

Вотъ эти-то именующіе себя интеллигентными людьми, выступивши на поприще политической пропаганды, прежде всего постарались удалиться отъ народныхъ вѣрованій, отъ народной правды и смысла. Нельзя идти на проломъ, нельзя ломать народную жизнь въ погонѣ за удовлетвореніемъ народныхъ потребностей; нельзя даже для этой цѣли употреблять такихъ средствъ, которыя противны чувствамъ народа. Только тѣ идеалы и средства принесутъ народу плоды, не будутъ имъ прокляты, которыя соотвѣтствуютъ основнымъ чертамъ его народнаго характера, его нравственнаго типа, его вѣрованій и мечтаній. Потерявъ подъ своими ногами почву для дѣятельности, наши агитаторы начали метаться, искать. Такъ какъ вернуться на старую дорогу было поздно, то для многихъ изъ нихъ оставался одинъ исходъ—броситься въ море. Имъ пришлось и придется увлекать нѣкоторыя единицы изъ народа, но въ концѣ концовъ, по славянофильской теоріи Достоевскаго, положенной въ основу „Бѣсовъ", простые Власы, т. е. народъ скажетъ свое трезвое, правдивое слово и тѣмъ спасетъ себя и всѣхъ. Тогда-то и сбудется пророчество Верховенскаго: „но больной исцѣлится и сядетъ у ногъ Іисусовыхъ...и будутъ глядѣть всѣ съ изумленіемъ"....

ПОДРОСТОКЪ.

(въ романѣ того же названія).

Яснѣе и отчетливѣе прежде разобранныхъ нами „униженныхъ" людей Достоевскій представилъ намъ въ романѣ „Подростокъ" въ лицѣ Аркадія Макаровича Долгорукаго характеръ современнаго *„забитаго"* человѣка.

Долгорукій, сынъ помѣщика и его крѣпостной, до 7 лѣтъ жилъ гдѣ-то въ деревнѣ, потомъ его отдали „на выучку" въ пансіонъ къ Тушару, „плотненькому французику". Пансіонъ этого довольно невѣжественнаго француза считался аристократическимъ: тамъ воспитывались дѣти магнатовъ. Тушаръ потребовалъ за содержаніе его прибавки; ему отказали въ этомъ. „Тогда онъ", говоритъ Долгорукій, „билъ меня....Я, помню, все хотѣлъ его чѣмъ-

то обезоружить, бросался цѣловать его руку и цѣловалъ ее и все плакалъ-плакалъ". Товарищи издѣвались надъ Долгорукимъ, намекая насмѣшками на его плебейское происхожденіе. Въ то же время и Тушаръ продолжалъ унижать мальчика и помыкать имъ. „Была ли во мнѣ злоба тогда"? спрашиваетъ себя Долгорукій. „Не знаю, можетъ быть и была. Съ самаго перваго дѣтства во мнѣ была такая черта: коли ужъ мнѣ сдѣлали зло, унизили окончательно, оскорбили глубоко, до послѣднихъ предѣловъ, то всегда являлось желаніе какъ бы подчиниться оскорбленію. На-те, вы унизили меня, такъ я еще пуще самъ унижусь, вотъ смотрите, любуйтесь!" Тушаръ приказывалъ Долгорукову подавать напр. платье, а этотъ, послѣдній, самъ добровольно гнался иногда со щеткою, съ лакейскимъ усердіемъ торопясь спахнуть какую-нибудь соринку съ фрака своего воспитателя. „Я знаю", говоритъ Долгорукій, „что товарищи смѣются и презираютъ меня за это, отлично знаю, но мнѣ это-то и любо. Коли захотѣли, чтобы я былъ лакей, ну такъ вотъ я и лакей; хамъ, такъ хамъ и есть!" Но удовольствіе, которое Долгорукій получалъ отъ своего униженія и которымъ очевидно рисовался, было скорѣе напускное, ненатуральное, а потому и непродолжительное. Это униженіе было причиною того, что онъ сначала уединялся, потомъ началъ замыкаться въ свой внутренній маленькій душевный мірокъ и въ немъ-то онъ чувствовалъ себя счастливымъ вполнѣ. „Ложась спать и закрываясь одѣяломъ", говоритъ Долгорукій, „я начиналъ уже одинъ пересоздавать жизнь", т. е. думать о томъ, какъ бы устроиться понезависимѣе отъ другихъ, посамостоятельнѣе. И вотъ запуганный и забитый Долгорукій рѣшается прежде всего составлять капиталъ по грошамъ „путемъ схимническихъ подвиговъ" и „аскетическаго самоистязанія". Прежде всего Долгорукій началъ пріучать себя къ голоданію: „Съ этою цѣлію я въ первый мѣсяцъ ѣлъ только одинъ хлѣбъ съ водою... Съ слѣдующаго мѣсяца я прибавилъ къ хлѣбу супъ, а утромъ и вечеромъ по стакану чаю, и, увѣряю васъ, такъ провелъ годъ въ совершенномъ здоровьѣ и довольствѣ, а нравственно—въ упоеніи и въ непрерывномъ тайномъ восхищеніи... Не удовлетворившись этой пробой, я сдѣлалъ и вторую: на карманные расходы мои мнѣ полагалось ежемѣсячно по 5 рублей. Я положилъ изъ нихъ тратить только половину. Это было очень трудное положеніе, но чрезъ два слишкомъ года, по пріѣздѣ въ Петербургъ, у меня въ карманѣ, кромѣ

другихъ денегъ, было до 70 рублей, накопленныхъ единственно изъ этого сбереженія".

Прямымъ слѣдствіемъ забитости и скапливанія денегъ ради независимости было развитіе въ мальчикѣ Долгорукомъ себялюбія; всѣ заботы и интересы его въ жизни направлялись къ личному благополучію, иногда въ прямой ущербъ ближнему. И чѣмъ болѣе человѣкъ забивается, угнетается, тѣмъ больше онъ погружается, замыкается въ самого себя, тѣмъ большая потребность у него является „уйти отъ людей".

„Съ 12 лѣтъ", говоритъ Долгорукій, „я сталъ не любить людей.... я никакъ не могу высказать всего даже близкимъ людямъ... Я недовѣрчивъ, угрюмъ и несообщителенъ. Опять-таки я давно замѣтилъ въ себѣ черту, чуть не съ дѣтства, что слишкомъ часто обвиняю, слишкомъ наклоненъ къ обвиненію другихъ.... Да, я сумраченъ, я безпрерывно закрываюсь... Я не вижу ни малѣйшей причины дѣлать людямъ добро. И совсѣмъ люди не такъ прекрасны, чтобы объ нихъ такъ заботиться.... Нѣтъ-съ, я самымъ преневѣжливымъ образомъ буду жить для себя, а тамъ хоть бы всѣ провалились!"

Особенность таланта Достоевскаго, какъ уже не разъ замѣчено было, въ томъ и состоитъ, что онъ въ самыхъ искалѣченныхъ воспитаніемъ и условіями жизни людяхъ старается найти „божью искру". Такъ поэтъ поступаетъ и съ Долгорукимъ. Выйдя изъ-подъ опеки въ жизнь, нашъ герой всѣ свои дѣйствія направляетъ къ осуществленію намѣченной имъ цѣли—пріобрѣтенію денегъ, а чрезъ нихъ и личной свободы, независимости. Но вотъ въ жизни-то и раздваивается Долгорукій. Не всегда и не всѣми поступками управляютъ его мечты о деньгахъ и независимости. Сама природа какъ бы противится его плану, а жизнь на каждомъ шагу представляетъ соблазны. Такъ напр. вдругъ кто-то подбрасываетъ ребенка къ Николаю Семеновичу, у котораго онъ жилъ въ послѣднее время въ Москвѣ. Николай Семеновичъ рѣшился отправить подкидыша въ воспитательный домъ. Долгорукій воспротивился этому. У него вдругъ явилась какая-то материнская нѣжность къ ребенку; онъ ни за что не хотѣлъ разстаться съ нимъ, взялся платить за него деньги и неизвѣстно, сколько пришлось бы ему уплатить, если бы ребенокъ не умеръ. Въ Долгорукомъ еще не успѣли исчезнуть и другія сродныя его природѣ человѣческія чувства и потребности, каковы напр. разныя удовольствія, комфортъ и т. п. Долгорукій не въ силахъ былъ устоять

и противъ житейскихъ соблазновъ: онъ завелъ себѣ лихача, началъ франтить, таскаться по ресторанамъ и игорнымъ домамъ, началъ проигрывать огромныя суммы въ карты и т. п. Нельзя сказать, чтобы Долгорукій упустилъ изъ виду свою основную задачу жизни, которую онъ развивалъ и лелѣялъ съ дѣтства, задачу о составленіи капитала и независимости. Онъ помнилъ ее, но увлеченный заманчивыми впечатлѣніями жизни, онъ входилъ съ собою въ фальшивую сдѣлку: „отчего-де и не повеселиться немного, почему на минуту и не развлечься". То-то и бѣда, что это былъ голосъ легкомысленнаго, безпечнаго и безхарактернаго человѣка, котораго мало по малу такъ убаюкала жизнь и такъ втягивала въ свой омутъ, что онъ не успѣлъ и оглянуться, какъ потерялся, затерся этою жизнію.

АЛЕША

(въ романѣ „Братья Карамазовы").

Романъ „Братья Карамазовы" такъ обширенъ и грандіозенъ по своему замыслу и исполненію, столько вызываетъ самыхъ жгучихъ соціальныхъ вопросовъ, что намъ время не позволитъ сдѣлать характеристику всѣхъ замѣчательныхъ типовъ, выведенныхъ въ этомъ великомъ твореніи геніальнаго Достоевскаго. Какъ болѣе рельефные и оригинальные сравнительно съ только что разобранными типами здѣсь являются, по нашему мнѣнію, Алеша и старецъ Зосима. На нихъ мы и остановимся.

Алеша, одинъ изъ братьевъ Карамазовыхъ, былъ мальчикъ нервный, кроткій, любящій по природѣ. Онъ, не окончивъ курса, бросилъ гимназію и пріѣхалъ на родину. Въ одномъ изъ сосѣднихъ монастырей жилъ и славился святостію жизни отрѣшившійся отъ міра старецъ Зосима. Алеша много и часто слыхалъ о немъ, какъ о чудотворцѣ, „сила и слава" котораго прежде всего и увлекла юнаго, пылкаго Алешу. Зосима, сблизившись съ нимъ, полюбилъ его всѣмъ сердцемъ. Увлеченный старцемъ, его фигурой, поведеніемъ, рѣчами, Алеша—этотъ „ранній человѣколюбецъ", рѣшился поступить въ монастырь. Достоевскій заключаетъ, что еслибы Алеша не наткнулся на Зосиму и не увѣровалъ въ его, то пошелъ бы точно также въ атеисты, или въ соціалисты, такъ какъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ людей, которые—„услышавъ слова: „раздай все имѣніе бѣднымъ, или иди за мной",—не могутъ ограничиться тѣмъ, что будутъ ходить къ обѣднѣ или подавать нищимъ копейки". Достоевскій попре-

каетъ Алешу и ему подобныхъ въ торопливости: „Жизнью пожертвовать не такъ трудно, какъ это кажется: наоборотъ, такимъ юношамъ бываетъ гораздо труднѣе принять на себя болѣе долгій и, повидимому, болѣе легкій подвигъ, напримѣръ, лишнихъ 4—5 лѣтъ поучиться, чтобы потомъ служить той же правдѣ съ удесятеренными силами. Но этотъ даже маленькій подвигъ имъ труднѣе, чѣмъ пожертвованіе жизнію и именно потому, что они ищутъ подвига „скораго“.

Изъ ученія старца Зосимы Алеша вынесъ много, слишкомъ много новаго для своей юной души, жаждущей добра. Имѣя отъ природы чувствительное сердце, Алеша развилъ въ себѣ сострадательность къ людямъ. Алеша усвоилъ и другіе принципы своего учителя, именно: любовь къ людямъ, къ человѣческимъ страданіямъ, должна основываться на прощеніи всего и всѣхъ, основываться на вѣрѣ въ существованіе въ мірѣ таинственнаго, нравственнаго начала любви и всепрощенія. Эта любовь и неразрывная съ нею чуткость къ человѣческимъ страданіямъ вовсе не зависитъ отъ міровоззрѣнія человѣка и его убѣжденій; нѣтъ, эта любовь есть особая воспріимчивость къ психическимъ страданіямъ другихъ, тонкое, неуловимое пониманіе и сочувствіе чужому горю и положенію. Человѣкъ можетъ вѣрно понять и оцѣнить другого только тогда, когда все существо его будетъ проникнуто любовію, когда онъ будетъ—сама любовь. Вотъ этою-то любовію и были сильны старецъ Зосима и Алеша. Когда братъ Алеши, Иванъ Карамазовъ, мучился угрызеніями совѣсти, подозрѣвая себя виновнымъ въ смерти отца, то Алеша въ силу своей всепроникающей любви чуткимъ сердцемъ догадывается объ этомъ по двумъ-тремъ намекамъ, по выраженію лица и полный сочувствія успокоиваетъ: „Братъ! не ты убилъ отца! Я чувствую, что мнѣ Богъ велитъ тебѣ сказать это!“ Вотъ что сказало сердце; а между тѣмъ всѣ улики противъ Дмитрія Карамазова и даже прокуроръ Ипполитъ Кирилловичъ въ своей громовой, обвинительной рѣчи выразилъ искреннее убѣжденіе, что онъ, этотъ Дмитрій Карамазовъ, убійца отца. Не вѣрилъ его винѣ только Алеша, не вѣрилъ, потому что онъ любилъ Дмитрія.

Старецъ Зосима.

Старецъ Зосима, въ уста котораго Достоевскій вложилъ свои излюбленныя мысли, есть по своей натурѣ поэтъ, восторженно любящій природу и людей, готовый плакать

надъ каждой вѣткой, надъ каждой птичкой. Зосима, бывшій прежде офицеромъ, послѣ разбитой любви и дуэли съ человѣкомъ, который женился на любимой имъ дѣвушкѣ, пошелъ въ монастырь, поставивъ задачею жизни— заботиться и трудиться для счастія людей. Всѣ его поученія проникнуты духомъ любви и христіанской свободы. Зосима, какъ и Алеша, одухотворенный всепрощающей, чуткой любовью, является духовнымъ врачемъ и предсказателемъ. Вотъ напр. какъ лѣчитъ Зосима. Приходитъ къ нему въ монастырь простая женщина, у которой умеръ мальчикъ. Она почти съумасшедшая, всюду его видитъ, слышитъ его походку, голосокъ; несчастная женщина возненавидѣла свой домъ, мужа, стала бродить по святымъ мѣстамъ, нося за пазухой дѣтскій поясокъ, при видѣ котораго рыдаетъ въ три ручья. Зосима прежде всего отгадалъ, что мужъ ея пьянствуетъ, чѣмъ и поселилъ въ ней сразу вѣру въ самого себя, какъ въ необыкновеннаго человѣка и потомъ убѣдилъ ее, что душа ребенка слетаетъ къ ней въ домъ, что ребенокъ, не видя своей матери дома, слетѣвши, скучаетъ по ней. Зосима, понимая материнское сердце, подѣйствовалъ на мать и заставилъ ее вернуться въ домъ въ силу ея любви къ ребенку. Онъ увѣрилъ мать, что хотя она и не увидитъ ребенка, но если будетъ находиться, а не отлучаться отъ дома, то этимъ вмѣсто страданій доставитъ ребенку радость. Точно такимъ же лѣкарствомъ Зосима излѣчилъ и убивающуюся женщину-мужеубійцу. Онъ говорилъ, что Богъ проститъ ее, что Его любовь такъ велика, что она и представить себѣ этого не можетъ. „Ужъ коли я", говорилъ Зосима, „такой же, какъ и ты, человѣкъ грѣшный, надъ тобой умилился и пожалѣлъ тебя, то кольми паче Богъ".

Этою же проницательностію Зосимы, основанною на глубокомъ и всестороннемъ пониманіи человѣческаго сердца, объясняется и его способность предсказывать будущее. „Онъ до того принялъ много", говоритъ Достоевскій „въ душу свою откровеній, сокрушеній, сознаній, что подъ конецъ пріобрѣлъ уже прозорливость столь тонкую, что съ перваго взгляда на лицо незнакомаго, приходившаго къ нему, могъ угадывать, съ чѣмъ тотъ пришелъ, чего тому нужно, и даже какого рода мученіе терзаетъ его совѣсть, и удивлялъ, смущалъ, и почти пугалъ иногда пришедшаго такимъ знаніемъ тайны его, прежде чѣмъ тотъ молвилъ слово". Про Зосиму говорили монахи: „онъ привязывается душой къ тому, кто грѣшнѣе и кто

всѣхъ болѣе грѣшенъ, того онъ всѣхъ болѣе и возлюбитъ“. Этотъ психологическій фактъ—проницательность чувства—является фактомъ почти обыкновеннымъ у всѣхъ художниковъ и особенно у великихъ художниковъ. Это-то и позволяетъ имъ, какъ выражаются, видѣть „насквозь человѣческую душу“. Эта-то способность и давала возможность Шекспиру открывать такія психическія тайны въ области чувствъ, которыя только теперь еще начинаютъ пониматься обыкновенными людьми. Но эта способность проницать, понимать душу другого, основанная на безсознательной чуткости сердца, встрѣчается не только у геніальныхъ художниковъ по природѣ, но и у обыкновенныхъ людей, что подмѣчено народомъ и выражено мудрой пословицей „сердце сердцу вѣсть подаетъ“. На этомъ же основаніи Зосима въ своемъ романѣ „Страница любви“ разсказываетъ, какъ неопытная дѣвочка, силой своей страстной любви къ матери дошла до такой чуткости къ ея внѣшности, къ малѣйшимъ измѣненіямъ въ ней, что узнавала безошибочно, когда мать приходила со свиданія отъ любовника [1]. Любовь къ людямъ, дающая способность самаго тонкаго пониманія человѣкомъ человѣка, любовь всепрощающая и всепроникающая, служитъ базисомъ во всемъ романѣ „Братья Карамазовы“. Эта же любовь, которою Достоевскій объясняетъ самые загадочные, самые необъяснимые факты, и дала право критикѣ обвинять его въ мистицизмѣ.

Къ какимъ же общимъ выводамъ приходитъ Достоевскій послѣ обрисовки своихъ героевъ. Основная мысль романа „Братья Карамазовы“ очень опредѣленно выражается въ устахъ старца Зосимы. Въ каждомъ государствѣ есть бѣдняки, нуждающіеся не только въ матеріальной, но и въ духовной пищѣ. Пока придетъ „огромное“ счастіе, о которомъ хлопочутъ ранніе человѣколюбцы, въ родѣ Алеши, люди страдаютъ и отъ нихъ къ тому времени, какъ придетъ это „огромное“ счастіе, могутъ остаться только одни трупы, могилы да калѣки. Нужна любовь къ человѣчеству, да такая любовь, которая бы все бросала и тотчасъ являлась бы на помощь своимъ братьямъ. Мало того. Даже вѣра въ Бога и въ существованіе души можетъ утвердиться среди людей только тогда, когда они поймутъ, что „всякій человѣкъ, за всѣхъ и за вся виноватъ, помимо своихъ грѣховъ“, что раньше, чѣмъ человѣкъ не сдѣлается всякому братомъ, не будетъ

---

[1]) „Мысль“, 1881 г. т. I, стр. 241.

счастія ни для кого. По понятіямъ Достоевскаго человѣчество теперь доживаетъ періодъ *„уединенія“*, т. е. періодъ, когда всѣ „раздѣлились на единицы, всякій скрывается въ свою нору, всякій отъ другого отдаляется, прячется и, что имѣетъ, прячетъ, и кончаетъ тѣмъ, что самъ отъ людей отталкивается и самъ людей отъ себя отталкиваетъ.... Но непремѣнно будетъ такъ, что придетъ срокъ и сему страшному уединенію, и поймутъ всѣ разомъ, какъ неестественно отдѣлились одинъ отъ другого.... „Тогда и явится“, говоритъ Достоевскій образно, „знаменіе Сына человѣческаго на небеси. Но до тѣхъ поръ надо всетаки знамя беречь и нѣтъ-нѣтъ, а хоть единично долженъ человѣкъ вдругъ примѣръ показать и вывести душу изъ уединенія на подвигъ братолюбиваго общенія, хотя бы даже и въ чинѣ юродиваго. Это, чтобы не умирала великая мысль“... [2]).

Достоевскій такимъ образомъ требуетъ, чтобы каждый человѣкъ, желающій себѣ счастія, прежде всего, а главное—немедленно заботился о счастіи другого. Готовить для человѣчества очень большое счастіе и не помогать по мѣрѣ силъ, чѣмъ кто можетъ, опасно, потому что крестьянка, убившая мужа, и крестьянка, у которой померъ ребенокъ, давно сами наложили бы на себя руки, если бы старецъ Зосима не оказалъ имъ немедленной духовной помощи.



---

[2]) Братья Карамазовы, т. I. стр. 476.

ГРАФЪ Л. Н. ТОЛСТОЙ.

Разнообразіе въ содержаніи произведеній гр. Толстого и особенность его таланта. ДѢТСТВО, ОТРОЧЕСТВО и ЮНОСТЬ. Картина воспитанія безхарактернаго героя.—Его умственная и нравственная несостоятельность.—Слѣдствія этого. УТРО ПОМѢЩИКА. Безхарактерный Нехлюдовъ въ жизни. КАЗАКИ. Дядя Ерошка, джигитъ, охотникъ и казакъ-сибаритъ.—Марьянка—женщина-казакъ по духу. ВОЙНА и МИРЪ. Багратіонъ и Кутузовъ подъ перомъ поэта.—Князья Болконскіе—патріоты.—Княжна Марія Болконская, хотя и ограниченная, но симпатичная натура. АННА КАРЕНИНА—женщина безъ опредѣленныхъ цѣлей въ жизни.—Левинъ—сельскій хозяинъ и мыслитель.

Въ продолженіе своей литературной дѣятельности графъ Л. Н. Толстой постепенно расширялъ и расширялъ предѣлы своего творчества. Онъ началъ свою литературную дѣятельность небольшими разсказами, въ которыхъ изображалъ воспитаніе и духовное развитіе русскаго дворянина; писалъ прекрасные разсказы изъ военно-походной жизни, задумалъ и выполнилъ потомъ огромную эпопею „Война и миръ“, гдѣ захватилъ русское общество въ самый интересный и многознаменательный періодъ отечественной войны 1812 года; наконецъ создалъ художественный романъ „Анна Каренина“, который невольно вызываетъ на интересныя размышленія о значеніи женщины въ семьѣ, обществѣ и о прямомъ ея призваніи.

Отличительная черта, поражающая въ произведеніяхъ гр. Толстого—это новый въ нашей литературѣ, смѣлый и въ тоже время тонкій анализъ духовной жизни человѣка

Разборъ произведеній гр. Толстого смотр. у Писарева стат. „Промахи незрѣлой мысли“ въ „Русскомъ Словѣ“; „Вѣстникъ Европы“ 1878 г.; „Отеч. Зап.“ статьи Скабичевскаго, т. CCIII и „Народные типы въ нашей литературѣ“, 1863 г.; „Дѣло“ стат. Никитина и Языкова; „Время“, критич. статьи Григорьева; „Заря“, 1869 г.

Этотъ анализъ Толстого въ раннихъ произведеніяхъ довелъ его даже до глубочайшаго невѣрія во всѣ чувства души человѣческой. Какъ бы то ни было, а художественный пріемъ, умѣнье заглядывать и уяснять самыя разнообразныя явленія душевной жизни, даже такія, которыхъ не касались прочіе наши поэты, и составляетъ достоинство гр. Толстого, какъ писателя.

ДѢТСТВО, ОТРОЧЕСТВО И ЮНОСТЬ.

Съ глубокою правдою и неумолимою послѣдовательностію гр. Толстой въ своемъ произведеніи „*Дѣтство, отрочество и юность*“ рисуетъ воспитаніе и судьбу безхарактернаго героя, который родился и растетъ въ средѣ общества, искусственно сложившагося. Прослѣдимъ его духовное развитіе.

Родители всячески заботились о томъ, чтобы ребенокъ былъ дальше отъ взрослыхъ, жилъ своими интересами и не имѣлъ бы ничего общаго съ интересами своего семейства, съ его радостями и печалями. Они, какъ и большая часть, впрочемъ, нашихъ образованныхъ родителей, старались казаться въ глазахъ дѣтей лучше, чѣмъ они были, и такимъ образомъ съ дѣтства невольно воспитывали его въ лицемѣріи. Такое систематическое удаленіе ребенка отъ взрослыхъ приноситъ рѣшительный вредъ. Тѣмъ, или другимъ путемъ, рано ли, поздно ли, а ребенокъ непремѣнно долженъ узнать всѣ семейныя тайны, которыя скрываются отъ него самымъ тщательнымъ образомъ. Современемъ онъ будетъ понимать слабости родителей и тѣмъ хуже будетъ относиться къ нимъ, чѣмъ больше они лукавили. Кромѣ того, скрывая отъ ребенка жизнь и пріучая въ ней видѣть только одну розовую сторону, родители безсознательно приготовляли изъ него плохого бойца въ борьбѣ съ предстоящими житейскими невзгодами. Не давая здоровой пищи уму, кромѣ умственной дрессировки и заучиванія французскихъ и нѣмецкихъ фразъ, рѣкъ, городовъ, сухихъ фактовъ изъ исторіи, родители не позаботились о развитіи самостоятельности и самодѣятельности мысли ребенка и такимъ образомъ мало по малу дѣлали изъ него не только нравственнаго, но и умственнаго урода, празднолюбца. Слѣдствія такого воспитанія, какъ для умственной, такъ и для нравственной жизни ребенка скоро сказались.

„Въ продолженіе года, во время котораго онъ велъ уединенную, сосредоточенную въ самомъ себѣ моральную жизнь, всѣ отвлеченные вопросы о назначеніи человѣка,

о будущей жизни, о безсмертіи души уже представлялись ему. Дѣтскій слабый умъ ребенка со всѣмъ жаромъ старался уяснить тѣ вопросы, предложеніе которыхъ составляетъ высшую степень, до которой можетъ достигать умъ человѣка, но разрѣшеніе которыхъ не дано ему... Изъ всего этого тяжелаго моральнаго труда нашъ герой не вынесъ ничего, кромѣ изворотливости ума, ослабившей въ немъ силу воли, и привычки къ постоянному моральному анализу, привычки, уничтожившей свѣжесть чувства и ясность разсудка". Этотъ анализъ, рано развившійся въ ребенкѣ, подкапывался глубоко подъ самыя основы всего того условнаго, чѣмъ онъ былъ окруженъ. Доходя до явленій, ему неподдающихся, онъ предъ ними становился втупикъ. Въ этомъ отношеніи замѣчательны главы о нянькѣ, объ юродивомъ, когда ребенокъ поражался простотою этихъ явленій.

авственное состояніе нашего героя было еще менѣе удовлетворительно. Проводя беззаботную, веселую жизнь: сегодня въ школѣ, завтра на охотѣ; а тамъ игры съ сверстниками, поѣздка въ Москву на долгихъ, бабушкины именины съ гостями, шаловливая влюбчивость въ товарищей и подругъ, все это отвлекало ребенка отъ усидчивыхъ занятій, не развивало его самолюбія, не давало ему почувствовать то неоцѣненное удовольствіе, которое испытываетъ всякій, даже ребенокъ, когда успѣшно выполнитъ заданный урокъ. Онъ не зналъ, да и не могъ знать, что кромѣ игръ и подобныхъ чувственныхъ удовольствій есть еще другія, болѣе высшія—это нравственное довольство, сознаніе долга и добровольной услуги въ пользу товарища. Никто изъ окружающихъ его лицъ не заботился о томъ, чтобы упражнять и тѣмъ развивать его нравственное чувство, съ дѣтства воспитывать въ немъ навыкъ къ дѣятельному добру. Углубляясь въ свой внутренній мірокъ, нашъ герой началъ искать удовлетворенія своихъ нравственныхъ потребностей въ сознаніи самыхъ идеальныхъ, а потому и несбыточныхъ мечтаній. „Онъ часто воображалъ себя великимъ человѣкомъ, открывающимъ для блага всего человѣчества истины и съ гордымъ сознаніемъ своего достоинства смотрѣлъ на остальныхъ смертныхъ". Между тѣмъ, „приходя въ столкновеніе съ этими смертными, онъ робѣлъ передъ каждымъ, и чѣмъ выше ставилъ себя въ собственномъ мнѣніи, тѣмъ менѣе былъ способенъ съ другими не только высказывать сознаніе собственнаго достоинства, но не могъ даже привыкнуть не стыдиться за каждое свое самое простое слово и движеніе".

Потребность въ удовлетвореніи нравственнаго чувства сказалась и въ другихъ фактахъ. Юноша впадаетъ то въ аскетизмъ, то въ религіозный экстазъ, то начинаетъ въ своей головѣ составлять правила для лучшей, болѣе осмысленной жизни. Такъ напр., желая начать эту новую, лучшую жизнь, онъ рѣшается даже дважды кряду исповѣдаться у монаха. Мечтаетъ напр. о томъ, чтобы на будущее время каждое воскресенье ходить въ церковь, потомъ цѣлый часъ читать евангеліе, потомъ, по поступленіи въ университетъ, изъ своихъ карманныхъ денегъ удѣлять ихъ бѣднымъ. Онъ мечтаетъ имѣть особенную комнату, самъ убирать ее и держать въ удивительной чистотѣ; онъ не хочетъ своего человѣка заставлять дѣлать чтобы то ни было для себя. „Вѣдь онъ такой же, какъ и я“, говоритъ нашъ герой. Потомъ, обдумывая планъ своей жизни, предполагаетъ ходить каждый день въ университетъ пѣшкомъ, а ежели ему дадутъ дрожки, то намѣренъ продать ихъ и деньги эти отложить тоже на бѣдныхъ. Экой, подумаешь, благонравный, высоконравственный юноша! Такъ онъ милъ съ своими мечтаніями, и такъ онъ дуренъ, когда эти мечты приходится ему осуществлять! Какъ дымъ — всѣ эти мимолетныя, случайно, подъ вліяніемъ разныхъ постороннихъ впечатлѣній навѣянныя, но не вошедшія въ его плоть и кровь, грезы исчезаютъ, не оставивъ почти никакого слѣда въ душѣ нашего героя. Прошли грезы и проза жизни забираетъ и заѣдаетъ его. Посмотрите—онъ уже по цѣлымъ часамъ заглядывается въ щелочку дѣвичьей, заигрываетъ съ горничными, потомъ ужъ, конечно, влюбляется въ каждую встрѣчную дѣвченку по программамъ только-что прочитанныхъ романовъ. А между тѣмъ сословное высокомѣріе, понятіе о себѣ, какъ о человѣкѣ, принадлежащемъ къ высшему классу—къ аристократамъ, въѣдались и дошли до мозга костей этого несчастнаго барича. Онъ уже составилъ себѣ идеалъ молодого, свѣтскаго человѣка „изъ породистыхъ“. Первое и главное достоинство подобнаго россійскаго джельтмена, по его понятіямъ, должно состоять въ отличномъ знаніи французскаго языка и особенно въ выговорѣ. Человѣкъ, дурно говорящій пофранцузски тотчасъ же возбуждалъ въ немъ чувство ненависти. „Для чего ты хочешь говорить, какъ мы, когда не умѣешь?“ съ ядовитой насмѣшкой спрашивалъ онъ его мысленно. Второе условіе свѣтскаго человѣка были ногти длинные, отчищенные и чистые; третье—было умѣнье кланяться, танцовать и разговаривать; четвертое, и очень

важное, было равнодушіе ко всему и постоянное выраженіе нѣкоторой изящной презрительной скуки. Кромѣ того, у него были общіе признаки, по которымъ онъ, не говоря съ человѣкомъ, рѣшалъ, къ какому разряду онъ принадлежитъ. Главнымъ изъ этихъ признаковъ, кромѣ убранства комнаты, перчатокъ, почерка, экипажа, были ноги. Отношеніе сапогъ къ панталонамъ тотчасъ рѣшало въ его глазахъ положеніе человѣка. Сапоги безъ каблука съ угловатымъ носкомъ, а концы панталонъ узкіе, безъ штрипокъ—это былъ *простой*; сапогъ съ узкимъ, круглымъ носкомъ и каблукомъ и панталоны узкіе, внизу со штрипками, облегчающіе ногу, или широкіе съ штрипками, какъ балдахинъ, стоящіе подъ носкомъ—это былъ человѣкъ „*дурного тона*".

Къ такимъ понятіямъ о внѣшнихъ достоинствахъ идеальнаго свѣтскаго человѣка само собою присоединялись, или лучше сказать, должны были входить въ существо этого россійскаго джельтмена и всѣ уродливости его пріемовъ въ разговорахъ, его нахальное хвастовство, его надменность со всѣми ея смѣшными послѣдствіями. Что бы возвыситься въ глазахъ другихъ и показать свою породу, особенно частенько приходилось нашему герою, за неимѣніемъ при себѣ внутреннихъ достоинствъ, браться за хвастовство. Такъ напр. когда зашелъ разговоръ о дачахъ, онъ вдругъ разсказалъ, что у князя Ивана Ивановича есть такая дача около Москвы, что на нее пріѣзжали смотрѣть изъ Лондона и изъ Парижа, что тамъ есть рѣшетка, которая стóитъ 380000 руб., и что князь Иванъ Ивановичъ ему очень близкій родственникъ, и онъ нынче у него обѣдалъ, и что князь звалъ его непремѣнно пріѣхать къ нему на дачу жить съ нимъ цѣлое лѣто. Съ такими-то манерами нашъ свѣтскій джельтменъ, другой Хлестаковъ, поступилъ въ университетъ, попалъ въ кругъ молодежи, въ средѣ которой всегда бываетъ много и плебеевъ. Свѣтскія замашки и высокомѣріе попытался было онъ проявить и въ своихъ отношеніяхъ къ товарищамъ, но, какъ и слѣдовало ожидать, получилъ такой отпоръ, который заставилъ его сначала позадуматься, потомъ смириться и наконецъ втянуться въ ихъ кружокъ и понятія. Студентческая среда впервые сблизила его съ жизнію; всѣ прежнія барскія, высокомѣрныя понятія о себѣ, какъ объ особенномъ существѣ, имѣющемъ бѣлую кость, перевернулись вверхъ дномъ. При самомъ поверхностномъ наблюденіи надъ молодежью изъ своихъ товарищей низшей породы, черной кости, онъ увидѣлъ въ нихъ такія черты, которыя окончательно роняли его въ своихъ глазахъ.

Разъ онъ хотѣлъ похвастаться предъ ними своими знаніями въ литературѣ, въ особенности французской, и завелъ разговоръ на эту тему. Къ его удивленію оказалось, что, хотя они выговаривали иностранныя заглавія порусски, однако читали гораздо больше его, знали, цѣнили англійскихъ и даже испанскихъ писателей, напр. Лесажа, про которыхъ онъ даже и не слыхивалъ. Пушкинъ и Жуковскій были для нихъ литература (а не такъ, какъ для нашего героя, книжки въ желтомъ переплетѣ, которыя онъ читалъ и училъ ребенкомъ). Они презирали равно Дюма, Сю и Феваля и судили, въ особенности Зухинъ, гораздо лучше и яснѣе о литературѣ, чѣмъ нашъ герой, въ чемъ онъ не могъ не сознаться предъ товарищами.

Въ знаніи музыки онъ тоже не имѣлъ предъ ними никакого преимущества. Оперовъ, напр., его товарищъ, игралъ на скрипкѣ, другой изъ занимавшихся съ нимъ студентовъ игралъ на віолончели и фортепьяно, и оба играли въ университетскомъ оркестрѣ, порядочно знали музыку и цѣнили хорошо. Однимъ словомъ, все чѣмъ нашъ баричъ хотѣлъ похвастаться передъ ними, исключая выговора французскаго и нѣмецкаго языковъ, они знали лучше его и нисколько не гордились этимъ. Могъ бы онъ похвастаться свѣтскостью, но онъ и ея не имѣлъ, какъ Володя;—такъ что же такое была та высота, съ которой онъ смотрѣлъ на нихъ? Его знакомство съ княземъ Иваномъ Ивановичемъ? Выговоръ французскаго языка? дрожки? голландская рубашка? ногти?.. Да ужъ не вздоръ ли все это? начинало ему глухо приходить иногда въ голову, подъ вліяніемъ чувства зависти къ товариществу и добродушному молодому веселью, которое онъ видѣлъ передъ собою. Они всѣ были на „ты". Простота ихъ обращенія доходила до грубости, но и подъ этой грубой внѣшностью былъ видимъ страхъ хоть чуть-чуть оскорбить другъ друга. *Подлецъ, свинья,* употребляемые ими въ ласкательномъ смыслѣ, только коробили нашего героя и подавали ему поводъ къ внутреннему подсмѣиванью, но эти слова не оскорбляли ихъ и не мѣшали имъ быть между собою на самой искренней дружеской ногѣ. Въ обращеніи между собою они были такъ осторожны и деликатны, какъ только бываютъ очень бѣдные и очень молодые люди. Главное же, что-то широкое, разгульное чуялось въ этомъ характерѣ Зухина и его похожденіяхъ въ „Лиссабонѣ". Нашъ юноша предчувствовалъ, что эти кутежи должны были быть что-то совсѣмъ другое, чѣмъ то притворство съ зажжонымъ ромомъ и шампанскимъ, въ которомъ онъ участвовалъ у барона З.

Повѣсть „Юность“ къ сожалѣнію, не окончена графомъ Толстымъ, а потому мы не знаемъ, чѣмъ и каковъ былъ въ жизни герой ея. Не подлежитъ сомнѣнію только одно, что какія бы благодѣтельныя вліянія университетская наука и жизнь среди трудящейся молодежи, не производила на него, уже испорченнаго начальнымъ домашнимъ воспитаніемъ, какъ бы ни ломала его жизнь, задатки эти глубоко пустили свои корни и полнаго пересозданія характера ожидать отъ него трудно, даже не возможно. Все, что онъ услышитъ, или вычитаетъ, все это будетъ для него чужое, наносное; едва ли когда войдетъ это въ его существо и слово его едвали сдѣлается дѣломъ. Даже научныя занятія для такого человѣка будутъ мертвымъ обрядомъ. Умственный трудъ для него никогда не сдѣлается живѣйшимъ наслажденіемъ, не выработаетъ въ немъ высшей гуманности и той широты пониманія, безъ которой не дается человѣку ни разумное пользованіе жизнію, ни счастливая способность приносить дѣйствительную пользу самому себѣ, своему семейству и родному народу.

НЕХЛЮДОВЪ

(въ повѣсти „**Утро помѣщика**“).

Молодой, энергичный 19-лѣтній юноша Нехлюдовъ въ повѣсти „Утро помѣщика“ служитъ, пожалуй, какъ бы продолженіемъ героя повѣсти „Юность“. Не окончивъ университетскаго курса и желая какъ можно скорѣе дѣла, дѣла практическаго, на пользу общества и бѣдствующаго люда, пылкій Нехлюдовъ бросаетъ столицу и уѣзжаетъ въ деревню, гдѣ ему предстоитъ „огромное поприще для цѣлой жизни, которую онъ посвятитъ на добро, и въ которой слѣдовательно будетъ счастливъ“. Ему не надо искать сферы дѣятельности: она готова—у него есть прямая обязанность, у него есть крестьяне.... И какой отрадный и благодарный трудъ представляется ему—дѣйствовать на этотъ простой, воспріимчивый, неиспорченный классъ народа, избавить его отъ бѣдности, дать довольство, передать имъ образованіе, которымъ по счастью онъ пользуется, исправить ихъ пороки, порожденные невѣжествомъ и суевѣріемъ, развить ихъ нравственность, заставить полюбить добро.... Какая блестящая, счастливая будущность! „И за все это я, который буду дѣлать это для собственнаго счастія“, мечтаетъ нашъ герой, „я буду наслаждаться благодарностью ихъ, буду видѣть, какъ съ каждымъ днемъ я дальше и дальше иду къ предположенной цѣли. Чудная будущность!“

Рядомъ съ этою благодарною и дѣятельною будущностію Нехлюдовъ въ своемъ воображеніи рисуетъ самыя радужныя картины будущаго семейнаго счастія: „Я и жена, которую я люблю такъ, какъ никто, никогда, никого не любилъ на свѣтѣ, мы всегда живемъ среди этой спокойной, поэтической деревенской природы, съ дѣтьми, можетъ быть со старухой теткой: у насъ есть наша взаимная любовь, любовь къ дѣтямъ, и мы оба знаемъ, что наше назначеніе—добро. Мы помогаемъ другъ другу идти къ этой цѣли. Я дѣлаю общія распоряженія, даю общія, справедливыя пособія, завожу фермы, сберегательныя кассы, мастерскія; а она, съ своей хорошенькой головкой, въ простомъ, бѣломъ платьѣ, поднимая его надъ стройной ножкой, идетъ по грязи въ крестьянскую школу, въ лазаретъ, къ несчастному мужику.....и вездѣ утѣшаетъ, помогаетъ.....Дѣти, старики, бабы обожаютъ ее и смотрятъ на нее, какъ на какого-то ангела, на Провидѣніе. Потомъ она возвращается и скрываетъ отъ меня, что ходила къ несчастному мужику и дала ему денегъ, но я все знаю и крѣпко обнимаю ее, и крѣпко и нѣжно цѣлую ея прелестные глаза, стыдливо-краснѣющія щеки и улыбающіяся румяныя губы“.

Какъ все общество, такъ и каждый изъ насъ въ отдѣльности были бы счастливы, какъ мало видѣли бы мы предъ своими глазами бѣдноты и страданій людскихъ, если бы всѣ эти сладкорѣчивые плоды фантазіи, не оставались мечтами, а осуществлялись въ жизни хоть на половину! Что же? Нехлюдовъ—не Рудинъ. Онъ, живя въ деревнѣ, дѣйствительно и горячо принимается за хозяйство, все время распредѣляетъ по часамъ, отворяетъ свои двери всѣмъ крестьянамъ для совѣтовъ и разныхъ вспомоществованій.

Проходитъ годъ, но не успѣлъ наступить другой, какъ его дѣятельность, столько обѣщавшая плодотворныхъ послѣдствій, начала ослабѣвать; онъ самъ потерялъ всякую вѣру въ свои силы и въ способность русскаго мужика къ воспріятію какихъ бы то ни было нововведеній и улучшеній въ своей жизни. Оказалось, что въ тѣ каменныя избы, которыя онъ нарочно выстроилъ для лучшихъ изъ своихъ крестьянъ, никто изъ нихъ, даже самый бѣдный, нейдетъ. „Буде милость твоя будетъ избу поправить“, говоритъ одинъ изъ бѣдняковъ-крестьянъ: „много довольны вашей милостью останемся; а нѣтъ, такъ и въ старенькой своей вѣкъ какъ-нибудь доживемъ. Заставь вѣкъ Бога молить: не сгоняй ты насъ съ гнѣзда нашего,

батюшка!“... Выдумалъ было Нехлюдовъ новую молотильную машину, но и та только свистѣла и ничего не молотила, вызывая одинъ смѣхъ среди мужиковъ. Вотъ къ какимъ печальнымъ выводамъ послѣ своей годичной практики въ качествѣ барина-благодѣтеля пришелъ Нехлюдовъ! „Гдѣ же мои мечты? спрашиваетъ онъ себя. Вотъ ужъ больше года, какъ я ищу счастія на этой дорогѣ, и чтожъ я нашелъ? Правда, иногда я чувствую, что могу быть довольнымъ собой; но это какое-то разумное, сухое довольство. Да и нѣтъ, я просто недоволенъ собой! Я недоволенъ потому, что я здѣсь не знаю счастія, а желаю, страстно желаю счастія. Я, не испытавъ наслажденій, уже отрѣзалъ отъ себя все, что даетъ его..... Развѣ богаче стали мои мужики? Образовались или развились нравственно? Нисколько. Имъ стало не лучше, а мнѣ съ каждымъ днемъ становится тяжелѣе. Еслибъ я видѣлъ успѣхъ въ своемъ предпріятіи, еслибъ я видѣлъ благодарность... но нѣтъ, я вижу ложную рутину, порокъ, недовѣріе, безпомощность!“

Между тѣмъ всѣ улучшенія Нехлюдова въ бытѣ крестьянъ, требуя денежныхъ затратъ и расходовъ, истощали его средства; дѣло дошло до того, что онъ, увлекшись разными предпріятіями, долженъ былъ ожидать пріѣзда земскаго суда для описи имѣнія, которое онъ просрочилъ. Всѣ его добрыя начинанія, всѣ его студентческія мечты рушились и разлетѣлись въ прахъ. Что же это за фатумъ виситъ надъ лучшими, повидимому, людьми русской земли; гдѣ же причина такой обидной безъисходности, безпомощности для всякаго честнаго земледѣльца, въ родѣ Нехлюдова, желающаго быть другомъ народа, стоя съ нимъ лицомъ къ лицу?

Бѣда вся въ томъ, вопервыхъ, что Нехлюдовъ, какъ раньше сказано, если не тотъ самый герой, какого мы видѣли въ повѣсти „Юность“, то по своему начальному воспитанію долженъ быть имъ. Вѣдь у насъ образованіе и воспитаніе дворянъ всегда, и въ настоящее даже время, совершенно одинаково во всѣхъ семействахъ. И Нехлюдовъ не избѣгъ его. Слабая сторона этого воспитанія, какъ мы видѣли, состояла, между прочимъ, въ томъ, что не развивали въ ребенкѣ усидчивости, терпѣнія, этой выносливости, которою такъ можетъ гордиться простой русскій человѣкъ съ черною (а не бѣлою) костью. При отсутствіи характера и терпѣнія, Нехлюдовъ хлебнулъ той отвлеченной, кажущей жизнь черезъ дымку, отуманивающей образованности, какою вскормлено у насъ на

Руси столько поколѣній. Образованіе это готовило прежде всего чиновниковъ и только... Школа, какая бы она ни была—низшая или высшая,—не давала прикладныхъ знаній, почему и побывавшіе въ ней выходили въ жизнь на пагубу себѣ, идеалистами и простыми теоретиками. Жертвой такого строя и хода всего нашего прежняго образованія и былъ Нехлюдовъ. Онъ не зналъ и не хотѣлъ идти по тому пути, по которому идутъ не только простые смертные, но и геніальные люди: начинать съ малаго и постепенно путемъ труда и борьбы доходить до великаго. Наши герои не знаютъ удержу; ужъ если они рѣшили „осчастливить міръ“ и взялись за какое-нибудь дѣло, то спѣшатъ придать ему сразу грандіозные цѣли и размѣры. Результатами такихъ пріемовъ всегда являются только мыльные пузыри.

ДЯДЯ ЕРОШКА

(въ повѣсти „Казаки“).

Въ кавказской повѣсти „Казаки“ гр. Толстой нарисовалъ прекрасный народный типъ, отличающійся необыкновенною правдою, типъ дяди Ерошки, этого стараго казака-джигита, казака-охотника.

Духъ молодечества въ одинокомъ Ерошкѣ развитъ и поддерживается непокойными сосѣдями, каковы напр. чеченцы. Этотъ Ерошка счастливъ, безконечно счастливъ, если онъ какъ-нибудь случайно подкрадется врасплохъ и просадитъ голову врагу изъ какого-нибудь укромнаго мѣстечка; точно также онъ на верху блаженства, если случится угнать стадо мирныхъ нагайцевъ, хотя для этого и пришлось бы умертвить спящихъ пастуховъ и уничтожить цѣлые аулы. Украсть, отбить, ограбить, а главное сдѣлать такъ, чтобы не пришлось самому чѣмъ-нибудь поплатиться за это—вотъ идеалъ казака. Подобная отвага и физическая храбрость въ жизни дикихъ племенъ—это та же, по ихъ понятіямъ, дипломатическая ловкость. Не даромъ такъ горделиво и съ такою откровенностію хвастается предъ Лукою отважный Ерошка: „Не засталъ ты меня въ золотое времячко—я бы тебѣ показалъ... Я настоящій джигитъ былъ: пьяница, воръ, табуны въ горахъ отбивалъ, пѣсельникъ; на всѣ руки былъ. Нынче ужъ и казаковъ-то такихъ нѣтъ!“

На тотъ же развитой, сильный духъ казачества указываетъ и стремленіе Ерошки къ полной, ничѣмъ не стѣсняемой свободѣ. Для него нѣтъ и быть не можетъ ни дисциплины, ни законовъ гражданскихъ, ни приличій.

Онъ готовъ исполнить всѣ порученія, всѣ приказанія; чѣмъ они труднѣе, тѣмъ въ его глазахъ выше. Но онъ самый отчаянный врагъ всякихъ стѣсненій, принужденій. Для него вся жизнь въ свободѣ, и подчасъ въ весельѣ: онъ не прочь выпить, поврать, разойтись. Посмотрите, какъ онъ показываетъ свое искусство въ игрѣ на балалайкѣ и въ пѣніи татарскихъ пѣсенъ. Разъ во время пѣнія онъ такъ ушелъ въ свои любимыя казацкія пѣсни, что въ серединѣ при пѣніи одной изъ нихъ голосъ его вдругъ задрожалъ, слезы стояли на его глазахъ, и одна текла по щекѣ. „Прошло ты, мое времячко, не воротишься", всхлипывая, проговорилъ онъ, и замолкъ. Особенно трогательна была для него одна тавлинская пѣсня. Словъ въ ней было мало, но вся прелесть ея заключалась въ печальномъ припѣвѣ: „Ай! дай! далалай!" Иногда, допѣвая этотъ завывающій, за душу хватающій припѣвъ, старикъ бралъ вдругъ со стѣны ружье, торопливо выбѣгалъ на дворъ и стрѣлялъ изъ обоихъ стволовъ вверхъ, послѣ чего еще печальнѣе запѣвалъ: „Ай! дай! далалай а-а!" и замолкалъ, какъ бы выливая вмѣстѣ съ выстрѣломъ наружу все то горе, которое накипало въ его мужественной, богатырской душѣ.

Ерошка, какъ охотникъ, сынъ природы; его жизнь слита съ нею такъ, какъ не можетъ себѣ представить человѣкъ, котораго коснулась цивилизація. Во всѣхъ явленіяхъ органической и неорганической жизни Ерошка видитъ тѣ же свойства, какъ и въ человѣкѣ. Лукашка напр. желаетъ отъ Ерошки получить свѣдѣнія, какъ найти ему „разрывъ траву". Ерошка съ полнымъ убѣжденіемъ говоритъ ему: „Найди ты гнѣздо черепахи и оплети плетешкомъ кругомъ. Вотъ она придетъ, покружитъ и сейчасъ назадъ, найдетъ разрывъ траву, принесетъ, плетень разоритъ. Вотъ ты и поспѣвай на другое утро, и смотри: гдѣ разломано, тутъ и разрывъ-трава лежитъ. Бери и неси куда хочешь. Не будетъ тебѣ ни замка, ни закладки". Въ каждомъ звѣрѣ Ерошка видитъ разумъ, чувство, обычаи и пріемы. И неудивительно. Вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ, какъ онъ живетъ среди этой дѣвственной прироры: на его глазахъ животныя истребляютъ другъ друга и употребляютъ разные способы укрыться отъ врага; на его глазахъ они пьютъ, ѣдятъ, плодятся, рѣзвятся и умираютъ. Удивительно ли послѣ этого такая тѣсная родственная связь между нимъ и животными, къ которымъ онъ относится съ такою нѣжностію, любовію. Вѣдь всѣ эти животныя его, такъ сказать, знакомцы, соотечественники.

МАРЬЯНКА

(въ повѣсти „Казаки").

Художественный типъ казачки Марьянки еще полнѣе, чѣмъ Ерошки, нарисованъ графомъ Толстымъ. Марьянка считалась первою красавицей въ станицѣ. Ея нельзя было назвать *хорошенькой*, но *красавицей* считали всѣ. „Черты ея лица могли показаться слишкомъ мужественными и почти грубыми, ежели бы не этотъ большой, стройный ростъ и могучая грудь и плечи, а главное, ежели бы не это строгое и вмѣстѣ нѣжное выраженіе длинныхъ черныхъ глазъ... и ласковое выраженіе рта и улыбки. Она улыбалась рѣдко, но за то ея улыбка всегда поражала. Отъ нея вѣяло дѣвственною силой и здоровьемъ... Она гордою и веселою царицей казалась между другими дѣвицами". Въ этомъ-то здоровомъ, красивомъ и могучемъ женскомъ тѣлѣ кипѣла горячая страсть къ Лукашкѣ, молодцу собой и первому храбрецу во всей станицѣ. Правда, Марьянка, какъ казачка, смотрѣла на любовь, какъ на лакомство, какъ на роскошь. Однако полюбился ей Лукашка. Она, царица среди своихъ подругъ, хотѣла быть царицей и въ отношеніи къ нему: она не прочь цѣловаться съ нимъ, но дальше этихъ забавъ она не позволяла себѣ идти. Одновременно съ Лукашкой за ней сталъ ухаживать юнкеръ-баринъ Оленинъ. Груба была Марьянка, но подъ ея суровой рубахой скрывались нѣжныя, возвышенныя чувства. Оленинъ въ ея глазахъ былъ выше Лукашки: онъ, конечно, превосходилъ его своей деликатностію и благородствомъ пріемовъ. Лукашка же, какъ простой казакъ, былъ грубъ. Узнавъ о симпатіяхъ ея въ отношеніи къ Оленину, Лукашка началъ безпрестанно раздражать Марьянку рѣзкими придирками, грубыми выходками. Такъ, возвращаясь съ кордона, онъ наѣзжаетъ въ порывѣ веселости на дѣвокъ, въ числѣ которыхъ была и Марьянка.

— „Что лошадью топчешь? сказала она грубо и отвернулась....Ну, тебя, совсѣмъ ноги отдавишь!"

— Эхъ, дѣвка, говоритъ Лукашка, оскорбленный измѣною Марьянки, „худо будетъ. Будешь плакать отъ меня". Марьянка остановилась. „Что худо будетъ?—А то, что съ постояльцемъ, солдатомъ гуляешь, за то и меня разлюбила".

— „Захотѣла—разлюбила. Ты мнѣ не отецъ и не мать. Кого захочу, того и люблю".

И здѣсь сказалась ея сильная натура, ея свобода, ко-

торою дышатъ не только всѣ казаки, казачки, но и дѣти ихъ.

Хоть и полюбился Марьянкѣ Оленинъ больше Лукашки, однако и къ послѣднему въ ней никогда не погасала искра любви. Оленинъ прельщалъ ее своими манерами, но лишь только она посерьезнѣе вникала въ свои отношенія къ нему, лишь только она задумывалась надъ своимъ будущимъ, она видѣла, что Оленинъ ей не пара. Какъ она будетъ женой барина, и при томъ русскаго—съ этимъ она никакъ не могла помириться. Она инстинктивно чувствовала, что между нею и Оленинымъ нѣтъ, да и быть не можетъ тѣсной, внутренней связи. Ихъ образованіе, взгляды, привычки, характеры, даже вѣрованія и языкъ—все было ей чуждо въ Оленинѣ. Онъ плѣнилъ ее только какъ образованный, нѣжный, сострадательный человѣкъ. Бывали минуты, когда она, однако, рѣшалась сдѣлаться его женою и потомъ опять задумывалась. Но вотъ Лукашка получаетъ смертельную рану: этотъ фактъ разсѣеваетъ всѣ ея сомнѣнія, колебанія. Заговорилъ въ ней духъ казацкій, духъ ея отцовъ, и Марьянка безповоротно переходитъ на сторону казака Лукашки: она почувствовала духовное родство съ нимъ. „Уйди, постылый!" крикнула и топнула Марьянка надъ Оленинымъ, когда онъ пришелъ къ ней. И страшное отвращеніе выразилось на ея лицѣ къ Оленину: онъ сразу понялъ, что все кончено—ему нечего ждать отъ Марьянки. Она словно захотѣла отомстить ему за минутное увлеченіе, за невольную измѣну Лукашкѣ—ея жениху, который вслѣдствіе полученной раны умиралъ на глазахъ Марьянки.

БАГРАТІОНЪ И КУТУЗОВЪ ПОДЪ ПЕРОМЪ ПОЭТА.

(въ романѣ „Война и миръ").

Въ произведеніи „Война и миръ" гр. Толстой рисуетъ рядъ картинъ изъ жизни русскаго общества во времена Александра I. Онъ представляетъ намъ цѣлый букетъ разнообразныхъ и превосходно отдѣланныхъ характеровъ мужскихъ и женскихъ, старыхъ и молодыхъ. Хотя въ романѣ и не затрогивается ни одинъ изъ современныхъ вопросовъ, хотя нельзя назвать основательною даже главную мысль этого романа, указывающую на какой-то фатализмъ, который будто бы управляетъ цѣлыми государствами, и отдѣльными историческими лицами,—тѣмъ

не менѣе все это нисколько не умаляетъ художественнаго произведенія и не лишаетъ его современнаго значенія. Герои этого романа замѣчательно изображены по глубинѣ и вѣрности психологическаго анализа и жизненной правдѣ, которою они дышатъ. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. Кутузовъ и Багратіонъ, являются и какъ герои войны 1812 г. и какъ простые люди въ ихъ семейной обстановкѣ.

КУТУЗОВЪ, БАГРАТІОНЪ, И КНЯЗЬЯ БОЛКОНСКІЕ.

(въ романѣ „**Война и миръ**“).

Одностороняя идея, положенная гр. Толстымъ въ основаніе романа „Война и миръ“ отпечатлѣлась и на нашихъ полководцахъ—Кутузовѣ и Багратіонѣ. По мысли гр. Толстого, какъ война 1812 г., такъ и вообще всѣ историческія событія, идутъ и смѣняются не по волѣ какого-нибудь одного лица, а въ силу народныхъ стремленій. Унижая такимъ образомъ личный геній отдѣльныхъ героевъ и историческихъ лицъ, поэтъ представляетъ Кутузова, какъ полководца, который искусно умѣлъ понять и воспользоваться этими народными стремленіями. Самое появленіе Кутузова, какъ геніальнаго полководца, объясняется тѣмъ, что онъ былъ выдвинутъ на сцену совокупностію единоличныхъ произволовъ. Нечего и говорить, что при такомъ взглядѣ на историческихъ лицъ и событія, необходимо слѣдуетъ признать, что отдѣльныя лица, какъ напр. Кутузовъ, являются слѣпыми орудіями, исполнителями всенародной воли, а самыя событія идутъ такъ или иначе потому, что имъ нельзя нейти или идти иначе. Подобная философія коллективнаго фатализма прямо противорѣчитъ исторической наукѣ, которая стремится найти, вмѣсто темной, слѣпой силы, порождающей исторические факты, внутреннюю причинную зависимость; эта зависимость находится какъ между малыми, такъ и великими историческими событіями.

Помимо этого оттѣнка, наложеннаго на Кутузова гр. Толстымъ, образъ его представленъ поразительно-величественнымъ. Кутузовъ и Багратіонъ, когда они дѣйствуютъ въ битвѣ, совсѣмъ забываютъ личное *я*; о нихъ мало сказать „это герои“, „храбры“. Они ведутъ свое дѣло просто; какъ духи, какъ тѣни какіе-то, они проникаютъ въ самую душу войскъ и руководятъ ихъ чувствами. Глядя открыто въ глаза судьбѣ, они ни на минуту не поддаются страху: никакое сомнѣніе въ ихъ дѣйствіяхъ не возможно. Точно также дѣйствуютъ и др. генералы.

Вспомните напр. князя Андрея во время Бородинской битвы. Долгіе часы стоитъ онъ съ своимъ полкомъ подъ выстрѣлами; всѣ человѣческія чувства говорятъ въ его душѣ, но онъ ни на одно мгновеніе не теряетъ полнаго самообладанія и кричитъ прилегшему на землѣ адъютанту: „стыдно, господинъ офицеръ!" въ тотъ самый моментъ, когда разрывается граната и наноситъ ему тяжкую рану.

Старикъ Болконскій не уступаетъ въ отвагѣ своему сыну. Вотъ какое спартанское напутствіе онъ даетъ этому любимому сыну со всею нѣжностію отеческаго сердца, когда онъ отправляется на войну: „Помни одно, князь Андрей, коли тебя убьютъ, мнѣ старику больно будетъ.... А коли узнаю, что ты повелъ себя не какъ сынъ Николая Болконскаго, мнѣ будетъ....стыдно!" И сынъ его вполнѣ достоинъ отца. Съ твердымъ убѣжденіемъ онъ говоритъ отцу: „Этого вы могли бы и не говорить мнѣ, батюшка!" Всѣ интересы Россіи для старика Болконскаго становятся его личными интересами, составляютъ часть его существа: онъ жадно слѣдитъ за ходомъ военныхъ дѣйствій изъ своихъ Лысыхъ горъ. Онъ не хочетъ вѣрить, что его милая, дорогая родина вдругъ потеряла силу; ему думается, что успѣхъ Наполеона—это просто какая-нибудь случайность, ошибка. Когда получаетъ письмо отъ своего сына съ извѣстіемъ, что Наполеонъ добрался до Витебска, старикъ Болконскій теряется, отталкиваетъ отъ себя мысль объ этомъ, мысль, которая должна сокрушить его жизнь. Но роковое извѣстіе было справедливо, пришлось повѣрить...и...и старикъ-патріотъ не выноситъ оскорбленія своей родины. Вѣрнѣе пули поражаетъ его мысль объ общемъ бѣдствіи и онъ умираетъ. Да, побольше бы такихъ патріотовъ: ими крѣпки народы и государства! Но въ этихъ герояхъ-патріотахъ есть и другія, человѣческія стороны, есть слабости и страсти, которыя они проявляютъ въ обыденной жизни.

КНЯЖНА МАРЬЯ БОЛКОНСКАЯ

(въ романѣ „**Война и миръ**").

У князя Николая Болконскаго была дочь Марья, которую онъ воспитывалъ по „Домострою", по традиціямъ добраго стараго времени. Въ основу этого воспитанія, какъ извѣстно, кладется безусловная покорность, страхъ къ воспитывающему, иногда влекущій за собою уничтоженіе человѣческой личности. Имѣя отъ природы умъ, который, впрочемъ, нисколько не былъ развитъ воспита-

ніемъ, княжна, не будучи при этомъ красива собой, и не мечтала о семейной жизни; все свое сердце она переносила на близкихъ людей, ее окружающихъ—на отца, брата, племянника и всю жизнь отдала имъ. Отецъ, котораго она обожала, былъ великъ при Екатеринѣ, но при Павлѣ I сосланъ въ деревню и здѣсь вѣчно раздраженный старался выливать свою злобу на всѣхъ, не исключая и дочери. Все въ домѣ преклонялось предъ нимъ. Постоянно занятый пустяками онъ требовалъ, чтобы дочь его была при дѣлѣ: столько-то часовъ употребляла бы на геометрію, столько-то на музыку, на чтеніе и т. д. Хорошо бы это, но вотъ бѣда—она не слыхала ласковаго слова отъ своего отца, она не чувствовала между собой и отцемъ никакой духовной связи. Княжна искала для себя дѣятельности въ своемъ домѣ, гдѣ жилъ ея братъ Андрей, у котораго былъ сынъ-ребенокъ. Она хотѣла заняться его воспитаніемъ, но, къ несчастію, за это дѣло приняться не съумѣла. Отецъ, чтобы сынъ не сдѣлался „слезливой, старой дѣвкой", какъ выражался старикъ Болконскій, взялъ для сына гувернера и княжнѣ оставалось коротать время въ перепискѣ съ подругами и въ молитвѣ. Но по недостатку основательнаго образованія и развитія Марья не въ состояніи была проникнуться глубиною истинно-христіанскаго духа: ея религіозныя понятія и подвиги не шли дальше того, чтобы собирать около себя „Божьихъ людей", думать, что страданье есть неизбѣжный удѣлъ, посылаемый самимъ Богомъ. Между тѣмъ годы шли, все лучшіе годы. Отецъ къ старости становился еще брюзгливѣе, еще невыносимѣе, хотя и видѣлъ въ дочери плоды своего милаго воспитанія, видѣлъ, но уже поправить дѣло не могъ. Съ одной стороны привычка, взлелѣянная годами, съ другой—понятія объ отцовскомъ авторитетѣ и о женщинѣ, какъ существѣ слабомъ, требующемъ поддержки, не давали ему перемѣнить свою систему отношеній къ дочери. Все это довело послѣднюю до того, что она при всей искренней любви къ отцу, во время его болѣзни вслѣдствіе удара начала чувствовать какое-то облегченіе для себя и въ душѣ желала, сказать ли, чего? желала его скорѣйшей смерти. Даже то, что годами не приходило ей въ голову, даже мысли о возможности свободной жизни безъ отца, о возможности любви и семейнаго счастія, какъ искушенія дьявола, безпрестанно носились въ ея воображеніи. По смерти отца Марьей, или скорѣе ее богатствомъ, увлекся и женился графъ Ростовъ. При всей своей искренней любви къ

своему мужу и дѣтямъ княжна Марья не могла быть ни хорошею женою, ни воспитательницею своихъ дѣтей. Между нею и мужемъ не было ничего общаго. Интересы его совсѣмъ не занимали Марью. Часто она смотрѣла на него и не то-что думала о другомъ, а чувствовала о другомъ. „Она чувствовала покорную, нѣжную любовь къ этому человѣку... и кромѣ этого чувства, поглощавшаго ее всю и мѣшавшаго ей вникать въ подробности плановъ мужа, въ головѣ ея мелькали мысли, не имѣющія ничего общаго съ тѣмъ, что онъ говорилъ“. Заботясь о воспитаніи дѣтей, она завела дневникъ, куда записывала все изъ дѣтской жизни, что для нея казалось замѣчательнымъ, выражая характеръ дѣтей или наводя на общія мысли о пріемахъ воспитанія. Но что это былъ за дневникъ? Сборникъ разныхъ, большею частію самыхъ ничтожныхъ мелочей, которыя однако не казались матери таковыми. Очевидно, лучшіе годы княжны Марьи были потеряны: ни навыка къ труду и свободной дѣятельности, ни знаній она не пріобрѣла въ домѣ отца, а слѣдовательно и осталась на всю жизнь безпомощнымъ существомъ, неспособнымъ къ разумной, счастливой жизни.

Князь Борисъ Друбецкой.

(изъ романа „**Война и миръ**“).

Хотя и не новымъ типомъ въ нашей литературѣ, но замѣчательнымъ по своей художественной обработкѣ является въ романѣ „Война и миръ“ молодой князь Борисъ Друбецкой, знатный по происхожденію и связямъ, по небогатый по состоянію. Поставивъ задачею своей жизни достигнуть блестящей карьеры и богатства, князь Друбецкой всѣ пружины, находящіяся въ его распоряженіи, пустилъ въ дѣло. Его родная мать снаряжена была имъ ѣздить по лицамъ, власть имѣющимъ, пресмыкаться предъ ними и охлопатывать дѣлишки относительно мѣстъ и дальнѣйшихъ повышеній. Самъ онъ старался быть въ сторонѣ отъ всѣхъ ея заискиваній, подслуживаній. Онъ и держалъ себя гордо: покровителямъ кланялся учтиво, отвѣчалъ на ихъ вопросы ясно, отчетливо, спокойно. Онъ и начальникамъ-то льстилъ особенно, какъ-то по своему. Онъ зналъ, что не всякая лесть производитъ пріятное впечатлѣніе и достигаетъ цѣли: чѣмъ она тоньше, тѣмъ пріятнѣе. Благодаря такому глубокому понятію о лести, онъ показался добродушному Пьеру Безухову прекраснымъ молодымъ человѣкомъ и съумѣлъ заполучить отъ него рекомендательное письмо къ адъютанту Кутузова

князю Болконскому, и такимъ путемъ сдѣлался адъютантомъ одного высокопоставленнаго лица. Шагъ на пути сдѣланъ; одна изъ частей его жизненной программы выполнена: князю оставалось только продолжать дѣйствовать въ томъ же направленіи. „Онъ былъ не богатъ, но послѣднія деньги употреблялъ на то, чтобы быть одѣтымъ лучше другихъ; онъ скорѣе лишилъ бы себя многихъ удовольствій, чѣмъ позволилъ бы себѣ ѣхать въ дурномъ экипажѣ или показаться въ старомъ мундирѣ на улицахъ Петербурга. Сближался онъ и искалъ знакомствъ только съ людьми, которые были выше его, и потому могли быть ему полезны". Само собой понятно, что въ черствой душѣ Бориса не могло быть и одной искры той чистой, свѣжей любви, которая дѣлаетъ человѣка человѣкомъ. Онъ, будучи еще 17-лѣтнимъ юношей, игралъ въ любовь съ 12-лѣтней Наташей Ростовой. Передъ отъѣздомъ въ полкъ онъ далъ слово жениться на ней. Время шло. Наташа стала уже невѣста. При первомъ свиданіи съ нею послѣ разлуки Борисъ сказалъ себѣ, что Наташа для него точно также привлекательна, какъ и прежде, но что онъ не долженъ отдаваться этому чувству, потому что женитьба на ней, дѣвушкѣ почти безъ состоянія, была бы погибелью его карьеры, а возобновленіе прежнихъ отношеній безъ цѣли женитьбы—было бы неблагороднымъ поступкомъ. Но у Бориса не доставало смѣлости и рѣшительности вдругъ прекратить свои сношенія съ Наташей. Уклончивый Борисъ отговаривался тѣмъ, что онъ, часто бывая въ домѣ Ростовыхъ у Наташи, можетъ дать поводъ къ разнымъ сплетнямъ, почему и считаетъ болѣе удобнымъ являться къ нимъ рѣже. Оградивъ себя этимъ щитомъ, князь Борисъ безповоротно рѣшился прекратить всякія сношенія съ своей невѣстой. „Онъ пересталъ бывать у Ростовыхъ и даже, встрѣтившись съ нимъ на балѣ, проходитъ мимо нихъ два раза и всякій разъ отвертывается. Настали новыя хлопоты, новыя поиски невѣстъ-покупщицъ. На этотъ разъ Борисъ рѣшился, и не безъ успѣха, ухаживать за 27-лѣтней Жюли Карагиной, владѣющей огромными пензенскими имѣніями и нижегородскими лѣсами. Если для Бориса легко было прикинуться влюбленнымъ, то не такъ легко было примириться съ мыслію, что ему всю жизнь придется видѣть предъ собой некрасивую Карагину, къ которой ужъ никакъ нельзя было заглушить въ себѣ физическаго отвращенія. Глядя на ея красное лицо и подбородокъ, почти всегда осыпанный пудрою, онъ долго не могъ произнести

рѣшительнаго слова и сдѣлать Жюли предложеніе, хотя давно уже считалъ себя обладателемъ имѣній невѣсты и раскидывалъ уже въ своемъ воображеніи расходы съ этихъ имѣній. Наконецъ, собравшись съ силами, Борисъ вспыхнулъ яркимъ румянцемъ, и, заплативъ этимъ послѣднюю дань своей молодости, объяснился предъ Жюли въ своей любви и сдѣлалъ ей предложеніе, успокоивая себя тѣмъ, что *всегда можетъ устроить дѣло* такъ, чтобы какъ можно рѣже видѣть свою жену, безобразную Жюли.

АННА КАРЕНИНА

(романъ).

Переходя къ роману „Анна Каренина" гр. Толстого, нельзя прежде всего не обратить вниманія на то, что рѣдко у насъ въ Россіи съ такимъ усердіемъ и интересомъ читались литературныя произведенія даже нашихъ корифеевъ-писателей, рѣдко порождали столько самыхъ разнообразныхъ толковъ и сужденій, какъ надѣлавшій въ свое время такъ много шуму романъ, къ героямъ котораго мы переходимъ. Причина такого интереса, кромѣ художественности произведенія, заключается въ выборѣ темы, которая касается семейной русской жизни и такъ часто повторяющихся семейныхъ драмъ, оканчивающихся большею частію разводомъ. Поэтому при чтеніи Анны Карениной сами собою на отвѣты напрашиваются слѣдующіе вопросы: не зависитъ ли вся судьба семьи и особенно ея нравственное значеніе отъ жены и матери? Разрушая семейную жизнь по своей прихоти, не губитъ ли жена вмѣстѣ съ этимъ и цѣль собственной жизни? Въ чемъ и гдѣ потомъ она найдетъ свое счастіе, новое призваніе и новую жизнь? Въ романѣ Анна Каренина два главныхъ дѣйствующихъ лица—Каренина и Левинъ. Развитіе характера одного изъ нихъ идетъ своимъ чередомъ, безъ внутренней связи съ развитіемъ другого, что дало нѣкоторымъ критикамъ видѣть въ одномъ произведеніи два романа. Остановимся сначала на Аннѣ Карениной.

АННА КАРЕНИНА.

(въ романѣ того же названія.)

Анна Каренина, жена важнаго петербургскаго чиновника, Алексѣя Александровича Каренина, пріѣхавъ въ Москву возстановить миръ между братомъ своимъ Облонскимъ и его женою, встрѣтила здѣсь блестящаго, богатаго, умнаго и достаточно образованнаго гвардейца, флигель-адъютанта, графа Вронскаго. Въ Москвѣ онъ отдыхалъ послѣ шумной петербургской жизни. Каренина

на одномъ изъ баловъ покоряетъ сердце Вронскаго и по возвращеніи въ Петербургъ часто съ нимъ встрѣчается здѣсь. Не прошло и года со дня встрѣчи, какъ Каренина и сама стала принадлежать ему всѣмъ сердцемъ. Чѣмъ объяснить такое неожиданное, повидимому, поведеніе Карениной, паденіе безъ всякой съ ея стороны борьбы и смущенія? Анна ужъ 8 мѣсяцевъ какъ жена и мать; она настолько-то умна, что бы сознавать свои обязанности къ семейству. Бѣда въ томъ, что между нею и мужемъ не установилось крѣпкой нравственной связи почти съ самыхъ первыхъ дней ихъ супружества. Выйдя за мужъ за человѣка, котораго не любила, и который былъ старше ея 20-ю годами, Каренина не удовлетворялась его хотя и *сильнымъ*, но довольно спокойнымъ чувствомъ, свойственнымъ людямъ въ извѣстные годы. По отношенію къ мужу она испытывала чувство, подобное состоянію притворства.

Мужъ казался ей сухимъ, холоднымъ чиновникомъ; вниманіе съ его стороны она считала не искреннимъ, тѣмъ болѣе что оно часто сопровождалось шуткой. Узнавъ о близкихъ отношеніяхъ жены къ Вронскому, Каренинъ объяснился съ ней, показалъ всѣ послѣдствія ея, можетъ быть, невинныхъ на первыхъ порахъ увлеченій. Не добившись отъ нея опредѣленныхъ отвѣтовъ, Каренинъ продолжалъ заниматься своими служебными дѣлами. Онъ не былъ ревнивъ. Ревность, по его убѣжденію, оскорбляетъ жену, и къ женѣ должно имѣть довѣріе. Всю жизнь свою Каренинъ прожилъ и проработалъ въ сферахъ служебныхъ, имѣющихъ дѣло съ отраженіями жизни. И каждый разъ, когда онъ сталкивался съ самою жизнію, онъ отстранялся отъ нея. Теперь онъ испытывалъ чувство, подобное тому, какое испытывалъ бы человѣкъ, спокойно прошедшій надъ пропастью по мосту, но вдругъ увидавшій, что этотъ мостъ разобранъ, и что тамъ пучина. Пучина эта была сама жизнь, мостъ—та искуственная жизнь, которую прожилъ Алексѣй Александровичъ. Ему въ первый разъ пришли вопросы о возможности для его жены полюбить кого-нибудь, и онъ ужаснулся предъ этимъ. Между тѣмъ Каренина не только мужу, но и себѣ не давала отвѣта въ своихъ отношеніяхъ къ Вронскому, отгоняла отъ себя всякіе вопросы по этому предмету, забывъ даже, что она скоро будетъ матерью ребенка Вронскаго. Случилось такъ, что Каренины—мужъ и жена—поѣхали однажды смотрѣть на скачки, на которыхъ долженъ былъ участвовать и Врон-

скій; послѣдній упалъ вмѣстѣ съ погибшей лошадью. Ужасъ овладѣлъ Карениной и невольное признаніе предъ мужемъ вырвалось изъ ея груди: „я люблю Вронскаго, я его любовница.... я боюсь, я ненавижу васъ“ и она зарыдала. Алексѣй Александровичъ на минуту остолбенѣлъ. Лицо его приняло видъ неподвижный, какъ у мертвеца. Онъ проводилъ жену на дачу, а самъ поѣхалъ въ Петербургъ. Дорогой онъ почувствовалъ, что ему какъ будто теперь не жаль своей жены, какъ будто онъ больше и ревновать ее не будетъ. Желая однако избѣжать позора и толковъ въ свѣтѣ, Каренинъ въ письмѣ къ женѣ предложилъ возвратиться въ домъ и жить вмѣстѣ попрежнему. Получивши это письмо, Каренина страшно вскипѣтилась. „Низкій, гадкій человѣкъ“, сказала она о мужѣ, „онъ восемь лѣтъ душилъ мою жизнь и ни разу не подумалъ, что я живая женщина, которой нужна любовь. Я ли не пыталась любить его, любить сына, когда уже нельзя было любить мужа?.. Я не виновата, что Богъ меня сдѣлалъ такою, что мнѣ нужно любить и жить“. Каренина поняла изъ письма мужа, что онъ, приглашая ее къ себѣ въ домъ, хочетъ лишить ее свободы и грозитъ отнять сына, безъ котораго для нея не можетъ быть жизни. Теперь именно пришла такая пора, когда и Каренина должна была отдать себѣ отчетъ въ томъ, которая изъ привязанностей ея сердца всего для нея дороже. Она цѣнила свое положеніе въ свѣтѣ и не хотѣла, конечно, промѣнять его на позорное имя любовницы и слѣд. должна была позабыть Вронскаго; ей нуженъ сынъ, котораго мужъ не отдастъ ей, сынъ, страстно любимый ею; наконецъ, ей нуженъ Вронскій, которымъ такъ увлечена она. Повторяю: Каренина должна была сама себѣ уяснить и опредѣлить—что же ей всего дороже: свѣтъ, сынъ или Вронскій? Оказывается, она не въ состояніи подавить въ себѣ ни одной изъ указанныхъ привязанностей на счетъ и въ ущербъ другой. И Каренина плачетъ, плачетъ какъ наказанное дитя. Вотъ когда краснорѣчиво сказалось ея *легкомысліе, слабость ея натуры и характера*.

Каренина однако рѣшилась переѣхать съ дачи въ Петербургъ, въ домъ мужа. Послѣдній требовалъ отъ нея, чтобы онъ не видалъ больше Вронскаго въ своемъ домѣ. Каренина же, не смотря на это, продолжала встрѣчаться съ Вронскимъ внѣ дома, а потомъ пригласила его и въ домъ. Послѣ этого Каренинъ объявляетъ женѣ, что онъ уѣзжаетъ и не вернется больше въ домъ,

удалитъ отъ нея сына и что веденіе дѣла о разводѣ онъ уже поручилъ одному адвокату. Выѣхавъ по дѣламъ службы въ дальнія губерніи и остановившись въ Москвѣ, Каренинъ получилъ телеграмму: жена умираетъ и молитъ о прощеніи и возвращеніи въ Петербургъ. Мужъ исполнилъ ея желаніе: въ своемъ домѣ онъ встрѣтилъ Вронскаго и жену въ полубреду горячки. Онъ вглядывается въ ея глаза: они смотрятъ на него съ такою нѣжностію, какую онъ не привыкъ раньше видѣть въ ея глазахъ; онъ слышитъ ея предсмертную мольбу о прощеніи... Чувство любви и прощенія наполнило душу мужа; онъ рыдаетъ, какъ ребенокъ.

Каренина, не смотря на тяжкую болѣзнь, не умерла. Мужъ примирился съ женой: онъ простилъ и Вронскому, полюбилъ и дочь жены; надъ колыбелью ребенка онъ просиживалъ цѣлыя ночи. Вронскій, пораженный и униженный великодушіемъ Каренина, чувствовалъ себя глубоко несчастливымъ. Онъ стрѣлялся было изъ пистолета, но остался невредимъ. Скука и отчаяніе овладѣвали его жизнію въ разлукѣ съ Карениной. Да и сама Каренина, лишь только выздоровѣла, снова начала чувствовать свое отвращеніе къ мужу, окончательно убѣждалась, что безъ Вронскаго она не можетъ существовать. *Теперь только она поняла, что ей дороже*! Въ ея сердцѣ не оставалось болѣе никакихъ привязанностей,—ни къ мужу, ни къ дѣтямъ,—всѣмъ своимъ существомъ она отдалась Вронскому, съ которымъ и уѣзжаетъ заграницу. Возвращаясь оттуда въ Россію, проѣздомъ чрезъ Петербургъ, Каренина, безъ вѣдома своего мужа, Алексѣя Александровича, тайно является у постели ребенка, жадно оглядываетъ, задыхаясь отъ радости и горя, обнимаетъ его. Нужно ли говорить о томъ, какъ тронутъ ребенокъ внезапнымъ появленіемъ матери и ея слезами!.. Но послышались шаги, идетъ самъ Каренинъ, и мать, скрывая подъ вуалью свое лицо, бѣжитъ отъ сына. Придя въ гостинницу, она, не смотря на только-что полученныя впечатлѣнія у постели ребенка, легко заглушаетъ свои материнскія привязанности, скоро забываетъ о сынѣ. Какъ быстро смѣняются ея чувства! Какъ непонятны ея рѣшенія и поступки! Да, такъ и хочется сказать: Каренина—это взбалмошная женщина, отъ которой можно ожидать всякихъ случайностей.

Вронскій, отправившись съ Карениной въ деревню, набралъ себѣ разныхъ общественныхъ обязанностей, занялся приведеніемъ въ порядокъ своего имѣнія. Каре-

нина же начала забавляться чтеніемъ романовъ, заботилась о своемъ туалетѣ, кокетничала съ мужемъ. Она не выказывала особенныхъ заботъ и привязанностей даже къ дочери, рожденной ею отъ Вронскаго, воспитаніе которой предоставила англичанкѣ. За то она не любила, когда Вронскій отлучался изъ дому по дѣламъ. Какъ избалованная, любимая собачка, Вронскій долженъ былъ рѣзвиться и кружиться только около своей хозяйки на снуркѣ. По понятіямъ Карениной, Вронскій, какъ мужчина, со всѣми своими привычками, мыслями, желаніями, со всѣмъ своимъ душевнымъ и физическимъ складомъ, долженъ быть для нея одно—любовь и эта любовь должна быть сосредоточена на ней одной. Любовь къ ней Вронскаго отъ времени и привычки, конечно, понизилась на нѣсколько градусовъ, т. е. сдѣлалась менѣе пылкою, страстною; Каренина заключила изъ этого, что онъ, вѣроятно, перенесъ „часть любви на другую женщину",—и она ревновала. Она ревновала его не къ какой-нибудь опредѣленной женщинѣ, а къ уменьшенію его любви. Не имѣя въ виду предмета для ревности, она старалась отыскивать его. „То она ревновала къ тѣмъ грубымъ женщинамъ, съ которыми Вронскій, благодаря своимъ холостымъ связямъ, входилъ въ сношенія; то она ревновала его къ воображаемой дѣвушкѣ, на которой онъ хотѣлъ, разорвавъ съ ней связи, жениться. И эта послѣдняя ревность болѣе всего мучила ее, въ особенности потому, что онъ самъ неосторожно въ откровенную минуту сказалъ ей, что его мать такъ мало понимаетъ его, "что позволила себѣ уговаривать его жениться на княжнѣ Сорокиной". Какъ же опредѣлить отношенія Карениной къ Вронскому? Что это за странная, какая-то болѣзненная любовь, которую она имѣла къ нему?

Каренина была одна изъ тѣхъ женщинъ, которыя думаютъ, что все значеніе и весь смыслъ супружескаго счастія заключается въ чувственной любви, основанной на красотѣ и физической свѣжести. Она не понимала, что между любимыми существами, кромѣ грубой, животной привязанности, бываютъ еще нравственныя связи. Только при той болѣзненной, грубой любви, которую Каренина питала къ Вронскому, и возможна эта безтолковая ревность, которую мы видимъ въ ней.

Вронскій скоро понялъ всю пустоту Карениной, хотя и продолжалъ любить ее. Между ними чаще и чаще стали происходить размолвки и ссоры. Не разъ Каренина высказывала желаніе помереть, чтобы этимъ нака-

зать Вронскаго за его кажущуюся ей холодность. Развязка такихъ ненормальныхъ отношеній, которыя начали устанавливаться между ними, была близка. Разъ Вронскій рѣшился съѣздить въ деревню къ своей матери, куда пригласилъ и жену. Послѣдняя отказалась; оставшись одна, она просила Вронскаго возвратиться къ ней поскорѣе. Тотъ отвѣчаетъ, что не можетъ пріѣхать раньше 10 часовъ. Раздосадованная Каренина окончательно убѣдилась въ охлажденіи Вронскаго. Ею овладѣло чувство гнѣва, жажды мщенія и безсильной злобы. И смерть ясно и живо представилась ей, смерть, какъ единственное средство возстановить въ сердцѣ Вронскаго любовь къ ней, наказать его и одержать побѣду въ той борьбѣ, которую поселившійся въ ея сердцѣ злой духъ велъ съ нимъ. Нужно было одно—наказать, непремѣнно наказать Вронскаго. И вотъ Каренина отправляется на станцію желѣзной дороги. Она хочетъ упасть подъ поравнявшійся съ нею серединою первый вагонъ. Чувство, подобное тому, которое она испытывала, когда, купаясь, готовилась войти въ воду, охватило ее, и она перекрестилась, не спуская въ тоже время глазъ съ подходящаго второго вагона. И ровно въ ту минуту, какъ середина между колесами поравнялась съ нею, она, вжавъ въ плечи голову, упала подъ вагонъ на руки, опустилась на колѣни и въ то же мгновеніе ужаснулась тому, что дѣлала. „Гдѣ я? Что я дѣлаю? Зачѣмъ?“ Она хотѣла подняться, но что-то огромное, неумолимое толкнуло ее въ голову и потащило за спину. „Господи, прости мнѣ все!“ проговорила она, чувствуя невозможность борьбы.

Этого только и можно было ожидать отъ женщины, въ природѣ которой было больше страстности, чѣмъ сердечности, больше эгоизма, чѣмъ искреннихъ привязанностей, больше легкомыслія, чѣмъ разсудительности. Каренина не понимала своего призванія, не съумѣла опредѣлить истинныхъ и болѣе прочныхъ привязанностей—и вся жизнь ея представляетъ цѣлый рядъ ошибокъ, окончившихся самоубійствомъ. Скучно и тяжело было жить съ законнымъ мужемъ, человѣкомъ серьезнымъ, Каренина съ ребяческою жадностью накинулась на лакомство, попавшееся ей въ лицѣ Вронскаго. Поставивъ цѣлью жизни только одно сладострастное наслажденіе, легкомысленная Каренина также необдуманно бросила своего мужа, какъ необдуманно покончила и свою жизнь. Если бы женщины, въ родѣ Карениной, имѣли ясное понятіе о самоотверженіи и самопожертвованіи матери и жены,

если бы это понятіе въ ихъ глазахъ имѣло настоящую цѣну и достоинство—тогда *настолько уменьшилось бы* число несчастныхъ семействъ, *насколько* умножилось бы количество счастливыхъ женъ. Чувственная любовь, которую Каренина хотѣла положить въ основу своей жизни и супружескаго счастія, сама по себѣ не можетъ дать счастія. Любовь не можетъ быть цѣлью жизни; она не больше, какъ средство; сдѣлайте вы изъ нея цѣль—вы ея не достигнете. А сколько поколѣній женщинъ „разбило свою жизнь" на этомъ пунктѣ! Разбили свою жизнь женщины, подобныя Карениной, именно потому, что всѣ ихъ духовные интересы сосредоточивались на одномъ чувствѣ; оно закрывало отъ ихъ глазъ всѣ др. стремленія, желанія, весь міръ. „Если бы я могла быть чѣмъ-нибудь, кромѣ любовницы, страстно любящей однѣ ласки его (Вронскаго), но я не могу и не хочу быть ничѣмъ другимъ... Если онъ, не любя меня, изъ долга будетъ добръ, нѣженъ ко мнѣ, а того не будетъ, чего я хочу,—да это хуже, чѣмъ злоба!.. Это—адъ! Ну, пусть я придумаю то, чего я хочу, чтобы быть счастливой." Но могла ли придумать Каренина отвѣтъ на этотъ вопросъ, могла ли она найти счастіе, не имѣя никакихъ опредѣленныхъ цѣлей въ жизни, кромѣ одного сладострастія и грубаго эгоизма? И все это особенно относится къ тому высшему классу общества, къ которому принадлежала Каренина. Женщины этого круга, какъ въ матеріальномъ отношеніи болѣе обезпеченныя, совсѣмъ не знакомы съ борьбой изъ-за куска хлѣба; для нихъ остается много времени „играть въ любовь." Кромѣ того, окружающая ихъ жизнь иногда не даетъ здороваго матеріала ни для ума, ни для плодотворной дѣятельности сердца. Остается одно занятіе, одинъ вопросъ о „личномъ счастіи." Въ погонѣ за его рѣшеніемъ часто, однако, забывается слѣдующая простая истина: когда человѣкъ, въ особенности нравственно-развитой, думаетъ только о себѣ, онъ никогда не найдетъ счастія. Къ этому теоретическому выводу приходятъ всѣ наши писатели.

ЛЕВИНЪ.

(Въ романѣ „**Анна Каренина**").

Константинъ Дмитріевичъ Левинъ въ романѣ „Анна Каренина" представляетъ изъ себя типъ новаго человѣка въ нашей литературѣ, а слѣд. и въ жизни. Онъ интересенъ какъ сельскій хозяинъ, считающій себя экономистомъ, и какъ мыслитель, разрѣшающій разные религіозные, нравственные и др. житейскіе вопросы.

При всей добротѣ, честности и искренности своихъ намѣреній Левинъ является въ романѣ наивнымъ и непрактичнымъ хозяйномъ.

Живя въ деревнѣ, Левинъ, съ наступленіемъ весны, старался вникать въ сельскія работы и хозяйство. Онъ самъ ходилъ къ скотинѣ, ѣздилъ по полямъ, вступалъ въ разговоры съ мужиками. „Что, Ипатъ, скоро сѣять?“— „Надо прежде вспахать Константинъ Дмитріевичъ,“ отвѣчалъ Ипатъ, и баринъ нисколько не обезкураживался такимъ справедливымъ, хотя и поучительнымъ отвѣтомъ. Самъ принимая участіе въ полевыхъ работахъ, Левинъ иногда завидовалъ счастливой жизни крестьянъ и ихъ близости къ природѣ. Разъ случилось ему провести ночь на копнѣ; картина звѣздной ночи такъ плѣнила его, что онъ готовъ былъ перемѣнить свою искусственную жизнь на трудовую жизнь простого работника, готовъ отречься отъ своихъ знаній, приписаться къ обществу, жениться на крестьянкѣ. Но наступилъ іюнь мѣсяцъ: Левинъ началъ разочаровываться въ счастьѣ трудовой жизни мужика. Тѣмъ не менѣе для усовершенствованія своего хозяйства на новыхъ началахъ онъ рѣшается ѣхать за границу, гдѣ и живетъ 4 мѣсяца. Но поѣздка за границу не измѣнила его взглядовъ на хозяйство. Дѣло въ томъ, что Левинъ вовсе не заботился о разрѣшеніи того или др. хозяйственнаго вопроса. Его занимали и доставляли удовольствіе только самые вопросы,—вопросы, иногда неразрѣшимые. Даже самое-то хозяйство его интересовало не потому, что въ немъ была потребность занятій, а потому, что оно наталкивало его на разныя мысли и давало возможность пополнять свою пустую, одинокую жизнь. „Я ищу средствъ работать производительно и для себя, и для рабочаго. Я хочу устроить“... говорилъ Левинъ. „Ничего ты не хочешь устроить,“ отвѣчалъ ему братъ Николай, „просто, какъ ты всю жизнь жилъ, тебѣ хочется оригинальничать“.

Левинъ былъ не простымъ сельскимъ хозяиномъ, а хозяиномъ ученымъ, хозяиномъ экономистомъ. Онъ долго трудился надъ сочиненіемъ о хозяйствѣ, въ которомъ старался доказать, что существующій въ русскомъ крестьянскомъ хозяйствѣ порядокъ и есть единственно лучшій, и что то, что есть, то и должно оставаться въ прежнемъ видѣ. Главная причина бѣдности, по мнѣнію Левина, заключается въ ненормально-привитой къ Россіи въ послѣднее время внѣшней цивилизаціи; особенно гибельно, по его мнѣнію, подѣйствовалъ на русское земледѣліе кредитъ,

желѣзныя дороги, развитіе фабричной промышленности. „Я“ говоритъ Левинъ, бесѣдуя съ Весловскимъ, „я готовъ признать, что желѣзныя дороги полезны, но концессіи на ихъ постройку, какъ и всякое пріобрѣтеніе, не соотвѣтствующее положенному труду, не честно.—Да кто же опредѣлитъ это соотвѣтствіе?—Пріобрѣтеніе, продолжаетъ Левинъ, пріобрѣтеніе нечестнымъ трудомъ, хитростію. Такъ напр. пріобрѣтеніе банкирскихъ конторъ. Это зло, пріобрѣтеніе громадныхъ состояній безъ труда, какъ это было при откупахъ, только перемѣнило форму. Только что успѣли уничтожить откупа, явились желѣзныя дороги, банки: тоже нажива безъ труда“. Всѣ эти усовершенствованія сдѣланы-де вслѣдствіе непониманія русскаго пахаря и народа. Вотъ до какихъ нелѣпыхъ выводовъ дошелъ нашъ экономистъ Левинъ въ своихъ умственныхъ блужданіяхъ безъ ясныхъ, опредѣленныхъ понятій о хозяйствѣ!

Теперь намъ нужно разсмотрѣть остальные взгляды Левина.

Во время дѣтства и юности въ Левинѣ поселили и поддерживали преданія и ученія церкви. Въ періодъ отъ 20 до 34 лѣтъ его жизни новыя убѣжденія замѣнили дѣтскія и юношескія вѣрованія. Организмъ, разрушеніе его, неистребимость матеріи, законъ сохраненія силы, развитіе,—были тѣ фразы, значенія которыхъ не понималъ Левинъ, но которыя однако замѣнили ему прежнюю вѣру. Слова эти для жизни ровно ничего не давали, и Левинъ вдругъ почувствовалъ себя въ положеніи человѣка, который промѣнялъ бы теплую шубу на кисейную одежду и который въ первый разъ на морозѣ несомнѣнно, не разсужденіями, а всѣмъ существомъ своимъ убѣдился бы, что онъ все равно, что голый, и что онъ неминуемо долженъ мучительно погибнуть. И дѣйствительно Левинъ не переставалъ чувствовать страхъ за свои новыя убѣжденія, за свое незнаніе. Правда, женитьба его, а съ нею новыя радости и обязанности, на время заглушили было его мысли; но въ послѣднее время, послѣ родовъ жены, когда онъ жилъ въ Москвѣ безъ дѣла, ему чаще и чаще, настоятельнѣе и настоятельнѣе стала представляться необходимость разрѣшить вопросъ: „если я не признаю тѣхъ отвѣтовъ, которые даетъ христіанство, то какіе я признаю отвѣты?“ И онъ никакъ не могъ найти во всемъ арсеналѣ своихъ убѣжденій не только какихъ-нибудь отвѣтовъ, но ничего похожаго на отвѣтъ. Онъ былъ въ положеніи человѣка, отыскивающаго пищу въ

игрушечныхъ и оружейныхъ лавкахъ. Ему, какъ мыслящему человѣку, оставалось томиться и сомнѣваться.

Болѣе всего его изумляло при этомъ и разстраивало то, что большинство людей его круга и возраста, замѣнивъ, какъ и онъ, прежнія вѣрованія такими же, какъ и онъ, новыми убѣжденіями, не видѣли въ этомъ никакой бѣды, и были совершенно довольны и спокойны. Кромѣ того, во время родовъ жены съ нимъ случилось необыкновенное для него событіе. Онъ, невѣрующій, сталъ молиться, и въ ту минуту, какъ молился, вѣрилъ. Но прошла эта минута, и онъ не могъ дать этому тогдашнему настроенію никакого мѣста въ своей жизни. Въ послѣднее время въ Москвѣ, и въ деревнѣ, убѣдивдившись, что въ матеріалистахъ онъ не найдетъ отвѣта, Левинъ перечитывалъ и вновь прочелъ и Платона, и Спинозу, и Канта, и Шеллинга, и Гегеля, и Шопенгауера, тѣхъ философовъ, которые не матеріалистически объясняли жизнь. Но всѣ ихъ положенія оказывались въ умѣ Левина наборомъ словъ, кисейною, не грѣющею одеждою. Взялся было Левинъ и за богословскія сочиненія Хомякова. Въ нихъ сначала поразила его мысль о томъ, что постиженіе божественныхъ истинъ не дано человѣку, но дано совокупности людей, соединенныхъ любовію—церкви. Мысль эта обрадовала его. Но, прочтя потомъ исторію церкви католическаго писателя и исторію церкви православнаго писателя и увидавъ, что обѣ церкви, непогрѣшимыя по сущности своей, отрицаютъ одна другую, онъ разочаровался въ ученіи Хомякова о церкви и это зданіе разсыпалось, какъ карточный домикъ. Всю эту весну онъ былъ не свой человѣкъ и пережилъ ужасныя минуты. И счастливый семьянинъ, здоровый человѣкъ, Левинъ былъ нѣсколько разъ такъ близокъ къ самоубійству, что спряталъ шнурокъ, чтобы не повѣситься на немъ и боялся ходить съ ружьемъ, чтобы не застрѣлиться. Къ счастію, это сомнѣніе скоро было разрѣшено крестьяниномъ Ѳедоромъ, который, разговаривая съ нимъ объ отдачѣ въ наймы земли, сказалъ, что „мужикъ Ѳоканычъ для нужды живетъ, Бога помнитъ... Для брюха жить трудно, пояснилъ Ѳедоръ, а надо жить для правды, для Бога.“ Слова Ѳедора навели Левина на мысль: „И откуда взяты эти мысли? Разумомъ что ли дошли до того, что надо любить ближняго и не душить его.“ Эти новыя мысли, какъ молніей, освѣтили нашего героя. „Съ умственныхъ очей его спала завѣса: онъ прозрѣлъ, онъ почувствовалъ въ своей душѣ что-то новое и съ наслажденіемъ ущупы-

валъ это новое, не зная еще, что это такое.“ „Неужели,“ вопрошалъ себя Левинъ, “неужели я нашелъ разрѣшеніе всего, неужели кончены мои страданія?“ Кончились, или не кончились его страданія—это осталось неразрѣшимымъ до самаго конца романа, но несомнѣнно, что изъ словъ Ѳедора онъ узналъ все, что желалъ знать, что эти слова осмыслили его существованіе и сообщили ему „новое чувство.“ Левинъ понялъ, что жизнь не можетъ дать отвѣта на мучившіе его вопросы о цѣли и смыслѣ жизни и его личнаго существованія, что во всѣхъ его сомнѣніяхъ „виновата была гордость и глупость ума“ и наконецъ, что „онъ можетъ жить благодаря тѣмъ вѣрованіямъ, въ которыхъ онъ былъ воспитанъ.“ Значеніе добра, по его мнѣнію, дается вмѣстѣ съ сердцемъ и съ жизнію и ими открывается уму, ученіе же церкви соотвѣтствуетъ внушеніямъ сердца, а потому и признается сердцемъ.“ Успокоивъ такими разсужденіями свой сомнѣвающійся умъ, Левинъ подъ вліяніемъ разныхъ впечатлѣній возвратился опять къ убѣжденіямъ своего дѣтства и отрочества. Теперь ему ясно было, что онъ могъ жить только благодаря тѣмъ вѣрованіямъ, въ которыхъ онъ былъ воспитанъ. „Что бы я былъ такое, и какъ бы прожилъ свою жизнь, если бы не имѣлъ этихъ вѣрованій, не зналъ, что надо жить для Бога, а не для своихъ нуждъ? Я бы грабилъ, лгалъ, убивалъ. Ничего изъ того, что составляетъ главныя радости моей жизни, не существовало бы для меня. А откуда взялъ я это? Разумомъ что ли дошелъ я до того, что надо любить ближняго и не душить его? Мнѣ сказали это въ дѣтствѣ, и я радостно повѣрилъ, потому что мнѣ сказали то, что было у меня въ душѣ“.

Что же представляетъ изъ себя интереснаго Левинъ, какъ личность, какъ типъ? Гдѣ причина всѣхъ неудачныхъ попытокъ Левина разрѣшать тѣ или др. вопросы? Разгадка этого просто заключается въ томъ, что Левинъ по природѣ умный и даже съ художественными наклонностями человѣкъ, брался за такіе практическіе и теоретическіе вопросы, къ разрѣшенію которыхъ онъ не былъ способенъ ни по послѣдовательности и дисциплинѣ своего ума, ни по воспитанію, ни по образованію. Будучи скорѣе мечтателемъ, чѣмъ практическимъ дѣльцомъ, Левинъ поражался разными явленіями жизни, которыя подавляли его мысль и порождали одни сомнѣнія. Левинъ, этотъ причудливый человѣкъ, блуждающій въ разъясненіи первопричинъ всего существующаго, былъ бы счастливѣе, стократъ счастливѣе, если бы онъ могъ

отказаться отъ жгучихъ, но не поддающихся разрѣшенію его ума вопросовъ и, обращаясь къ наукѣ, сказалъ бы вмѣстѣ съ поэтомъ:

„Нѣтъ, я не твой! въ твоей наукѣ строгой
Я счастья не найду;
Покинь меня: кой-какъ моей дорогой
Одинъ я побреду."

(„*Истина*" Баратынскаго.)

ГОНЧАРОВЪ.

Гончаровъ—попреимуществу художникъ, воспроизводящій барское благодушное прозябаніе.—„Лучше поздно, чѣмъ никогда“ Гончарова, какъ „ключъ“ къ пониманію его типовъ.—Два главные періода русской жизни, отразившіеся въ сочиненіяхъ Гончарова: „Сонъ“ и „Пробужденіе“. ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРІЯ, какъ преддверіе къ слѣд. періодамъ русской жизни.—Адуевъ—праздный мечтатель и его судьба.—Наденька—отраженіе своего времени. ОБЛОМОВЪ. Ольга и ея идеалы.—Обломовщина—стихійная русская черта. ОБРЫВЪ. Райскій—художникъ по природѣ.—Маркъ Волоховъ—апостолъ новыхъ идей.—Вѣра и ея судьба.—Мароинька и вліяніе на нее бабушки.

Не только въ русской, но и въ европейской литературѣ рѣдко бываетъ, чтобы писатели разсказывали читателямъ, чѣмъ вызывались и какъ создавались ихъ произведенія. Знаменитый нашъ поэтъ, котораго мы имѣемъ счастіе считать своимъ современникомъ, Гончаровъ напечаталъ замѣтку въ журналѣ „Русская рѣчь“ (1879 г. кн. 6.), гдѣ онъ, излагая исторію появленія своихъ произведеній, выражаетъ собственное мнѣніе о нихъ, даетъ намъ „ключъ“ къ своимъ романамъ. „Я отнюдь не выдаю этотъ анализъ своихъ сочиненій“, говоритъ онъ въ этой замѣткѣ („Лучше поздно, чѣмъ никогда“), „за критическій непреложный критерій, не навязываю его никому, и даже предвижу, что во многомъ и многіе читатели, по разнымъ причинамъ, не раздѣлятъ его. Сообщая его, я только желаю, чтобъ они знали, какъ я самъ смотрю на свои романы... Ежели читатели найдутъ этотъ мой ключъ къ моимъ сочиненіямъ невѣрнымъ, то они вольны подбирать свой собственный“. Если содержаніе, значеніе его романовъ и недостаточно опредѣляется, не исчерпывается его объясненіями въ написанной имъ замѣткѣ, то во всякомъ случаѣ эти объ-

*) Разборъ сочиненій смотр. „Рус. Вѣстн.“ 1869 г. и 1879 г. кн. 9. Критич. стат. Скабичевскаго въ „Отеч. зап.“ Сочин. Добролюбова „Обломовщина“; Сочин. Писарева, т. 1. стр. 91. (изд. Павленк.).

ясненія имѣютъ въ нашихъ глазахъ высокую цѣну и могутъ служить для насъ путеводною нитью при разборѣ его произведеній. Гончаровъ сталъ извѣстенъ русской публикѣ своимъ романомъ „Обыкновенная исторія", которая, по его словамъ, есть преддверіе къ слѣдующимъ двумъ галереямъ или періодамъ русской жизни, уже тѣсно связаннымъ между собою, т. е. къ „Обломову" и „Обрыву", или къ „Сну" и „Пробужденію". Гончаровъ жилъ въ этихъ трехъ эпохахъ и онѣ оттиснулись въ немъ и въ его сочиненіяхъ.

Въ своихъ произведеніяхъ Гончаровъ является предъ нами художникомъ, возсоздавшимъ цѣлый міръ барскаго благодушнаго прозябанія. Онъ обнаружилъ глубокое знаніе жизни, необычайную наблюдательность, благодаря чему явилось очень много выпуклыхъ и характерныхъ подробностей, касающихся провинціальнаго захолустья, тихой, замкнутой патріархальной жизни, въ которой дремлютъ мирные обитатели глухихъ закоулковъ нашего обширнаго отечества.

АДУЕВЪ.

(въ „Обыкновенной исторіи").

„Когда я писалъ „Обыкновенную исторію", говоритъ Гончаровъ", я, конечно, имѣлъ въ виду и себя и многихъ, подобныхъ мнѣ, учившихся дома, или въ университетѣ, жившихъ по затишьямъ, подъ крыломъ добрыхъ матерей и потомъ отрывавшихся отъ нѣги, отъ домашняго очага... и являвшихся на главную арену дѣятельности, въ Петербургъ.

Гончаровъ подробно расказываетъ барское воспитаніе и жизнь Александра Өедоровича Адуева. Мать его еще въ дѣтствѣ нашептывала своему сыну: „здѣсь ты одинъ всему господинъ"; нянька, качая въ колыбели, убаюкивала его: „будешь въ золотѣ ходить и не знать ни горя, ни нужды". Мать отдала своего сына въ московскій университетъ, гдѣ все, даже самый воздухъ, пропитывалъ его не наукой, а какими-то неопредѣленными, туманными стремленіями къ будущей заоблочной дѣятельности, ради какой-то пользы и добра вообще, ради какого-то счастія всего человѣчества. Сѣмена университетскаго образованія принесли свои плоды. Юноша Адуевъ, лишь только вступилъ въ жизнь, мечталъ выдвинуться изъ ряда другихъ какими-нибудь блистательными успѣхами. Онъ отправился въ Петербургъ къ своему дядѣ Петру Ивановичу, куда влекло его желаніе осуществить

свои мечты и надежды. Дядя понялъ племянника. „Ты пріѣхалъ сюда дѣлать карьеру и фортуну“? спрашиваетъ его дядя. „Да“, сознался Адуевъ. И вотъ началась погоня за фортуной. Онъ ищетъ сначала литературной славы, нѣсколько разъ влюбляется и думаетъ жениться, надѣваетъ вицмундиръ и во всѣхъ своихъ поступкахъ, ни въ чемъ и нигдѣ, не обнаруживаетъ попытки къ какимъ-нибудь усовершенствованіямъ въ своей жизни, въ немъ совсѣмъ не видно сознанія общей пользы и блага, ни капли любви къ труду, ради труда. Вотъ почему неизмѣримо выше своего племянника стоитъ въ „Обыкновенной исторіи“ дядя Петръ Ивановичъ, который прямо и открыто объявляетъ племяннику, что у нихъ одна съ нимъ цѣль жизни—успѣхъ, выгода. Разница между ними только та, что у дяди стремленіе къ труду, хотя и ради эгоистическихъ цѣлей, гораздо упорнѣе, настойчивѣе, опредѣленнѣе, чѣмъ у идеалиста племянника, пустозвоннаго мечтателя. Вотъ почему племянникъ спасовалъ предъ дядей и послѣдовалъ его мудрому примѣру: онъ началъ работать и, переживъ эпоху юношескихъ волненій, достигъ положительныхъ благъ, какъ большинство, занялъ въ службѣ прочное положеніе и выгодно женился, словомъ обдѣлалъ свои дѣлишки. Въ этомъ собственно и заключается „Обыкновенная исторія“.

Въ встрѣчѣ мягкаго, избалованнаго лѣнью и барствомъ мечтателя-племянника съ практическимъ дядей, очевидно, выразился намекъ на мотивъ, который въ 40-хъ годахъ едва только началъ разыгрываться въ самомъ бойкомъ центрѣ—въ Петербургѣ. Мотивъ этотъ—слабое мерцаніе труда, настоящаго, нерутиннаго, а живого дѣла, въ борьбѣ съ всероссійскимъ застоемъ. Это особенно отразилось въ маленькомъ зеркалѣ, въ среднемъ чиновничьемъ кругу. Представителемъ этого мотива въ обществѣ былъ дядя: онъ достигъ значительнаго положенія въ службѣ, онъ директоръ, тайный совѣтникъ, и, кромѣ того, онъ сдѣлался и заводчикомъ. Тогда, въ 40-хъ годахъ это была смѣлая новизна, чуть не униженіе. Тайные и др. совѣтники мало рѣшались на это. Чинъ не позволялъ, а званіе купца не было лестно. „Вотъ почему“, говоритъ самъ Гончаровъ, „Адуевъ и является полнымъ мечтателемъ, а его дядя—человѣкъ умный и практичный, сдергиваетъ съ него маску, обнаруживаетъ его внутреннюю пустоту и доказываетъ, что у нихъ въ сущности одна и та же цѣль жизни—выгода, только онъ, дядя, идетъ къ этой цѣли прямо и открыто, а племян-

никъ стремится къ ней задними ходами, прикрываясь плащемъ напускнаго либерализма"... Въ борьбѣ дяди съ племянникомъ, кромѣ этого, отразилась и тогдашняя, только что начинавшаяся ломка старыхъ понятій и нравовъ—сантиментальности, каррикатурнаго преувеличенія чувствъ дружбы и любви, поэзія праздности, семейная и домашняя ложь напускныхъ, въ сущности небывалыхъ чувствъ, пустая трата времени на визиты, на ненужное гостепріимство и т. д. Все это отживало, уходило. Являлись слабые проблески новой зари, чего-то трезваго, дѣлового, нужнаго. Первое, т. е. старое, исчерпывалось въ фигурѣ племянника—и отъ того онъ вышелъ рельефнѣе, яснѣе. Второе, т. е. трезвое сознаніе необходимости дѣла, труда, знанія, выразилось въ дядѣ—но это сознаніе еще только нараждалось, показывались первые симптомы. Типъ племянника, Адуева, теперь, конечно, устарѣлъ, но типъ дяди, Петра Ивановича, едва ли скоро и устарѣетъ. Его всегда будутъ напоминать намъ люди, у которыхъ есть трезвый, практическій взглядъ на жизнь и всѣ идеалы ограничиваются личною выгодою, къ которой они стремятся.

НАДЕНЬКА.

(въ „**Обыкновенной исторіи**".)

Наденька, дѣвушка, предметъ любви Адуева, есть также отраженіе своего времени. Она уже не безусловно и слѣпо покорная дочь передъ волей какихъ бы то ни было родителей. Мать ея слаба передъ ней и едва въ состояніи сохранять авторитетъ матери, хотя и увѣряетъ, что она строга, даромъ что молчитъ, и что будто Наденька ни шагу безъ нея не ступитъ... Дочь нѣсколькими шагами впереди матери. Она *безъ спросу* полюбила Адуева и почти не скрываетъ этого отъ матери или молчитъ только для приличія, считая за собою право распоряжаться посвоему своимъ внутреннимъ міромъ и своимъ Адуевымъ, которымъ, изучивъ хорошо, овладѣла и командуетъ. Это ея послушный рабъ, нѣжный, безхарактерно-добрый, что-то обѣщающій, но мелко-самолюбивый, простой, обыкновенный юноша, какихъ вездѣ легіонъ.

Наденька, хотя и получила тепличное воспитаніе, подобное всѣмъ прежнимъ барышнямъ, однако она уже не удовлетворялась любовью Адуева, тою любовью, которая извѣстна подъ именемъ „воркованья голубковъ". Сердце Наденьки было занято, но умъ оставался празденъ: Адуевъ не позаботился, да и не съумѣлъ дать ему пищи.

Наденька окончательно убѣдилась, что Адуевъ не сила, что въ немъ повторяется все, что она видѣла тысячу разъ во всѣхъ другихъ юношахъ, съ которыми танцовала, немного кокетничала. Она перешла на сторону графа и полюбила его: въ этомъ пока и состоялъ сознательный шагъ русской дѣвушки—безмолвная эмансипація...*) Она чувствовала только смутно, что ей можно и пора протестовать противъ отдачи ея замужъ родителями—и только могла безсознательно, конечно, заявить этотъ протестъ, забраковавъ одного и перейдя чувствомъ къ другому.

Отъ безсознательнаго выхода замужъ Наденьки естественный переходъ къ сознательному замужству Ольги (въ „Обломовѣ") со Штольцемъ.

ОЛЬГА

(въ „Обломовѣ".)

Ольга въ „Обломовѣ", есть **) превращенная Наденька. Одаренная отъ природы значительными умственными силами, Ольга поставлена была въ благопріятныя условія и относительно своего развитія. Тетка, замѣнившая Ольгѣ родителей, не мѣшала ей дѣлать, что угодно. Такъ большею частію бываетъ со всѣми сиротами: онѣ обыкновенно растутъ свободнѣе, чѣмъ дѣти, воспитывающіеся въ родительскомъ домѣ; они терпятъ больше горя, но за то самостоятельнѣе развиваются и становятся тверже, именно потому, что ихъ не охватываетъ со всѣхъ сторонъ смѣлая любовь и часто происходящее отсюда невольное, но дурное по своимъ послѣдствіямъ насилованіе дѣтской природы, состоящее въ безпрерывныхъ на каждомъ шагу запрещеніяхъ.

Ольга поражаетъ насъ ясностію своего ума и послѣдовательностію въ своихъ дѣйствіяхъ. Она заинтересовывается честною, но мѣшковатою личностію Обломова: его наивность и природный умъ въ глазахъ Ольги рѣзко выдѣляютъ его изъ среды извѣстныхъ ей молодыхъ людей. Главное—она вѣритъ въ возможность его пересоздать. Чтобы возбудить жизнь и дѣятельность въ Обломовѣ, она пренебрегаетъ обычными приличіями, ѣздитъ къ нему одна, никому не сказавшись и не убоявшись разныхъ пересудовъ и сплетней. Съ удивительною проницательностію Ольга подмѣчаетъ всякую фальшь, проявляющуюся въ натурѣ Обломова. Онъ напр. говоритъ, что боится несчастія Ольги и опасается, какъ бы она,

---

*) „Лучше поздно, чѣмъ никогда" Гончарова.
**) Ibid.

узнавъ его поближе, не разлюбила. Ольга по этому случаю спрашиваетъ Обломова: „гдѣ же вы тутъ видите несчастье мое? Теперь я васъ люблю, и мнѣ хорошо; а послѣ я полюблю другого, и, значитъ, мнѣ съ другимъ будетъ хорошо. Напрасно вы обо мнѣ безпокоитесь". Ольга любила Обломова, не обращала вниманія даже на насмѣшки и др. постороннія непріятности, пока не убѣдилась въ рѣшительной невозможности передѣлать его и тогда она прямо объясняетъ ему отказъ соединить съ нимъ свою судьбу. Она, не переставая его любить, этимъ отказомъ съ одной стороны наноситъ смертельный ударъ всей „обломовщинѣ", а съ другой обнаруживаетъ въ себѣ проблескъ новой жизни, рѣшительность и самостоятельность. Оставивъ Обломова, она стремится къ своему *чему-то;* находитъ въ Штольцѣ, сравнительно съ Обломовымъ, дѣятельнаго и энергичнаго человѣка. Но не засыпаетъ Ольга, не убаюкиваетъ себя тѣмъ комфортабельнымъ положеніемъ, которое она пріобрѣла, соединившись со Штольцемъ. Какіе-то туманные вопросы и сомнѣнія тревожатъ ее: она *чего-то* допытывается. Вотъ гдѣ сказалось вѣяніе новой жизни. Штольцъ не хочетъ идти „на борьбу съ мятежными вопросами", которые мучатъ, тревожатъ Ольгу; онъ предпочитаетъ лучше „смиренно склонить голову."—"А если они (эти вопросы) никогда не отстанутъ," говоритъ Ольга: „грусть будетъ тревожить все больше! больше!" Ольга бросила Обломова, но она едва ли способна бросить Штольца; развѣ перестанетъ вѣрить въ него. Та тоска, которая иногда овладѣваетъ Ольгой, не смотря на то, что она, повидимому, счастлива со Штольцомъ, тоска эта есть „исканіе чего-то высшаго", „новой стихіи"; тоска Ольги объясняется тѣмъ, что она по инстинкту не удовлетворялась однимъ личнымъ счастіемъ, однимъ чувствомъ любви. Это не Анна Каренина. Ей нужна другая, высшая половина счастія. т. е. высшая жизненная цѣль. Такъ какъ въ Ольгѣ глубоко развито семейное начало, то она и найдетъ осуществленіе этой высшей цѣли въ воспитаніи напр. сына умершаго Обломова, принятаго въ домъ Штольца.

Типъ Ольги производитъ весьма пріятное впечатлѣніе. Ее можно было бы назвать идеальной женщиной, сказать, что „такихъ женщинъ не бываетъ даже, если бы она не была такъ живо изображена, какъ видимъ у Гончарова. Въ ней заложены крѣпкіе задатки, которые никода не превратятъ ее въ пустую свѣтскую даму, бойко болтающую о важныхъ матерьяхъ, а на дѣлѣ притѣсняющую свою

прислугу; ни въ жену-кухарку, умственный и нравственный горизонтъ которой ограниченъ базаромъ; ни въ ханжу, постоянно окруженную юродивыми. Ольга своею любовію способна пробудить дремлющія силы, внести обновленіе въ нравственное существо человѣка и создать въ его душѣ новый міръ, полный крѣпкихъ, гуманныхъ началъ; она способна своимъ нѣжнымъ сердцемъ побудить человѣка и къ идеальнымъ стремленіямъ, какъ равно способна ослабить и житейское горе.

ОБЛОМОВЪ.

(Въ романѣ того же названія.)

Илья Ильичъ Обломовъ, по выраженію самого Гончарова, „былъ цѣльнымъ, ничѣмъ неразбавленнымъ выраженіемъ массы, покоившейся въ долгомъ и непробудномъ снѣ." Обломовъ—это коренной, народный русскій типъ. Въ немъ, какъ въ зеркалѣ, отразилась одна изъ существенныхъ частей этой жизни, отчеканенной поэтомъ съ безпощадною строгостью и правильностію.

Какія же главныя черты обломовщины?

Прежде всего поражаетъ въ Обломовѣ „стихійная русская черта"—это апатія, лѣнь и равнодушіе ко всему окружающему. Къ этому располагаетъ Обломова больше всего то обстоятельство, что онъ—богатый помѣщикъ, получающій до десяти тысячъ рублей дохода. Живя безъ нужды, онъ съ дѣтства развивалъ въ себѣ поразительную неподвижность, которая и была причиною его жалкаго нравственнаго рабства. Рабство и барство взаимно переплетаются въ Обломовѣ. Вся его самостоятельность убита и онъ готовъ подчиниться волѣ любого встрѣчнаго, поперечнаго, любой женщины. Такъ напр. чего Захаръ, его слуга, не захочетъ, Илья Ильичъ уже не воленъ заставить его сдѣлать, но что захочетъ сдѣлать Захаръ, даже противъ воли своего барина, Илья Ильичъ не въ силахъ воспротивиться желанію слуги. Все это главнымъ образомъ происходитъ отъ того, что Обломовъ даже не понимаетъ своихъ отношеній къ окружающимъ, не разумѣетъ ничего въ хозяйствѣ и не знакомъ ни съ какими житейскими порядками. Въ силу этого онъ, понятно, не можетъ осмыслить и своей жизни; онъ не знаетъ даже, для чего онъ существуетъ, какой въ этомъ смыслъ. Тягость и скука, убійственная скука, рано начала заѣдать его. Все ему опостылѣло, и онъ лежалъ на боку съ полнымъ, сознательнымъ презрѣніемъ къ „муравьиной работѣ людей," убивающихся и суетящихся Богъ вѣсть

изъ-за чего... Дѣло и трудъ въ его глазахъ не составляли жизненной необходимости, сердечной святыни, религіи, которыя органически срослись бы съ нимъ, такъ что отнять его у него значило бы лишить его жизни. Все у Обломова внѣшнее, ничто не имѣетъ корня въ его натурѣ. Подобные Обломовы встрѣчаются вездѣ. Мы найдемъ ихъ и въ числѣ чиновниковъ, изъ которыхъ иные дослуживаются до тепленькаго мѣстечка, наживаютъ себѣ всякими путями состояніе и еще въ полныхъ силахъ почиваютъ уже на лаврахъ; встрѣтить можно Обломовыхъ и въ средѣ помѣщиковъ-землевладѣльцевъ, живущихъ въ своихъ деревняхъ и проводящихъ все время за картами и охотой; найдемъ Обломовыхъ между купцами и промышленниками, сколотившими себѣ состояніе, съ презрѣніемъ смотрящими на все новое, какъ на заморское, какъ на еретическія затѣи и упорно держащимися только того, что отказано какъ умственный и нравственный капиталъ ихъ дѣдами; отыщемъ Обломовыхъ и въ средѣ крестьянъ, пропивающихъ послѣднюю копейку и махнувшихъ на все рукой. Словомъ Обломовы—это всѣ тѣ, у кого нѣтъ высшихъ стремленій, сознанія нравственнаго долга, проникновенія общими интересами, самое искреннее, задушевное желаніе которыхъ есть стремленіе къ покою, къ халату, и самая дѣятельность которыхъ есть ни что иное, какъ *„почетный халатъ;“* они прикрываютъ имъ свою пустоту и апатію. Судьба Обломовыхъ, обыкновенно, самая печальная: это—нравственное самоубійство: Обломовы мало по малу начинаютъ сознавать безпомощность своего положенія и безплодность существованія; они видятъ, какъ несутся ихъ лучшіе годы, какъ все глубже и глубже всасываются въ свою страдальческую бездѣятельность и какъ все замѣтнѣе и замѣтнѣе оставляютъ ихъ силы.

Но въ Обломовѣ, кромѣ дурныхъ качествъ, были и свѣтлыя стороны. Вся его мягкая, добрая фигура была проникнута сердечностью, гуманностью; онъ даже искалъ чего-то въ жизни, къ чему-то стремился. Эти качества невольно вызываютъ въ читателѣ симпатію къ нему, ослабляютъ тяжелое впечатлѣніе отъ той отчаянной лѣни, которая заслонила всѣ его хорошія духовныя стороны.

Намъ остается рѣшить, какъ воспитывался Обломовъ и почему онъ сталъ такимъ?

Исторія его воспитанія занимаетъ самыя интересныя и поучительныя страницы въ романѣ. Мы видимъ, какъ съ малыхъ лѣтъ онъ привыкаетъ быть байбакомъ, благодаря

тому, что у него „Захаръ и еще триста Захаровъ;“ тутъ ужъ онъ и противъ желанія даже бездѣльничаетъ. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ картинъ:

„Захаръ,—какъ, бывало, нянька, натягиваетъ ему чулки, надѣваетъ башмаки, а Илюша, уже четырнадцатилѣтній мальчикъ, только и знаетъ, что подставляетъ ему, лежа, то ту, то другую ногу; а чуть что ему покажется не такъ, то онъ поддастъ Захаркѣ ногой въ носъ. Если недовольный Захарка вздумаетъ пожаловаться, то получитъ еще отъ старшихъ колотушку. Потомъ Захарка чешетъ ему голову, натягиваетъ куртку, осторожно продѣвая руки Ильи Ильича въ рукава, чтобъ не слишкомъ безпокоить его, и напоминаетъ Ильѣ Ильичу, что надо сдѣлать то, другое: вставши по утру, умыться и т. п.“

„Захочетъ ли чего-нибудь Илья Ильичъ, ему стоитъ только мигнуть—ужъ трое-четверо слугъ кидаются исполнить его желаніе; уронитъ ли онъ что-нибудь, достать ли ему нужно вещь, да не достанетъ, принести ли что, сбѣгать ли зачѣмъ,—ему иногда, какъ рѣзвому мальчику, такъ и хочется броситься и передѣлать все самому, а тутъ вдругъ отецъ и мать, да три тетки, въ пять голосовъ и закричатъ: „—Зачѣмъ? Куда? А Васька, а Васька, а Захарка на что? Эй! Васька, Васька, Захарка! Чего вы смотрите, розини! Вотъ я васъ!“

И не удается никакъ Ильѣ Ильичу сдѣлать что-нибудь самому для себя. Послѣ онъ нашелъ, что оно и покойнѣе гораздо, и выучился самъ покрикивать: „Эй, Васька, Васька! подай то, подай другое. Не хочу того, хочу этого! Сбѣгай, принеси!“

„Подъ-часъ нѣжная заботливость родителей и надоѣдала ему. Побѣжитъ ли онъ съ лѣсницы или по двору, вдругъ въ слѣдъ ему раздается десять отчаянныхъ голосовъ: „ахъ, ахъ! подержите, остановите! упадетъ, расшибется! Стой, стой!...“ Задумаетъ ли онъ зимой выскочить въ сѣни, или отворить форточку,—опять крики:“ ай, куда? какъ можно? Не бѣгай, не ходи, не отворяй: убьешься, простудишься...“ И Илюша съ печалью оставался дома, лелѣемый, какъ экзотическій цвѣтокъ въ теплицѣ, и такъ же, какъ послѣдній подъ стекломъ, онъ росъ медленно и вяло. Ищущія проявленія силы обращались внутрь и никли, увядая.

Понятно, что подобное воспитаніе развило въ мальчикѣ Обломовѣ разныя причуды, капризы и запосчивость. Привыкая видѣть удовлетворенными свои безтолковыя прихоти и капризы, мальчикъ съ своими воспитателями и

не думалъ о томъ, что въ жизни придется встрѣтиться съ такими желаніями, которыя или совсѣмъ не исполнимы, или удовлетвореніе которыхъ потребуетъ собственныхъ усилій, серьезной и самостоятельной дѣятельности.

Вмѣстѣ съ развитіемъ безхарактерности и для умственной стороны мальчику Обломову при его воспитаніи не давали здоровой пищи, не знакомили его съ жизнію и взаимными отношеніями между людьми. Одно сухое, теоретическое образованіе, обыкновенно, дѣлаетъ изъ дѣтей идеалистовъ, праздныхъ мечтателей. Разумно воспитанный человѣкъ всегда хочетъ только того, что доступно, что можно сдѣлать; Обломовъ же не въ состояніи былъ опредѣлить себѣ, чего онъ хочетъ и къ чему способенъ. Въ силу этого всѣ его желанія являлись какою-то мечтой, осуществленіе которой, по его понятіямъ, должно зависѣть отъ другого лица, а въ крайности и отъ какого-нибудь случая, отъ „*авось*".

РАЙСКІЙ
(въ „Обломовѣ").

„Я", говоритъ Гончаровъ, „закончилъ свою вторую картину русской жизни *Сна*, нигдѣ не пробудивъ самого героя, Обломова". Въ „Обрывѣ" Борисъ Павловичъ Райскій есть прямой, ближайшій его сынъ, герой эпохи *Пробужденія*. Райскій—герой переходной эпохи. Это проснувшійся Обломовъ: сильный, новый свѣтъ блеснулъ ему въ глаза. Но онъ еще потягивается, озираясь вокругъ и оглядываясь на свою обломовскую колыбель. Что-то пронеслось новое и живое въ воздухѣ, какія-то смутныя предчувствія, потомъ прошли слухи о новыхъ началахъ, преобразованіяхъ, обнаружилось движеніе въ наукѣ, искусствѣ; съ профессорскихъ каѳедръ послышались живыя рѣчи. Въ небольшихъ кружкахъ тогдашней интеллигенціи смѣло выражалась передовыми людьми жажда перемѣнъ. Ихъ называли „людьми сороковыхъ годовъ". Райскій, конечно, одинъ изъ нихъ.

Гончаровъ довольно подробно разсказываетъ жизнь Райскаго, описываетъ его домашнее и школьное образованіе, описываетъ напр. какъ маленькій Райскій въ школѣ изучалъ не уроки, а учителя и товарищей, вглядываясь въ малѣйшія подробности ихъ физіономій, пріемовъ и нравовъ. Съ особенною подробностію Гончаровъ рисуетъ артистическія наклонности Райскаго, его живописный и музыкальный талантъ, его эстетическую наблюдательность, его культъ красоты. Но занятіе Рай-

скаго искусствомъ есть ни что иное, какъ праздный диллетантизмъ, хотя бы и облагороженный. Вся его дѣятельность на художественномъ поприщѣ состояла въ томъ, что онъ бросался изъ стороны въ сторону, хватался то за живопись, то за поэзію, то за скульптуру, напрасно отыскивая свое призваніе, напрасно стараясь остановиться на найденномъ и остаться вѣрнымъ на всю жизнь. Райскій никогда не имѣлъ терпѣнія одолѣть технику какого-либо искусства, терпѣнія, присущаго истиннымъ художникамъ, которымъ неутомимый жаръ творчества даетъ силу побѣдить прозаическія трудности механизма; являются же эти художники-диллетанты, эти Райскіе, очень просто. Имѣя утонченное критическое чутье, пониманіе формы и страсть къ изящному, будущіе диллетанты любятъ воспитывать и развивать въ себѣ эти качества посредствомъ наблюденія надъ естественными и искуственными картинами, слушаютъ музыку, и так. обр. мало по малу развиваютъ въ себѣ чутье къ художественному, но развиваютъ его большею частію на счетъ другихъ способностей. Все это, конечно, современемъ влечетъ ихъ къ собственнымъ опытамъ на художественномъ поприщѣ. Но лишенные отъ природы творческой силы Райскіе ни для себя, ни для общества не производятъ ничего путнаго, оставаясь „прямыми дѣтьми Обломова", какъ Гончаровъ и называетъ Райскаго. Они—дѣти Обломова именно потому, что „искусство въ ихъ глазахъ является не цѣлью жизни, а средствомъ пріятно проводить время".

Отношеніе Райскаго къ современнымъ вѣяніямъ выразилось въ томъ, что онъ „принялъ,*) новыя живительныя сѣмена—но остатки еще не вымершей обломовщины мѣшали ему обратить усвоенныя понятія въ дѣло". Онъ совался туда, сюда—но онъ не былъ серьезно приготовленъ наукой и практикой къ какой-нибудь государственной, общественной, или частной дѣятельности, потому что на всѣхъ этихъ сферахъ еще лежала *обломовщина*, тихое, монотонное теченіе сонныхъ привычекъ, рутина. Живое дѣло только что просыпалось... Новыя идеи кипятъ въ Райскомъ: онъ предчувствуетъ грядущія реформы, сознаетъ правду нового, и порывается ратовать за всѣ тѣ большія и малыя свободы, приближеніе которыхъ чувтвовалось въ воздухѣ. Но только порывается. Онъ бьется съ Софьей Бѣловодовой, стараясь сломать стѣну великосвѣтской замкнутости, замуровавшейся въ фамильныхъ преданіяхъ рода, въ завѣщанныхъ

*) „Лучше поздно, чѣмъ никогда" Гончарова.

предками границахъ недоступной гордости, въ приличіяхъ тона, словомъ въ аристократическо-обломовской, переходившей по наслѣдству изъ рода въ родъ неподвижности.

Райскій, если не спитъ пообломовски, то едва лишь проснулся—и пока знаетъ, что дѣлать, но не дѣлаетъ.

МАРКЪ ВОЛОХОВЪ
(въ „Обрывѣ“).

Въ какихъ фактахъ обнаруживаетъ свои убѣжденія и характеръ Волоховъ—этотъ апостолъ новыхъ идей?

Волоховъ—это отщепенецъ, отверженецъ общества, выгнатый изъ полка за скандалы и буйства; во время дѣйствія романа онъ живетъ въ губернскомъ городѣ, куда сосланъ за свои похожденія „чиновникомъ пятнадцатаго класса, состоящимъ подъ надзоромъ полиціи“, и занимается тамъ всевозможными художествами. Ему противенъ всякій трудъ и порядокъ; онъ живетъ на чужой счетъ. Грубый до цинизма и гордящійся своими лохмотьями, онъ ходитъ по городу, какъ зачумленный; всѣ дома для него закрыты, за то онъ вѣчный завсегдатай трактировъ. Какими условіями жизни вспоено и вскормлено такое чудовище, отъ котораго всѣ бѣгутъ? Гончаровъ не расказываетъ прошлой жизни Волохова, т. е. гдѣ онъ родился, воспитывался и почему сталъ такимъ. Можно дѣлать относительно происхожденія и воспитанія Волохова только нѣкоторыя догадки, основываясь на разговорѣ между Райскимъ и Волоховымъ:

„—Вы скажите мнѣ прежде, отчего я такой? спросилъ Волоховъ... Отчего вы такой? повторилъ Райскій въ раздумьѣ—я думаю вотъ отъ чего: отъ природы вы были пылкій, живой мальчикъ. Дома мать, нянька избаловали васъ. Волоховъ усмѣхнулся.—Все это баловство повело къ деспотизму, а когда дядька и нянька кончились, чужіе люди стали ограничивать волю, вамъ не понравилось; вы сдѣлали эксцентрическій подвигъ, васъ прогнали изъ одного мѣста. Тогда ужъ стали мстить обществу: благоразуміе, тишина, чужое благосостояніе показалось грѣхомъ и порокомъ, порядокъ противенъ, люди нелѣпы. И давай тревожить покой мирныхъ людей“. Волоховъ покачалъ головой. Согласенъ ли былъ Волоховъ съ такимъ объясненіемъ его характера, сдѣланнымъ Райскимъ, или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ въ словахъ послѣдняго есть правда. Объясненіе образованія характера Волохова, сдѣланное Райскимъ, слѣдуетъ, кажется, такъ понимать: въ прежнее время, назадъ лѣтъ 20—30, воспитаніе въ домѣ

и въ школѣ было разсчитано на то, чтобы сломить или переломить волю ребенка, захватить ее въ раннемъ періодѣ развитія и тѣмъ лишить всякой энергіи, всякой самодѣятельности. Ребенку не оставалось ни малѣйшаго простора для обнаруженія и упражненія этой воли, а безъ нея, выходя въ жизнь, юноша становился шаткимъ, способнымъ примкуть къ любой политической партіи, если только можно назвать партіями наши шайки пропагандистовъ. Этого мало. Тяжелыя воспоминанія изъ домашней и школьной жизни, часто порождавшія въ воспитывающихся отвращеніе къ воспитателямъ и ихъ требованіямъ, сливались въ представленіи юноши, по выходѣ изъ школы, и переносились вообще на начальство, все запрещавшее, за все наказывавшее и преслѣдовавшее.

ВѢРА

(въ „Обрывѣ").

Волоховъ, живя въ городѣ, пограничномъ съ усадьбой Малиновкой, плѣнилъ Вѣру, дѣвушку, въ которой съ самаго дѣтства проявлялось отчужденіе отъ тихой помѣщичьей жизни, стремленіе жить посвоему и безсознательная инстинктивная жажда чего-то новаго. Вѣра хотя и выросла въ самой ограниченной средѣ, но посредствомъ чтенія книгъ самостоятельно развилась и, подъ вліяніемъ Волохова, желая порвать связь съ вѣковыми предразсудками, отдалась ему всѣмъ сердцемъ. Какъ же это Вѣра могла влюбиться въ такое чудовище, каковъ Волоховъ, Вѣра—эта гордая, тонкая, изящная? Какъ изъ порядочнаго общества она могла уйти въ *Обрывъ*, сблизиться съ такою дикою личностью?

Самъ Гончаровъ *) для разрѣшенія этого противопоставилъ слѣд. вопросы:

„Развѣ женщины пренебрегали сближеніемъ съ этими, оторвавшимися отъ порядка, отъ общества, отъ семействъ, грубоватыми героями „новой силы", „новаго дѣла", идеала какого-то „громаднаго"? Развѣ многія изящныя красавицы не пошли съ ними на ихъ чердаки, въ ихъ подвалы, бросивъ однѣ родителей, другія мужей и—еще хуже—дѣтей? Какія это женщины! скажутъ мнѣ", продолжаетъ Гончаровъ. „Всякія, отвѣчу я. Не однѣ падшія, или готовыя къ паденію, бросились въ омутъ—нѣтъ! Кто изъ насъ не назоветъ примѣра такихъ эмиграцій изъ почтенныхъ семействъ, изъ образованнаго круга,—

*) Ibid.

на поиски новаго труда, новаго счастія, съ принесеніемъ въ жертву лучшихъ женскихъ качествъ, побѣговъ отъ прямого, скромнаго дѣла и трудныхъ семейныхъ обязанностей".

Дѣло въ томъ, что Вѣра, эта красавица романа, съ богатымъ природнымъ умомъ, съ дѣтства, какъ мы сказали, была мало сообщительна, любила уединеніе, обнаруживала самостоятельность. Вѣра много читала. Рано въ ней пробудилось стремленіе къ новой жизни. Ухаживавшій и влюбленный въ нее Райскій, какъ человѣкъ старыхъ понятій, не удовлетворялъ Вѣры. Не его она полюбила, а полюбила Марка Волохова, эту парію, циника, ведущаго бродячую, цыганскую жизнь, полюбила его и увлеклась имъ. Она рѣшается такъ же, какъ и Ольга, пробудить въ немъ вѣру. „Я"" говорила себѣ часто Вѣра, „сдѣлаю, что онъ будетъ дорожить жизнью... Сначала для меня, а потомъ и для жизни, будетъ уважать... сначала опять меня, а потомъ и другое въ жизни, будетъ вѣрить мнѣ"... У Вѣры происходили частыя свиданія съ Волоховымъ за садомъ, въ низу „обрыва", по которому и названъ романъ. Въ этомъ „обрывѣ" было когда-то совершено убійство, и въ немъ же зарытъ преступникъ; вслѣдствіе этого дворня Бережковой и окрестные жители суевѣрно обходятъ этотъ обрывъ. Послѣ рѣшительнаго свиданія съ Волоховымъ, окончательно опредѣлились ихъ взаимныя отношенія. Вѣра твердо вѣрила въ возможность постоянной любви между любимыми существами. Волоховъ же отрицалъ это, называя подобную любовь „любовью по приказу", „путами, надѣваемыми на ноги". Не смотря на такія діаметрально-противоположные взгляды на любовь между Вѣрой и Волоховымъ, послѣдній побѣдилъ сердце Вѣры: она спустилась съ обрыва и пала...

Но „пала не Вѣра, не личность, пала русская дѣвушка, русская женщина,—жертвой въ борьбѣ старой жизни съ новою: она не хотѣла жить слѣпо, по указкѣ старшихъ. Она сама знала, что отжило въ старой, и давно тосковала, искала свѣжей, осмысленной жизни, хотѣла сознательно найти и принять новую *правду*, удержавъ и все прочное, коренное, лучшее въ старой жизни. Она хотѣла не разрушенія, а обновленія. Но она не знала, гдѣ и какъ искать. Бабушка берегла ее только отъ болѣзней, отъ явныхъ и извѣстныхъ ей золъ и бѣдъ, и не приготовила ни къ какимъ невѣдомымъ ей самой бѣдамъ".

Въ новомъ другѣ (Волоховѣ) Вѣра думала найти опо-

ру, свѣтъ, правду, потому что почуяла въ немъ какую-то силу, смѣлость, огонь,—и нашла ложь, которой, по невѣдѣнію и замкнутости, не распознала сначала, а распознавъ, гордо возмечтала, силою любви, измѣнить эту новую ложь на свою старую правду и обратить отщепенца въ свою вѣру, любовь и въ свои надежды.

„И горько заплатила она за самовольное вкушеніе отъ древа познанія зла!“

МАРѲИНЬКА

(въ „**Обрывѣ**“).

Марѳа Васильевна, или Марѳинька (такимъ уменьшительнымъ именемъ зовутъ ее и авторъ, и почти всѣ лица романа) была „свѣжая, бѣлокурая, здоровая, склонная къ полнотѣ дѣвушка, живая и веселая. Она прилежна, любитъ шить, рисуетъ. Если сядетъ за шитье, то углубится серьезно и, молча, долго можетъ просидѣть; сядетъ за фортепіано, непремѣнно проиграетъ все до конца, что предположитъ; книгу прочтетъ всю и долго разсказываетъ о томъ, что читала, если ей понравится. Поетъ, ходитъ за цвѣтами, за птичками, любитъ домашнія заботы и т. д.

Еще въ дѣтствѣ, бывало, узнаетъ она, что у мужика пала корова или лошадь, она влѣзетъ на колѣни къ бабушкѣ и выпроситъ лошадь или корову. Умеръ у бабы сынъ, мать отстала отъ работы, сидѣла въ углу, какъ убитая, Марѳинька каждый день ходила къ ней и сидѣла часа по два, глядя на нее, и приходила домой съ распухшими отъ слезъ глазами. Коли мужикъ заболѣвалъ трудно, она приласкается къ Ивану Богдановичу, лѣкарю, и сама вскочитъ къ нему на дрожки и повезетъ въ деревню. То и дѣло проситъ у бабушки чего-нибудь: холста, каленкору, сахару, чаю, мыла. Дѣвкамъ даетъ старыя платья, велитъ держать себя чисто. Къ слѣпому старику носитъ чего-нибудь лакомаго поѣсть, или даетъ немного денегъ. Знаетъ всѣхъ бабъ, даже ребятишекъ, по именамъ; послѣднимъ покупаетъ башмаки, шьетъ рубашенки и креститъ почти всѣхъ новорожденныхъ. Если случится свадьба, Марфинька не знаетъ предѣла щедрости: съ трудомъ ее ограничиваетъ бабушка. Она даетъ бѣлье, обувь, придумываетъ какой-нибудь затѣйливый сарафанъ, истратитъ всѣ свои карманныя деньги и долго послѣ этого экономничаетъ. Только пьяницъ, какъ бабушка же, не любила и однажды даже замахнулась зонтикомъ на мужика, когда онъ, пьяный, хотѣлъ ударить

при ней жену. Когда идетъ по деревнѣ, дѣти отъ нея безъ ума; они, завидя ее, бѣгутъ къ ней толпой, она раздаетъ имъ пряники, орѣхи, иного приведетъ къ себѣ, умоетъ, возится съ ними. Всѣ собаки въ деревнѣ знаютъ и любятъ барышню Марѳиньку; у ней есть любимыя коровы и овцы.

Марѳинька—это безмятежно-счастливое существо, эта, какъ выразился умиленный Титъ Никонычъ, „распускающаяся роза на стебелькѣ, до коей даже дыханіе вѣтерка не смѣетъ прикоснуться". Она сама опредѣлила себя въ немногихъ словахъ: „я здѣшняя, я вся вотъ изъ этого песочку, изъ этой травки!" говоритъ она, мѣткимъ словомъ, давая чувствовать свою живую, органическую связь съ тою почвой, на которой родилась, воспиталась и живетъ. Надъ каждой чертой Марѳиньки, въ каждомъ фактѣ ея жизни отражается гармонія и полное счастіе; отъ каждаго поступка, каждаго слова ея вѣетъ дѣтскою, наивною граціей. Лишенная глубины и силы характера, лишенная энергіи и страстности, Марѳинька въ своемъ сродствѣ съ „этимъ песочкомъ" и съ „этой травкой" поэтично облекла мысль о полномъ, тепломъ, гармоническомъ единствѣ своей натуры, своихъ вѣрованій и своей обстановки. Она на все смотрѣла бодро, весело. Въ душѣ Марѳиньки, этого веселаго, цвѣтущаго созданія, конечно, нѣтъ да и не можетъ быть мѣста для неопредѣленной тоски, для скуки и отвращенія къ окружающему. Отрицаніе къ ней никогда не привьется и Райскій напрасно старается найти въ душѣ Марѳиньки зародышъ хоть какого-нибудь разлада или недовольства средой.

Заканчивая обзоръ типовъ Гончарова, припомнимъ, что онъ „жилъ въ трехъ эпохахъ русской жизни", которыя и отразились въ его произведеніяхъ. „У меня раскидывался и четвертый періодъ", говоритъ онъ, „захватывающій и современную жизнь, но я оставилъ этотъ планъ, потому что творчество требуетъ спокойнаго наблюденія уже установившихся и успокоившихся формъ жизни, а новая жизнь слишкомъ нова, она трепещетъ въ процессѣ броженія, слагается сегодня, разлагается завтра и видоизмѣняется". *)

---

*) Ibid.

ПИСЕМСКІЙ.

Особые пріемы и общее содержаніе произведеній Писемскаго. ТЫСЯЧА ДУШЪ. Калиновичъ, положившій ложное основаніе для своей жизни и погибшій вслѣдствіе этого. ТЮФЯКЪ. Картина простой провинціальной жизни.—Юлія—губернская барышня и ея замужество съ Бешметевымъ. ВЗБАЛАМУЧЕННОЕ МОРЕ. Смыслъ этого произведенія.—Баклановъ—дармоѣдъ. ВОДОВОРОТЪ. Общее содержаніе романа.—Князь Григоровъ—несчастная жертва нигилизма.—Елена, ея характеръ и воспитаніе, сдѣлавшее ее нигилисткой. ВААЛЪ. Куницынъ, отъявленный франтъ и негодяй.

Талантъ Писемскаго, подобно Гончарову, былъ направленъ къ изученію современнаго русскаго общества; въ его произведеніяхъ отразилось нѣсколько фазисовъ этого положенія и развитія съ замѣчательною яркостію изображенія. Такъ въ „Тысячѣ душъ" Россія изображена поэтомъ на канунѣ великихъ преобразованій, къ которымъ она готовилась; въ „Тюфякѣ" нарисована прекрасная картина пустой провинціальной жизни. Въ „Взбаламученномъ морѣ" изображена жизнь общества предшествовавшаго реформамъ, въ видѣ безотраднаго моря, на поверхности котораго виднѣлись радужныя цвѣта, но въ глубинѣ множество самыхъ отвратительныхъ чудовищъ, безкровныхъ рыбъ и разныхъ улитокъ, приросшихъ къ камнямъ, покрытымъ тиною. Но вотъ лазурное, неподвижное море заволновалось. Начались реформы, поднялись вопросы, въ обществѣ появилось движеніе. Въ „Водоворотѣ" Писемскій прекрасно изобразилъ, ка́къ теоретическія ученія нигилизма отражаются въ нашемъ обществѣ и ка́къ на ряду съ нигилистами-теоретиками являются нигилисты-практики, усвоивающіе изъ нигилистическихъ ученій одну безнравственность, умѣнье обдѣлывать свои дѣлишки.

Разборъ произведеній Писемскаго смотр. въ сочин. Писарева, т. 1., „Рус. Вѣстн." 1858 г. кн. 10, 1873 г. кн. 4 и 1874 г. кн. 5; „Отеч. Зап." критич. ст. Скабичевскаго; „Вѣстн. Европ." апр. 1882 г.

Въ драматическихъ произведеніяхъ Писемскаго, которыя писались отъ 50-хъ до 70-хъ годовъ, точно также отразилсь довольно различные склады нашей жизни. Такъ „Ипохондрикъ", „Раздѣлъ", „Горькая судьбина" цѣликомъ принадлежатъ эпохѣ крѣпостного права и старой помѣщичьей жизни. „Подкопъ" и „Ваалъ", какъ въ идеѣ, такъ и въ подробностяхъ навѣяны Писемскому новымъ складомъ русской жизни, возникшей изъ новыхъ условій послѣреформеннаго общества.

Писемскій, какъ прямой продолжатель Гоголевскаго направленія, хотя и раздвинулъ литературныя рамки, заимствуя своихъ героевъ почти изъ всѣхъ классовъ современнаго общества, однако онъ не заглядывалъ, подобно Гоголю, глубоко въ душу человѣка и не обращалъ столько вниманія на ту предварительную работу, которая происходитъ въ немъ прежде, чѣмъ онъ совершитъ тотъ или другой поступокъ. Писемскій—поэтъ-реалистъ: онъ ставитъ задачею своихъ произведеній объективное изображеніе человѣческой натуры во всей неподкрашенной ея наготѣ. Въ этомъ достоинства и недостатки его таланта и произведеній. Грубый тонъ и ѣдкія обличенія пороковъ и преступленій, выборъ сюжета, иногда съ довольно грязнымъ содержаніемъ и отсутствіе идеализаціи изображаемыхъ лицъ и событій—все это составляетъ слабую сторону произведеній Писемскаго. За то онъ, какъ поэтъ-реалистъ, носилъ на самомъ себѣ печать народнаго мышленія и творчества. Онъ далъ такіе литературные типы, которые по своей выразительности и отчетливости могутъ соперничать съ типами Тургенева, Гончарова и проч. первоклассныхъ писателей.

КАЛИНОВИЧЪ

(въ романѣ **„Тысяча душъ"**).

Въ романѣ „Тысяча душъ" лучшимъ, въ художественномъ отношеніи, типомъ является Калиновичъ, грязныя качества котораго чрезвычайно распространены въ нашемъ обществѣ. Калиновичъ для своей жизни положилъ крайне ложный и непрочный фундаментъ. Разъ эта ошибка была сдѣлана, вся его жизнь представляла страшныя усилія и борьбу съ опасностями поддержать зданіе, готовое каждую минуту разрушиться.

Дѣло въ томъ, что Калиновичъ, кандидатъ московскаго университета, устроился смотрителемъ въ одномъ изъ уѣздныхъ училищъ. Хотя онъ человѣкъ умный, развитой, жаждущій дѣятельности, однако это не мѣшало ему со-

ставить такой планъ жизни, который не соотвѣтствовалъ ни его служебному положенію, ни силамъ. Онъ мечталъ о богатой обстановкѣ, роскоши и самой широкой дѣятельности, которая давала бы ему возможность играть роль, зарекомендовать себя поступками, вызывающими отъ всѣхъ удивленіе и похвалу. Онъ всѣмъ говорилъ о „своихъ святыхъ убѣжденіяхъ“, которыя, впрочемъ, ему нужны были главнымъ образомъ для того, чтобы при помощи ихъ достичь извѣстной власти и комфорта. Вообще „комфортъ въ умѣ моего героя“, говоритъ Писемскій, „всегда имѣлъ огромное значеніе; и для кого же, впрочемъ, изъ солидныхъ, благоразумныхъ и образованныхъ молодыхъ людей нашего времени не имѣетъ онъ этого значенія? Онъ одинъ нашъ идолъ, и въ жертву ему приносится все дорогое, хотя бы для этого пришлось оторвать самую близкую часть нашего сердца, разорвать главную артерію и кровью изойти, но только близенько, на подножіи нашего золотого тельца. Для комфорта десятки лѣтъ изгибаются, кланяются, кривятъ совѣстью...

Калиновичъ влюбился въ дочь смотрителя уѣзднаго училища, своего предшественника, Настеньку Годневу, дѣвочку умную, начитанную, и увлекъ ее сердце. Между тѣмъ въ уѣздномъ городѣ, гдѣ онъ служилъ, проживала аристократка, богатая и скупая генеральша Шевалова съ дочерью, кривобокою Полиной, за которою объявлялось приданое въ *тысячу душъ*. Родственникъ Шеваловой, князь Раменскій, человѣкъ не молодой, женатый, съумѣлъ влюбить въ себя Полину. Желая выманить капиталы и прикрыть свои близкія отношенія къ Полинѣ, князь предлагаетъ Калиновичу жениться на Полинѣ и перевести такимъ путемъ состояніе Шеваловой въ руки преданнаго ему Калиновича. Послѣдній отказывается отъ этого предложенія и уѣзжаетъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ терпитъ цѣлый рядъ неудачъ, тратитъ всѣ скопленныя деньжонки и наконецъ заболѣваетъ. Настенька, которая ужъ давно почти забыта Калиновичемъ, узнавъ о его болѣзни въ Петербургѣ, бросаетъ отца, превращаетъ въ деньги свое маленькое имѣніе и пріѣзжаетъ къ Калиновичу, который тратитъ въ Петербургѣ всѣ деньги, привезенныя ею. Расхаживая по Петербургу, Калиновичъ никакъ не могъ разстаться съ мыслію о томъ, какъ бы устроить свои дѣлишки такъ, чтобы жить съ комфортомъ, припѣваючи. Жажда комфорта, въ виду столичныхъ соблазновъ, все больше и

больше въ немъ развивается и овладѣваетъ всѣмъ его существомъ. Онъ рѣшается жениться на Полинѣ и бросить Настеньку. Опираясь на богатство Полины, Калиновичъ съ страшною энергіею принимается за службу, лѣтъ черезъ 10 дѣлается вице-губернаторомъ, гдѣ неумолимо преслѣдуетъ разныя злоупотребленія, выживаетъ губернатора и поступаетъ на его мѣсто. Калиновичъ со всею строгостію закона преслѣдуетъ даже и князя Раменскаго, своего благодѣтеля, за подложный документъ. Но вотъ тутъ-то и начинается драма. Калиновичъ, такъ искусно, но фальшиво и непрочно положившій фундаментъ для своей жизни, уже давно нравственно страдалъ, вспоминая свое блаженство съ Настенькой. Полина, послѣ того, какъ ему удалось посадить въ острогъ любимаго ею князя, не выноситъ этого оскорбленія, приводитъ въ движеніе свои петербургскія связи и Калиновичъ, уволенный отъ должности, разбитый нравственно и ни къ чему не способный, бросается въ объятія пріѣхавшей Настеньки, которая уже сдѣлалась провинціальной актрисой и восклицаетъ: „Боже, благодарю Тебя, что Ты посылаешь мнѣ этого ангела-хранителя!“ „Какъ бы посреди холодной и мертвящей вьюги, говоритъ Писемскій, „вдругъ на него пахнуло весной. Десятилѣтней, отвратительной семейной жизни и суровыхъ служебныхъ хлопотъ какъ будто бы и не бывало.“

Сознавая нравственное паденіе своего героя, Писемскій приводитъ длинную лирическую, или скорѣе лирико-сатирическую тираду. „А васъ, старцы, любящіе только героевъ добродѣтельныхъ, я не беру въ присяжные: вонъ изъ судилища! Вся жизнь наша была запятнана еще худшимъ! Всѣ наши мечты были направлены на пріобрѣтеніе, какимъ бы то нибыло путемъ, благоустроенныхъ имѣній, каменныхъ домовъ и очаровательныхъ дачъ. Вы и теперь о томъ только молите Бога, чтобы для дѣтей вашихъ вышла такая же линія!“... Писемскій совершенно вѣрно говоритъ, что грязныя качества въ характерѣ Калиновича самыя распространенныя качества въ нашемъ обществѣ.

ТЮФЯКЪ.

Картина пустой провинціальной жизни.

Прекрасную и вполнѣ художественную картину провинціальнаго общества нарисовалъ Писемскій въ повѣсти „Тюфякъ“. Жизнь, въ разныхъ уголкахъ Россіи, изображенная имъ въ этой повѣсти, немного ушла впередъ и по настоящее время.

Какъ же рисуется эта жизнь и какіе отличительные ея признаки?

Пустота жизни, которая порождаетъ искуственность и ложность интересовъ, патріархальная рутинность понятій и отношеній, которая ведетъ за собою семейный деспотизмъ—вотъ главныя черты провинціальнаго общества. Здѣсь всѣ нравственныя воззрѣнія и правила развились по кодексу мѣщанской нравственности: здѣсь принято, условлено не дозволять себѣ того, или другого поступка, хотя бы въ этомъ поступкѣ и не было ничего предосудительнаго: принято, условлено, всѣ такъ дѣлаютъ; кто не повинуется обычаю—навлекаетъ на себя нарекания. Это, такъ сказать, стадность общества.... Всякое, даже самое невинное проявленіе чувства уваженія между молодыми людьми, не связанными узами брака, или непомолвленными, считается чуть не оскорбленіемъ общественной нравственности; если родители пріищутъ своей дочери жениха, способнаго составить ея счастіе, человѣка солиднаго, т. е. прилично-пожилого, одареннаго состояніемъ, чинами и т. п., то она должна съ благодарностію и безусловно принять отъ нихъ это доказательство ихъ заботливости. *)

Вотъ по какому кодексу правилъ воспитывались и дѣйствуютъ герои „Тюфяка", къ которымъ мы и переходимъ.

ЮЛІЯ И БЕШМЕТЕВЪ

(въ повѣсти „**Тюфякъ**").

Юлія—одно изъ главныхъ лицъ въ повѣсти „Тюфякъ" —провинціальная барышня въ полномъ и самомъ обидномъ смыслѣ этого слова. Она не развита умственно: ни разу не задается вопросами о томъ, есть ли въ ея жизни какой-нибудь смыслъ, хорошо ли ей жить на свѣтѣ и нельзя ли лучше жить—полнѣе и разумнѣе. Она наряжается, выѣзжаетъ, выслушиваетъ любезности, поддерживаетъ легкіе разговоры въ гостиной, читаетъ романы, дѣлаетъ визиты, мечтаетъ выйти за гвардейскаго офицера и т. д. каждый день, каждый день.

Но вотъ Юлія противъ своего желанія помолвлена за Павла Васильевича Бешметева, человѣка, не любимаго ею. Проплакавъ цѣлый день послѣ помолвки, она слегла къ вечеру въ постель. Отецъ, войдя въ ея спальню съ женихомъ, спрашиваетъ дочь: —„А что, голова болитъ? —Болитъ, папа.—Хочешь, я тебѣ лѣкарство скажу? —Скажите.—Поцѣлуй жениха. Сейчасъ пройдетъ; не

*) См. сочин. Писарева.

такъ ли, Павелъ Васильевичъ.—Что это папа? сказала Юлія. Павелъ Бешметевъ покраснѣлъ.—Непремѣнно пройдетъ. Ну-те-ка, Павелъ Васильевичъ, лѣчите невѣсту смѣлѣй". Онъ взялъ Павла за руку и поднялъ со стула. „Поцѣлуй, Юлія; съ женихомъ-то и надобно цѣловаться". Павелъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, да, кажется, и Юліи не слишкомъ было легко исполнить приказаніе папеньки. Она нехотя приподняла голову, поцѣловала жениха, а потомъ сейчасъ же опустилась на подушку. Вотъ образецъ того, какъ отецъ торгуетъ поцѣлуями своей дочери, не скрывая всей гнусности своего поступка! Послушная Юлія не въ силахъ была бороться съ властію отца: она осталась ребенкомъ въ отношеніи къ нему и до, и послѣ замужества. Да и каково было это замужество! Въ Юліи скоро развилась любовь къ другому лицу, къ красивому Бахтіарову. Не умѣя распознавать людей, Юлія, не смотря на дурныя стороны въ характерѣ Бахтіарова, предпочла послѣдняго своему мужу и полюбила его, т. е. собственно полюбила не его, а другого идеальнаго человѣка, черты котораго произвольно приписала своему любовнику.

А что же, спросите, мужъ Юліи, Бешметевъ? Развѣ онъ недостоинъ былъ ея любви?

То-то и бѣда, что Бешметевъ, хоть и учился въ университетѣ, хоть и мечталъ о магистерскомъ экзаменѣ, однако былъ *тюфякъ*, очень похожій на Обломова, хотя и болѣе развитой въ умственномъ отношеніи. Шаткость и слабость—вотъ основныя черты его характера. Онъ позволилъ себя женить чрезъ сваху; правильныя черты лица невѣсты помѣшали ему разглядѣть всю уродливость ея воспитанія. Онъ и не думалъ задаваться вопросами: любитъ ли его невѣста, уважаетъ ли его, сходятся ли они между собою въ понятіяхъ, взглядахъ. Прямымъ слѣдствіемъ такой капитальной ошибки въ жизни было озлобленіе на все и на всѣхъ.

Характеры Юліи и Бешметева и не новы въ нашей литературѣ, и не поражаютъ своею сложностію, оригинальностію. Не смотря на это, подобные типы, именно своею простотою и, такъ сказать, обыденностію обращаютъ на себя вниманіе. Вѣдь людей, похожихъ на Юлію и Бешметева, мы видимъ вездѣ и на каждомъ шагу, видимъ, какъ они копошатся въ грязи, задыхаются въ душной атмосферѣ и не умѣютъ изъ нея выбраться. И грустно, и больно за нихъ!

БАКЛАНОВЪ

(въ **Взбаламученномъ морѣ**).

При созданіи „Взбаламученнаго моря" Писемскій выходитъ изъ довольно страннаго убѣжденія, будто всѣ новыя вѣянія и даже благодѣтельныя реформы прошлаго царствованія совершенно безполезны. Поэта-сатирика смутило то обстоятельство, что общественными дѣятелями при новыхъ порядкахъ являлись тѣ же люди стараго, но только ужъ совсѣмъ не добраго времени. Эти люди были старыми мѣхами для новаго вина. Вотъ образчикомъ такихъ-то мѣховъ и является Баклановъ, по своему времени образованный человѣкъ.

Вотъ какъ Баклановъ описываетъ свою университетскую жизнь: «На первомъ курсѣ я занятъ былъ глупой любовью къ кокеткѣ-дѣвочкѣ, потомъ, съ горя отъ неудачи въ этой любви, на второмъ и на третьемъ курсахъ пьянствовалъ, и, наконецъ, этотъ годъ—глупѣйшаго ужъ и вообразить нельзя—что дѣлалъ? клакеромъ былъ"... Сваливая причину такого поведенія въ университетѣ на домашнее воспитаніе, Баклановъ говоритъ: „у меня, бывало, матушка только и говоритъ: „Сашенька, батюшка, не учись, боленъ будешь!... Сашенька, батюшка, покушай! Сашенька, поколоти двороваго мальчишку; что онъ тебѣ грубіянитъ,—вотъ и выпянчили себѣ на шею". Съ какимъ-то искреннимъ сожалѣніемъ о себѣ и даже озлобленіемъ баричъ Баклановъ, будучи студентомъ, указываетъ на своего товарища Проскриптскаго: „Онъ идетъ куда слѣдуетъ; знаетъ до пяти языковъ, пропасть научныхъ свѣдѣній имѣетъ, а отчего? Оттого, что семинаристъ; его и дома, можетъ быть, въ ихней тамъ семинаріи въ дугу гнули, характеръ по крайней мѣрѣ въ человѣкѣ выработали и трудиться пріучили".

Выросши и воспитавшись на папенькиныхъ хлѣбахъ, въ барской семьѣ, Баклановъ поступилъ по протекціи на службу, благородно послужилъ, выгодно женился и вѣчно мечталъ только о томъ, какъ бы попріятнѣе провести время. Онъ представитель того разряда людей, которые въ былое время замирали отъ восторга въ итальянской оперѣ и считали, что это высшее назначеніе человѣка на землѣ. Жалокъ и гадокъ этотъ Баклановъ и тогда, когда онъ стыдится ѣздить рядомъ съ своею матерью, и тогда, когда въ припадкѣ ревности къ Софи швыряетъ стулья и подсвѣчники въ ея домѣ, и тогда, когда женится на Евпраксіи, дѣвушкѣ, не имѣющей съ нимъ ни-

чего общаго, изъ одного любопытства, что-де за существо эта дѣвушка и способна ли она любить. Вездѣ и во всемъ Баклановъ—безхарактерный, пошлый до отвращенія, растлѣнный до мозга костей. Разстроивъ свое состояніе и состояніе своихъ дѣтей, онъ спѣшитъ какъ бы съ отчаянія заграницу и здѣсь застаетъ его великая. начавшаяся у насъ на глазахъ, пора преобразованій. Сначала, прослышавъ о крестьянской реформѣ, онъ съ практической точки зрѣнія промотавшагося помѣщика спрашиваетъ: „но что же намъ дадутъ? заплатятъ ли по крайней мѣрѣ?“...

КНЯЗЬ ГРИГОРОВЪ.

(въ „**Водоворотѣ**“).

Одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ романѣ „Водоворотъ“—это богатый князь Григоровъ, проживающій въ Москвѣ и часто заглядывающій въ Петербургъ для развлеченій и освѣженія. Онъ нерѣдко чувствуетъ постоянныя колебанія въ своихъ убѣжденіяхъ и описываетъ свое мучительное состояніе и... Петербургъ въ грустномъ письмѣ къ Еленѣ Жиглинской: „Никогда еще такъ не возмущалъ и не истерзывалъ меня... Петербургъ, какъ въ нынѣшній пріѣздъ мой. Какая огромная привычка выработана у всѣхъ этихъ господъ важничать, и какая подъ всѣмъ этимъ лежитъ пустота и даже мелочность и ничтожность характеровъ!... Мнѣ больше всѣхъ изъ нихъ противны ихъ лучшіе люди, ихъ передовые; и для этого-то сорта людей (кровью сердце обливается при этой мысли) отецъ готовилъ меня, а между тѣмъ онъ былъ, сколько я помню, человѣкъ не глупый, любилъ меня, и, конечно, желалъ добра. Понимая, вѣроятно, что въ лицеѣ меня ничему порядочному не научатъ, онъ въ то же время зналъ, что мнѣ оттуда дадутъ хорошій чинъ и хорошее мѣсто... Въ университетахъ нашихъ очень плохо учатъ, но тамъ есть какой-то научный запахъ; тамъ человѣкъ, по крайней мѣрѣ, можетъ усвоить нѣкоторые пріемы, какъ потомъ образовать себя, но у насъ и того не было“. Свѣтскія манеры, немножко музыки, немножко разврата на петербургскій ладъ и наконецъ безсмысленное либеральничанье, что, впрочемъ, есть еще самое лучшее, что преподано князю Григорову. Грустнѣй же всего, что съ такимъ небогатымъ умственнымъ и нравственнымъ запасомъ пришлось жить и дѣйствовать нашему герою въ очень трудное и переходное время. То, что вошло въ него посредствомъ уха и указки изъ

воспитывающей среды, видно, никуда не годилось. Но чѣмъ онъ рѣшился замѣнить все это, что задумалъ поставить вмѣсто этого? „Естествознаніе, мнѣ кажется, лучше всего можетъ давать отвѣтъ въ этомъ случаѣ, потому что лучше всего можетъ познакомить съ самимъ собою, ибо человѣкъ, чтобы тамъ ни говорили, прежде всего животное. Высшія его потребности, смѣю думать, роскошь, безъ которой онъ можетъ и обойтись".

Вотъ къ какимъ результатамъ приходитъ князь, проанализировавъ исторію своего воспитанія и убѣжденій. Вся жизнь и практическая дѣятельность его, построенная на такихъ, хотя и шаткихъ, но грубыхъ, матеріалистическихъ взглядахъ, носитъ печать какой-то безпринципности, шатаній изъ стороны въ сторону, полусознательныхъ порывовъ и невозможныхъ противорѣчій.

Князь Григоровъ, женившись на дочери генерала изъ Нѣмцевъ, на дѣвушкѣ, которая прельстила его игрою на фортепіано, да голубыми глазами, скоро убѣдился и понялъ всю ту пропасть, которая раздѣляетъ его съ женой во взглядахъ и убѣжденіяхъ. Уѣхалъ съ нею въ деревню, князь, въ качествѣ мирового посредника, началъ хлопотать о народѣ; здѣсь онъ сближается съ Еленой Жиглинской, женщиной, пропитанной новыми убѣжденіями, подходящими къ убѣжденіямъ князя. Послѣдній еще больше прежняго увидѣлъ отсталость и патріархальность взглядовъ своей жены, слѣдствіемъ чего и было то, что князь страстно увлекся либеральной Еленой. Вотъ здѣсь-то и начинаются противорѣчія, тотъ дикій *водоворотъ*, происходящій отъ путаницы и тьмы навѣянныхъ съ вѣтру идей. Князь всячески старается освободиться отъ предразсудковъ, доставшихся ему по преданію, но, стремясь сбросить ихъ, онъ вмѣстѣ съ ними сбрасываетъ и то, что составляетъ естественныя свойства природы человѣка и что, слѣдовательно, сбросить никакъ нельзя. Такъ онъ, разлюбивъ жену и стараясь вытравить въ себѣ всякія добрыя чувства къ ней изъ-за того, что она отсталая, въ то же время ревнуетъ ее и убаюкиваетъ свою совѣсть тѣмъ, что онъ разлюбилъ ее какъ женщину, но не какъ свою жену. Князь доходитъ наконецъ до того, что совсѣмъ теряется: выходя изъ своихъ либеральныхъ убѣжденій, онъ находитъ нисколько не предосудительнымъ, чтобы жена полюбила, вмѣсто его, кого-нибудь другого; онъ составляетъ даже планъ отправить ее за границу. Но вотъ получается анонимное письмо, изъ котораго онъ видитъ, что между его женою и Миклаковымъ

существуютъ интимныя отношенія. Князь смущается и, какъ ни старается подавить въ себѣ ревность, какъ ни старается забыть, что жена любитъ его всѣмъ сердцемъ, теряетъ власть надъ собою: въ крови и мозгу его остались и живутъ человѣческія стороны, какъ ни называй ихъ—предразсудками, отсталостію, чѣмъ угодно... Такимъ образомъ князь Григоровъ является типомъ, такъ часто встрѣчающимся въ нашъ вѣкъ, типомъ человѣка, который старается устоять въ своихъ теоретическихъ убѣжденіяхъ, въ своихъ нигилистическихъ вѣрованіяхъ, но практически, на дѣлѣ, онъ является нагляднымъ доказательствомъ, какъ эти новыя ученія плохо привились, вошли въ его плоть и кровь, и потому раздвоили его существо, разбили и всю жизнь его...

ЕЛЕНА ЖИГЛИНСКАЯ
(въ „Водоворотѣ“).

Болѣе опредѣленнымъ типомъ въ „Водоворотѣ“ является Елена Жиглинская, безусловно вѣрующая въ непогрѣшимость нигилистическихъ вѣрованій.

Для насъ интересно рѣшить вопросъ, какъ Елена сдѣлалась нигилисткой?

Елена Жиглинская, какъ полуполька по происхожденію, въ своей крови носила задатки раздраженія и ненависти къ русскому государству. Мать не могла оказать на нее никакого благотворнаго вліянія. Напротивъ, она, какъ женщина сомнительной нравственности, посѣяла въ ея юной душѣ невыгодные взгляды на замужнюю жизнь. Елена воспитывалась въ одномъ благотворительномъ учрежденіи; рѣдко бывая у матери, она постепенно отвыкала отъ нея и охладѣвала къ ней. Скитаясь по выходѣ изъ училища въ качествѣ гувернантки и встрѣчая разныя неудачи вслѣдствіе своей же неуживчивости, Елена постепенно развивала въ себѣ озлобленное, мстительное чувство и крайнее раздраженіе противъ всего и всѣхъ. „Ей мечтались заговоры, сходки въ подземельѣ, клятвы на кинжалахъ и наконецъ даже позорная смерть на площади посреди благословляющей втайнѣ толпы“.

Раздраженіе Елены все расло и расло. Оно достигло высшаго развитія, когда ей отказали отъ мѣста начальницы одной школы. „Если я умру теперь“, говорила она, „что весьма возможно, то знайте, что я унесла съ собою одно неудовлетворенное чувство, про которое еще Кочубей у Пушкина сказалъ: „есть третій кладъ—святая месть, ее готовлюсь Богу снесть“. Меня вотъ въ этомъ

письмѣ укоряютъ во вредномъ направленіи, по каково бы ни было мое направленіе, худо ли, хорошо ли оно, я не пропагандировала моихъ убѣжденій. Меня все-таки выгнали, вышвырнули изъ службы, а потому теперь ужъ извините: никакого другого чувства у меня не будетъ къ моей родинѣ, кромѣ ненависти. Впрочемъ, я и по рожденію больше полька, чѣмъ русская, и за все, что теперь будетъ клониться къ погибели и злу нашей дорогой Россіи, я буду хвататься какъ за драгоцѣнность, какъ за ароматъ какой-нибудь".

Нужно ли доказывать и разъяснять тѣ узкіе и односторонніе нигилистическіе взгляды ея на общество, на законы, которымъ оно управляется и т. п. Для характеристики ея убѣжденій и ихъ практическаго примѣненія въ жизни достаточно показать отношенія ея напр. къ своему сыну. Она страстно любила его, но въ то же время посвятить ему всѣ дни и часы свои она не хотѣла и находила это недостойнымъ всякой неглупой женщины. Обязанности матери казались ей чѣмъ-то низкимъ, постыднымъ. Она сильно сопротивлялась даже убѣжденіямъ князя Григорова крестить ребенка. По ея понятіямъ не слѣдовало навязывать человѣку извѣстную религію въ томъ возрастѣ, когда она не можетъ сдѣлать свободнаго выбора между исповѣданіями. Миклаковъ возражаетъ ей, что, по здравому смыслу, слѣдуетъ крестить ребенка въ религіи той страны, въ которой ему придется жить и дѣйствовать. Елена, находя это замѣчаніе совершенно справедливымъ, не соглашается однако и говоритъ: „такъ было бы и умнѣе, но никакъ не либеральнѣе", показывая этимъ тупое упорство въ пропагандированіи своихъ убѣжденій даже тамъ, гдѣ здравый смыслъ говоритъ совершенно противное.

Мы представили тѣ крайнія стороны въ убѣжденіяхъ и дѣятельности Елены, которыя сдѣлали ее несчастною жертвою нигилизма. Елена Жиглинская съ княземъ Григоровымъ служатъ, какъ мы сказали, прекрасной иллюстраціей того, какъ новыя теоретическія ученія отражались въ нашемъ обществѣ. Очевидно Елена Жиглинская и ей подобныя дѣлались нигилистами случайно, иногда просто въ силу сложившихся обстоятельствъ своей жизни Въ душѣ Елены Жиглинской мы не видимъ протеста противъ преданія и власти, не видимъ благородныхъ стремленій и порывовъ. Нѣтъ. Она просто озлобленная женщина. Она сдѣлалась нигилисткой только потому, что новыя ученія наиболѣе подходили къ ея личнымъ вкусамъ

и обстоятельствамъ жизни. Въ нашемъ обществѣ такимъ образомъ на ряду съ нигилистами-теоретиками явились нигилисты-практики, прельстившіеся и усвоившіе себѣ только нигилистическую безпринципность для полной разнузданности и оправданія своихъ иногда самыхъ грубыхъ, эгоистическихъ порывовъ. Но мы несправедливо поступили бы, если бы не указали на энергію Елены, съ какою она стремилась выбиться изъ тѣхъ патріархальныхъ путъ, которыми была связана русская женщина и которыя такъ прекрасно изображены Писемскимъ въ „Тюфякѣ“. Здоровая, способная къ труду натура Елены, ея стремленіе добиться нравственной и матеріальной независимости при всѣхъ ея крайностяхъ и ложной дорогѣ, не могутъ въ этомъ пунктѣ не возбуждать въ читателѣ нѣкотораго сочувствія.

КУНИЦЫНЪ
(въ „**Ваалѣ**“).

Въ „Ваалѣ“ Писемскій представляетъ одинъ изъ крупныхъ и рѣзко бросающихся въ глаза признаковъ новаго времени—этого повальнаго хищничества. Представителемъ его является мастерски изображенный Куницынъ, отъявленный франтъ, хоть и не совсѣмъ хорошаго тона. „Я ненавижу этихъ милліонеровъ! восклицаетъ Куницынъ“. Просто то есть на улицѣ встрѣчать не могу, такъ-бы взялъ кинжалъ, да и вонзилъ въ него; потому завидно и досадно! Ты, чортъ возьми, годъ-то годенскій бѣгаешь, бѣгаешь, высуня языкъ, и все ничего: а онъ только ручкой поведетъ, контрактикъ какой-нибудь подпишетъ—смотришь, ему сотни тысячъ въ карманъ валятся!“ Дѣтище своего вѣка,—Куницынъ, въ силу своей ограниченности и нравственной несостоятельности, усвоилъ себѣ понятія, что цѣль жизни—нажива и что въ нынѣшній вѣкъ все можно купить за деньги. Нравственные принципы Куницына выражаются въ слѣдующихъ характерныхъ его словахъ: „Нынче, братъ, только тѣмъ людямъ и житье, которые любятъ лазить въ чужіе карманы и не пускать никого въ свой... Тутъ, смотришь, мошенникъ, тамъ плутъ, въ третьемъ мѣстѣ каналья, а живя посреди розъ, невольно примешь ихъ ароматъ“. Идеалъ Куницына вполнѣ соотвѣтствуетъ его нравственнымъ принципамъ: онъ мечтаетъ жениться на богатой купеческой дочкѣ, или идти въ утѣшители къ какой-нибудь толстухѣ, или наконецъ забраться казначеемъ въ банкъ, стибрить тамъ милліонъ и ударить съ нимъ въ Америку.

Онъ не прочь быть и честнымъ человѣкомъ, но вотъ бѣда,—онъ знаетъ, что съ честностью, пожалуй, по міру находишься, да и не умѣетъ къ тому же какъ провести границу между тѣмъ, что честно и безчестно. Писемскій прекрасно выразилъ общій смыслъ піесы „Ваалъ" словами Мировича, продавшаго свою жену Бургмейеру и бѣжавшаго въ Америку: „Пріими, Ваалъ, еще двѣ новыя жертвы! Мучь и терзай ихъ сердца и души, кровожадный богъ, въ своихъ огненныхъ котлахъ! Скоро тебѣ всѣ поклонятся въ этотъ вѣкъ безъ идеаловъ, безъ чаяній и надеждъ, вѣкъ мѣдныхъ рублей и фальшивыхъ бумагъ"!

Критика замѣчала, *) что въ послѣдніе годы творчество Писемскаго приняло *памфлетическое* направленіе, что видно какъ въ „Ваалѣ", такъ и въ другихъ его произведеніяхъ (кромѣ, впрочемъ, романовъ: „Люди сороковыхъ годовъ" и „Масоны"). Такъ какъ цѣль и пріемы литературнаго памфлета состоятъ въ показаніи язвъ современнаго общества во всей ихъ наготѣ, при чемъ памфлетистъ можетъ игнорировать въ своемъ произведеніи психическія побужденія своихъ героевъ и не слишкомъ заботиться о логическомъ ходѣ пьесы, то произведенія Писемскаго съ памфлетическимъ характеромъ въ родѣ „Ваала" походятъ не на дѣльную художественную сатиру, а скорѣе на обвинительную прокурорскую рѣчь, которая разсматриваетъ и оцѣниваетъ извѣстный фактъ, не имѣя своей прямой задачей излѣченіе общества отъ подобныхъ недуговъ и разслѣдованіе коренныхъ причинъ, породившихъ эти недуги.

*) *Анненковъ*. „Художникъ и простой человѣкъ", Вѣстникъ Европы, 1882 г., апрѣль.

ОСТРОВСКІЙ.

Островскій, какъ драматическій писатель, и его значеніе.—Жизнь купцовъ, изображаемая Островскимъ.—Типы купцовъ самодуровъ и злостныхъ банкротовъ.—Свѣтлыя стороны въ характерѣ русскихъ купцовъ у Островскаго.—Купеческіе типы: Катерина въ «Грозѣ», Русаковъ («Не въ свои сани не садись»)—лучшій изъ самодуровъ и Савва Васильковъ («Бѣшеныя деньги»)—представитель новаго, просвѣщеннаго, практически-дѣлового и разсчетливаго купца.—Типы изъ др. сословій: Вишневскій въ «Доходномъ мѣстѣ»—врагъ новыхъ порядковъ.—Жадовъ—пробуждающаяся нравственная сила. Глумовъ и Городулинъ (въ комедіи «На всякаго мудреца довольно простоты»)—новѣйшіе мудрецы.—Литературное бракосочетаніе Островскаго съ Соловьевымъ *)

Значеніе Островскаго въ литературѣ основывается на томъ, что онъ, не будучи основателемъ какой-либо новой литературной школы, довелъ русскую комедію до высшаго развитія, какъ въ количественномъ отношеніи, благодаря своей плодовитости, такъ и въ качественномъ, переставивши сцену ея на болѣе выгодное поле. Онъ рѣзко изобразилъ тѣ черты русскаго быта, откуда брали матеріалъ для своихъ комедій большая часть нашихъ драматическихъ писателей, начиная съ Фонъ-Визина.

Драмы Островскаго представляютъ преимущественно общія явленія купеческой жизни на Руси; личности, выводимыя имъ на сцену, не простыя фотографіи, а типы, обнимающіе цѣлый, обширный рядъ людей.

Отмѣжевавъ себѣ такимъ обр. небольшой уголокъ купеческой жизни, сосредоточивъ свое описаніе преимущественно на проявленіи семейнаго самодурства, Островскій изучилъ этотъ уголокъ добросовѣстно и исчерпалъ его на столько, что остальнымъ драматургамъ не было нужды и браться за этотъ уголокъ. Но нельзя думать и

**) Разборъ произведеній смотр. сочин. Добролюбова „Темное царство“; въ „Отеч. зап.“ критич. статьи Скабичевскаго; въ „Словѣ“ стат. Боборыкина; Писарева, т. 1; въ „Вѣстн. Европы“, 1869 г. критич. ст. Утина; въ „Русской рѣчи“, 1880 г. іюль.

тѣмъ умалять значеніе Островскаго, будто онъ изображалъ намъ и интересовался только жизнью купцовъ. Въ лицѣ ихъ нашъ драматургъ, очевидно, подмѣтилъ и указалъ на самыя существенныя, такъ сказать, стихійныя стороны, господствующія въ русскомъ бытѣ, во всѣхъ его классахъ, хотя и въ различныхъ формахъ.

Въ комедіяхъ „Воспитанница", „Бѣдная невѣста", „Доходное мѣсто", „На всякаго мудреца довольно простоты", „Таланты и поклонники" и др. Островскій взялъ дѣйствующихъ лицъ не изъ купеческаго слоя общества, которымъ онъ занимался съ самой первой минуты своей литературной дѣятельности; этимъ онъ доказалъ, что и въ другихъ сословіяхъ, кромѣ купеческаго, не все обстоитъ благополучно, что и здѣсь существуетъ произволъ, безобразіе взаимныхъ отношеній между членами семьи и общества.

Будучи искреннимъ выразителемъ русской народности и русскаго міросозерцанія во всѣхъ его проявленіяхъ, Островскій ярко рисуетъ всѣ грѣхи и уклоненія отъ правды, накопившіеся вѣками въ русскомъ обществѣ.

Типы Островскаго, при всей ихъ обыденности, тѣмъ и замѣчательны, что въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, отражается весь міръ русской старины, въ его одеждѣ, съ его языкомъ, міръ вѣковыхъ понятій, обычаевъ и отношеній. Ни въ одномъ изъ сословій, кажется, не уцѣлѣли въ такой полнотѣ эти устои древнерусской жизни, какъ въ средѣ купечества, того старозавѣтнаго купечества, которое на нашихъ глазахъ цивилизуется, не боится отдавать „все въ обмѣнъ на новый ладъ—и нравы, и языкъ, и старину святую, и величавую одежду на другую, по шутовскому образцу". Всѣ типы Островскаго—это та безбрежно широкая масса неподдѣльнаго и непочатаго люда, который живетъ преданіями старины глубокой, мыслитъ и стремится къ тому же, къ чему стремились и ихъ дѣды, прадѣды. Посмотрите на то чудовищное невѣжество, черты котораго можно найти еще и по настоящее время среди старозавѣтныхъ купцовъ, не тронутыхъ цивилизаціей. Нѣкоторые комедіи Островскаго по понятіямъ и взглядамъ своихъ героевъ принадлежатъ чуть-чуть не къ среднимъ вѣкамъ. Они вѣрятъ напр., что земля стоитъ на трехъ китахъ, а въ городѣ Іерусалимѣ находится пупъ земной, и что Литва съ неба свалилась, и что есть земля, гдѣ всѣ люди съ песьими головами, и что царь Фараонъ началъ по ночамъ изъ моря выходить съ войскомъ—покажется и опять уйдетъ, и что бѣлый арапъ подымается на насъ и 200

милліоновъ войска ведетъ; локомотивъ подобными невѣждами принимается за огненнаго змѣя, загребающаго лапами, или за бѣса, сѣющаго въ трубу суету мірскую и т. п. Не только книги, даже мудреныя слова въ подобной средѣ возбуждаютъ суевѣрный страхъ; такъ напр. въ комедіи „Тяжелые дни“ Настасья Панкратьевна разговариваетъ съ Мудровымъ:

Наст. Панкрат. Да какая хочешь дума, все человѣкъ худѣетъ отъ нея; ужъ на немъ такого тѣла нѣтъ. Вотъ я еще мудреныхъ словъ боюсь.

Мудровъ. Да, есть слова, есть-съ... Въ нихъ, сударыня, таинственный смыслъ сокрытъ, а сокрытъ такъ глубоко, что слабому уму-съ...

Наст. Панкр. Вотъ этихъ-то словъ, я, должно быть, и боюсь. Богъ его знаетъ, что оно значитъ, а слушать-то страшно.

Мудровъ. Вотъ напримѣръ-съ...

Наст. Панкр. Охъ, ужъ не говорите лучше! право, я всегда себя послѣ какъ-то не хорошо чувствую.

Наталья Никаноровна. Нѣтъ, что жъ, пускай говорятъ, интересно послушать.

Наст. Панкр. Развѣ ужъ одно словечко какое, а то, право, страшно.

Мудровъ. Вотъ, напримѣръ, металлъ! Что, каково слово? Сколько въ немъ смысловъ! Говорятъ: „презрѣнный металлъ!“ Это одно значитъ; потомъ говорятъ: „металлъ звенящій. Глаголъ временъ, металла звонъ“. Это, значитъ, сударыня, каждая секунда приближаетъ насъ ко гробу. И колоколъ тоже металлъ. А то есть еще благородные металлы.

Наст. Панкр. Ну, будетъ, батюшка, будетъ. Не тревожьте вы меня! Разуму у меня немного, сообразить я вашихъ словъ не могу; мнѣ цѣлый день и будетъ представляться.

Излюбленные Островскимъ типы самодуровъ еще далеко въ русской жизни не отжили своего вѣка. Да и долго еще они будутъ жить; часто еще мы будемъ встрѣчать самодуровъ въ той или др. формѣ не только въ средѣ купцовъ, но и въ средѣ другихъ, даже интеллигентныхъ сословій. Самодурство и самодурство чисто русское, своеобразное, есть выраженіе, хотя и искаженное, всего міросозерцанія русскаго, часть его вѣрованій и убѣжденій.

Родовыя понятія, перешедшія къ намъ изъ глубокой старины имѣютъ своимъ основаніемъ, согласно требова-

ніямъ и духу христіанства, *любовь*, но это не устраняетъ съ одной стороны грознаго господства владыки дома, съ другой самаго рабскаго ему подчиненія всѣхъ членовъ семьи въ ущербъ ихъ человѣческимъ достоинствамъ.

Воля главы семейства есть законъ для всѣхъ остальныхъ членовъ семьи, поглощающій вполнѣ волю этихъ послѣднихъ, устраняющій всякое проявленіе ихъ самостоятельности. Повиновеніе волѣ мужа и отца семейства возведено на степень повиновенія заповѣдямъ Бога. „Домострой" не опредѣляетъ правъ родителя и мужа и не полагаетъ ей никакихъ предѣловъ: „она (эта воля) сама себѣ образецъ,—как выражается Забѣлинъ—и сама себѣ наука"; для членовъ семьи она, по вѣрной характеристикѣ того же ученаго, „не могла имѣть никакого другого смысла, какъ смыслъ произвола, смыслъ простой грубой силы или насилія..., стихіи" *) А поддерживался такой характеръ главы семейства, ея авторитета—страхомъ предъ битьемъ попреимуществу. На страхѣ держалась вся семья: жена мужу во всемъ, по выраженію самого „Домостроя", со страхомъ внимала, тѣмъ страхомъ, который внѣдрялся въ нее классической учебною плеткой... Вся система воспитанія сводилась къ битью попреимуществу. Задача нравственнаго воспитанія—учити страху Божію, и вѣжеству, и всякому благочинію; а средства достиженія этой задачи—„страхомъ спасати, раны возлагати; наказуй дѣти во юности..., не ослабляй, бія младенца: аще бо жезломъ біеши..., здравіе будетъ; ты бо бія его по тѣлу, а душу его избавляеши отъ смерти. Не даждь ему власти... Сокруши ему ребра". **) Воспитанный по такой системѣ и убѣжденный, что произволъ „есть священная воля самой нравственности, непоколебимая основа нравственной жизни..., старый предокъ нашъ, вступая въ жизнь уже возрастнымъ, болѣе или менѣе сознательнымъ ея дѣятелемъ, ничего не могъ принести въ нее другого, какъ тѣ же самыя понятія и убѣжденія, какъ тотъ же основной смыслъ воли вообще и своей въ особенности, тотъ же *произволъ*, который представлялъ для него единственную и исключительную норму дѣйствій". ***) Воспитавшись на томъ, что воля есть только у старшаго, родителя, и вообще у всякаго власть имущаго, „предокъ нашъ не могъ въ собственномъ сознаніи отдѣлить законное отъ беззаконнаго въ

*) „Домашній бытъ русскихъ царицъ", стр. 47 и 56.
**) „Домострой", изд. Голохвастова, гл. XV и XVII.
***) Забѣлинъ, „Домашній бытъ русскихъ царицъ", стр. 57.

этомъ отношеніи". говоритъ тотъ же г. Забѣлинъ; для него, нашего предка, ясенъ былъ только одинъ законъ— „произволъ старшаго..., стало быть своя воля, когда онъ самъ сдѣлался старшимъ, т. е. свободнымъ и самостоятельнымъ, по его понятіямъ и представленіямъ" *).

Самодурство, самоуправство семейное, выработанное вѣками, въ теченіе всей нашей исторіи, постепенно входило въ нашу плоть и кровь. И наши пословицы, и наши пѣсни, даже древне-русскій кодексъ правилъ—„Домострой", все это запечатлѣно одною печатію. Очевидно, самодурство, которое мы видимъ у героевъ Островскаго, не есть безсильное, слѣпое уродство, отъ котораго легко освободиться, отдѣлаться,—нѣтъ, оно запечатлѣно бытовымъ характеромъ, чисто народною силою. На этомъ основаніи нельзя согласиться даже съ даровитымъ критикомъ Островскаго Добролюбовымъ, будто самодурство есть плодъ исключительно одного невѣжества. Скорѣе можно признать, что это невѣжество было не источникомъ, а только пособникомъ къ неправильному пониманію и грубому искаженію истиннаго народнаго міросозерцанія: самодуры для удовлетворенія своихъ низкихъ побужденій тиранили и ломались надъ своими подвластными, попирали всякое проявленіе въ нихъ личности; они изуродовали ту „старинную нравственность", выраженную, напр. въ томъ же Домостроѣ, изуродовали, облекая себя мало по малу въ фальшивую одежду, прикрывая ею свои дикіе инстинкты.

Въ силу этого народнаго, если только не общечеловѣческаго начала, на которомъ покоятся отношенія между членами семьи, самодурство не есть принадлежность только главы семейства. Нѣтъ. Порядокъ жизни и ея привычки до того заразительны, что человѣкъ придлюснутый жизнію, хоть немножко освободится отъ чужого гнета, на вершокъ поднимется, сейчасъ же будетъ давить другого, который ниже его по рангу. Вѣдь не даромъ и мудрая русская поговорка говоритъ: самый плохой генералъ тотъ, который вышелъ изъ солдатъ. Любящая и, пожалуй, нѣжная, посвоему мать Аграфена Кондратьевна (въ комедіи „Свои люди сочтемся") сама является самодуркой, когда ей нужно расправляться съ Тришкой, да и на дочь, когда нужно, прикрикиваетъ: „Али ты думаешь", кричитъ она дочери, „что я не властна надъ тобою приказывать. Говори, безстыжіе твои

*) Ibid.

глаза, съ чего это у тебя взглядъ такой завистливый? что ты прытче матери хочешь быть»?

Страшно и заглянуть въ этотъ міръ самодуровъ, въ міръ затаенной, тихо вздыхающей скорби, въ міръ тюремнаго, гробового безмолвія, гдѣ нѣтъ ни свѣта, ни тепла, ни простора. Въ темномъ царствѣ самодуровъ сидятъ несчастные узники, сидятъ въ оцѣпенѣніи и не побрякиваютъ своими цѣпями. Хоть эти несчастные страдальцы и чувствуютъ свое ужасное положеніе, однако они отъ времени и привычки потеряли даже способность ощущать боль. Надъ ними буйно и безотчетно владычествуютъ безстѣсненное самодурство въ видѣ разныхъ Большовыхъ, Брусковыхъ, Дикихъ, Кабановыхъ, Гордѣевыхъ, Торцовыхъ, Пузатовыхъ, Аховыхъ, Хрюковыхъ, Курицыныхъ, Куроспѣловыхъ и проч. братіи. „Только ихъ дикіе, безобразные крики нарушаютъ мрачную тишину и производятъ пугливую суматоху на этомъ печальномъ кладбищѣ человѣческой мысли и воли.“ *).

Предъ нами „Семейная картина“:

Антипъ Антипычъ. (грозно) Жена! поди сюда!

Матрена Савишна. Что еще?

Антипъ Антипычъ. Поди сюда, говорятъ тебѣ! (ударяетъ по столу кулакомъ).

Матрена Савишна. Да что ты, очумѣлъ что ли?

Антипъ Атипычъ. Что съ тобой сдѣлаю!! (стучитъ по столу).

Матрена Савишна. Да что, Богъ съ тобой? (робко). Антипъ Антипычъ!

Ант. Антипычъ. А! Испугалась! (смѣется). Нѣтъ, Матрена Савишна, это я такъ—шутки шучу (вздыхаетъ). Что же чайку-то съ?“

Что это, какъ не безсмысленная игра звѣря, упивающагося зрѣлищемъ страха, который онъ внушаетъ.

Или вотъ послушайте, какъ Большовъ (въ комедіи „Свои люди сочтемся“) опредѣляетъ свои права въ отношеніи къ дочери. Желая выдать Липочку за Подхолюзина, хотя бы послѣдняя и не желала этого, Большовъ говоритъ: „Важное дѣло! Не плясать же мнѣ по ея дудочкѣ на старости лѣтъ. За кого велю, за того и пойдетъ. Мое дѣтище: хочу съ кашей ѣмъ, хочу масло пахтаю“.

Справедливость требуетъ сказать, что самодуры Островскаго рѣзко распадаются на двѣ различныя категоріи: къ первой относятся самодуры, которые изуродовали

---

*) Добролюбовъ, т. 3, стр. 28.

древнерусское понятіе о правахъ и власти мужа, какъ главы семейства, а къ другой относятся типы, выражающіе основную стихію народной жизни, коренныя нравственныя воззрѣнія русскаго человѣка.

Самодурство перваго рода дряхло и безсильно само по себѣ; тѣмъ не менѣе оно ужасно: будучи безсмысленно и безправно, оно искажаетъ смыслъ и здравое понятіе о правѣ. Прямымъ слѣдствіемъ этого является „плутовство и пронырливость, глохнутъ всѣ гуманныя стремленія даже хорошей натуры и развивается узкій, исключительный эгоизмъ и враждебное расположеніе къ ближнимъ. „Посмотрите, *) какое лицемѣріе и мошенничество, какая холопская покорность и хитрость развита въ семьѣ Самсона Силыча Большова (въ комедіи „Свои люди—сочтемся"). Самсонъ Силычъ держитъ всѣхъ въ страхѣ Божіемъ. Лишь только приходитъ откуда-нибудь и показывается въ домѣ, всѣ смотрятъ ему въ глаза, и съ трепетомъ страраются угадать,—что, каковъ онъ. Въ комнату вбѣгаетъ Ѳоминишна и кричитъ:

„Самсонъ Силычъ пріѣхалъ, да никакъ хмельной!...

Тишка. Фю! попались!

Ѳоминишна. Бѣги, Тишка, за Лазаремъ; голубчикъ, бѣги скорѣй!...

Аграфена Кондратьевна. (показывается на лѣсницѣ). Что, Ѳоминишна, матушка, куда онъ идетъ-то?

Ѳоминишна. „Да никакъ, матушка, сюда! Охъ, запру я двери-то, ей Богу запру; пускай его кверху идетъ, а ужъ ты, голубушка, здѣсь посиди". Всѣ, надъ кѣмъ тяготѣетъ деспотизмъ Самсона Силыча, всѣ—и мать, и дочь, и кухарка, и мальчишка-слуга, всѣ соединяются въ эту трудную минуту въ одну партію, всѣ ополчаются противъ общаго врага. Эта угнетенная партія въ заботѣ о самозащитѣ изыскиваетъ всѣ способы. Ѳоминишна, которая въ другое время помыкаетъ Тришкой, въ виду напасти называетъ его „голубчикомъ"; Аграфена Кондратьевна жалобно и съ видимою надеждою на помощь своей кухарки спрашиваетъ: „что, Ѳоминишна, матушка". Ѳоминишна покровительственно смотритъ на свою хозяйку и запираетъ дверь запоромъ. Но всѣ эти приготовленія къ отраженію общаго врага-звѣря совершаются секретно. Что же мѣшаетъ имъ составить открытую коалицію противъ него? А то, что они сознаютъ за нимъ права самодура, считаютъ эти права законными, естественными,

*) Добролюбовъ, т. 3, стр. 69.

находясь при томъ въ матеріальной отъ него зависимости и не отдѣляя своего благосостоянія отъ благосостоянія Самсона Силича, набольшаго въ домѣ. Здѣсь, въ этомъ „темномъ царствѣ“, господствуетъ вѣра въ однѣ формы, разъ навсегда опредѣленныя и закрѣпленныя. Здѣсь все идетъ машинально, разъ навсегда заведеннымъ порядкомъ. Понятно поэтому, что здѣсь дѣти никогда не достигаютъ нравственной зрѣлости; они остаются дѣтьми и тогда, когда имъ приходится занять въ домѣ мѣсто отца. Въ средѣ самодуровъ и понятія нѣтъ о развитіи въ дѣтяхъ самостоятельности мысли, убѣжденій и поступковъ. „Слушай старика—старикъ дурно не посовѣтуетъ“ —вотъ краткое, но основное правило, которое вѣками передавалось изъ рода въ родъ и на которомъ воспитывались всѣ самодуры. По плечу ли было понять и уразумѣть невѣжественнымъ людямъ, что ребенокъ, кромѣ довѣрія къ воспитанію, долженъ мало по малу вникать и понимать нравственный законъ въ его истинной сущности. Отъ непониманія этого и происходило, что ребенокъ съ дѣтства сознавалъ свое ничтожество, видѣлъ, что онъ есть только орудіе чьей-то чужой вещи, что онъ долженъ только слушаться, покоряться и больше ничего. Тишка мететъ полы въ домѣ Большова, бѣгаетъ за водкой Подхалюзину и крадетъ цѣлковые у хозяина. Въ его глазахъ всѣ эти поступки совершенно законны. За водкой посылаютъ его старшіе, а старшихъ надо слушаться. Воровать ему хоть и не велятъ, но вѣдь онъ знаетъ, что и воровство освящено старшими: онъ помнитъ, сколько разъ на его глазахъ приказчики хвалились ловкой штукой, которую они съиграли съ хозяиномъ, сколько разъ велѣли ему молчать объ ихъ мошенничествѣ предъ хозяиномъ, сколько разъ даже самъ хозяинъ давалъ наставленія, какъ надувать покупателей. И вотъ бойкій мальчикъ прошелъ эту долголѣтнюю, благодѣтельную школу и самъ же потомъ дѣлается подобнымъ учителемъ своихъ „молодцовъ“. Не имѣя возможности даже узнать хорошенько, въ чемъ зло и въ чемъ добро, не имѣя ни чувства справедливости, ни сознанія высшаго добра—всѣ самодуры оцѣниваютъ поступки не съ точки зрѣнія ихъ законности, а раздѣляютъ ихъ только на непозволенные и позволенные, т. е. скрѣпленные или формальнымъ закономъ, или приказаніемъ, или обычаемъ. Тамъ же, гдѣ нѣтъ этихъ положительныхъ предписаній, тамъ самодуры совершенно теряются. Узнавъ, что правило отмѣнено, они не знаютъ, за что взяться.

Вотъ тутъ-то и сказывается непривычка къ самостоятельной, сознательной дѣятельности: не смотря на природную смѣтливость у самодуровъ оказывается даже мало своего ума; они не привыкли разсуждать и давать себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Они знаютъ и оправдываютъ свои поступки только тѣмъ, что имъ, какъ напр. Большову, никто *„не указъ"* и что они, что захотятъ, то и сдѣлаютъ. Но вѣдь этихъ самодуровъ даже нельзя назвать сильными натурами высшаго разряда. Они въ одно и то же время и грозны и трусливы, бойки и слабодушны. Это неизбѣжное свойство самодуровъ. Они кричатъ, ломаются, пока не встрѣчаютъ себѣ противодѣйствія. Но лишь только обстоятельства начинаютъ складываться для нихъ непріятно, самодуры, всегда чувствующіе смутный страхъ за свои права, начинаютъ трусить. Такъ Большовъ, рѣшившись на злостное банкротство, не только старается свалить съ себя хлопоты, но просто самъ не знаетъ, что онъ дѣлаетъ: отступается отъ своей выгоды и даже отказывается отъ своей воли въ этомъ дѣлѣ, сваливая все на судьбу.... Точно также поступаетъ (въ комедіи „Не все коту масленица") и Аховъ. Отказавшись разсчитать Ипполита, онъ совершенно растерялся, когда этотъ самый Ипполитъ пришелъ къ нему съ рѣшительнымъ требованіемъ разсчета и, вынувъ изъ кармана ножъ, началъ угрожать зарѣзаться тутъ же, сейчасъ въ его домѣ. Аховъ до того перетрусилъ, что немедленно подписалъ ему и аттестатъ и тутъ же отдалъ ему 1500 руб. за долголѣтнюю службу. И какъ былъ жалокъ при этомъ Аховъ, выпрашивая со слезами на глазахъ у Ипполита, чтобы онъ хоть поклономъ поддержалъ его падшее величіе!

Что основа самодурства находится въ тѣсной связи съ вѣковыми вѣрованіями и понятіями народа и что самодурство не вдругъ поддается даже такому лѣкарству, какъ образованіе, лучшею иллюстраціею этого служитъ типъ Гордѣя Карпыча Торцова (въ комедіи „Бѣдность не порокъ"), который сталъ „перенимать новую моду", у котораго „англичанинъ на фабрикѣ дилекторъ". Онъ, какъ самодуръ, и на образованіе-то смотритъ съ грубо-матеріальной, чисто-внѣшней стороны. „Что они, говоритъ, пьютъ-то по необразованію своему! Наливки тамъ, вишневки разныя—а не понимаютъ того, что на это есть шампанское! А за столомъ-то какое невѣжество: молодецъ въ поддевкѣ прислуживаетъ, либо дѣвка! „Я, говоритъ, въ здѣшнемъ городѣ только и вижу невѣжество

да необразованіе; для того и хочу въ Москву переѣхать, и буду тамъ моду всякую подражать! Заведя новую *мебель* и фиціанта въ нитяныхъ перчаткахъ, надѣвъ новый костюмъ и пристроившись къ *шемпанеѣ*, стараясь одинъ въ четырехъ каретахъ проѣхать, Гордѣй Карпычъ видѣлъ въ этомъ всю сущность образованія; но въ своей личности и характерѣ онъ не хотѣлъ ничего измѣнить; напротивъ, самодурство его приняло еще болѣе дикій, безобразный видъ. Онъ началъ смотрѣть на всѣхъ свысока, началъ тѣшиться и издѣваться надъ всѣми окружающими; началъ обвинять ихъ въ невѣжествѣ, въ отсталости. Онъ, узнавъ напр., что образованныя дѣвушки говорятъ правильнымъ русскимъ языкомъ, началъ упрекать дочь, что та говорить не умѣетъ, но лишь только та заговоритъ, Гордѣй Торцовъ закричитъ: „молчи, дура!“ Жена его и та стала жаловаться, что съ нимъ „нельзя сговорить, при его крутомъ-то характерѣ“, особенно послѣ того, какъ онъ перенялъ эту образованность. „То все-таки разсудокъ имѣлъ“, говоритъ про него Пелагея Егоровна, —„а тутъ ужъ совсѣмъ у него помутилось“. Торцовъ никакъ не могъ понять, что первый шагъ къ образованію долженъ состоять въ подчиненіи своей воли разсудку, въ уваженіи требованій и правъ другихъ людей. Онъ никакъ не могъ признать, что образованіе заключается совсѣмъ не въ погонѣ за модой: онъ отступилъ отъ старозавѣтныхъ преданій и обычаевъ, не съумѣвъ поставить на мѣсто ихъ новыхъ понятій. Результатомъ этого было и матеріальное, и нравственное раззореніе, какъ и всегда бываетъ съ человѣкомъ, отставшимъ отъ одного берега и не приставшимъ къ другому.

Очевидно, только истинное и основательное образованіе можетъ разогнать мракъ въ темномъ царствѣ, можетъ влить въ умирающій организмъ новую жизнь, выработать необходимыя поправки къ старымъ порядкамъ. Только христіанское убѣжденіе, что „всѣ мы братья“. когда оно войдетъ въ плоть и кровь самодуровъ, заставитъ ихъ уважать человѣческія права въ другихъ и возбудитъ въ нихъ способность къ самозащитѣ.

Вѣками нажитые грѣшки, видно, вѣками нужно и стряхивать, не забывая, впрочемъ при этомъ, что всякая выправка древнихъ, порасшатавшихся обычаевъ и постановка на мѣсто ихъ новыхъ, должна вытекать и покоиться на народной почвѣ.

Какъ самодурство есть искаженіе древнерусскихъ устоевъ, такъ точно и остальныя стороны жизни купцовъ

представляютъ уродство, уклоненіе отъ высшей правды. Большая часть изъ нашихъ купцовъ оказывается пріобрѣтателями, безотчетно и безсмысленно собирающими, подобно пчеламъ, осамъ и др. животнымъ, заготовляющимъ себѣ съѣстные припасы. Какъ безъ всякой осмысленности скопляются купцами деньги, такъ иногда безсмысленно они и расходуются; имъ ничего не стоитъ плоды многолѣтнихъ усилій и всякихъ сдѣлокъ съ совѣстію разомъ спустить па удовлетвореніе минутнаго каприза, иногда просто сжечь на свѣчкѣ. Такъ напр., Титъ Титычъ (въ комедіи „Тяжелые дни") осыпаетъ деньгами приказныхъ ради того, что у него большая охота тѣшить свою душеньку и съѣздить по физіономіи какого-нибудь барина. Аховъ говоритъ напр. „Мы иногда соберемся, хозяева, такъ безобразничаемъ, что „ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать". Даже семейныя основы, которыми такъ гордилась древняя Русь, и тѣ иногда расшатываются въ средѣ купцовъ, которые заводятъ на сторонѣ мамзелей, на что расходуютъ цѣлыя тысячи.

Злостное банкротство, которое на ряду съ самодурствомъ такъ художественно воспроизвелъ Островскій въ своихъ комедіяхъ, есть такое преступленіе, на которое способенъ человѣкъ съ самымъ грубымъ, ожесточеннымъ сердцемъ. Мысль объявить себя банкротомъ является не вдругъ; она иногда бываетъ плодомъ довольно продолжительнаго и всесторонняго обдумыванія. Преступникъ-банкротъ не можетъ не предвидѣть и не чувствовать, что онъ, объявляя себя несостоятельнымъ, раззоритъ цѣлыя семьи. Къ нему будутъ являться люди, имъ раззоренные, будутъ плакать и умолять, и проклинать его. Онъ, очевидно, долженъ запастись предварительно хладнокровіемъ и засушить свое сердце. Самый закоснѣлый разбойникъ, совершившій десятки убійствъ, и тотъ содрогнется сердцемъ отъ мольбы своихъ жертвъ и говоритъ, что если бы сцена убійства не была дѣломъ минуты, то онъ не могъ бы выдержать ее. Намѣревающійся же обанкротиться предвидитъ что ему придется выдержать подобныя сцены въ теченіе не нѣсколькихъ часовъ, или дней, а цѣлые мѣсяцы, иногда годы. Но все это неприглядное будущее намѣревающагося обанкротиться купца какъ-то затирается, ослабляется тѣмъ, что банкротство есть „особый торговый пріемъ", котораго нужно стыдиться развѣ только тогда, когда оно не удается, что оно нисколько не мѣшаетъ оставаться и послѣ банкротства „поштеннымъ купцомъ".

Одна изъ отличительныхъ особенностей таланта Островскаго въ томъ и состоитъ, что онъ „умѣетъ заглянуть въ самую глубь души человѣка и подмѣтить не только образъ его мыслей и поведенія, но самый процесъ его мышленія, самое зарожденіе его желаній. *)

Возьмемъ напр. злостнаго банкрота Большова. Въ немъ нѣтъ ничего злостнаго, чудовищнаго. Прослѣдимъ какъ въ душѣ Большаго развивается замыселъ объявить себя банкротомъ. Прежде всего у Большого въ головѣ сложилось убѣжденіе, что банкротство не есть даже преступленіе. Самый законъ въ данномъ случаѣ является для него не представителемъ высшей правды, а только внѣшнимъ препятствіемъ, камнемъ, который нужно убрать съ дороги. Исходная точка, изъ которой Большовъ выводитъ свою мораль, заключается въ томъ, что другіе банкротятся, зажиливаютъ его деньги, а потомъ строятъ на нихъ себѣ дома съ бельведерами, да заводятъ удивительные экипажи.

Вотъ разговоръ Большова съ Подхалюзинымъ:

Подхалюзинъ. Извѣстное дѣло-съ, стараюсь, чтобы все было въ порядкѣ и какъ слѣдуетъ-съ. Вы, говорю, ребята, не зѣвайте: видишь, чуть дѣло подходящее, покупатель что ли тумакъ навернулся, али цвѣтъ съ узоромъ какой барышнѣ поправился,—взялъ, говорю, и накинулъ рубль, али два за аршинъ.

Большовъ. Чай, братъ, знаешь, какъ нѣмцы въ магазинахъ нашихъ баръ обираютъ. Положимъ, что мы—не нѣмцы, а христіане православные, да тоже пироги-то съ начинкой ѣдимъ. Такъ-ли, а?

Подхалюзинъ. Дѣло понятное-съ. И мѣрять-то, говорю, надо тоже поестественѣе, тяни да потягивай, только-чтобъ, Боже сохрани, какъ не лопнуло; вѣдь не намъ, говорю, послѣ носить. Ну, а зазѣвается, такъ не кто виноватъ,—можно, говорю, и просто черезъ руку лишній аршинъ шмыгнуть.

Большовъ. Все единственно: вѣдь портной украдетъ же. Эхъ, Лазарь, плохи нынче барыни: не прежнія времена!“

Принципъ Большого „всѣ такъ дѣлаютъ“ послужилъ фундаментомъ для его банкротства. Считая себя въ правѣ сыграть съ кредиторами маленькую шутку, Большовъ сначала придумываетъ, какъ бы увернуться отъ кредиторовъ, „какую бы тутъ механику подсмолить“. И вотъ начинаетъ создаваться планъ банкротства: „поторго-

*) Добролюбовъ, т. 3, стр. 57.

ваться не мѣшаетъ: не возьмутъ по 25 коп., такъ полтину возьмутъ, а если полтины не возьмутъ, такъ за семь гривенъ обѣими руками ухватятся. Все-таки барышъ. Тамъ что хошь говори, а у меня дочь невѣста, хоть сейчасъ изъ полы въ полу да со двора долой. Да и самому-то отдохнуть пора: прохлажались бы мы, лежа на боку, и торговлю всю эту къ черту“. Большовъ, очевидно, желаетъ повытянуть, сколько возможно больше, изъ своихъ кредиторовъ и смотритъ на свой замыселъ ни лучше, ни хуже, какъ на одинъ изъ тѣхъ обмановъ, которыхъ онъ много совершилъ на своемъ вѣку и которые онъ считаетъ самыми естественными и обычными операціями въ порядкѣ вещей. Тѣмъ не менѣе его смущаютъ только послѣдствія банкротства и кара закона. Какъ бы то ни было, а принятое рѣшеніе засѣло въ его головѣ крѣпко, хотя и не связалось ни съ чѣмъ въ его мысляхъ и понятіяхъ и осталось для него чужимъ и мертвымъ. Онъ даже старается увѣрить себя, что это не онъ собственно рѣшилъ, а что „такова ужъ воля Божія: противъ ея не пойдешь“. Это—черта, чрезвычайно распространенная въ нашемъ обществѣ и подмѣченная Островскимъ весьма тонко и вѣрно. Это—темнота разумѣнія, отвращеніе отъ мышленія, безсиліе воли предъ всякимъ рискованнымъ шагомъ, порождающія тупоумный, отчаянный фатализмъ и самодурство. Такое же чисто русское міросозерцаніе Большовъ выразилъ и попавъ въ яму по совершеніи злостнаго банкротства.

„Каково сидѣть-то въ ямѣ, каково по улицѣ-то идти съ солдатомъ! Вѣдь меня сорокъ лѣтъ въ городѣ-то всѣ знаютъ, сорокъ лѣтъ всѣ въ поясъ кланялись, а теперь мальчишки пальцами показываютъ“.... „А тамъ мимо Иверской: какъ мнѣ взглянуть на нее, матушку? Знаешь, Лазарь: Іуда вѣдь Христа за деньги продалъ, какъ мы совѣсть за деньги продаемъ.... А что ему за это было?... Вѣдь я злостный, умышленный.... Вѣдь меня въ Сибирь сошлютъ“.

Во всемъ этомъ, какъ и въ самодурствѣ, вылились во всей полнотѣ религіозныя, нравственныя и бытовыя черты. Большовъ весь пропитанъ крѣпкою чисто-русскою нравственностію и въ то же время грубымъ невѣжествомъ стариннаго русскаго быта. Онъ—глубоко православный человѣкъ и въ своемъ суевѣріи и обрядномъ формализмѣ. Его смущаетъ взглядъ на Иверскую и смущаетъ потому, что съ этимъ взглядомъ неразрывно связанъ цѣлый рой вѣрованій и ожиданій, что необыкновенно глубоко долж-

но дѣйствовать на человѣка, Точно также его смущаютъ насмѣшки прохожихъ—это презрѣніе, это своего рода нравственное отлученіе, которымъ караетъ общество, гдѣ всегда живетъ и будетъ жить, хотя и невидимо, неуловимо, высшая правда, нравственная истина.

Какъ самодурство, такъ и злостное банкротство, составляя часть своеобразнаго русскаго, если не общественнаго міросозерцанія должно, рано ли поздно ли, уступитъ свое мѣсто другимъ болѣе гуманнымъ и честнымъ взглядамъ даже въ той купеческой средѣ, которую такъ полно и художественно изобразилъ Островскій. „Оставаясь въ предѣлахъ христіанскихъ началъ, которыя не только не стали тѣсны для нашего общества, но еще далеко не пополнены имъ, нужно сдѣлать болѣе христіанскими семью и отношенія людей—вотъ вѣрное средство противъ самодурства. Но мораль христіанская, какъ мы знаемъ, обращаетъ свое требованіе не къ одной сторонѣ, а къ обѣимъ, и кверху, и книзу; мораль христіанства основана на взаимности любви“, *) на святости, чистотѣ и полнотѣ ея. Какъ самодурство, текъ и банкротство исчезнетъ, или, по крайней мѣрѣ, значительно ослабнетъ, если христіанство, которое составляетъ всю сущность міросозерцанія купцовъ, вполнѣ войдетъ въ ихъ сознаніе. Чѣмъ глубже наше общество проникнется духомъ религіи, тѣмъ сильнѣе будетъ воспитанъ духъ семьи, привычки общежитія, строгое уваженіе къ закону и чужой собственности, тѣмъ скорѣе водворится и окрѣпнетъ духъ законности и правды, безъ которыхъ общества или распадаются или пораждаютъ и воспитываютъ самодуровъ самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ и видовъ. Наше общество и то купечество, которое воспроизводитъ Островскій, имѣетъ всѣ задатки къ дальнѣйшему развитію и смѣнѣ своихъ поизносившихся понятій на другія, болѣе гуманныя и соотвѣтствующія какъ духу времени, такъ и ихъ основному религіозному міровоззрѣнію. У Островскаго посреди грязи и безобразія есть много сильныхъ и цѣльныхъ типовъ, которые остаются чистыми, распространяя свой тихій, но яркій свѣтъ даже на окружающую ихъ среду. Такова напр. его вдова Марфа въ „Козьмѣ590нинѣ“, повторенная въ видоизмѣненномъ видѣ въ лицѣ героини одной изъ послѣднихъ комедій „Сердце не камень“. При всѣхъ своихъ дурныхъ наклонностяхъ и привычкахъ большинство купцовъ—люди не только добро-

*) Критическая статья Ев. Маркова. Рус. рѣчь. 1880 г., кн. 7, стр. 309

желательные, но и прямо добрые. Готовность помочь и услужить сильна почти въ каждомъ изъ нихъ. Они усердно хлопочутъ и стараются дать средства къ пріобрѣтенію независимаго положенія тѣмъ людямъ, доброй службѣ которыхъ купецъ обязанъ своимъ благосостояніемъ. Рѣдкій изъ нихъ, если имѣетъ вѣрнаго приказчика, не заботится о томъ, чтобы вывести его въ люди, поставить на ноги, сдѣлать его самого купцомъ. Кто знакомъ съ нравами купцовъ, конечно, знаетъ, что съ прислугой они обходятся лучше, чѣмъ лица даже интеллигентныхъ сословій и проявляютъ къ нимъ истинно-человѣческія свойства. Съ такимъ же сочувствіемъ нужно отнестись и къ той отличительной чертѣ русскаго купца, которая выражается въ гостепріимствахъ, потчиваніи и радушіи. Фактовъ, гдѣ обнаруживаются подобныя свойства купцовъ, разсѣяно слишкомъ много въ комедіяхъ Островскаго.

КАТЕРИНА
(въ „Грозѣ").

Обаяніе, которое произвела „Гроза" Островскаго на публику было слишкомъ сильно. Въ ней впервые нашъ драматургъ пустилъ на сцену, въ рамкахъ темнаго царства, болѣе свѣжую струю народной поэзіи; героиня комедіи Катерина привлекла всѣхъ къ себѣ симпатичностью своего душевнаго облика. И со времени появленія „Грозы" роль Катерины даже на сценѣ сдѣлалась идеаломъ всѣхъ русскихъ дебютантокъ-артистокъ, которыя, къ сожалѣнію, совершенно истрепали эту фигуру и превратили ее въ какое-то сантиментально-нервное общее мѣсто русской драматургіи.

Вспомнимъ кратко содержаніе „Грозы". Катерина, жена молодого купца Тихона Кабанова, живетъ съ мужемъ въ домѣ своей свекрови, которая постоянно ворчитъ на всѣхъ домашнихъ. Дѣти старой Кабанихи, Тихонъ и Варвара, давно сжились съ этимъ брюзжаньемъ и „умѣютъ пропущать его мимо ушей" на томъ основаніи, что ей „вѣдь что-нибудь надо же говорить". Но Катерина никакъ не можетъ привыкнуть къ манерамъ своей свекрови. Въ томъ городѣ, гдѣ жили Кабановы, находился молодой человѣкъ Борисъ Григорьевичъ, получившій порядочное образованіе. Онъ заглядывается на Катерину въ церкви и на бульварѣ, а Катерина, съ своей стороны, заинтересовывается имъ и влюбляется въ него. Мужъ куда-то уѣзжаетъ. Катерина начинаетъ часто видѣться съ Борисомъ. Оба они наслаждаются полнымъ

счастіемъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтнихъ дней. Пріѣзжаетъ мужъ. Катерину мучитъ совѣсть: она съ каждымъ днемъ худѣетъ и блѣднѣетъ. Поднимается страшная гроза, которую Катерина принимаетъ за выраженіе Божьяго гнѣва, долженствующаго покарать ее за измѣну своему мужу. Тутъ какъ разъ подвертывается еще полоумная барыня, которая своими разсказами о геенпѣ огненной окончательно смущаетъ Катерину и заставляетъ ее принимать эти слова на свой счетъ. Всѣ эти обстоятельства, дѣйствуя на душу робкой и полуневольной грѣшницы, вынуждаютъ Катерину броситься передъ мужемъ на колѣни и открыться ему въ своемъ тяжкомъ грѣхѣ—супружеской измѣнѣ. Мужъ, по приказанію своей матери, „побилъ ее немножко"; старая Кабаниха съ удвоеннымъ усердіемъ принялась точить покаявшуюся грѣшницу, дѣлая ей на каждомъ шагу упреки и нравоученія. Къ Катеринѣ приставили крѣпкій домашній караулъ изъ-подъ котораго ей удалось, однако, убѣжать. Встрѣтившись съ предметомъ своей любви, Борисомъ, и узнавъ, что онъ, по приказанію дяди, уѣзжаетъ въ Кяхту, Катерина, послѣ этого свиданія съ нимъ, бросается въ Волгу и тонетъ.

Въ изображеніи Катерины Островскій, какъ художникъ, остался вѣренъ началамъ русской народности и прекрасно понялъ всю глубину человѣческаго сердца. Катерина есть типъ чисто русской женщины, со всѣми коренными народными вѣрованіями и взглядами. Самая основная и глубокая сторона ея внутреннихъ мученій—это грѣховность ея любви, строгая религіозность всей ея натуры. Во всѣхъ помыслахъ и душевныхъ движеніяхъ Катерины ярко обнаруживается рѣшительный, цѣльный русскій характеръ. Возьмемъ самое воспитаніе Катерины. Какъ были однообразны впечатлѣнія ея дѣтства, какъ мало пищи давала ея душѣ обыденная жизнь! Но сильная, поэтическая натура Катерины умѣла и изъ монотонной будничной жизни извлекать многое. Грубые, суевѣрные разсказы и безсмысленныя бредни странницъ превращались у ней въ золотые, поэтическіе сны воображенія. Когда она была въ церкви, то и здѣсь ея занимали не обряды,—она иногда даже и не слыхала, что поютъ, или читаютъ: въ ея душѣ была другая музыка, иныя видѣнія, почему она и не замѣчала, какъ служба кончалась, будто въ одну минуту. Разсматривая даже иконы въ церкви, она интересовалась не столько самымъ образомъ и фигурой святого, сколько окружающими его

деталями. Увидитъ она дерево, нарисованное на иконѣ, и вотъ воображеніе ея рисуетъ цѣлую страну садовъ, гдѣ все такія деревья, и все это цвѣтетъ, благоухаетъ. А то увидитъ она въ солнечный день, какъ „изъ купола свѣтлый такой столбъ внизъ идетъ, и въ этомъ столбѣ ходитъ дымъ, точно облака". Въ воображеніи Катерины рисуются ангелы небесные, которые въ этомъ столбѣ летаютъ и поютъ.

Мало по малу въ головѣ Катерины образовался цѣлый особый міръ, гдѣ нѣтъ ни горя, ни нужды. Она уносилась въ этотъ міръ и какъ бы пріобщалась добру и наслажденію. „Иной разъ", говоритъ Катерина, „рано утромъ въ садъ уйду, еще только солнышко восходитъ,— упаду на колѣни, молюсь и плачу, и сама не знаю, о чемъ молюсь и о чемъ плачу; такъ меня и найдутъ. И объ чемъ я молилась тогда, чего просила—не знаю; ничего мнѣ не надобно, всего у меня было довольно." Страстная, пылкая и сильная натура Катерины сказывалась и во время ея дѣтства: „Такая ужъ я зародилась горячая! Я еще лѣтъ шести была,—не больше,— такъ что сдѣлала! Обидѣли меня чѣмъ-то дома, а дѣло было къ вечеру, ужъ темно—я выбѣжала на Волгу, сѣла въ лодку, да и отпихнула ее отъ берега. На другое утро ужъ нашли верстъ за 10". Но Катеринѣ у матери жилось все-таки хорохо—въ полной свободѣ, безъ заботъ; она исполнена была радужныхъ думъ и гуляла въ своемъ свѣтломъ царствѣ.

Но вотъ внѣшнее положеніе Катерины измѣняется. Она попадаетъ подъ тяжелую руку бездушной Кабанихи. Ей приходится уживаться съ насильственными, мертвящими началами окружающей жизни. Она не хочетъ смириться, не хочетъ пользоваться жалкимъ прозябаніемъ, которое ей даютъ въ обмѣнъ за ея „живую душу". Лишь только она въ порывѣ напр. нѣжности къ мужу, захочетъ обнять его, какъ старуха кричитъ: „что на шею виснешь, безстыдница?" Все мрачно и холодно стало кругомъ Катерины, нигдѣ для ея сердца нѣтъ ни свѣта, ни простора, ни тепла. Кабаниха держитъ ее въ неволѣ, постоянно подозрѣвая въ ней нечистые помыслы. Она журитъ и сына, что жена не боится его. „Тебя не станетъ бояться, меня и подавно: какой же это порядокъ-то въ домѣ будетъ! Вѣдь ты, чай, съ ней въ законѣ живешь. Али, по вашему, законъ ничего не значитъ?" А между тѣмъ душа Катерины по прежнему просится на свѣжій воздухъ: ей хочется и помечтать и порѣзвиться,

полить свои цвѣты, посмотрѣть на солнце, на Волгу, послать свой привѣтъ всему живому. Катерина жаждетъ любви, стремится найти родственный откликъ въ другомъ сердцѣ. „Ночью, Варя, не спится мнѣ“, разсказываетъ она, „все мерещится шопотъ какой-то: кто-то такъ ласково говоритъ со мной, точно голубь воркуетъ. Ужъ не снятся мнѣ, Варя, какъ прежде, райскія деревья, да горы; а точно меня кто-то обнимаетъ такъ горячо, горячо, или ведетъ меня куда-то, и я иду за нимъ, иду....“ А что же Тихонъ, мужъ ея? спросите вы. Да вѣдь Катерина вышла за него, какъ у насъ, особенно въ низшихъ слояхъ, водится, безъ опредѣленныхъ чувствъ къ своему жениху, а такъ, какъ будто въ работницы нанялась, или какъ выходятъ замужъ и другіе, будто очередь нужно отправить. Безвредный и простодушный, но пошловатый, безсердечный и изуродованный воспитаніемъ Тихонъ, не могъ имѣть сильнаго чувства, не могъ поэтому удовлетворить пробудившееся сердце Катерины. Поневолѣ любовь ея, какъ натуры сильной, и не находила простора, пряталась внутрь, сдерживалась, благодаря силѣ ея характера. Не смотря однако на это, она всѣми силами желала было ужиться съ Кабанихой, примириться съ своимъ положеніемъ. Она старалась даже потрафить ей: никогда на нее не жаловалась, не бранила ее; даже сама Кабаниха не могла заподозрить ее въ этомъ. Тѣмъ не менѣе Кабаниха, по инстинкту, чувствовала, что Катерина для нея и для сына есть что-то неподходящее: она и въ „окна-то глаза пялитъ“ и на „молодыхъ-то парней заглядывается“. Отношенія между свекровью и Катериной съ каждымъ днемъ начинаютъ ухудшаться. Требованіе права и свободы, отвращеніе отъ всякаго насилія и стѣсненія оскорбляютъ Катерину кровно и глубоко. Даже мужъ началъ замѣчать въ ней что-то недоброе, когда Кабаниха начнетъ пилить и точить ее. Онъ утѣшаетъ ее: „все къ сердцу-то принимать, такъ въ чахотку скоро попадешь. Что ее слушать-то! Ей вѣдь что-нибудь да надо же говорить. Ну, и пущай она говоритъ, а ты мимо ушей пропущай!“ Катеринѣ оставался одинъ выходъ, одинъ протестъ, возможный въ ея положеніи и въ той средѣ, гдѣ она жила—это полюбить и отдаться всѣмъ сердцемъ Борису. И она отдалась ему со всею силою своего горячаго сердца, отдалась, хотя и недолго ей пришлось пожить съ нимъ почеловѣчески. Все и всѣ, какъ бы сговорясь, вооружаются противъ нея: воспитаніе ея, ничего не давшее ея душѣ и ни къ чему не

подготовившее, поселило въ ней только одинъ страхъ къ какимъ-то темнымъ силамъ, къ чему-то невѣдомому; она убѣждена была съ малолѣтства, что за каждую мысль, за каждое самое естественное чувство она должа отдать отвѣтъ Богу. Окружающая ее среда еще больше поддерживала въ ней этотъ страхъ: Ѳеклуши ходятъ къ Кабанихѣ толковать о послѣднихъ временахъ; Дикой твердитъ, что гроза въ наказаніе намъ посылается, чтобъ мы чувствовали; пришедшая барыня, наводящая на всѣхъ страхъ въ городѣ, показывается нѣсколько разъ съ тѣмъ, чтобы зловѣщимъ голосомъ прокричать надъ Катериной: „всѣ въ огнѣ горѣть будете въ неугасимомъ!" Но всѣ эти страхи пока побѣждаются страстностію натуры Катерины. Въ любви къ Борису заключается вся ея жизнь. Онъ ей нравился тѣмъ, что не похожъ на остальныхъ, окружающихъ ее; къ нему влечетъ ее и потребность любви, не нашедшая себѣ отзыва въ мужѣ, и желаніе простора, свободы.

Но Катерина знаетъ, что эта любовь къ Борису есть грѣхъ, что за нее нужно бояться страшной кары для души. Вмѣстѣ съ этимъ она убѣждена, что и положеніе ея въ домѣ Кабанихи не лучше: за каждое слово нужно божиться, нужно хитрить, таить свою страсть, на что она не способна. Думала, гадала Катерина, думала дни и ночи и наконецъ пришла къ тому, что нужно сознаться въ своемъ грѣхѣ, въ любви къ Борису. И она сознается, слыша отъ свекрови мораль: „что, сынокъ, куда воля-то ведетъ?" Положеніе Катерины послѣ этого признанія, очевидно, должно было на столько ухудшиться въ семействѣ Кабановыхъ, что она не разъ желала скорѣе умереть, чѣмъ жить дальше на свѣтѣ. „Ужъ измучилась я.... Долго ль мнѣ еще мучиться? Для чего мнѣ теперь жить, ну, для чего? Ничего мнѣ не надо, ничего мнѣ не мило, и свѣтъ Божій не милъ! а смерть не приходитъ". При мысли о могилѣ ей дѣлается легче: „Тамъ тихо, тамъ хорошо.... А объ жизни и думать не хочется.... Опять жить? Нѣтъ, нѣтъ, не надо.... не хорошо. И люди мнѣ противны, и домъ мнѣ противенъ, и стѣны противны! Не пойду туда! Нѣтъ, нѣтъ, не пойду...." Рѣшившись убѣжать изъ дома и броситься въ Волгу, Катерина знаетъ, что она не будетъ болѣе жертвою бездушной свекрови, не будетъ болѣе томиться взаперти.... Она бросается въ Волгу и хоть черезъ смерть получаетъ освобожденіе, если не было другого выхода. Тихонъ, бросаясь на трупъ жены, вытащенный изъ воды, кричитъ

въ самозабвенiи: „Хорошо тебѣ, Катя. А я-то зачѣмъ остался жить на свѣтѣ да мучиться!“ Да, хороша, должно быть, та среда, гдѣ живые завидуютъ умершимъ, да еще какимъ... самоубiйцамъ!

Вотъ печальный протестъ, заявленный Катериною противъ стѣсненiя ея естественныхъ стремленiй и поступковъ! Катерина—врагъ всякой неправды и насилiя, если бы могла, далеко прогнала бы отъ себя все, что живетъ неправо, но не будучи въ состоянiи сдѣлать этого, она идетъ другимъ путемъ—сама бѣжитъ отъ притѣснителей и обидчиковъ. Она не загубила въ себѣ человѣчности; „она только внѣшнимъ образомъ находилась подъ гнетомъ самодурной жизни; внутренно же, сердцемъ и смысломъ—она была свободна *).

РУСАКОВЪ

(Въ комедiи «**Не въ свои сани не садись**».).

Болѣе широкiй, глубокiй и серьезный типъ у Островскаго, чѣмъ типъ Большова, это Максимъ Ѳедотычъ Русаковъ (въ комедiи „Не въ свои сани не садись“), типъ „домохозяина“, опять выражающаго собою основную стихiю народной жизни, коренныя нравственныя воззрѣнiя русскаго человѣка. Недаромъ Островскiй выбралъ для него и фамилiю *Русаковъ*.

У Максима Ѳедотыча была дочь Дуня, которую онъ готовилъ къ жизни по общепринятымъ въ купеческомъ быту правиламъ. Воспитывалъ онъ свою Дуню въ страхѣ, да въ добродѣтели, заботился, чтобы она книгъ дурныхъ не читала, людей, особенно молодыхъ, поменьше видала, почаще имѣла бы выходъ въ церковь Божiю, не набиралась бы вольнодумныхъ мыслей о непочтенiи къ старшимъ и не развивала бы въ себѣ никакой самостоятельности, даже свободы въ своихъ самыхъ обыкновенныхъ естественныхъ чувствахъ. И жила бы себѣ Дуня, спокойно и ровно, по плану, разъ навсегда начертанному Русаковымъ, и, повидимому, ни что не могло совлечь ее съ праваго пути, ее, это совершенное, кроткое созданiе, эту голубку безотвѣтную. Вотъ тутъ Русаковъ, не смотря на свой богатый природный умъ, не могъ встать выше своей среды, старозавѣтныхъ понятiй и взглядовъ. Онъ не могъ додуматься, что положенiе всякаго человѣка, а слѣдовательно и его дочери, шатко, если оно не будетъ основываться на развитомъ разсудкѣ человѣка, на

*) Добролюбовъ т. 3., стр. 354—7.

его внутреннихъ убѣжденіяхъ. Вслѣдствіе этого рядомъ съ прекрасными нравственными качествами, которыми запечатлѣны Русаковъ и его дочь Дуня, мы видимъ и въ немъ невѣжественную грубость.

Франтикъ, отставной кавалеристъ Вихоревъ прожилъ все состояніе, влѣзъ въ неоплатные долги и рѣшился жениться, во что бы то ни стало, на богатой Дунѣ. „Видимо дѣло", говоритъ Вихоревъ, „что человѣку деньги нужны, коли онъ на купчихѣ хочетъ жениться! Влюбляться-то бы я и въ Москвѣ нашелъ въ двадцать разъ лучше, а то всякая дура думаетъ, что въ нее влюблены безъ памяти". Вотъ этотъ-то хлыщъ Вихоревъ и предлагаетъ Дунѣ убѣжать съ нимъ отъ отца. Послѣдняя, какъ покорная дочь, приходитъ въ ужасъ и восклицаетъ: „ахъ, нѣтъ, нѣтъ, что вы это? Ни за какія сокровища!... Отецъ проклянетъ меня: каково мнѣ будетъ жить тогда на бѣломъ свѣтѣ"? Ни разу не проявилась въ ней сильная рѣшимость, свидѣтельствующая о самостоятельности ея характера. Кроткая жалоба, смиренная борьба, простодушіе, страхъ предъ проклятіемъ отца, вѣра въ карточныя гаданія, доброта, лишенная всякой способности возмущаться зломъ, и тупая покорность судьбѣ—вотъ тѣ своеобразныя бытовыя черты, которыя Русаковъ, при всемъ своемъ умѣ, могъ воспитать въ своей дочери. Недостатокъ такого воспитанія и отсутствіе самостоятельности и самодѣятельности въ Дунѣ скоро сказались. Вихоревъ увозитъ Дуню изъ отцовскаго дома. Сначала ей страшно было рѣшиться на это, страшно, потому что она любила отца и, какъ я сказалъ, боялась его проклятія. Но лишь только она вырвалась изъ отцовскаго дома, она вся отдалась Вихореву. „Никого я теперь не боюсь и никого мнѣ не жалко", такъ она объясняется съ Вихоревымъ, покорившись ему такъ же, какъ она покорялась отцу. Но вотъ Вихоревъ отталкиваетъ ее отъ себя, узнавши, что за ней денегъ не даютъ.

Дуня, хотя и возмутилась этимъ, однако опять обнаружила въ себѣ безусловную покорность, забитость и рабское подчиненіе судьбѣ: „Богъ васъ накажетъ за меня, а я вамъ зла не желаю. Найдите себѣ жену богатую, да такую, чтобъ любила васъ такъ, какъ я; живите съ ней въ радости, а я, дѣвушка простая, доживу какъ-нибудь, скоротаю свою вѣкъ, въ четырехъ стѣнахъ сидя, проклинаючи свою жизнь. Я къ тятенькѣ пойду." Сколько простоты въ этой оскорбленной и опозоренной дѣвушкѣ, брошенной пустозвономъ Вихоревымъ, какія симпатіи и

вмѣстѣ какое сожалѣніе возбуждаетъ въ себѣ это дѣтище всей патріархальной системы вѣрованій, господствующихъ во всемъ темномъ царствѣ! Сдѣлавъ изъ своей Дуни вѣчно несовершеннолѣтнюю, почти слабоумною дѣвочку, стѣснивъ ея умъ и изуродовавъ чувство, чадолюбивый Русаковъ не въ состояніи былъ уяснить и понять причину ея несчастія. „Врагъ рода человѣческаго", говоритъ онъ, „всякимъ соблазномъ соблазняетъ насъ, всякимъ прельщеніемъ... Нѣтъ больше счастія на землѣ, какъ жить въ своей семьѣ въ мирѣ да въ благочестіи—и самому весело, и люди на тебя будутъ радоваться. А врагу рода человѣческаго это досада не малая; онъ тебя будетъ всякимъ соблазномъ соблазнять, всякимъ прельщеніемъ. Поддался ты ему—и пошла брань да нелюбовь въ семьѣ. Вотъ какъ объясняетъ Русаковъ всѣ явленія нравственнаго міра и поведеніе своей Дуни. Какъ бы то ни было, а Русаковъ все-таки есть лучшій представитель старыхъ началъ жизни. Его нельзя назвать самодуромъ въ томъ обидномъ смыслѣ и значеніи, какъ напримѣръ Большова и другихъ. Нѣтъ. Русаковъ—это тотъ домохозяинъ-домоправитель, на которомъ благотворнѣе, чѣмъ на другихъ, отразились распространенные основные принципы русской жизни и религіозной нравственности народа. Природная доброта и деликатность пробивалась въ Русаковѣ сквозь грубыя формы; онъ былъ мягокъ и честенъ. Его умъ, хоть и не развитъ образованіемъ, но не есть тотъ упрямый умъ, который ничему не поддается. Русаковъ не отвергаетъ резоновъ въ разговорѣ и для своихъ рѣшеній всегда старается найти какія-нибудь основанія. Вслушайтесь въ эти прямыя и честныя разсужденія, которыя онъ ведетъ съ изолгавшимся фатомъ Вихоревымъ, просящимъ руки Дуни: „Полноте, ваше благородіе, мы люди простые, ѣдимъ пряники неписанные, гдѣ намъ.... Не за что вамъ любить дочь-то мою", положительно говоритъ умный старикъ на напускныя заклятія Вихорева. „Она дѣвушка простая, не воспитанная и вовсе вамъ не пара... Вы люди благородные, ищите себе барышень... воспитанныхъ, а ужъ нашихъ-то дуръ оставьте намъ, мы своимъ-то найдемъ жениховъ какихъ-нибудь дешевенькихъ... У васъ есть родные, знакомые, всѣ будутъ смѣяться надъ нею, какъ надъ дурою, да и вамъ-то она опротивѣетъ хуже горькой полыни. Такъ отдамъ ли я свою дочь на такую каторгу? Да накажи меня Богъ!" Такую же умную рѣчь держитъ Русаковъ и предъ своею дочерью: „Ахъ, Дунюшка, кабы

я зналъ, что онъ степенный человѣкъ, да что онъ тебя любитъ, я бы тебя сейчасъ за него отдалъ и разговаривать бы не сталъ!"

Точно также онъ относится къ своей дочери и послѣ того, какъ Вихоревъ бросилъ ее. Дуня, осрамивъ себя, опозорила сѣдины отца, убила его. Однако Русаковъ въ самый разгаръ гнѣва и горя полонъ самой нѣжной, всепрощающей отеческой любви. „Диви бы, я съ ней строгъ былъ. Я ли ее не любилъ, я ли ее не голубилъ?" Одно слово сердечнаго признанія, вылетѣвшее изъ груди Дуни, переворачиваетъ всю душу Русакова и онъ прощаетъ свою дочь, прощаетъ и забываетъ всю ея вину. „Богъ тебя проститъ, Дунюшка, ты меня-то прости!"

Русаковъ всѣмъ своимъ существомъ не производитъ въ душѣ читателя того угнетеннаго, тяжелаго впечатлѣнія и отвращенія ко всему старозавѣтному русскому быту, какое получается отъ остальныхъ самодуровъ Островскаго. Типъ его какъ будто примиряетъ насъ, или, по крайней мѣрѣ, не вооружаетъ противъ тѣхъ патріархальныхъ отношеній, которыя установились и существуютъ въ полуобразованныхъ русскихъ семействахъ.

САВВА ВАСИЛЬКОВЪ

(Въ комедіи „**Бѣшеныя деньги**".).

Интересно сопоставить съ довольно симпатичнымъ Русаковымъ просвѣщеннаго посвоему, конечно, и образованнаго Савву Василькова (въ комедіи „Бѣшеныя деньги"). Образованіе, которое получилъ Васильковъ, не произвело въ немъ того внутренняго переворота, не обновило его существа, а превратило его только въ купца новаго типа. Очевидно, семья и домашняя обтановка, въ которой воспитывался Васильковъ, наложившии на него свою физіономію, оставили его съ нею на всю жизнь.

Въ Васильковѣ, который получилъ едва ли не университетское образованіе и знаетъ даже погречески, образованіе посѣяло и розвило много прекрасныхъ сторонъ. Онъ, дѣловой малый и расчетливый человѣкъ, знаетъ цѣну деньгамъ, хотя и живетъ такъ, чтобы пыль въ глаза пустить. Цѣлью своей жизни Васильковъ поставилъ пріобрѣтеніе „честными трудами" милліоннаго состоянія. Онъ высказываетъ мысль, что „въ нашъ практическій вѣкъ быть честнымъ не только лучше, но и выгоднѣе". Вотъ какіе взгляды даже на честность установились у Василькова. Онъ честность предпочитаетъ

безчестности потому только, что первая, въ его глазахъ, болѣе выгодна, чѣмъ плутовство. По его понятіямъ плутовство могло имѣть успѣхъ въ прежнія времена—въ вѣка фантазіи и возвышенныхъ чувствъ. Тогда оно имѣло и больше простора и легче маскировалось. „А въ настоящее время“, говоритъ Васильковъ, „плутовство—спекуляція плохая“. Любовь, бракъ и семья—все это приносится Васильковымъ въ жертву его мамонѣ, все обращается въ выгодное предпріятіе. Такъ, ему нужна жена—и вотъ онъ, не жалѣя денегъ, добивается и дѣлаетъ предложеніе красавицѣ Лидіи Юрьевнѣ Чебоксаровой. Но жена ему нужна вовсе не для того, бы слить свое существо съ нею воедино, а просто нужна, какъ изящная, нарядная мебель, которой любовались бы другіе, а самъ онъ могъ бы гордиться предъ своими товарищами. Мало того, Василькову нужна жена еще и для того, чтобы привлекать въ свой домъ нужныхъ людей, которые могли бы ухаживать и увлекаться ею. Онъ не боится за свою жену, не безпокоится, что она можетъ развратиться окончательно.... Онъ знаетъ, что она, еще въ дѣвицахъ, уже развращена была до мозга костей, что она жаждетъ только роскоши и наслажденій. Но все это не тревожитъ его, потому что не сердечныя пружины связываютъ его съ женой. Все, что есть у человѣка человѣческаго, все размѣнено у Василькова на мѣдные гроши, все попирается ногами и приносится въ жертву одному неуклонному стремленію къ пріобрѣтенію милліоновъ.

И вотъ Васильковъ мечтаетъ переѣхать съ женою изъ уѣзднаго въ губернскій городъ, гдѣ она должна ослѣплять губернскихъ дамъ своимъ туалетомъ и манерами. Однако онъ заботится при этомъ, чтобы, не жалѣя на роскошь денегъ, не выйти изъ бюджета. „Мнѣ, по моимъ обширнымъ дѣламъ, нужно такую жену“. Потомъ думаетъ свести ее въ Петербургъ Патти послушать „тысячу рублей за ложу заплатить, не жалѣть“. А такъ какъ въ Петербургѣ у Василькова есть дѣла; между тѣмъ самъ онъ мѣшковатъ и неуклюжъ, то ему и нужна такая жена, чтобы съ нею можно было завести салонъ, въ которомъ даже и министра принять не стыдно было бы.

ВИШНЕВСКІЙ

(Въ „**Доходномъ мѣстѣ**“.).

Кромѣ типичныхъ произведеній изъ купеческаго быта Островскій, какъ было уже сказано, имѣетъ чуть не цѣлый театръ пьесъ, содержаніе которыхъ взято изъ жизни

болѣе интеллигентныхъ людей, каковы: чиновники, помѣщики и т. п. Жизни высшаго свѣтскаго общества Островскій не касался въ своихъ произведеніяхъ.

Тамъ, гдѣ онъ воспроизводитъ міръ помѣщичій и чиновничій, обнаруживаются тѣ же пріемы, что и въ разсмотрѣнныхъ нами пьесахъ изъ купеческаго быта, а именно—высокую художественную правду, умѣнье подмѣтить выдающіяся черты въ характерѣ русскаго человѣка, изобразить цѣлое, стройное міросозерцаніе, рожденное и выработанное тѣми или другими условіями русской исторіи.

Въ „Доходномъ мѣстѣ“ отразилось то движеніе пятидесятыхъ и первое время шестидесятыхъ годовъ, которое было особенно замѣтно въ нашей общественной жизни. Въ то время точно изъ-подъ земли выползла цѣлая фаланга молодежи, воспитанная въ честныхъ правилахъ и понятіяхъ и искренно рѣшившаяся вести борьбу не на животъ, а на смерть съ отживающими непорядками и безобразіемъ въ нашемъ обществѣ.

На сцену выступаютъ двѣ силы въ лицѣ двухъ бойцовъ: Вишневскаго—представителя старой оффиціальной, а слѣдовательно физической силы, и Жадова—представителя честнаго направленія молодого поколѣнія.

Вишневскій, окаменѣвъ въ старыхъ понятіяхъ и находясь на точкѣ зрѣнія statu quo, ко всѣмъ новымъ стремленіямъ относится съ презрѣніемъ. Его заскорузлость рѣшительно препятствуетъ уяснить себѣ, какъ это люди могутъ думать и разсуждать иначе, чѣмъ онъ привыкъ. Какъ это „мальчишка“ Жадовъ набрался какихъ-то новыхъ идеекъ и проповѣдуетъ трудъ, честность, клеймитъ взяточничество, раболѣпство въ то самое время, когда всѣ окружающіе его чиновники, по его понятіямъ, люди безукоризненной честности, такіе, какими и долженъ быть всякій порядочный чиновникъ; вѣдь всѣ они пресмыкаются, льстятъ и раболѣпствуютъ предъ его особой. Надменный старикъ, презирающій все и всѣхъ, что ниже его по рангу, уважаетъ только оффиціальное могущество, связи, даже лесть; это конекъ, на которомъ онъ и самъ выѣхалъ въ люди и добился положенія. Что же касается нравственной силы, то онъ чрезвычайно логически разбиваетъ въ прахъ всѣ положенія Жадова и его поступки. „Какое дѣло обществу, на какіе доходы я живу, лишь бы жилъ и велъ себя, какъ слѣдуетъ порядочному человѣку“. Онъ даже доказываетъ Жадову, что при настоящемъ порядкѣ вещей невозможно честнымъ образомъ обезпечить себя и свое семейство. Вѣдь честные

способы пріобрѣтенія слишкомъ ничтожны. Въ головѣ Вишневскаго никакъ не могутъ вмѣститься правильныя понятія объ отношеніяхъ между людьми. Онъ даже и жену свою старается подкупать и только подкупать. Ему и на мысль не приходятъ другія нравственныя, какъ болѣе прочныя связи между женой и имъ. „Не для васъ ли я", говоритъ онъ, отдѣлалъ этотъ великолѣпный домъ? Не для васъ ли я выстроилъ въ прошломъ году дачу? Чего у васъ мало? Я думаю, что ни у одной купчихи нѣтъ столько брилліантовъ, сколько у васъ"? Онъ рѣшительно не въ состояніи понять, почему жена такъ упорно и дерзко отказывается любить его.

ЖАДОВЪ

(Въ „**Доходномъ мѣстѣ**".).

Жадовъ—представитель молодого поколѣнія, только еще пробуждающаяся въ нашемъ обществѣ нравственная сила, какъ новый, не окрѣпшій боецъ въ борьбѣ съ старой физической силой и ея непорядками, является человѣкомъ еще далеко не закаленнымъ въ этомъ бою. Онъ весь состоитъ изъ порывовъ, порывовъ самыхъ благородныхъ, честныхъ. Онъ исполненъ розовыхъ надеждъ, всевозможныхъ иллюзій; онъ въ пылу своихъ юношескихъ мечтаній такъ, кажется, и передѣлалъ бы сразу весь міръ по своему образцу.

Онъ и самъ не замѣчаетъ, какъ рисуется этими „святыми убѣжденіями" и тѣмъ обнаруживаетъ, что они еще не вошли въ его плоть и кровь, не выработаны имъ самимъ и не прочувствованы вполнѣ, а только навѣяны со стороны. „А голова-то, а руки-то на что? Не ужели мнѣ весь вѣкъ жить на чужой счетъ?" У Жадова есть даже увѣренность въ себѣ, въ своихъ силахъ: онъ готовъ выступить въ борьбу. Но вотъ въ этой-то борьбѣ онъ впервые сознаетъ, что хоть убѣжденія его и честны, хоть онъ и силенъ ими, однако жизнь и общество съ своими закоснѣлыми привычками и условіями сильнѣе его. Удивительно ли, что онъ, вычитавъ изъ книжекъ стремленія ко всему честному, высокому, на первыхъ же шагахъ въ борьбѣ съ вѣковыми предразсудками и порокомъ долженъ былъ спасовать. „Какой я человѣкъ!" говоритъ онъ, получивши щелчекъ отъ жизни и ея условій: „я—ребенокъ, я объ жизни не имѣю никакого понятія.... Мнѣ тяжело! Не знаю, вынесу ли я! Кругомъ развратъ, силъ мало!" Борьба, очевидно, завязалась, но мы заранѣе предвидимъ, чѣмъ она должна кончиться. Собирался нашъ

боецъ со своею послѣднею силою, чтобы постоять за правду до послѣднева и, желая найти поддержку, по крайней мѣрѣ, въ своей женѣ, держалъ къ ней такую рѣчь: „Слушай, Полина, слушай: во всѣ времена были люди, они и теперь есть, которые идутъ наперекоръ устарѣвшимъ общественнымъ привычкамъ и условіямъ. Не по капризу, не по своей волѣ, нѣтъ, а потому, что правила, которыя они знаютъ, лучше, честнѣе тѣхъ правилъ, которыми руководствуется общество. И не сами они выдумали эти правила: они ихъ слышали съ пастырскихъ и профессорскихъ каѳедръ, они ихъ вычитали въ лучшихъ литературныхъ произведеніяхъ нашихъ и иностранныхъ. Они воспитывались въ нихъ и хотятъ ихъ провести въ жизнь. Что это нелегко, я согласенъ. Общественные пороки крѣпки, невѣжественное большинство сильно. Борьба трудна и часто пагубна, но тѣмъ больше славы для избранныхъ. На нихъ благословеніе потомства, безъ нихъ ложь, зло, насиліе выросли бы до того, что закрыли бы отъ людей свѣтъ солнечный". Едва ли бы остался побѣдителемъ нашъ боецъ и въ томъ случаѣ, если бы около него была умная и разсудительная жена, которая вмѣсто того, чтобы оказать ему существенную поддержку, говоритъ: „Ты сумасшедшій, право, сумасшедшій". Жадовъ, очевидно, олицетворяетъ собою то молодое поколѣніе, честное, благородное, но далеко не окрѣпшее для упорной борьбы и потому невольно подчиняющееся понятіямъ, господствующимъ въ средѣ стараго поколѣнія. Общество, въ которомъ недостоточно развиты начала честности, сильнѣе отдѣльныхъ лицъ, которымъ въ жизни иногда очень трудно оставаться на высотѣ своихъ убѣжденій, особенно если эти убѣжденія тоже вычитаны и выслушаны отъ другихъ, но еще не успѣли обновить всего ихъ существа, войти въ ихъ плоть и кровь. Но какъ бы то ни было, а уже появленіе такихъ лицъ, какъ Жадовъ, является зарею, предвѣщающею свѣтлый, ясный день, лучшую будущность нашему обществу.

ГЛУМОВЪ И ГОРОДУЛИНЪ

(Въ комедіи „**На всякаго мудреца довольно простоты**".).

Русское общество въ концѣ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ значительно измѣнилось, если съ „Доходнымъ мѣстомъ" сопоставить другую комедію Островскаго „На всякаго мудреца довольно простоты". Послѣ перваго порыва горячки, стремленія къ высшимъ идеямъ

человѣчества, общественной пользѣ, помощи ближнему, любви „къ меньшимъ братіямъ", въ русскомъ обществѣ, какъ недостаточно подготовленномъ къ воспріятію и проведенію въ жизнь высшихъ нравственныхъ идей, до которыхъ человѣчество вѣками додумывалось, явилась реакція. На ряду съ Жадовыми выросли и явились въ жизни особеннаго покроя мудрецы, которые въ существѣ были тѣ же Вишневскіе, хотя личный интересъ у нихъ прикрытъ новымъ костюмомъ по послѣдней картинкѣ. Герой комедіи „На всякаго мудреца довольно простоты" Глумовъ днемъ и ночью ищетъ себѣ карьеры. Все дѣйствіе комедіи вертится около этой его идеи.

Себя онъ такъ опредѣляетъ: „Я уменъ, золъ и завистливъ. Что я дѣлалъ до сихъ поръ? Я только злился и писалъ эпиграммы (т. е. сотрудничалъ въ разныхъ газетахъ и юмористическихъ изданіяхъ) на всю Москву, а самъ баклуши билъ. Нѣтъ, довольно. Надъ глупыми людьми не надо смѣяться, надо пользоваться ихъ слабостями. Конечно, здѣсь въ Москвѣ карьеры не составишь, ее дѣлаютъ въ Петербургѣ, а здѣсь только говорятъ. Но и здѣсь можно добиться теплаго мѣста и богатой невѣсты—съ меня довольно". Составляя программу для достиженія карьеры, Глумовъ говоритъ, что онъ съумѣетъ поддѣлаться и къ тузамъ, найдетъ себѣ покровительство вездѣ. Глупо ихъ раздражать, имъ надо льстить грубо, безпардонно. Вотъ и весь секретъ успѣха, вотъ и вся жизненная программа Глумова.

Онъ заводитъ дневникъ, который современемъ, когда нашъ карьеристъ укрѣпится на прочномъ фундаментѣ, т. е. достигнетъ степеней извѣстныхъ по службѣ, можетъ быть предназначенъ и для публики. Составивъ программу жизни, Глумовъ прежде всего сближается съ дядей Мамаевымъ для того, чтобы потомъ познакомиться съ Крутицкимъ, очень важнымъ и вліятельнымъ господиномъ, и вотъ онъ, пристроившись къ Крутицкому, подслуживается къ нему, называетъ его проектъ „о вредѣ реформъ вообще" чуть-чуть не геніальнымъ проектомъ; съ чисто халуйскою, молчалинскою услужливостію добивается мѣста; потомъ задумываетъ жениться и пускаетъ для этого въ ходъ все, не исключая и взяточничества. Но вотъ пропадаютъ „Записки подлеца, имъ самимъ написанныя", которыя были найдены его пріятелями. Глумовъ не только не смутился отъ той позорной программы, которую онъ нарисовалъ въ „Запискахъ" и стремился осуществлять въ жизни, но съ какою-то нахальною гордостію

говоритъ: „Я вамъ нуженъ, господа. Безъ такого человѣка, какъ я, вамъ нельзя жить. Не я, такъ другой будетъ на мѣсто меня".

Совершенно новый типъ, уловленный Островскимъ въ разбираемой комедіи,—это Городулинъ, типъ, образовавшійся въ нашемъ обществѣ въ слѣдствіе рѣзкаго раздвоенія его на либераловъ и консерваторовъ. Городулины являются сегодня либералами, завтра консерваторами, смотря потому, откуда подуетъ вѣтеръ. Реакція! отлично, реакція, ожесточенная, ничѣмъ не удержимая; они будутъ ея орудіями, хотя и не сознаются никогда предъ тѣми, предъ кѣмъ нѣтъ выгоды сознаваться. Сегодня пошла мода на либерализмъ, и можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что они вездѣ будутъ высказывать свои либеральныя идеи: они будутъ говорить спичи съ перцомъ и солью, будутъ составлять записки въ защиту того или другого проекта. Если бы они нашли тягу земную, какъ говорится въ былинѣ, да могли бы въ землю кольцо ввернуть, такъ, кажется, тотчасъ бы перевернули ее по своему и смѣшали бы земныхъ съ небесными. Почему же, по какимъ побужденіямъ такъ ведутъ себѣ Городулины? Да у иныхъ изъ нихъ иногда совсѣмъ ничего не бываетъ своего, т. е. ни своихъ убѣжденій, ни взглядовъ, а все это или вычитано изъ книжекъ, или подслушано у другихъ. Для Городулина въ комедіи Островскаго достаточно было, чтобы кто-нибудь въ глупомъ спорѣ назвалъ его либераломъ, чтобы онъ этому названію обрадовался и три дня ѣздилъ по Москвѣ и на всѣхъ перекресткахъ благовѣстилъ, что онъ либералъ. Чаще же бываетъ, что не изъ пустого тщеславія Городулины торгуютъ своими убежденіями, а потому, что они заботятся посредствомъ этого способа заслужить къ себѣ любовь ото всѣхъ, а особенно отъ тѣхъ, кѣмъ они дорожатъ. Они любятъ жить, они не запираются въ своихъ кабинетахъ. Короче, Городулины—это ловкіе, свѣтскіе, „новѣйшіе мудрецы", которыхъ вы вездѣ видите, а особенно въ чиновномъ мірѣ.

Критика подмѣтила, что драматическія произведенія Островскаго, помѣщенныя въ первыхъ четырехъ томахъ полнаго собранія его сочиненій и написанныя почти въ теченіе цѣлой четверти вѣка, во время его самой свѣжей и молодой дѣятельности, стоятъ неизмѣримо выше его послѣдующихъ произведеній, составляющихъ послѣдніе 5 томовъ.

Первая полоса дѣятельности Островскаго, до 60-хъ годовъ включительно, была полоса *созидающая*. Тутъ явились всѣ его крупныя произведенія, изъ которыхъ каждое заключало въ себѣ цѣльную, законченную картину быта и какой-нибудь выдающійся типъ. Въ этотъ періодъ, продолжающійся болѣе 10 лѣтъ, Островскій исчерпалъ не только характернѣйшіе углы своего темнаго царства, но выказалъ и стремленіе, присущее каждому живому писателю, откликнуться на нравственные интересы, которыми живутъ и интеллигентные классы. Не безъ основанія указываютъ, что самый фактъ литературнаго сотрудничества, которое совершилось въ послѣдніе годы между Островскимъ и Соловьевымъ, служитъ доказательствомъ того, что Островскій, какъ художникъ, не ищетъ искренняго міра для своего творчества, что онъ уже не стремится болѣе писать съ натуры, какъ страстно увлеченный ея правдою, а пишетъ изъ головы, пользуясь своимъ прежнимъ богатымъ опытомъ, какъ декораторъ, обильно снабженный театральною кладовою, изъ которой онъ можетъ брать, что ему угодно: и волны моря, и альпійскій видъ, и улицу города, но въ которой, однако, ничего не найдете, кромѣ искусно поддѣланнаго картона.

Въ сотрудничествѣ съ Соловьевымъ Островскій далъ нашему театру нѣсколько пьесъ: „Счастливый день“, „Женитьба Бѣлугина“, „Дикарка“ и драму „Свѣтитъ да не грѣетъ“; безъ этого же сотрудничества Соловьевъ написалъ—„На порогѣ къ дѣлу“, „Прославились“ и „Медовый мѣсяцъ“. Изъ нихъ лучшая, по нашему мнѣнію, это „Женитьба Бѣлугина“. Можно не безъ основанія предполагать, что какъ въ этой, такъ и въ другихъ комедіяхъ, написанныхъ Островскимъ въ сотрудничествѣ съ Соловьевымъ, послѣднему принадлежитъ сердечная теплота, музыка чувствъ, свѣжесть порыва, полетъ лиризма, что, конечно, скорѣе свойственно юному на драматическомъ поприщѣ Соловьеву, тогда какъ черты купца Бѣлугина, этого любящаго, благороднаго, энергичнаго и скромнаго въ одно и тоже время, невольно напоминаютъ намъ, какъ по своему содержанію, такъ и художественной манерѣ, прежніе типы Островскаго. Намъ кажется, что г. Соловьевъ, судя по его первымъ шагамъ на литературномъ поприщѣ, владѣетъ сценическимъ механизмомъ и обнаруживаетъ въ себѣ не столько комическій, сколько собственно драматическій талантъ. Не смотря на это, не безъ основанія критика очень дружно указывала, что коллективная дѣя-

тельность въ созданіи художественнаго произведенія, гдѣ должно быть и единство, и стройность, и свой стиль, скорѣе можетъ повредить какъ произведенію, такъ и дарованію самого автора, юнаго и поневолѣ подчиняющагося другому, болѣе авторитетному писателю. Молодому драматургу, если у него нѣтъ таланта отъ природы, нельзя придать поэтической силы, но сдавить, стѣснить этотъ талантъ при совокупной обработкѣ одного и того же произведенія легко можно.

НЕКРАСОВЪ.

„Муза мести и печали", какъ преобладающій элементъ въ поэзіи Некрасова.—Односторонность и наклонность къ преувеличеніямъ, замѣчаемая въ его произведеніяхъ.—Искренняя любовь Некрасова къ русской природѣ и его вѣра въ мощь русскаго народа—Его отклики на свѣтлыя стороны народной жизни.—Типы Некрасова: дядя Власъ—кулакъ и укрыватель конокрадовъ, сдѣлавшійся, послѣ болѣзни, добродушнымъ старикомъ, сборщикомъ на церковь.—Наумъ—„кулакъ-скопидомъ."—Агаринъ, ищущій „исполинскаго дѣла" и Саша.—„Русскія женщины" и ихъ героизмъ *).

Нельзя придумать лучшаго эпиграфа, такъ мѣтко опредѣляющаго литературное значеніе Николая Алексѣевича Некрасова, какъ слѣдующій:

„Поэтъ и гражданинъ, онъ призванъ былъ учить,
Въ лохмотьяхъ нищеты живую душу видѣть,
Самоотверженно страдающихъ любить
И равнодушныхъ ненавидѣть".

(Полонскій.)

Чрезъ всю больше, чѣмъ тридцатилѣтнюю поэтическую дѣятельность Н. А. Некрасова проходитъ, какъ соединительная нить, одно вдохновляющее чувство, чувство „мести и печали". Прежде всего оно заставило его стать въ ряды враговъ крѣпостничества—и это вполнѣ понятно, потому что крѣпостное право было самымъ тяжелымъ игомъ, тяготѣвшимъ надъ русской землей. Борьбѣ и враждѣ противъ него Некрасовъ посвятилъ цѣлый рядъ стихотвореній сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ; лучшіе изъ нихъ—это „Въ дорогѣ", „Родина", „На родинѣ", „Забытая деревня", „Псовая охота" и многія др. Стихотворенія Некрасова пятидесятыхъ годовъ, по своему содержанію, есть переложеніе въ стихи общей русской мысли, просящейся наружу. Новое, народо-освободительное движеніе этой мысли блеснуло

*) Разборъ сочиненій Некрасова смотр. „Вѣстн. Евр." 1878 г. декабрь; „Дѣло" 1878 г. февр., „Слово" 1878 г. кн. 2., „Рус. Вѣстн." 1879 г. кн. 3., „Отеч. Зап." 1877 г. кн. 2. „Н. А. Некрасовъ" - Голубева.

во всей литературѣ 60-хъ годовъ. Въ это время Некрасовъ завоевалъ себѣ отъ русскаго общества такую популярность, какая рѣдко выпадаетъ на долю русскихъ поэтовъ при ихъ жизни. Отличительная черта этого періода литературной дѣятельности Некрасова—это рѣзко просачивающееся въ его поэзіи сатирическое направленіе.

Совсѣмъ оригинальный характеръ поэзіи Некрасова, его „муза мести и печали" послужила поводомъ къ разнымъ обвиненіямъ, возведеннымъ противъ него. Указывали какъ на цѣлыя его произведенія, такъ особенно на отдѣльныя въ нихъ мѣста, въ которыхъ-де то и дѣло слышится непрерывный стонъ и плачъ; наши критики спорили, да еще и до сихъ поръ нѣкоторые не убѣждены окончательно въ искренности, дѣйствительности чувствъ, его вдохновлявшихъ. Утверждали даже, что его скорбныя сѣтованія и взыванія къ бѣдствіямъ и страданіямъ народа исходили не отъ чистаго движенія любвеобильнаго сердца, а изъ болѣе мутныхъ источниковъ и соображеній. И не безъ нѣкотораго основанія сыпались всѣ эти обвиненія. Какое напр. впечатлѣніе можно получить по прочтеніи слѣдующихъ стиховъ:

„Не диво ли: широкая
Сторонка-Русь крещеная,
Народу въ ней тьма-темъ:
А ни въ одной-то душенькѣ,
Споконъ вѣковъ до нашего,
Не зародилась пѣсенка
Веселая и ясная,
Какъ ведреный денекъ!..."
Не диво ли? Не странно ли?

Да кто же согласится съ такимъ жестокимъ приговоромъ? Кто же не знаетъ, что у нашего народа, на ряду съ грустными, щемящими сердце, есть веселыя, залихватскія пѣсни? Но не только въ пѣсняхъ, а и во всѣхъ остальныхъ произведеніяхъ народнаго творчества слышится широкая, ничему не покоряющаяся, кромѣ міра-народа, русская натура? Въ жизни не только русскаго, но и всякаго другого народа, такъ много грустнаго, что ему необходимо услаждать жизнь по крайней мѣрѣ вѣрой въ лучшее будущее, въ истину и справедливость конечной правды. Отъ одного стона и стона народъ можетъ изнемочь и погибнуть. Кромѣ того, критика, на основаніи опять-таки нѣкоторыхъ стихотвореній Некрасова, указывала на отсутствіе опредѣленнаго, да и вообще какого бы то ни было идеала въ его произведеніяхъ.

Отъ всякаго поэта вѣдь требуется, чтобы произведенія его давали единое, цѣльное и стройное впечатлѣніе, чтобы онъ показалъ и увлекъ ими читателей на какой-нибудь опредѣленный путь.

„Что же ты любишь, дитя маловѣрное,
Гдѣ же твой идолъ стоитъ?“

Такъ имѣетъ право спросить поэта всякій. Некрасовъ-де, какъ сынъ сороковыхъ годовъ, отдался движенію 60-хъ годовъ, но, не будучи въ силахъ превратить въ свою плоть и кровь воспринятыя имъ идеи, по необходимости является поэтомъ „мести и печали“, что и выразилъ-де особенно рельефно въ стихотвореніи „Рыцарь на часахъ“ устами Валежникова:

„Покорись, о, ничтожное племя,
Неизбѣжной и горькой судьбѣ!
Вы еще не въ могилѣ, вы живы,
Но для дѣла вы мертвы давно,
Суждены вамъ благіе порывы
Но совершить.... ничего не дано!“

Итакъ на Некрасова возведено было нѣсколько, самыхъ тяжкихъ обвиненій. Было время, когда его причисляли даже къ отчаяннымъ и положительнѣйшимъ отрицателямъ, къ нигилистамъ; говорили, что „горе его и сокрушеніе по русской родной землѣ“ есть конечный плодъ нашего гнилаго, оторваннаго отъ народной почвы образованія, съ его вѣчнымъ стремленіемъ къ какому-то отвлеченно-гуманитарному и космополитическому прогрессу.

Противъ всѣхъ этихъ обвиненій можно прежде всего сказать, что отрицаніе или протестъ противъ зла есть ни болѣе, ни менѣе, какъ положительное желаніе, чтобы поскорѣе прекратилось самое зло, противъ котораго вооружаются. И мы, да и никто, даже враги Некрасова, не могутъ не признать, что его „муза мести и печали“ о Россіи и русской жизни тронула, заставила дрогнуть милліоны сердецъ, указала на многія изъ нашихъ золъ, указала не въ формѣ сухихъ литературныхъ статей, а въ общедоступной, удобопонятной для всякаго грамотнаго человѣка поэтической формѣ. Поэзія Некрасова поддерживала интересъ къ народу—словомъ, не прошла даромъ въ дѣлѣ русскаго саморазвитія и самопознанія.

Тѣ обвиненія, которыя были возводимы на Некрасовскую поэзію, объясняются особеннымъ складомъ его музы, доходящей иногда до того, что онъ въ нѣкоторыхъ своихъ произведеніяхъ даже совсѣмъ исключилъ свѣтлыя надежды на лучшее будущее. Онъ, въ пылу поэтическаго

негодованія и раздраженія (что, вспомнимъ, бывало и съ Пушкинымъ), увлеченный основною идеею, воодушевлявшею его чувство, иногда забывалъ даже, что отнять у народа бодрящіе мотивы, свѣтлыя надежды и сказать ему:

„Терпи любя, терпи, прощая,
И лучшей участи не жди!“

значитъ отнять у народа силы для борьбы съ жизнію, для созданія лучшаго будущаго и обречь его на безвыходное отчаяніе и нравственное безсиліе. Вотъ подобныя-то произведенія Некрасова, которыя возбуждаютъ въ читателѣ скорбныя, тревожныя, злобныя чувства, имѣютъ достоинство и значеніе не съ художественной стороны, а съ общественной, исторической. Некрасовъ съ великимъ талантомъ, съ смѣлою рѣзкостью представилъ то, что видѣлъ вокругъ себя, а видѣлъ онъ горе, пороки, болѣзнь. Въ своихъ произведеніяхъ онъ ярко и сильно высказалъ это безъисходное горе, вызванное обстоятельствами настроеніе всего русскаго общества. Какъ эти обстоятельства, которыя возбудили чувство „мести и печали“ въ Некрасовѣ, имѣютъ, конечно, временный, характеръ, такъ и тѣ его произвенія, въ которыхъ изображается народъ въ видѣ какого-то безсрочнаго каторжника, прикованнаго къ своей тачкѣ и не могущаго отъ нея оторваться, получаютъ значеніе преходящее и, можетъ быть, скоро будутъ представлять ни болѣе, ни менѣе, какъ интересъ историческій и на слѣдующее за нами поколѣніе едва ли будутъ дѣйствовать съ такою силою, съ какою они дѣйствовали (и дѣйствуютъ) на насъ. Не думаемъ поэтому, чтобы Некрасовъ получилъ званіе общеевропейскаго поэта, какъ Пушкинъ, Гоголь, Тургеневъ, Достоевскій и др. Во всякомъ случаѣ не на эфемерныхъ стихотвореніяхъ, схватывающихъ извѣстный моментъ нашей жизни, главнымъ образомъ, покоится воспитательное значеніе Некрасова, какъ поэта, и его литературная слава. Некрасовъ—поэтъ народной печали и горя; но онъ великъ и безсмертенъ, какъ поэтъ, искренно любящій русскую природу и глубоко вѣрующій въ мощь русскаго народа, въ его свѣтлую будущность.

Послушайте, какою горячею любовію онъ проникнутъ къ русской природѣ:

„Идетъ-гудетъ зеленый шумъ,
Зеленый шумъ, весенній шумъ!
. . . .
Пригрѣты теплымъ солнышкомъ

Шумятъ повеселѣлые
Сосновые лѣса;
А рядомъ, новой зеленью
Лепечутъ пѣсню новую
И липа блѣдно-листая,
И бѣлая березонька
Съ зеленою косой!
Шумитъ тростинка малая,
Шумитъ высокій кленъ....
Шумятъ они поновому,
Поновому, весеннему...."

Глубокая любовь къ родинѣ звучитъ въ произведеніяхъ Некрасова, и онъ самъ искренно сознаетъ эту любовь. Одинаково любитъ онъ русскую почву и тогда, когда рисуетъ мрачныя или грустныя картины, и тогда, когда онъ простодушно передаетъ „деревенскія новости", и тогда, когда безъискусственно и до наивности искренно любуется крестьянскими дѣтьми. Близость, родство его съ природой еще ярче выступаетъ, когда онъ обращается къ ней съ нѣжной и покорной любовью сына. Таково напр. беззавѣтно-искреннее и высоко-поэтичное начало Саши:

„*Словно какъ мать надъ сыновней могилой,*
Стонетъ куликъ надъ равниной унылой,
Пахарь ли пѣсню вдали запоетъ—
Долгая пѣсня за сердце беретъ;
Лѣсъ ли начнется—сосна да осина...
Не весела ты, родная картина!"

Да, не весела!... Но пусть не весела: молчитъ „озлобленный умъ" поэта, а молчитъ онъ потому, что

„*Сладокъ мнѣ лѣса знакомаго шумъ,*
Любо мнѣ видѣть знакомую ниву—
Дамъ же я волю благому порыву...."

Некрасовъ былъ поэтъ-мыслитель, мыслитель глубокій и честный. Въ основѣ его лежитъ высокая гуманность не подъ отвлеченнымъ представленіемъ отечества, а подъ живымъ, дѣйствительнымъ, реальнымъ образомъ родины и народа.

Главный герой его пѣсенъ—это русскій мужикъ. Онъ говоритъ о немъ, какъ человѣкъ развитой; онъ не столько „поетъ", сколько думаетъ о немъ, о его бѣдахъ и горѣ. До какой степени Некрасовъ любилъ именно простого мужика—видно изъ того, между прочимъ, что положеніе бѣднаго городскаго населенія почти вовсе не служило предметомъ его поэзіи. Только, кажется, въ

двухъ стихотвореніяхъ „Плачъ дѣтей“ и „Наборщики“ онъ коснулся городскихъ бѣдняковъ.

„*Одна любовь сказаться въ ней* (т. е. въ его пѣснѣ) *успѣла къ тебѣ, моя родная сторона.*“

Некрасовъ проповѣдывалъ любовь не однимъ только „враждебнымъ словомъ отрицанья“; гораздо сильнѣе онъ возбуждалъ ее сердечнымъ словомъ состраданья, сочувствія, вѣры въ русскій народъ и въ человѣка.

Припомнимъ ту страшную картину въ поэмѣ „Морозъ-красный носъ“, гдѣ несчастная вдова крестьянина медленно замерзаетъ, безчувственная къ холоду, погрузившись въ свои тяжкія думы. Печальны ея мысли. Но вотъ приближается смерть: воевода-морозъ ужъ коснулся ея ....

„*Дарьюшка очи закрыла,*
Топоръ уронила къ ногамъ....

Вотъ Дарьюшкѣ видится чудная, розовая картина свѣтлаго, истиннаго счастія (что очень естественно во время замерзанія).

И снится ей жаркое лѣто—
Не вся еще рожь свезена,
Но сжата,—полегче имъ стало!
Возили снопы мужики,
А Дарья картофель копала
Съ сосѣднихъ полосъ у рѣки.

. . . .

Вотъ Проклушка, ставъ на телѣгу,
Машутку съ собой посадилъ.
Вскочилъ и Гришуха съ разбѣгу,
И съ грохотомъ возъ покатилъ.
Воробушковъ стая слетѣла
Съ сноповъ, надъ телѣгой взвилась.
И Дарьюшка долго смотрѣла,
Отъ солнца рукой заслонясь—
Какъ дѣти съ отцомъ приближались
Къ дымящейся ригѣ своей,
И ей изъ сноповъ улыбались
Румяныя лица дѣтей.“

Приведенная мною картина есть самый полный идеалъ счастія, какой только могла составить фантазія крестьянки. Основныя черты этого идеала: любовь, довольство и привлекательный трудъ среди чистой, прекрасной природы.

Только въ розовомъ чаду опіума или смерти отъ замерзанія крестьянкѣ Дарьѣ могли прійти въ голову эти чудныя картины.

Вотъ какое знаніе жизни и интересовъ крестьянъ, какую любовь, теплоту, и искренность обнаруживаетъ Некрасовъ, когда онъ рисуетъ бытъ русскаго мужика! По произведеніямъ его можно опредѣлить не только идеалъ крестьянина, но и основныя черты его характера. Въ произведеніяхъ „Крестьянскія дѣти", „Деревенскія новости", „Коробейники", въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поэмы „Кому на Руси жить хорошо" Некрасовъ, подобно дѣдушкѣ Крылову и Пушкину, рисуетъ стихійныя свойства русскаго человѣка, котораго еще не касалась цивилизація. Свойства эти—русскій народный юморъ, русское размашистое веселье и русская добрая, широкая душа. Крестьянинъ по стихотвореніямъ Некрасова большею частію терпѣливый, мягкій, слегка насмѣшливый, подчасъ веселый труженикъ. Вотъ напр. съ какими могучими силами представляется крестьянинъ, жаждущій работы въ стихотвореніи „Дума":

„Повели ты въ лѣто жаркое
Мнѣ пахать пески сыпучіе,
Повели ты въ зиму лютую
Вырубать лѣса дремучіе,—
Только трескъ стоялъ бы до-неба,
Какъ деревья бы валилися:
Вмѣсто шапки, бѣлымъ инеемъ
Волоса бы серебрилися!"

Вѣруя въ мощь русскаго народа, Некрасовъ вѣрилъ вмѣстѣ съ этимъ въ свѣтлое будущее простого крестьянина, въ груди котораго

„Бѣжитъ потокъ живой и чистый,
Еще живыхъ народныхъ силъ:
Такъ подъ корой Сибири льдистой
Золотоносныхъ много жилъ."

Или въ пѣснѣ *„Баюшки-баю:"*

„Уступитъ свѣту мракъ упрямый. . . .
Свободной, гордой и счастливой
Увидишь родину свою."

Только энергія и сильная вѣра въ лучшее будущее, беззавѣтная любовь къ родинѣ могли вдохновить поэта на ту пѣсенку, которую онъ пѣлъ надъ спящимъ Еремушкой:

„Жизни вольнымъ впечатлѣніямъ
Душу вольную отдай,
Человѣческимъ стремленіямъ
Въ ней проснуться не мѣшай.
Съ ними ты рожденъ природою—

Возлелѣй ихъ, сохрани!
Братствомъ, Истиной, Свободою
Называются они.“

Изображая народное горе Некрасовъ откликался и на свѣтлыя стороны народной жизни. Въ „Крестьянскихъ дѣтяхъ“ напр. набросана картина сельской жизни, полной поэзіи и труда, жизни, гдѣ даже шестилѣтній мальчуганъ съ гордостію говоритъ: „у насъ въ семьѣ два мужика, отецъ да я.“ Точно также и „Въ больницѣ“ мы видимъ пробужденіе самаго свѣтлаго чувства въ пьяномъ, избитомъ преступникѣ:

„Наша сидѣлка къ нему подошла,
Вздрогнула вдругъ—и ни слова....
Въ страшномъ молчаньи минута прошла:
Смотрятъ одинъ на другого!
Кончилось тѣмъ, что угрюмый злодѣй,
Пьяный, обрызганный кровью,
Вдругъ зарыдалъ—передъ первой своей
Свѣтлой и честной любовью.
(Смолоду знали другъ друга они....)
Круто старикъ измѣнился:
Плачетъ да молится цѣлые дни,
Передъ врачами смирился....
Не было средства, однако, помочь....
Часъ его смерти былъ страшенъ
(Помню я эту печальную ночь:)
Онъ уже былъ бездыханенъ,
А всепрощающій голосъ любви,
Полный любви безконечной,
Тихо надъ нимъ раздавался: „живи,
Милый, желанный, сердечный!“
Все, что имѣла она, продала—
Съ честью его схоронила.“

Теперь приступимъ къ разбору тѣхъ несложныхъ по своему содержанію лучшихъ художественныхъ типовъ, которые созданы Некрасовымъ.

ВЛАСЪ

Вотъ медленно, благочестивой поступью идетъ старикъ сѣдой, съ обнаженной головой, съ иконой мѣдной на груди, весь въ веригахъ, обувь бѣдная, на щекѣ глубокій шрамъ; идетъ и проситъ онъ на Божій храмъ. Ходитъ онъ ужъ не годъ—не два, а вотъ ужъ скоро тридцать лѣтъ скитается, да подаяніемъ питается. Онъ искрестилъ всю

Россію, собирая пожертвованія на построеніе храма. Его почтенная, сановитая фигура вездѣ и всѣмъ внушала уваженіе, доходящее до благоговѣнія. Иныя богобоязливыя старушки не прочь были по его осанкѣ и виду зачислить въ угодники Божіи, а между тѣмъ было время, когда въ немъ

Бога не было, побоями
Въ гробъ жену свою вогналъ.
Промышляющихъ разбоями,
Конокрадовъ укрывалъ.

Бывало и такъ, что этотъ старецъ въ свои молодые года

У всего сосѣдства бѣднаго
Скупитъ хлѣбъ, а въ черный годъ
Не повѣритъ гроша мѣднаго,
Втрое съ нищаго сдеретъ!
Бралъ съ роднаго, бралъ съ убогаго,
Слылъ кощеемъ-мужикомъ.
Нрава былъ крутого—строгаго....
Наконецъ и грянулъ громъ!

Власа постигла страшная болѣзнь; куда и за что онъ ни хватался, ничего не помогаетъ. Знахарь, котораго онъ призывалъ, и тотъ отказался вылѣчить его, снимавшаго рубашку съ пахаря и кравшаго у нищаго суму. Власу дѣлается все хуже.

Говорятъ, ему видѣніе
Все мерещилось въ бреду:
Видѣлъ свѣта преставленіе,
Видѣлъ грѣшниковъ въ аду.

Власъ даетъ обѣщаніе построить церковь Божію, лишь бы Богъ привелъ избавиться отъ болѣзни

Внялъ Господь—и душу грѣшную
Воротилъ на вольный свѣтъ.

И вотъ Власъ, выздоровѣвъ, обнаруживаетъ страшную силу воли.

Роздалъ Власъ свое имѣніе
Самъ остался босъ и голъ,
И сбирать на построеніе
Храма Божьяго пошелъ.

Немало въ жизни встрѣчается кулаковъ-міроѣдовъ, которые въ виду неминуемой опасности даютъ обѣты, льютъ колокола въ тысячи пудовъ, жертвуютъ на монастыри и храмы Божіи, но прошла, позабылась гроза и они опять выходятъ на прежній путь кулачества. Не таковъ Власъ.

„Сила вся души великая
Въ дѣло Божіе ушла:
Словно сроду жадность дикая
Непричастна ей была...“

Вотъ эта-то „великая сила души“ и направилась у Власа безповоротно на новую, лучшую дорогу. И не знаютъ эти Власы, увлеченные сознаніемъ своего долга, какъ бы одухотворенные своей идеей, не знаютъ они ни холода, ни голода, ни усталости.

НАУМЪ

(Изъ были „**Горе стараго Наума**“)

На Волгѣ, въ своемъ постояломъ дворѣ, занимается продажею вина Наумъ.

Науму слишкомъ пятьдесятъ,
А ни дѣтей, ни жонки.
Наумъ былъ сердцемъ суховатъ,
Любилъ одни деньженки.

Холостой Наумъ однако былъ богатъ, онъ пользовался почетомъ и уваженіемъ отъ сосѣдей и отъ всего начальства:

„Начальство—други-кумовья,
Стрясись бѣда—поправятъ;
Работы много—свисну я:
Сосѣди не оставятъ.

Наумъ послѣ уничтоженія крѣпостного права остался князькомъ, ломающимъ изъ себя прежняго барина:

„Округа вся въ горсти моей,
Казна—надежнѣй цѣпи.“

Наумъ живетъ въ полномъ довольствѣ.

„Полвѣка прожилъ такъ Наумъ
И не тужилъ ни мало,
Работалъ въ немъ житейскій умъ,
А сердце мирно спало.“

И прожилъ бы Наумъ до смерти, не извѣдавъ ни горя, ни печали, съ своимъ высохшимъ сердцемъ и практическимъ, развитымъ умомъ, да вотъ бѣда случилась: впечатлѣніе, случайно полученное имъ отъ двухъ преданныхъ другъ другу лицъ, впервые навело Наума на мысль, что кромѣ богатства и почестей существуетъ другое, ему еще невѣдомое счастіе. Разъ, вечеркомъ, зашли къ нему на ночлегъ „парень да дѣвица:

„У Тани русая коса
И голубыя очи,
У Вани вьются волоса“.

Въ лицѣ этой нѣжной, влюбленной парочки, Наумъ впервые понялъ то неизвѣданное счастіе, которое называется любовью, основанною на единствѣ двухъ натуръ. Наумъ видѣлъ, какъ блаженствовала эта счастливая пара и убѣдился впервые, что вся прожитая имъ жизнь чужда была высшихъ наслажденій. Наумъ неузнаваемъ: онъ сталъ сердитъ и угрюмъ, постыло ему хозяйство и барыши. Искалѣчивъ свою натуру, заглушивъ въ себѣ сердце и развивъ на его счетъ разсудокъ, Наумъ, этотъ кулакъ-скопидомъ, видѣлъ все счастіе въ деньгахъ и купленномъ почетѣ. Онъ всю жизнь не подозрѣвалъ, что стоитъ на ложной дорогѣ и теперь только, проживъ вѣкъ, онъ убѣдился въ этомъ, да поздно.... поздно потому, что ужъ скоро

„Схоронятъ въ сырую могилу
Безполезно увядшую силу
И ничѣмъ не согрѣтую грудь.“

АГАРИНЪ И САША
(въ поэмѣ „Саша“).

Героиня одной изъ лучшихъ поэмъ Некрасова „Саша“ была нѣжно любимая дочь у своихъ родителей изъ крестьянъ:

„Дико росла, какъ цвѣтокъ полевой,
Смуглая Саша въ деревнѣ степной.

Съ раннихъ лѣтъ Саша обнаруживала особенную ясность души и какую-то даже поэтичность:

„Саша сбирала цвѣты полевые,
Съ дѣтства любимые, сердцу родные,
Каждую травку сосѣднихъ полей
Знала по имени. Нравилось ей
Въ пестромъ смѣшеніи звуковъ знакомыхъ
Птицъ различать, узнавать насѣкомыхъ.“

Дитя природы, Саша была счастлива и довольна.

„Саша не знаетъ заботъ и страстей,
А ужъ шестнадцать исполнилось ей....“

Въ сосѣдствѣ съ деревней, гдѣ жила Саша, была усадьба; лѣтъ ужъ сорокъ стояла она пустая, какъ вдругъ пріѣзжаетъ баринъ Левъ Алексѣичъ Агаринъ. Звалъ онъ себя перелетною птицей и пріѣхалъ въ деревню потому, что плохо высылали доходы съ его имѣнія. Агаринъ началъ часто похаживать къ Сашѣ, началъ ей книжки читать....

„И пофранцузски ее обучалъ“.

Умъ и сердце Саши, спавшіе до сего времени мир-

нымъ сномъ, ничѣмъ не волнуемые, вдругъ стали пробуждаться. И чего-чего только не наговорилъ этотъ Агаринъ, дѣтище книжнаго развитія, искатель „исполинскаго дѣла“, вѣчно къ чему-то порывающійся и въ то же время ничего не дѣлающій. Сообщивъ Сашѣ не только кой-какія знанія изъ французскаго языка, но верхушки изъ всевозможныхъ наукъ, не исключая даже соціологіи, Агаринъ опять уѣзжаетъ рыскать по свѣту. Прежняя Саша стала не узнаваема: старики-родители говорили о ней:

„Думаетъ думу, какъ будто у ней
Больше заботъ, чѣмъ у старыхъ людей.
Книжки выписывать стала сама—
И наконецъ набралась же ума!
Что ни спроси, растолкуетъ, научитъ,
Съ ней говорить никогда не наскучитъ“.

Чрезъ нѣсколько времени Агаринъ снова возвращается въ деревню и видится съ Сашей.

„Все, что ни дѣлала, что ни читала,
Саша тотчасъ же ему разсказала“.

Агаринъ насмѣшливо относится къ своимъ прежнимъ взглядамъ, которые самъ же посѣялъ въ юномъ умѣ и сердцѣ Саши. На поумнѣвшую, еще больше развившуюся въ его отсутствіе Сашу, Агаринъ сталъ смотрѣть насмѣшливо, называя всѣ затѣи и любознательность Саши простой игрушкой, что крайне ея раздражало. Однако Агаринъ, увлекшись Сашей, предлагаетъ ей руку и сердце. Саша отказывается. Родители стали уговаривать ее выйти за мужъ за барина, „молодого, богатаго, да и нравомъ-то тихаго“. Вотъ тутъ-то Саша и обнаруживаетъ всю силу своей здоровой русской натуры. „Нѣтъ, не пойду“, говоритъ она. „Я его не достойна“. То отвѣчаетъ: „нѣтъ, онъ меня не достоинъ“.

„А какъ уѣхалъ, такъ пуще тоскуетъ,
Письма его потихоньку цѣлуетъ....“

Саша, очевидно, пересилила себя и заглушила въ себѣ вспыхнувшую страсть къ Агарину. Въ поэмѣ не видно дальнѣйшей судьбы героевъ—Агарина и Саши. Но для насъ она очевидна и безъ объясненій со стороны поэта. Саша, какъ здоровая натура, извлечетъ для себя урокъ изъ своихъ отношеній къ Агарину и тѣхъ знаній, которыя она пріобрѣла посредствомъ сближенія съ нимъ: Агаринъ же, вѣроятно, опять поѣдетъ скитаться по свѣту; его просвѣтительныя сѣмена заключаютъ въ себѣ хоть и много симпатичнаго, однако едва ли могутъ принести

свои плоды, будучи брошены случайно безъ цѣли, безъ искренняго убѣжденія въ благотворности подобныхъ посѣвовъ.

РУССКІЯ ЖЕНЩИНЫ

Некрасовъ относился со страстнымъ сочувствіемъ къ положенію русской женщины вообще. Онъ рисуетъ ея выносливость, ея добрую, сочувствующую всему хорошему душу, ея скромный, но удивительный героизмъ. Некрасовъ изображалъ въ своихъ произведеніяхъ какъ женщину-крестьянку, которая вся „воплощенный недугъ, вся вѣковая истома,“ такъ и женщину-бѣлоручку изъ культурнаго слоя. Съ особенною выразительностію характеръ русской женщины Некрасовъ изобразилъ въ поэмѣ такъ и озаглавленной: „Русскія женщины.“ Въ этомъ произведеніи онъ въ яркомъ свѣтѣ выставилъ героизмъ тѣхъ нашихъ доблестныхъ соотечественницъ 20-хъ годовъ, которыя, отказавшись добровольно отъ всѣхъ внѣшнихъ удобствъ жизни, отъ всѣхъ прелестей и роскоши петербургскаго высшаго свѣта, предпочли отправиться за своими мужьями и раздѣлить ихъ каторжную, казаматную жизнь въ далекихъ и глубокихъ снѣгахъ Сибири, куда они были приговорены. Тяжкія страданія никогда не бываютъ мучительны, даже чувствительны предъ нравственной силой человѣка. „Русскія женщины“, какъ крупный яхонтъ посреди бриллiантовъ—остальныхъ произведеній Некрасова, останется памятенъ и дорогъ, когда, можетъ быть, большая часть остальныхъ его произведеній будетъ забыта.

Вспомнимъ характерныя мѣста въ „Русскихъ женщинахъ“.

Первая часть поэмы посвящена путешествію княгини Трубецкой, а вторая княгини Волконской и изложена, какъ извѣстно, „въ бабушкиныхъ запискахъ.“ Сложный психическій міръ человѣка, въ разстроенной головѣ котораго встаютъ и мѣшаются то воспоминанія о прежней роскошной и веселой жизни, о молодости, балахъ, путешествіяхъ съ милымъ по южнымъ странамъ, то рисуются только-что полученныя впечатлѣнія отъ унылой сибирской природы, ночлега въ хатѣ лѣсника, въ углу на мерзлой и жесткой рогожѣ. И сколько драматическаго интереса представляютъ „Русскія женщины!“

Возьмемъ напр. сцену, когда мать на канунѣ своего отъѣзда въ Сибирь, всю ночь провела надъ постелью своего сына, съ которымъ едва ли придется когда-нибудь

увидѣться больше. Она, нагнувшись надъ нимъ, „улыбку малютки родного запомнить старалась.“ Мать играла съ нимъ и, упавъ съ горя на ручонки его лицомъ, шептала, рыдая:

„Прости, что тебя, для отца твоего,
Мой бѣдный, покинуть должна я....
А онъ улыбался....“

Княгиня собралась въ путь, взяла клятву съ своей сестры быть матерью ея сына.

„Кибитка была ужъ готова,
Сурово молчали родные мои,
Прощаніе было нѣмое.
Я думала: „я умерла для семьи,
Все милое, все дорогое
Терплю.... нѣтъ счета печальныхъ потерь!“

Кромѣ самыхъ ужасныхъ лишеній, которымъ приходилось подвергаться столичнымъ львицамъ-княгинямъ, на дорогѣ имъ пришлось испытать такія препятствія къ осуществленію своихъ желаній—поскорѣе увидѣться съ мужьями, что они доходили до страшнаго напряженія своихъ силъ. Не смотря на все это, княгини вышли побѣдительницами, обнаруживъ невѣроятную, отчаянную энергію.

По дорогѣ, гдѣ должна ѣхать княгиня Трубецкая, въ одномъ городѣ губернаторъ получилъ изъ Петербурга, по настоянію ея убитаго горемъ отца, „строгій приказъ“ ставить ей всевозможныя преграды. Добрый, честный старичекъ-губернаторъ представляетъ княгинѣ всѣ трудности предстоящаго пути, всю безплодность и безразсудность того подвига, на который рѣшилась княгиня. Цѣлую недѣлю томилъ онъ княгиню, не давая лошадей до Нерчинска. Наконецъ онъ схватился за послѣднее средство удержать княгиню отъ дальнѣйшаго пути и заставить ее возвратиться къ отцу, въ Петербургъ. Онъ объявилъ ей:

„Я отпустить не въ правѣ вамъ,
Княгиня, лошадей!
Васъ по этапу поведутъ
Съ конвоемъ....“

Княгиня.

Боже мой!
Но такъ вѣдь мѣсяцы пройдутъ
Въ дорогѣ?...

Губернаторъ.

Да, весной

Въ Нерчинскъ придете, если васъ
Дорога не убьетъ....
Княгиня.
Не хорошо я поняла—
Что значитъ вашъ этапъ?....
Губернаторъ.
Подъ карауломъ казаковъ
Съ оружіемъ въ рукахъ,
Этапомъ водимъ мы воровъ
И каторжныхъ въ цѣпяхъ,
Они дорогою шалятъ,
Того гляди сбѣгутъ,
Такъ ихъ канатомъ прикрутятъ
Другъ къ другу—и ведутъ.
Трудненекъ путь! Да вотъ-съ каковъ:
Отправится пятьсотъ,
А до Нерчинскихъ рудниковъ
И трети не дойдетъ!
Они, какъ мухи, мрутъ въ пути,
Особенно зимой....
И вотъ, княгиня, такъ идти?...
Вернитесь-ка домой!
Княгиня.
О, нѣтъ! я этого ждала....
Но вы, но вы.... злодѣй!...
Недѣля цѣлая прошла....
Нѣтъ сердца у людей!
Зачѣмъ бы разомъ не сказать?...
Ужъ шла бы я давно....
Велите жъ партію сбирать—
Иду! Мнѣ все равно!...

Вотъ гдѣ доблесть и сила самоотверженія выводимыхъ Некрасовымъ княгинь!

КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО.

Нельзя наконецъ не остановиться на самомъ большомъ изъ всѣхъ произведеній Некрасова, на поэмѣ: „Кому на Руси жить хорошо". Въ ней, какъ въ фокусѣ, русская жизнь отражается всѣми своими сторонами; по ней можно судить какъ о силѣ и пріемахъ художественнаго таланта Некрасова, такъ и о томъ преувеличеніи въ изображеніи народнаго горя, на что нами указано было въ самомъ началѣ.

Рисуя въ поэмѣ „Кому на Руси жить хорошо" цѣлый рядъ художественно выполненныхъ типовъ, Некрасовъ въ

формѣ сказки выводитъ на сцену и скатерть самобранку, и коробочку волшебную: дѣйствующими лицами являются мужики изъ семи деревень, случайно встрѣтившіеся и заспорившіе о томъ,

„Кому живется весело,
Вольготно на Руси.“

Споръ, ничего не выяснившій, побудилъ мужиковъ, не ворочаясь въ свои домишки, отправиться странствовать и допрашивать каждаго встрѣчнаго, кому хорошо, счастливо живется. Задавшись такою цѣлію, мужики сталкиваются съ самыми разнообразными лицами и по своему положенію и состоянію. Это обстоятельство и дало Некрасову случай нарисовать цѣлый рядъ самыхъ типичныхъ лицъ изъ нашего послѣ-реформеннаго времени, когда всѣ сословія начали перетасовываться, когда особенно крестьяне и помѣщики въ эту переходную пору не могли сразу понять и опредѣлить своего положенія и отношеній между собою.

Остановимся на самыхъ характерныхъ типахъ этой переходной эпохи въ поэмѣ „Кому на Руси жить хорошо.“

Пустившимся на поиски мужикамъ попадается прежде всего священникъ. Услышавъ отъ нихъ вопросъ: „Сладка-ли жизнь поповская?“ батюшка сначала задумался, а потомъ согласился высказать „правду-истину.“ Зная, что мужички подъ счастіемъ разумѣютъ покой, богатство, честь, священникъ заявилъ имъ, что онъ этими благами почти совсѣмъ не пользуется и указываетъ при этомъ не только на трудность своихъ обязанностей ходить во всякое время туда, куда зовутъ, но особенно на то, что ему при исполненіи своихъ обязанностей часто приходится подвергаться мучительному нравственному состоянію и сплошь и рядомъ видѣть

„Предсмертное хрипѣніе,
Надгробное рыданіе,
Сиротскую печаль.“

Ко всему этому удручающему душу положенію прибавляется крайне необезпеченное матеріальное положеніе, особенно ухудшившееся послѣ освобожденія крестьянъ, когда

„Разсѣялись помѣщики
По дальней чужеземщинѣ
И по Руси родной.

Теперь попу даже подрясника не подарятъ, почему и приходится жить мірскими гривенниками, сбирая ихъ съ однихъ крестьянъ...

Долго носились мужики съ своимъ вопросомъ,—допрашивая и уволенаго отъ должности дьячка, и старую одноглазую старуху, и мужика изъ дворовыхъ Трофима, и представителя мірской силы Ермилу,—они вездѣ получали отрицательный отвѣтъ.

Отправляясь все дальше и дальше за поисками лицъ для разрѣшенія своего вопроса, мужики встрѣчаются съ помѣщикомъ Оболдуевымъ. Когда они предложили ему свой вопросъ, то баринъ расхохотался и усомнился въ ихъ здравомъ умѣ.

„Нахохотавшись до-сыта,
Помѣщикъ не безъ горечи
Сказалъ: „Надѣньте шапочки,
Садитесь, господа!
. . . .
Прошу садиться, граждане!“

Въ обращеніи барина къ крестьянамъ совсѣмъ уже нѣтъ тѣхъ отношеній, которыя существовали когда-то во времена крестьянскаго права. Описавъ свое житье-бытье, Оболдуевъ приходитъ къ тому выводу, что прежнее положеніе помѣщиковъ было несравненно лучше настоящаго. Прежнее привольное житье нельзя даже и сравнивать съ настоящимъ:

„Свои индѣйки жирныя,
Свои наливки сочныя,
Свои актеры, музыка,
Прислуги—цѣлый полкъ!“

Вотъ что было прежде, а теперь объ этомъ, живя въ усадьбѣ, и мечтать-то ужъ нельзя!

Но если Оболдуевъ мирится съ новымъ порядкомъ вещей, если онъ не выражаетъ своего протеста, то другой помѣщикъ „послѣдышъ - князь Утятинъ“ никакъ не можетъ представить себя лишеннымъ права владѣть крестьянами. Имѣя громадное состояніе, „чинъ важный, родъ вельможный“, князь Утятинъ, этотъ „особенный князь“ не вѣрилъ, что крестьяне освобождены отъ крѣпостной зависимости и попрежнему продолжалъ душить и драть ихъ. Сыновья князя изъ боязни лишиться отъ него наслѣдства всячески лелѣяли своего папеньку; они, желая успокоить его и оставить при прежнихъ правахъ, ударили вотчинѣ челомъ, прося помалчивать „батюшкѣ“ о волѣ, кланяться ему попрежнему, а главное нейти наперекоръ. Молодая сноха для бо́льшаго успокоенія полоумнаго князя, увѣрила его, что „мужиковъ помѣщикамъ велѣли воротить.“

Повѣрилъ! Проще малаго
Ребенка сталъ старинушка,
Какъ параличъ расшибъ.
Заплакалъ! Предъ иконами
Со всей семьею молится,
Велитъ служить молебствіе,
Звонить въ колокола!

Сговорчивые крестьяне согласились потѣшить „уволеннаго барина въ останные часы".

Вотъ этотъ князь, помѣщикъ-послѣдышъ, производитъ тяжелое впечатлѣніе. Онъ представляетъ собою типъ отжившаго; одной ногой стоя ужъ въ гробу и задыхаясь отъ новыхъ условій жизни, князь одураченъ, окруженный шутовскою покорностью мужиковъ, одураченъ и счастливъ, безмѣрно счастливъ, что воротилось доброе, старое время.

Но обратимся къ нашимъ мужикамъ, искателямъ счастія.

Не найдя утвердительнаго отвѣта отъ мужчинъ разныхъ званій и состояній, крестьяне задумали учинить допросъ крестьянскимъ бабамъ. Прежде всего они обращаются съ вопросомъ къ Тимофеевнѣ изъ села Клинъ, которая считается самою счастливою во всей сосѣдней мѣстности. Тимофеевна—женщина осанистая, плотная, красивая, суровая и смуглая, лѣтъ тридцати восьми, подробно описываетъ допрашивающимъ мужикамъ свое житье-бытье. До замужства Тимофеевнѣ жилось хорошо; ее всѣ любили. Но вотъ

Велѣлъ родимый батюшка,
Благословила матушка,
Поставили родители
Къ дубовому столу.

Тимофеевну выдали замужъ за печника Филипушку и жизнь ея въ чужой семьѣ совершенно измѣнилась. Некрасовъ изображаетъ положеніе Тимофеевны въ чужомъ домѣ такими же красками, какъ и наши народныя пѣсни. Тимофеевнѣ пришлось терпѣть невзгоды отъ свекровушки и золовушекъ. „Счастье ея пошло катиться подъ гору" особенно съ той поры, какъ за ней началъ ухаживать „господскій управляющій"; мужъ же ея былъ отданъ въ солдаты, а сынъ съѣденъ свиньями. Изображеніе Тимофеевны, которую постигъ цѣлый рядъ самыхъ ужасныхъ несчастій, страдаетъ, очевидно, нѣкоторою фальшію.

Возлѣ чудныхъ картинъ, возлѣ дивныхъ стиховъ, возлѣ прелестныхъ образовъ, которые такъ роскошно разбросаны

въ поэмѣ „Кому на Руси жить хорошо,“ есть, однако, та же односторонность и преувеличенія, доводящія читателя до горькаго убѣжденія, что на Руси все такъ скверно въ мужицкомъ русскомъ быту, что ужъ хуже и быть не можетъ.

Подведемъ же итоги всему, сказанному нами о Некрасовѣ, и опредѣлимъ особенность его поэтическаго таланта. Некрасовъ, очевидно, держался того взгляда на художественное произведеніе, что оно должно увлечь читателя изображаемыми явленіями жизни, возбудить въ немъ страстное влеченіе войти въ положеніе простого народа и, кто чѣмъ можетъ, помочь ему.

Прямая и единственная цѣль поэзіи поддерживать и оживлять вѣру въ вѣчные, разумные, нравственные законы, какъ извѣстно, можетъ достигаться двоякимъ отношеніемъ поэта къ дѣйствительности: художникъ-писатель можетъ, обнажая раны общества, показать ихъ на свѣтъ Божій. Онъ понимаетъ, что довести общество до сознанія своей грѣховности есть первый шагъ къ спасенію. Онъ знаетъ, что дѣйствительное страданіе лучше мнимой радости. У писателей этого направленія искусство есть воспроизведеніе разумной дѣйствительности. Задача ихъ не представлять событія и жизненные факты съ предвзятою цѣлію. Впечатлѣніе, которое производятъ подобные писатели, самое благодатное, подталкивающее человѣка на нравственный путь. Но есть писатели и другого разряда, къ которому безспорно принадлежитъ и Некрасовъ. Они считаютъ недостаточнымъ изображать дѣйствительность такъ, какъ она есть; для нихъ мало отраженія правды жизни. Истинное искусство по понятіямъ поэтовъ этой другой категоріи, а слѣдовательно и Некрасова, должно состоять въ сильномъ, неотразимомъ впечатлѣніи, которое оно должно производить на читателя. Съ этою цѣлію поэты зачастую слагаютъ явленія въ такія комбинаціи, какія хотя и возможны, однако встрѣчаются въ жизни очень и очень рѣдко, или же никогда. Тѣмъ не менѣе поэты послѣдней категоріи, дѣйствительно, производятъ наиболѣе сильное впечатлѣніе на читателей; они заслуживаютъ большаго уваженія отъ общества и пользуются большею популярностью. Вотъ причина того обаянія, которое заслужилъ Некрасовъ отъ извѣстной части русскаго общества и въ особенности отъ молодежи, у которой сила воображенія и чувства всегда беретъ перевѣсъ надъ разсудочной реф-

лексіей. Здѣсь же заключается объясненіе и того, что по произведеніямъ Некрасова нѣтъ нужды да и возможности заключать о дѣйствительномъ положеніи Россіи и ея простого народа. Для этого есть другіе, болѣе надежные источники и способы. Но нельзя въ то же время не признать въ Некрасовѣ провозвѣстника новой, свѣтлой зари для этого народа. На нашихъ глазахъ правительствомъ, особенно въ послѣднее время, много сдѣлано и еще болѣе предполагается сдѣлать въ вопросѣ объ улучшеніи быта русскаго крестьянина. Намъ такъ и хочется вѣрить, что *„горе людское кончается, счастья заря занимается.“*

ЩЕДРИНЪ.

Какая сатира можетъ имѣть воспитательное значеніе для общества? Характеръ и слабая сторона сатиръ Щедрина.—Причина популярности Щедринской сатиры.—ГУБЕРНСКІЕ ОЧЕРКИ. Общее содержаніе и картина общественнаго быта дѣловыхъ русскихъ купцовъ.—ТАШКЕНТЦЫ. Кандидатъ Ташкентства при открытіи новыхъ судебныхъ учрежденій, мечтающій о баснословныхъ кушахъ.—БЛАГОНАМѢРЕННЫЯ РѢЧИ.—«Простецъ» и «арендаторы помѣщичьихъ усадебъ».—МОНРЕПО («Мой покой») и МОНПЛЕЗИРЪ («Мое удовольствіе»), какъ представители нашей всеобщей, всесословной духовной вялости и апатіи.—Разуваевъ, скупающій помѣщичьи усадьбы.

Еще даровитый нашъ критикъ Добролюбовъ совершенно справедливо указывалъ, какъ на особенность нашей литературы, что она началась сатирою, продолжалась сатирою, а между тѣмъ все-таки не сдѣлалась и до сихъ поръ существеннымъ элементомъ народной жизни, не воспитала въ нашемъ обществѣ сознанія ея необходимости, а продолжаетъ быть какою-то роскошью, забавою, но ничуть не дѣломъ. Добролюбовъ объяснялъ этотъ фактъ тѣмъ, что сатира явилась у насъ, какъ приносный плодъ, а не какъ продуктъ, выработанный самою народною жизнію. Такъ, первый нашъ сатирикъ Кантемиръ, обличая приверженцевъ старины и вздорныхъ поклонниковъ разныхъ новшествъ, выразилъ не думу русскаго народа, а идеи иностраннаго князя, посмотрѣвшаго да посравнившаго современную ему Русь съ западными народами и убѣдившагося, что русскіе не такъ принимаютъ европейское образованіе. Съ легкой руки Кантемира такъ это и пошло: никогда почти не добирались сатирики до главнаго, существеннаго зла, не разражались грозными обличеніями противъ того, отчего происходятъ и развиваются общіе народные недостатки и бѣдствія. Характеръ обличеній

*) См. разборъ произведеній Щедрина. Сочиненія Добролюбова: т. 1. стр. 383—514, „Дѣло“ 1876 к 1877 г. критич. стат. Языкова; сочин. Писарева; „Рус. Рѣчь“ 1879 г. кн. 12-я, критич., ст Евг. Маркова.

былъ частный, мелкій, поверхностный. И вышло то, что сатира наша, хотя, повидимому, и говорила о дѣлѣ, но въ сущности оставалась пустымъ звукомъ.

Между тѣмъ сатира можетъ и должна быть сильнымъ воспитательнымъ средствомъ въ дѣлѣ развитія общества. Самое появленіе ея должно служить аттестатомъ зрѣлости общества и залогомъ дальнѣйшаго его совершенствованія. Призваніе и цѣль сатиры должны заключаться въ томъ, чтобы сатирикъ останавливался на темной сторонѣ каждаго общественнаго явленія, освѣщалъ эту сторону съ яркостію и одушевленіемъ и показывалъ, кто больше виноватъ въ извѣстномъ проступкѣ: тѣ ли, которые не умѣли воспользоваться выгодами новаго устройства, или всѣ частныя явленія общественной жизни суть ни что иное, какъ неизбѣжныя слѣдствія всего ея строя, всего хода исторіи. Побивать же безъ достаточной разборчивости и праваго и виноватаго, глумиться и надъ тѣмъ, что стóитъ этого и что совсѣмъ не заслуживаетъ сатирическихъ ударовъ, при всемъ юморѣ и остроуміи сатирика, не можетъ быть оправдываемо.

Въ сатирѣ Щедрина русская сатира попробовала отмежевать себѣ болѣе широкое поле дѣятельности, чѣмъ прежняя сатира. Щедринъ безспорно обладаетъ замѣчательнымъ остроуміемъ, неистощимою фантазіей, своеобразнымъ и по формѣ и по сущности юморомъ, рѣдкою отзывчивостію на всѣ явленія окружающей его дѣйствительности, наконецъ, особымъ чутьемъ и способностію къ психологическому анализу.

Не смотря на всѣ эти достоинства Щедринской сатиры, критика подмѣтила и тѣ недостатки въ его талантѣ, недостатки, которые дѣлаютъ его сатиру не настолько плодотворною для нашего общества, чтобы за всѣми произведеніями Щедрина можно было признать одинаковое и безусловное воспитательное значеніе.

Замѣчательно прежде всего то, что осмѣиваемыя Щедринымъ лица не возбуждаютъ въ читателѣ отвращенія къ себѣ. Происходитъ же это, по мнѣнію критики,*) отъ того, что всѣ его сатиры, какъ ни разнообразны и ни животрепещущи затрогиваемые въ нихъ вопросы, проникнуты добродушнымъ смѣхомъ, „веселонравіемъ." Выводимые имъ герои смѣшны, ихъ внутренняя разнузданность, ихъ нравственное безобразіе какъ-то стушевываются подъ тою непроницаемою бронею без-

*) Критич. ст. Никитина въ „Дѣлѣ".

граничной тупости и шутовства, въ которую рядитъ ихъ Щедринъ. Встрѣчаетесь вы съ Щедринскимъ негодяемъ въ жизни, вы возмущаетесь, негодуете, но видите этого негодяя въ сатирѣ Щедрина, вы благодушно думаете: „Ахъ, вотъ вѣдь гороховые шуты, и какъ это такихъ негодяевъ земля держитъ?" Отчего же такое именно слабое впечатлѣніе, не вызывающее въ душѣ читателя истинной горечи и желчи къ его героямъ, производитъ сатира Щедрина? Да оттого, что каждый изъ выведенныхъ имъ лицъ старается добродушно разсмѣяться, или, по крайней мѣрѣ, улыбнуться и тѣмъ вызвать улыбку, а пожалуй и разсмѣшить читателя. Въ его сатирѣ главную роль играетъ не тотъ смѣхъ, сквозь который пробивались бы незримыя, невидимыя міру слезу, а скорѣе внѣшній смѣхъ, то „веселонравіе", которое не доходитъ до внутреннихъ покоевъ и складокъ человѣческаго сердца. Читатель, однако, смѣется и смѣется иногда отъ души, но только не надъ тѣмъ, что онъ видитъ въ жизни, а скорѣе надъ тѣмъ, какъ Щедринъ разсказываетъ и описываетъ событія и положенія. Не безъ основанія поэтому еще Писаревъ говорилъ, что сатира Щедрина „убаюкиваетъ и располагаетъ ко сну, потому что возбуждаетъ собою серебристый смѣхъ."

Щедринъ для того, чтобы сильнѣе дѣйствовать своей сатирой, замѣчала дальше критика, не скупится на преувеличенія и обобщенія. Попадется ли ему адвокатъ, въ его сатирѣ окажется, что въ Россіи отъ нихъ никому житья нѣтъ: они всю ее заполонили. Попадется запрещенный священникъ, выгнанный за кляузы, Щедринъ чуть не вездѣ и не во всѣхъ священникахъ видитъ кляузниковъ. Подобное отсутствіе художественной мѣры превращаетъ сатиру Щедрина въ пародію и въ преувеличеніе до того, что по его сатирамъ вся русская жизнь пропитана разными міазмами, пороками. Вооружая читателя какими-то особенными увеличительными стеклами, Щедринъ приводитъ его къ самымъ безотраднымъ заключеніямъ о положеніи нашего дорогого отечества. Не было бы еще большой бѣды въ такомъ огульномъ порицаніи, если бы въ сатирахъ Щедрина проглядывала какая-нибудь руководящая идея. Не сортируя и не отдѣляя пошлое отъ прекраснаго, свѣтлое отъ темнаго, сатира его не даетъ читателю возможности найти, хотя бы и скрытый, но положительный идеалъ, по которому должно жить общество. На этомъ основаніи Щедрину предлагаютъ тотъ же самый вопросъ, который, какъ мы видѣли, относится Некрасовымъ къ самому себѣ.

„Что же ты любишь, дитя маловѣрное,
Гдѣ же твой идолъ стоитъ!...“

Наконецъ, кто изъ почитателей и читателей Щедрина не замѣчалъ, что сатирическія аллегоріи его ужъ черезчуръ туманны, что вслѣдствіе этого онѣ, дѣйствуя наиболѣе рѣзкою и очевидною стороною, въ то же самое время хотя и заключаютъ подъ внѣшними пріемами грубой насмѣшки внутреннюю силу, однако для многихъ эта сила остается непонятною и замаскированною: иногда, вслѣдствіе этого, самая-то соль сатиры и остается для большинства читателей, особенно не посвященныхъ въ тайны нашей общественной жизни, живущихъ вдали отъ правительственныхъ центровъ, бѣлымъ мѣстомъ между строками или загадочнымъ наборомъ остротъ, хлесткихъ фразъ и смѣшныхъ положеній. Даже языкъ сатиръ Щедрина и тотъ имѣетъ свою физіономію, свой особый складъ. Вотъ причина, между прочимъ, почему сатиры Щедрина едва ли когда-нибудь будутъ переведены на иностранные языки.

Не смотря на всѣ указываемые критикой недостатки Щедринской сатиры, она пользуется популярностію. Русское образованное общество читаетъ и любитъ Щедрина. Гдѣ же причина такого явленія? Какъ объяснить его? Ключъ къ разгадкѣ этого нужно прежде всего искать въ самомъ характерѣ нашего, такъ называемаго, интеллигентнаго общества, которое часто относится къ изображаемымъ въ сатирѣ явленіямъ ни лучше, ни хуже, какъ относится и Щедринъ. „Я даже утверждаю“, говоритъ Щедринъ, „что всякій человѣкъ, читая мои писанія, непремѣнно отожествляетъ мои чувства и мысли съ своими. Это *онъ* такъ чувствуетъ и мыслитъ, а мнѣ только удалось сойтись съ нимъ сердцами. И онъ доволенъ, когда ему напоминаютъ объ этихъ *собственныхъ* его чувствахъ и мысляхъ, когда ихъ воплощаютъ передъ нимъ въ горячемъ словѣ или въ живомъ образѣ—доволенъ, потому что это самое дорогое его достояніе“. **) Почти ходячимъ мнѣніемъ стало положеніе, что никто такъ не любитъ своей родины и въ то же время никто такъ не бранится, не смѣется надъ ней, какъ мы—русскіе. Наше общество въ послѣдніе два десятилѣтія сдѣлало такой большой шагъ въ своемъ развитіи и въ слѣдствіе этого оказалось такимъ разноцвѣтнымъ по своимъ взглядамъ и убѣжденi-

---

*) Включено по прочтеніи лекцій изъ „Писемъ къ тетенькѣ“ апрѣль 1882 г.

ямъ, что одна его часть достаточно и довольно основательно восприняла всѣ новыя идеи, за то другая не далеко ушла по своимъ понятіямъ отъ своихъ отцовъ и прадѣдовъ. Столкновеніе этихъ двухъ элементовъ и неумѣнье большинства лицъ нашего общества приспособиться къ новымъ условіямъ жизни и служитъ большею частію поводомъ къ тому „веселоправію", замѣчаемому во многихъ изъ насъ, которое такъ прекрасно подмѣчено и художественно выражено Щедринымъ. На такое объясненіе своей сатиры наводитъ насъ самъ Щедринъ, говоря въ своей исповѣди, что онъ „принадлежитъ къ тому поколѣнію, которое воспиталось на лонѣ эстетическихъ преданій и матеріальной обезпеченности, слѣдствіемъ которой было индиферентное отношеніе къ окружающей жизни, желаніе сохранить свято и ненарушимо это отношеніе къ жизни ради личнаго комфорта. Но вотъ уничтожается крѣпостничество. Въ юныхъ дворянахъ возбуждается нѣкоторое чувство недовольства и позывъ къ воркотнѣ". *) Вотъ это и есть раздвоенность нашего общества—съ одной стороны желаніе сохранить прежнее не только положеніе, но и убѣжденія и понятія, съ другой—неумѣнье приспособиться къ новымъ порядкамъ, условіямъ, и происходящая отсюда воркотня на все новое, заморское.

Губернскіе очерки.

„Губернскіе очерки" своей неумолимой и живой правдой въ свое время возбуждали большой интересъ въ нашемъ обществѣ и сразу поставили Щедрина въ число любимыхъ писателей-художниковъ. Выведенные имъ типы въ этихъ „Очеркахъ" ярко выражаютъ не только господствующій характеръ нашего общества, но, что главное, тѣ вѣковые его недостатки, которые такъ глубоко въѣлись въ натуру русскаго человѣка, что и досихъ поръ остаются не вылѣченными.

Въ „Губернскихъ очеркахъ" подъячій разсказываетъ надворному совѣтнику Щедрину о „прошлыхъ временахъ", восхищается тѣмъ, что „въ эти прошлыя времена" все было шито и крыто: взяточники не боялись преслѣдованій и преспокойно наживались. Мало того. Эти люди стараго времени весь смыслъ взяточничества полагали даже не въ вещественномъ пріобрѣтеніи, а въ самомъ способѣ взяточничества, который для нихъ былъ дороже всякихъ

*) „Дворянскія мелодіи", стр. 336.

денегъ. „Это не то, что грубые взяточники, или съ большой дороги грабители были“, говоритъ подъячій, „нѣтъ, все народъ—аматеръ былъ“. Такимъ образомъ весь букетъ взятки состоялъ именно въ любви ко злу ради самаго зла. Такъ мрачно смотритъ Щедринъ на прежнихъ подъячихъ-чиновниковъ! Еще болѣе тяжелое впечатлѣніе производитъ на читателя картина дѣлового русскаго купечества, нарисованная Щедринымъ въ тѣхъ же „Губернскихъ очеркахъ“ въ драматической сценѣ— „Что такое коммерція?“. Выводимые Щедринымъ купцы сами указываютъ, какъ они ведутъ дѣла, наживаютъ „деньгу“. Палахвастовъ-старикъ, начавшій съ гроша и нажившій себѣ милліонное состояніе, вразумляетъ Ижбурдина, только еще вступающаго на коммерческую дорогу и хватающагося за разные предметы торговли. Около этихъ двухъ тузовъ вертятся другія лица: Сукоровъ, юноша и наяву и во снѣ мечтающій о томъ, какъ онъ будетъ жить на благородную ногу, когда получитъ наслѣдство послѣ своего отца-милліонера, и праздношатающійся, нѣчто въ родѣ фельетониста съ понятіями на торговлю, съ вѣтру схваченными. Ижбурдинъ урезониваетъ Палахвостова не метаться въ торговомъ дѣлѣ изъ стороны въ сторону, а заняться какою-нибудь одною отраслію торговли, напр. хлѣбомъ. Что касается самого способа ея веденія, то Ижбурдинъ рекомендуетъ имѣть дѣло не съ частными лицами, а съ казной, потому-де тутъ „риску совсѣмъ не бываетъ. Въ срокъ ли, не въ срокъ ли—казна все мнетъ. Конечно, тутъ не безъ расходовъ, да за то и цѣны совсѣмъ другія, не супротивъ обыкновенныхъ. Ну, и опять-таки отъ того для насъ это сподручно“, продолжаетъ Ижбурдинъ, что принимаютъ тамъ все, можно сказать, побожески. Намеднись, вонъ я полушубки въ казну ставилъ: только развѣ что кислятиной отъ нихъ пахнетъ, а по прочему и званія-то полушубка нѣтъ—тѣсто тѣстомъ; поди-ка я съ этакими полушубками не токмо что къ торговцу хорошему, а на рынокъ—на смѣхъ бы подняли. Ну, а въ казнѣ все пройдетъ, по той причинѣ, что потребленіе тамъ большее. Вотъ тоже случилось мнѣ однажды муку въ казну ставить. Я, было, въ тѣ поры и барки ужъ нагрузилъ: сплыть бы только, да и вся не долга. Анъ тутъ подвернулся приказчикъ отъ купцовъ заграничныхъ—цѣну даетъ славную. Думалъ, думалъ, да, перекрестимшись, и отдалъ весь хлѣбъ приказчику“.

Удивленный такимъ поступкомъ Ижбурдина, праздно-

шатающійся спрашиваетъ его, какъ же онъ сдѣлался съ казной-то, на что Ижбурдинъ съ спокойною совѣстію отвѣчаетъ:

„Съ казной-то? А вотъ какъ: пошелъ я, распродавши хлѣбъ-отъ, къ писарю станового, такъ онъ мнѣ за четвертакъ такое свидѣтельство написалъ, что я даже самъ подивился. И наводненіе, и мелководіе тутъ; только нашествія непріятельскаго не было.... Такъ оно и доподлинно скажешь, что казна-матушка всѣмъ намъ кормилица!... Это точно-съ. По той причинѣ, что если бъ не казна, куда же бы намъ съ торговлей то дѣваться? Это все единственно, что деньги въ ломбардъ положить, да и сидѣть самому на печи, сложа руки".

Вникая въ смыслъ этихъ разговоровъ купцовъ между собою, можно подумать, что купцы русскіе, придерживаясь выработанной ими системы въ торговлѣ, суть люди, не имѣющіе никакихъ нравственныхъ принциповъ. Между тѣмъ, если мы всмотримся въ условія нашей общественной жизни, то увидимъ, что не одни купцы виноваты въ такихъ, напримѣръ, злоупотребленіяхъ, какъ поставки разныхъ продуктовъ и матеріаловъ въ казну.

Наши купцы-поставщики въ казну приходятъ прежде всего въ столкновеніе съ разнымъ чиновнымъ людомъ, тѣмъ подъяческимъ отродьемъ, которое такъ ярко изображено Щедринымъ въ „Губернскихъ очеркахъ". Чиновный людъ является зміемъ-искусителемъ купцовъ. Кромѣ того, у насъ въ Россіи еще пока нѣтъ большихъ торговыхъ домовъ, имѣющихъ свою исторію, свои традиціи. Всѣ наши коммерсанты, особенно въ городахъ подальше отъ столицъ, придерживаются еще и по настоящее время патріархальныхъ пріемовъ. Дѣти купцовъ нерѣдко спѣшатъ промѣнять торговую дѣятельность своего отца на служебную, чиновничью. При такомъ порядкѣ вещей, очевидно, у насъ, къ прискорбію, не выработался еще типъ коммерсанта, вѣрно понимающаго свое прямое призваніе.

БОГОМОЛЬЦЫ, СТРАННИКИ И ПРОѢЗЖІЕ.

(Въ „Губернскихъ очеркахъ").

Любовь Щедрина къ простому русскому человѣку, неиспорченному цивилизаціей, какъ и ко всему свѣжему, здоровому на Руси, сказалась особенно въ изображеніи общей картины богомольцевъ и странниковъ, ожидающихъ на соборной площади появленія святыхъ иконъ. Описаніе этой картины, производящей самое пріятное, успо-

каивающее впечатлѣніе на читателя, помѣщено также въ „Губернскихъ очеркахъ“ подъ заглавіемъ „Богомольцы, странники и проѣзжіе“. Неотразимое впечатлѣніе производитъ изъ числа всѣхъ лицъ, находящихся въ группѣ богомольцевъ, отставной солдатъ Пименовъ, совершившій въ теченіе своей жизни нѣсколько путешествій по св. мѣстамъ. Цѣльное, неиспорченное міросозерцаніе Пименова, его простодушіе, представляется намъ выраженіемъ міросозерцанія всего русскаго простого люда. Искренняя и глубокая вѣра Пименова, при всѣхъ его одностороннихъ и узкихъ религіозныхъ взглядахъ, въ нашихъ глазахъ стоитъ неизмѣримо выше не только того писаря, который смѣется надъ невѣжествомъ Пименова, но выше и многихъ лицъ даже интеллигентныхъ сословій, сплошь и рядомъ не имѣющихъ ровно никакого міросозерцанія.

Такое же, если не болѣе отрадное впечатлѣніе производитъ и вся картина богомольцевъ. Вся эта толпа пришла сюда съ чистымъ сердцемъ, храня, во всей ея непорочности, душевную лепту, которую она обѣщала повергнуть къ пречестному и достохвальному образу Божьяго угодника. „Прислушиваясь къ ея говору“, говоритъ Щедринъ „невольно начинаешь сознавать возможность и законность этого неудержимаго стремленія къ душевному подвигу, которое такъ просто и такъ естественно объясняется всѣми жизненными обстоятельствами, оцѣпляющими незатѣйливое существованіе простого человѣка. На меня вѣетъ невѣдомою свѣжестью и благоуханіемъ, когда до слуха моего долетаетъ все то же тоскливое голошеніе убогихъ нищихъ:

Придетъ мать-весна красна,
Лузья, болота разольются,
Древа листами одѣнутся.
И запоютъ птицы райски
Архангельскими голосами...

Но вотъ раздался благовѣстъ соборнаго колокола: толпа вся вдругъ заколыхалась, какъ одинъ человѣкъ, и встала.

Самый эстетическій, самый восторженный человѣкъ можетъ отдохнуть на этой картинѣ Щедрина. Тутъ нѣтъ сантиментальничанья и ложной идеализаціи; народъ является какъ есть, съ своими недостатками, грубостью, неразвитостью. Тутъ и горе, и бѣдность, и лохмотья, и голодъ являются на сцену, тутъ и пѣсни о томъ, что пришло время антихристово, потому что

Волосы, бороды стали брити,
Латынскую одежду носити....

Но эти бѣдные, невѣжественные странники, эти суевѣрныя крестьянки есть живая, свѣжая масса: она не любитъ много говорить, не щеголяетъ своими страданьями и печалями, и часто даже сама ихъ не понимаетъ хорошенько. Но ужъ за то, если пойметъ что-нибудь этотъ „міръ“, толковый и дѣльный, если скажетъ свое простое, изъ жизни вышедшее слово, то крѣпко будетъ его слово, и сдѣлаетъ онъ, что обѣщалъ. На него можно надѣяться.*).

Во многихъ изъ остальныхъ произведеній Щедрина являются въ той или другой окраскѣ два главныхъ, такъ сказать, коренныхъ типа, вызванные новыми условіями жизни. Одинъ изъ нихъ напоминаетъ намъ Тургеневскаго Рудина или Гончаровскаго Обломова. Сюда относятся всѣ эти Лузгины, Корепановы, Горехвастовы („Губернскіе очерки“). Другой типъ, типъ хищниковъ въ самыхъ различныхъ окраскахъ, Щедринъ находитъ во всѣхъ слояхъ нашего общества, каковы напримѣръ: „Господа Ташкентцы“, Разуваевы (въ „Монрепо“), Деруновы, Бородавкины и проч. Это современные намъ Чичиковы. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ этихъ типовъ, болѣе характерныхъ и чаще встрѣчающихся въ жизни.

Господа Ташкентцы.

Отсутствіе правильныхъ отношеній между членами нашего общества, эгоизмъ и забота о кускѣ хлѣба въ самомъ грубомъ смыслѣ этого слова, забота, доходящая до разнообразныхъ видовъ хищничества, особенно рѣзко и рельефно нарисована Щедринымъ въ книгѣ „Господа Ташкентцы“. Самое хищничество, т. е. стремленіе многихъ къ скорѣйшему и легчайшему пріобрѣтенію большого состоянія, не разбирая никакихъ средствъ, Щедринымъ объясняется такъ: „Тѣ, которые говорятъ: „зачѣмъ напоминать о крѣпостномъ правѣ, котораго уже нѣтъ, зачѣмъ нападать на лежачаго?“—говорятъ это единственно по легкомыслію.“ Оно (это крѣпостное право) живетъ въ нашемъ темпераментѣ, въ нашемъ образѣ мыслей, въ нашихъ обычаяхъ, въ нашихъ поступкахъ.... Хищничество—вотъ наслѣдіе, завѣщанное намъ крѣпостнымъ правомъ“. Нельзя вполнѣ согласиться съ даровитымъ сатирикомъ, будто одно и исключительно одно крѣпостное право посѣяло тѣ сѣмена, плоды котораго мы даже и теперь видимъ въ образѣ разныхъ Юханцевыхъ и т. п. Можно, пожалуй, признать отчасти, что крѣпостное право косвен-

---

*) Добролюб. т. 3. стр. 513—4.

нымъ образомъ содѣйствовало развитію этого хищничества, воспитывая въ нашемъ обществѣ лѣнь, апатію, отсутствіе живой и смѣлой предпріимчивости, словомъ дало намъ ту *обломовщину*, съ которой мы знакомы по Гончарову. Самое же хищничество имѣетъ свои корни гораздо глубже.

Типъ „Ташкентца" проглядываетъ во многихъ произведеніяхъ Щедрина. Съ особенною рельефностію этотъ типъ, какъ мы сказали, вырисовался въ „Господахъ Ташкентцахъ". Само собою понятно, что слово „Ташкентецъ" нужно понимать въ переносномъ значеніи. Подъ нимъ Щедринъ разумѣетъ людей, которые способны за все хвататься, лишь бы только можно было поживиться, схватить лакомый кусочекъ. Ташкентцы не только не имѣютъ мысли; у нихъ даже вовсе нѣтъ головы; вмѣсто нея у нихъ „порожняя бутылка.... ея обязанность наполняться той жидкостью, которая наиболѣе подходитъ ко вкусамъ минуты. Подходятъ ли ко вкусамъ минуты либеральныя фразы—они и ими себя начиняютъ. Весь смыслъ жизни Ташкентцовъ основывается на знаніи „штуки, называемой безазбучнымъ просвѣщеніемъ, которая ничего не требуетъ, кромѣ цѣпкихъ рукъ и хорошо развитыхъ инстинктовъ плотоядности,—вотъ въ эту-то штуку они и вгрызаются всею силою своихъ здоровыхъ зубовъ", говоритъ Щедринъ.

Одинъ изъ кандидатовъ Ташкентства отданъ былъ въ привиллегированное учебное заведеніе, воспитанники котораго, заслышавъ о судебной реформѣ, совсѣмъ вскружили себѣ головы. Въ обществѣ давно носились слухи, что съ преобразованіемъ судовъ молодымъ юристамъ привиллегированныхъ учебныхъ заведеній откроется рядъ блестящихъ карьеръ, на которыхъ баснословные куши чуть-чуть не сами повалятся въ карманъ. Ташкентцы заранѣе предвкушали сладость своего будущаго положенія съ баснословными кушами, начали составлять какія-то компаніи „съ цѣлію наипоспѣшнѣйшаго ободранія кліентовъ."

— Ты что получилъ за такое-то дѣло? спрашиваетъ одинъ изъ этихъ Ташкентцевъ, уже окончившихъ курсъ, своего товарища.

— Да что! всего пять тысячъ,—не стоило рукъ марать!

— А я черезъ годъ думаю лавочку закрыть. Наработаю тысячъ двѣсти-триста,—и на боковую!"

Дальше рубля, прибавляетъ Щедринъ, взоръ этихъ Та-

шкентцевъ ничего не видитъ: все сосредоточилось, замкнулось на одномъ предметѣ—на скорѣйшей наживѣ.

БЛАГОНАМѢРЕННЫЯ РѢЧИ.

Въ „Благонамѣренныхъ рѣчахъ" типъ Ташкентца еще рельефнѣе изображенъ и при томъ въ новомъ освѣщеніи. Предъ нами Николай Батищевъ; онъ мѣсяцъ тому назадъ, какъ получилъ мѣсто товарища прокурора при окружномъ судѣ, произнесъ восемь обвинительныхъ рѣчей, результатомъ чего были два приговора безъ смягчающихъ вины обстоятельствъ; шесть приговоровъ, по которымъ содѣянное преступленіе признано подлежащимъ наказанію, но съ допущеніемъ смягчающихъ обстоятельствъ; оправданій ни одного. Новоиспеченный товарищъ прокурора въ восторгѣ отъ успѣха своихъ рѣчей. Желая подѣлиться своею радостію, онъ шлетъ письмо къ своей матери, въ которомъ увѣряетъ ее, что послѣдствіемъ его дѣятельности прежде всего будетъ уменьшеніе преступной воли, а главное, что онъ черезъ два-три года будетъ призванъ къ болѣе высокому жребію. Юный товарищъ прокурора увѣренъ, что онъ 26—27 лѣтъ будетъ уже прокуроромъ. Онъ, рисуя картину своей будущей карьеры, идетъ даже дальше. Имѣя въ виду, что казенное содержаніе, сопряженное съ званіемъ сенатора кассаціонныхъ департаментовъ, есть одинъ изъ прекраснѣйшихъ удѣловъ, на которые можетъ претендовать смертный въ сей земной юдоли, онъ говоритъ: „я бодро гляжу въ глаза будущему". Съ какимъ при этомъ чувствомъ зависти нападаетъ нашъ герой на адвокатовъ, которые имѣютъ лучшіе, чѣмъ онъ, экипажи, пьютъ лучшія вина и т. д. При этомъ Батищевъ не вѣритъ въ долговѣчность ихъ положенія, указываетъ, что казенная служба всегда считалась службою болѣе прочною, что безъ нея даже прожить нельзя въ Россіи. Благодаря свою мать за то, что она удержала его на краю пропасти въ ту минуту, когда душа его, по неопытности и легкомыслію, уже готова была устремиться въ зіяющія бездны адвокатуры, Батищевъ съ паѳосомъ восклицаетъ: „Я рожденъ прокуроромъ, милая маменька! Обвиненіе, такъ сказать, гнѣздится въ крови моей! Однажды содѣянное преступленіе находитъ во мнѣ мстителя безпощаднаго, неутомимаго и неумолимаго!" Послѣ всего этого онъ разражается громовою, витіеватою рѣчью въ письмѣ къ матери, гдѣ доказываетъ, какъ священна обязанность—преслѣдовать преступленіе и наказывать его—въ сравненіи съ обязанностію адвоката. Онъ, прокуроръ,

„закалаетъ законопреступную волю человѣческую и, очистивъ ее при посредствѣ наказанія, приноситъ въ жертву вѣчной идеѣ правды и справедливости! И рядомъ съ этимъ поразительнымъ зрѣлищемъ вы видите жалкую, безсильную стряпню адвоката, который надѣется, что подъ дѣйствіемъ его тлетворнаго дыханія, самое солнце правды утратитъ свою лучезарность! Не безумная-ли это надежда, милая маменька!“

Продолжая добросовѣстно исполнять свои обязанности, въ качествѣ представителя обвинительной власти, Батищевъ заслужилъ вниманіе, довѣріе и расположеніе своего начальника-генерала и считалъ свою карьеру вполнѣ обезпеченною, какъ вдругъ ему поручается очень сложное дѣло о злоумышленникахъ, которыхъ онъ въ письмѣ къ маменькѣ назвалъ просто „заблуждающимися“. Дѣло ведено было имъ очень энергично и приближалось уже къ концу, какъ вдругъ генералъ замѣчаетъ Батищеву, что онъ въ производимомъ имъ дѣлѣ не только ничего не объяснилъ, но даже запуталъ и то, что было сдѣлано его предмѣстниками. Недовольство генерала усердіемъ, даже излишнимъ усердіемъ въ веденіи порученнаго Батищеву дѣла, было причиною выхода послѣдняго въ отставку. Въ видахъ собственной пользы Батищевъ предпочелъ избрать себѣ ту шаткую адвокатскую дорогу, надъ которой онъ такъ недавно издѣвался. Желая войти въ сдѣлку съ своею совѣстію и причинить непріятность своему бывшему генералу, Батищевъ въ качествѣ адвоката рѣшился доказать ему, что въ области правосудія нѣтъ для него ничего недоступнаго. Случай проявить свои способности на поприщѣ оправданія скоро представился. Въ Петербургѣ должно было разбираться дѣло о 80 скопцахъ. На судѣ у каждго изъ обвиняемыхъ должны явиться по два защитника и по два подручныхъ. Каждой парѣ назначался гонораръ сорокъ тысячъ, изъ которыхъ слѣдовало удѣлить нѣкоторую часть подручнымъ.

Батищеву предстояла защита самыхъ легкихъ скопцовъ, дабы на нихъ онъ могъ удобнѣе переломить первое свое копье на аренѣ защиты. Онъ не сомнѣвался въ своемъ успѣхѣ и уже заранѣе давалъ назначеніе своему гонорару. Онъ мечталъ уже о пріобрѣтеніи той пустоши, которая прилегала къ имѣнію его матери. „И такъ я бодръ по прежнему“, пишетъ Батищевъ своей матери. Я сдѣлался даже бодрѣе, ибо теперь уже не боюсь, что кто-нибудь меня внезапно обругаетъ, или оборветъ“.. Сопоставьте эти слова съ тѣмъ витіеватымъ письмомъ

къ матери, въ которомъ онъ доказывалъ святую обязанность только обвинять, и вы убѣдитесь, насколько стойки и прочны убѣжденія юнаго представителя правды и закона.

Гдѣ же заключается главная причина появленія у насъ типовъ въ родѣ Батищева? По нашему мнѣнію, Батищевы если не отжили, то, кажется, отживаютъ свой вѣкъ. Появленіе ихъ было временное и вызвано тѣмъ лихорадочнымъ состояніемъ общества, которое увидѣло съ введеніемъ разныхъ реформъ въ послѣднія два десятилѣтія столько блестящихъ и заманчивыхъ для себя карьеръ, изъ коихъ совершенно новыми явились соблазнительныя профессіи прокуроровъ, предсѣдателей судовъ, адвокатовъ и проч. Поиски за карьерами, какъ эпидемія, охватили все наше общество и особенно сильно сказались въ нашей юной, увлекающейся молодежи; не разбирая ничего, эта молодежь бросилась въ университеты, и особенно на юридическіе факультеты, которые были переполнены слушателями. Вотъ этотъ-то моментъ въ развитіи нашего общества схваченъ былъ Щедринымъ въ лицѣ Батищева. О добрыхъ сторонахъ этой молодежи, мечтающей о карьерахъ, которая запрудила наши юридическіе факультеты и особенно привиллегированныя учебныя заведенія, Щедринъ, какъ сатирикъ, не могъ распространяться. Между тѣмъ стремленіе получше устроить свою жизнь едва ли можетъ быть названо поведеніемъ, достойнымъ полнаго и безпощаднаго порицанія. Молодость безъ утопій, безъ надеждъ, безъ стремленій къ лучшему, вѣдь это не молодость, а какая-то дряблость, преждевременная дряхлость. Наша молодежь дѣйствительно была бы жалка, если бы она не имѣла разныхъ чаяній и стремленій. Значитъ, Щедринъ, нападая на Ташкентцевъ, долженъ былъ бы выяснить, что погоня за карьерой всегда преступна и отвратительна, если она ни болѣе, ни менѣе, кака особая ловкость въ пролѣзаніи впередъ и въ составленіи себѣ карьеры, ловкость, не зависящая ни отъ ума, ни отъ энергіи, ни отъ трудолюбія.

ПРОСТЕЦЪ.

(Въ „Благонамѣренныхъ рѣчахъ")

Точно также въ „Благонамѣренныхъ рѣчахъ" Щедринъ изобразилъ очень характерную и своеобразную черту русскаго человѣка—простоту. Простецъ этотъ, какъ типъ, является въ самыхъ разнообразныхъ видахъ въ сатирахъ Щедрина; онъ есть отраженіе и видоизмѣ-

неніе *обломовщины,* которую мы видѣли у Гончарова. Новѣйшій Обломовъ, или иначе *простецъ,* есть совсѣмъ неподготовленный и потому неспособный къ самозащитѣ человѣкъ. О послѣдней простецъ не имѣетъ никакого понятія; онъ рѣшительно теряется, когда какое-нибудь обстоятельство выбиваетъ его изъ насиженнаго имъ гнѣзда. Онъ видитъ себя какъ въ лѣсу. Онъ не можетъ сказать себѣ: устрою свою жизнь по новому. Онъ никогда ничего не ждалъ, ни къ чему не готовился. Онъ самый процессъ собственнаго существованія выносилъ только потому, что не понималъ ни причинъ, ни послѣдствій своихъ и чужихъ поступковъ. Простецъ отъ изумленія переходитъ къ унынію и отчаянію. Онъ мечется какъ въ предсмертной агоніи; онъ предпринимаетъ тысячу дѣйствій, изъ коихъ одно нелѣпѣе другого, и попеременно клянется то отомстить своимъ обидчикамъ, то самому себѣ разбить голову. Имя простеца—легіонъ; никакой законъ, какъ бы онъ ни былъ безповоротенъ въ своей послѣдовательности, не въ силахъ окончательно стереть этого легіона съ лица земли. Простецъ нараждается безпрерывно, какъ незамѣтная тля, которой онъ служитъ представителемъ въ человѣческомъ обществѣ и которую не передавить и не истребить цѣлому сонмищу хищниковъ. „Не простецовъ, не тли, а „крѣпкихъ“ мало“, говоритъ Щедринъ: „да при томъ же, на современномъ общественномъ языкѣ, по какому-то горькому извращенію понятій, „крѣпкимъ“ называется совсѣмъ не тотъ, кто дѣйствительно борется за существованіе, а тотъ, кто, подобно кукушкѣ, кладетъ свои яйца въ чужія гнѣзда“. Слѣдствія подобной неспособности русскаго человѣка къ самодѣятельности, самоопредѣленію и самозащитѣ сказались съ особенною силою послѣ великой реформы освобожденія крестьянъ, когда помѣщиками овладѣло какое-то страшное желаніе ликвидировать. Безденежье, неумѣлость, неподготовленность, гнетъ старыхъ привычекъ и пріемовъ—все соединилось, чтобы поддерживать въ нихъ это стремленіе. Выраженіе „у насъ все свое, некупленное“—сдѣлалось уже преданіемъ. Теперь у всѣхъ все купленное и при томъ въ три-дорога. „Какъ будто впервые поразила всѣхъ мысль, что существуетъ какой-то процессъ, безъ котораго пашня не производитъ хлѣба, луга—травы. Прежде все это производилось безъ всякаго процесса, такъ, какъ-то само собой; теперь—нѣтъ. Побьется, побьется помѣщикъ, и придетъ къ убѣжденію, что единственный для него выходъ—ликвидировать. А

такъ какъ помѣщикъ здѣсь изстари былъ властелиномъ лѣсовъ, полей, луговъ, и всего, что подъ землею, то и выходитъ, что какъ будто вся мѣстность разомъ ликвидируетъ."

Посмотрите, какъ надъ нашими не особенно давно процвѣтавшими усадьбами вьются, точно вороны, разные прожженные кулаки и міроѣды—арендаторы и скупщики. Они захватываютъ у простецовъ помѣщиковъ и землю, и мельницы, и скотный дворъ, и барскій домъ. Беретъ усадьбу въ аренду на нѣсколько лѣтъ какой-нибудь христопродавецъ, не имѣя часто ни копейки за душой. Сдѣлавшись, хотя и на время, хозяиномъ ея, этотъ христопродавецъ высосетъ изъ усадьбы все, что можно: скотину всю распродастъ, стройку сгноитъ, поля выпашетъ, лѣсъ вырубитъ, даже кирпичъ, какой есть, и тотъ вывезетъ или продастъ. И никому ничего не жаль: всѣ, и хозяинъ усадьбы и арендаторъ, спѣшатъ какъ бы только по скорѣе сорвать кусокъ, а тамъ трава не расти. Одно только на умѣ и вертится: „возьму, разорю и убѣгу!" И выходитъ въ результатѣ, что вмѣсто прежнихъ усадебъ, гдѣ цвѣло довольство, гдѣ была земля буквально изобилующая медомъ и млекомъ; теперь стоитъ въ сторонѣ что-то длинное, черное, домъ не домъ, казарма не казарма. Половина оконъ закрыта ставнями; ни одного цѣльнаго стекла, а въ иныхъ мѣстахъ вмѣсто стеколъ вмазана синяя сахарная бумага. Все это производитъ тяжелое впечатлѣніе!

Монрепо.

Еще разительнѣе и художественнѣе Щедринымъ изображена печальная судьба помѣщичьихъ усадебъ въ сатирической трилогіи „Тревоги и радости Монрепо", „Монрепо-усыпальница" и „Смерть Монрепо." Въ этой сатирѣ выведенъ и вполнѣ обрисованъ типъ христопродавца-скупателя и арендатора помѣщичьихъ усадебъ.

„Монрепо" и „Мон-плезиръ"—это любимое названіе или цѣлыхъ усадебъ въ прежнее дореформенное время, или какой-нибудь рощи, или сада въ этой усадьбѣ. Эти названія въ переводѣ на нашъ языкъ „Мой покой„ и „Мое удовольствіе" вполнѣ характеризовали самихъ обитателей этихъ, иногда дѣйствительно роскошныхъ, палестинъ.

Обитатели этихъ усадебъ теперь въ послѣреформенное время вполнѣ обнаруживаютъ всю немощь и неспособность вести борьбу съ новыми жизненными условіями. Монрепо—

это есть олицетвореніе, эмблема той духовной вялости, которая годами, если не вѣками, въѣдалась въ нашъ организмъ, парализовала нашу волю и направила наши симпатіи и интересы только на одно мелкое, пустое, своекорыстное. Она—эта апатія помѣшала намъ развить въ себѣ чувство общественности и съ этимъ запасомъ силъ и характеровъ новая жизнь втащила насъ чуть-чуть не силой въ наши земскія и другія общественныя собранія. Вотъ почему Щедринъ и придалъ Монрепо эпитетъ „усыпальницы", думая, вѣроятно, этимъ указать, что старыя, дореформенные люди едва ли способны вдохнуть жизнь, влить свѣжее вино въ новые мѣхи. Такой взглядъ на положеніе нашего общества едва ли можно назвать справедливымъ. Внимательно вглядываясь въ ходъ нашей внутренней жизни за послѣднія два десятилѣтія нельзя не видѣть и не признать, что если бы наше общество было дѣйствительно неспособно къ проведенію въ жизнь новыхъ реформъ, то какъ объяснить самый фактъ осуществленія такихъ реформъ, какъ крестьянская, земская, судебная и др. Кто же былъ главнымъ проводникомъ этихъ реформъ въ жизнь. Худо ли, хорошо ли привились наши реформы, это другой вопросъ. Хотя Щедринъ, какъ сатирикъ, и имѣетъ право особенно обращать вниманіе на уродливыя стороны современныхъ явленій, однако нельзя же все русское общество называть какимъ-то безлюдьемъ и видѣть во всѣхъ его добрыхъ начинаніяхъ только одинъ „конфузъ." Вѣдь, можетъ быть, всеобщій, великій судія—исторія поставитъ нашему обществу въ особенную заслугу то обстоятельство, что оно, не будучи подготовлено къ эпохѣ возрожденія нашей страны и будучи застигнуто врасплохъ, не вызвало этимъ реакцію или задержки въ веденіи самыхъ реформъ. А вѣдь такъ бы и должно было случиться, если бы всѣ наши реформы ужъ черезъ-чуръ плохо прививались? Мрачный взглядъ Щедрина на наше общество придаетъ его сатирѣ какой-то трагическій характеръ.

Послѣдняя часть трилогіи „Смерть Монрепо" посвящена почти исключительно изображенію того, какъ сходятъ съ общественной арены наши помѣщики, сослужившіе нашему отечеству великую службу, о которой никогда не забудетъ русская исторія.

Все, что живетъ кругомъ Монрепо, всѣ крестьяне сосѣднихъ деревень какимъ-то чутьемъ дошли до убѣжденія, что усадьбѣ и имѣнію барина приходитъ конецъ, что весь вопросъ о его переходѣ въ другія руки есть вопросъ

только времени. Мужики указываютъ даже и покупателя на усадьбу барина и зарапѣе относятся къ нему съ достодолжнымъ почетомъ, раболѣпствомъ. Покупатель этотъ есть Разуваевъ. „Ѣдетъ ли онъ по селу улицей— всѣ шапки снимаютъ; пріѣдетъ въ церковь къ обѣднѣ— станетъ съ супругой впереди у клироса, подтягиваетъ дьячку и любуется на пожертвованное имъ паникадило; послѣ обѣдни первымъ подойдетъ къ кресту и получитъ отъ батюшки просфору. . . Всѣми Разуваевъ любимъ, для всѣхъ желателенъ. Онъ вмѣстѣ со всѣми былъ проникнутъ вѣрою, что Монрепо должно быть его, и что оно непремѣнно будетъ его... Разуваевъ съ дерзкимъ и нахальнымъ убѣжденіемъ полагаетъ, что стоитъ только помотать у помѣщика подъ носомъ ассигнаціей, чтобы онъ сейчасъ же отъ одного ассигнаціоннаго запаха, впалъ въ изнеможеніе. И вотъ обитатель Монрепо, баринъ, разъ въ прекрасное утро видитъ, что по одной изъ разчищенныхъ для его прогулокъ аллей ходятъ двое мужчинъ, посматриваютъ кругомъ хозяйскимъ глазомъ, мѣряютъ шагами пространство и даже деревья пересчитываютъ. Вглядѣвшись попристальнѣе, онъ узналъ въ посѣтителяхъ Разуваева и Граціонова. На другое утро Разуваевъ является къ барину и, не желая даже тратить словъ, просто вынимаетъ изъ кармана туго набитый бумажникъ и лаконически говоритъ барину:

— „Вотъ!

Баринъ обидѣлся и прогналъ его.

Разуваевъ взглянулъ на барина, слегка подбоченился и грустно покачалъ головой.

— „Ахъ, баринъ вы, баринъ! Погляжу я на васъ, на баръ, все-то вы артачитесь!

Разуваевъ, какъ и всякій русскій мужикъ, сравниваетъ барина съ собой и видя его непрактичность, отсутствіе житейской сообразительности, считаетъ его за малаго ребенка и смотритъ на него съ чувствомъ даже какого-то сожалѣнія. Баринъ согласился на приведенные Разуваевымъ резоны и разсчиталъ, что для него гораздо выгоднѣе продать Монрепо, не сталъ, по выраженію Разуваева, долго „артачиться", „харахориться" и покончилъ съ своей усадьбой, покорно протянулъ руку за бумажникомъ покупателя и продалъ свое Монрепо.

Монрепо есть эмблема, олицетвореніе неумѣнья нашихъ помѣщиковъ найтись въ новыхъ условіяхъ русской жизни и выйти изъ нихъ побѣдителями. Они не были подготовлены къ борьбѣ съ нежданными, негадан-

ными для нихъ обстоятельствами и потому смирились предъ ними, спасовали. Новая жизнь потребовала отъ нихъ труда, энергіи, потребовала знаній, но ничего этого не нашлось въ ихъ духовной житницѣ. Сознавая свое безпомощное положеніе, не находя себѣ мѣста въ новой жизни, обитатель Монрепо, какъ и Оболдуевъ Некрасова, волей неволей уступили новому теченію жизни и воскликнули:

Прости, прощай на вѣкъ!
Прощай ты, Русь помѣщичья!
Теперь не та ужъ Русь!

Намъ нужно подвести итогъ всему сказанному нами о Щедринѣ, какъ сатирикѣ. Чѣмъ, прежде всего, можно, хоть сколько-нибудь приблизительно, выяснить тотъ пессимистическій взглядъ Щедрина на наше общество, который служилъ и служитъ поводомъ къ самымъ тяжкимъ обвиненіямъ его съ лишеніемъ даже всѣхъ признаковъ таланта. Объясненіе пессимистическаго взгляда отчасти объясняется, по нашему мнѣнію, слѣдующимъ простымъ соображеніемъ: вѣдь если въ душѣ человѣка есть сильная любовь къ другому лицу, то она можетъ переплетаться съ другими, сродными чувствами, и незамѣтно для самого любящаго человѣка проявляться, подъ вліяніемъ извѣстныхъ обстоятельствъ, то въ чувствѣ злобы, то въ чувствѣ ненависти къ любимому человѣку. Подобные факты совершенно оправдываются и даже подтверждаются психологіей. Щедринъ, желая отъ всей души какому-нибудь „простецу“ добра, но видя, что оно ему не дается, что онъ позволяетъ съ собою дурно обращаться и обманывать себя разнымъ Разуваевымъ, накидывается на „простеца“ съ ожесточенною бранью. Тѣмъ же чувствомъ можетъ вызываться иногда жолчное глумленіе и надъ остальными ненормальными явленіями нашей жизни. „Неизмѣннымъ предметомъ моей литературной дѣятельности“, говоритъ Щедринъ въ свое оправданіе противъ возведенныхъ на него обвиненій, „всегда былъ протестъ противъ произвола, двоедушія, лганья, хищничества, предательства, пустомыслія и т. д. Ройтесь сколько хотите во всей массѣ мною написаннаго—ручаюсь, ничего другого не найдете. Стало быть весь вопросъ заключается въ томъ: слѣдуетъ ли признать исчисленныя выше явленія нормальными, имѣющими что-нибудь общее съ принципомъ нравственности, или, напротивъ, правильнѣе отнестись къ нимъ,

какъ къ безнравственнымъ и возмущающимъ честное человѣческое сердце". *).

Такимъ образомъ мы не раздѣляемъ того крайняго мнѣнія, будто Щедринъ, какъ писатель, есть главный представитель и, такъ сказать, вождь ложной политическо-соціальной литературы, который, избравъ своимъ орудіемъ сатиру, придалъ ей смыслъ, обратный тому, какой она должна имѣть. Мы не видимъ въ его произведеніяхъ никакой задней цѣли, не входящей въ задачу поэзіи, не видимъ издѣвательствъ надъ вѣрой въ нравственный законъ, не видимъ и отрицанія послѣдняго. Источникъ всѣхъ подобныхъ, хотя и благонамѣренныхъ опасеній, кроется, какъ намъ кажется, въ узкомъ пониманіи свойствъ самой сатиры, которая бываетъ плодомъ наблюдательности, особеннаго склада ума и природной веселости духа. У сатириковъ всѣхъ народовъ мы замѣчаемъ преобладаніе разсудка надъ фантазіей; поэзія сатиры въ томъ и состоитъ, чтобы разсыпаться лучами остроумія, сверкать фейерверочнымъ огнемъ шутки и насмѣшки.

По нашему мнѣнію, если и можно въ чемъ упрекнуть Щедрина, такъ развѣ въ излишнихъ краскахъ, которыя дѣлаютъ сатиру Щедрина обоюдуострымъ оружіемъ. Приводя нѣкоторыхъ читателей къ самымъ безотраднымъ, мрачнымъ выводамъ, многія изъ его сатиръ могутъ скорѣе ожесточать, раздражать и вооружать ихъ противъ всего и всѣхъ, чѣмъ исправлять нравы, поддерживать и оживлять вѣру въ вѣчные, разумные нравственные законы. Отъ сатирика прежде всего и больше всего требуется, чтобы онъ не столько каралъ общественное зло острымъ ножемъ гнѣва, доведеннаго до крайности, сколько укалывалъ бы его тонкимъ остріемъ ироніи и чѣмъ тоньше это остріе, тѣмъ, по нашему мнѣнію, художественнѣе сатира. Сдержанность, умѣренность, хотя и улыбающаяся, учтивость—вотъ чѣмъ велики и поучительны были Гораціи и Ювеналы, рисуя людскія страсти и ихъ смѣшныя стороны безъ преувеличенія и уменьшенія, а съ поразительною вѣрностію.

---

* Включено по прочтеніи лекцій изъ „Писемъ къ тетенькѣ", Отеч. Зап., апрѣль 1882 г.

РѢШЕТНИКОВЪ.

Отсутствіе художественнаго таланта въ произведеніяхъ Рѣшетникова.—Характеръ и значеніе его произведеній.—Типы Рѣшетникова: Палагея Горюнова („Гдѣ лучше?")—искательница счастія.—Почтальонъ Макся, мало-по-малу дѣлающійся пьяницей.—Бытъ восточныхъ инородцевъ въ „Подлиповцахъ".—Гаврила Иплинъ—предобрый, работящій и услужливый мужикъ.—Кузьминъ („Между людьми"), его воспитаніе и судьба.

Въ своемъ вступленіи мы указывали, что новое поколѣніе нашихъ беллетристовъ-писателей выступило на литературное поприще въ самомъ началѣ и на протяженіи 60-хъ годовъ. Въ нашу литературу, какъ говорили въ то время, вторгся *разночинецъ*. Явилась цѣлая генерація писателей, имѣющихъ свою окраску. Появленіе этого особаго персонала литературныхъ силъ указывало на признаки новаго движенія въ нашей общественной жизни. Разночинецъ проникъ въ литературу и принесъ съ собою знакомство съ народомъ, показалъ новые пріемы изображенія, выразилъ сердечное участіе къ горькой судьбѣ многомилліонной массы, состоящей изъ крестьянъ, рабочихъ, городскихъ обитателей и разныхъ пролетаріевъ. Бытовые реалисты-писатели сдѣлали свое дѣло. Отличительною чертою пріемовъ каждаго изъ нихъ прежде всего является „трезвая правда"; послѣ нихъ нельзя уже выступать на литературное поприще съ поверхностнымъ знаніемъ жизни разныхъ слоевъ нашего общества. Такимъ вкладомъ въ нашу литературу писатели реальнаго направленія, при всей односторонности послѣдняго, навсегда застраховали ее отъ какой бы то ни было фальши въ изображеніи русской дѣйствительности.

Рѣшетниковъ обыкновенно ставится во главѣ писателей, не признающихъ искусства и художественности въ литературѣ. Да онъ и самъ не считалъ себя писателемъ-художникомъ. Не смотря на это, Рѣшетниковъ, будучи явленіемъ совершенно новымъ въ нашей литературѣ, мо-

---

Разборъ сочиненій Рѣшетникова смотр. въ „Отеч. Зап." критич. статьи Скабичевскаго; въ „Рус. Вѣстн." 1873 г. кн. 5; „Вѣстн. Европы" 1869 г. декабрь, крит. ст. Утина.

жетъ быть названъ своеобразнымъ представителемъ, въ которомъ художественное мастерство замѣнялось необычайной искренностью, голой, неподкрашенной правдой и массой жизненныхъ фактовъ, производящихъ, въ концѣ концовъ, неотразимое впечатлѣніе.

Много и долго спорила наша критика относительно того, можетъ ли имѣть гражданскія права въ литературѣ такъ называемое антихудожественное направленіе, т. е. направленіе, не признающее и не считающее необходимымъ условіемъ литературнаго произведенія особое искусственное построеніе и эстетическія картины, дѣйствующія такъ сильно на читателя. Въ виду этого требованія антихудожественной школы пришлось бы совсѣмъ устранить фантазію, впасть въ сухость, иногда въ безцвѣтность. Тогда пришлось бы, какъ справедливо замѣчаетъ Гончаровъ, вмѣсто живыхъ образовъ писать силуэты, иногда вовсе отказаться отъ поэзіи, и все во имя мнимой правды. Но вѣдь фантазія, а съ нею и поэзія, даны природой человѣку и входятъ въ его натуру и въ жизнь: будетъ ли правдиво и реально миновать ихъ? *) Поэзія, какъ искусство, имѣетъ свои цѣли. Ученый, открывъ извѣстную истину, сдѣлалъ свое дѣло. Не то требуется отъ поэта-художника. Онъ долженъ изобразить не только правду жизни, но заставить читателей почувствовать, проникнуться идеей; любовью или ненавистью должно забиться его сердце. Между тѣмъ герои Рѣшетникова, какъ и другихъ писателей-реалистовъ, не смотря на всю ихъ естественность, обрисовываются довольно блѣдно. Вмѣсто того, чтобы обращать главное вниманіе на болѣе характерные и рѣшительные моменты ихъ жизни, Рѣшетниковъ ставитъ на одну ногу какъ главные драматическіе моменты, такъ и частности. Въ чемъ же послѣ этого заключается значеніе произведеній Рѣшетникова, какъ равно и другихъ писателей-реальнаго направленія? Дѣло въ томъ, что Рѣшетниковъ, наблюдая простую, обыденную жизнь такъ, какъ она течетъ вокругъ насъ, хотя и не украшалъ ея художественными картинами, однако пытался проникнуть въ сокровенныя пружины человѣческой души. Онъ умѣлъ подъ грубою сермягою чувствовать біеніе человѣческаго сердца, умѣлъ радоваться и горевать заодно съ простымъ человѣкомъ. Основная мысль всѣхъ произведеній Рѣшетникова заключается въ изображеніи стремленій человѣка устроить свою жизнь по возможности получше, посчастли-

---

*) „Лучше поздно, чѣмъ никогда“ Гончарова, въ „Рус. Рѣчи“ 1879 г. кн. 6.

вѣе. Въ силу этого герои его обнаруживаютъ въ достиженіи своихъ цѣлей столько желѣзной воли, столько энергіи, что являютъ образцы сильныхъ, богатыхъ натуръ. И какое разнообразіе мы видимъ въ содержаніи произведеній Рѣшетникова! То онъ знакомитъ съ простыми людьми изъ пермскихъ трущобъ, то ведетъ насъ въ петербургскіе подвалы, то на горные заводы, то къ рабочимъ на желѣзной дорогѣ. Всѣ эти монографіи отдѣльныхъ характеровъ можно было бы озаглавить однимъ общимъ именемъ „забитыхъ людей". Рѣшетниковъ въ своихъ произведеніяхъ собралъ драгоцѣнный матеріалъ, какого русская литература еще не видала. Этотъ матеріалъ послужилъ основаніемъ для послѣдующихъ за Рѣшетниковымъ бытописателей русской деревни и крестьянства.

ПАЛАГЕЯ ПРОХОРОВНА ГОРЮНОВА.

(„Гдѣ лучше?").

Остановимся сначала на произведеніи Рѣшетникова „Гдѣ лучше?" Главной героиней здѣсь является просто заурядная работница, какихъ повсюду видимъ тысячи. Имя этой работницы Палагея Прохоровна Горюнова. Она только и думаетъ о томъ, какъ бы найти трудъ, какъ бы сдѣлать жизнь хоть сколько-нибудь попріятнѣе. Обладая большою энергіею и чрезвычайно возвышенными чувствами, Горюнова отправляется искать по свѣту, гдѣ лучше, вмѣстѣ съ любимымъ человѣкомъ—Короваевымъ, который, однако, вдругъ объявилъ, что онъ хочетъ одинъ отправиться и поискать счастія на чужой сторонѣ. Нѣжная и не смотря на свою наружную грубость, въ то же время, гордая, Горюнова не разъ слыхала отъ Короваева, что онъ не прочь на ней жениться, а между тѣмъ разстается съ ней и, Богъ вѣсть, насколько времени. На прощаньѣ она подала ему руку и только въ силахъ была одно сказать: „Ты развѣ ужъ совсѣмъ?" Гордость Горюновой не позволяла выказать предъ Короваевымъ это горе, хотя ей было грустно, можетъ быть, даже грустнѣе отъ того, что она стыдилась выплакать предъ нимъ свое горе. Съ такимъ сильнымъ, гордымъ и энергичнымъ характеромъ мы видимъ Горюнову и во всѣхъ остальныхъ частяхъ произведенія „Гдѣ лучше"?, пока она ищетъ этого „лучше", хотя и не находитъ.

Такъ мы видимъ Палагею Горюнову на соляныхъ варницахъ, гдѣ она поселилась съ двумя братьями Григоріемъ и Панфиломъ, да еще съ мастеровымъ однофамильцемъ Горюновымъ. Много горя пришлось Палагеѣ пере-

нести на этихъ заводахъ. Много и долго надъ ней издѣвались, подозрѣвая то въ томъ, то въ другомъ; не разъ рабочіе доводили ее до слезъ. Палагея долго выдерживала себя, объясняя обидчикамъ: „Мало вы меня знаете, безсовѣстные вы этакіе!“ И дѣйствительно, тѣ, которые ближе сходились съ Горюновой, уважали, даже любили ее. За то обидчиковъ и притѣснителей у ней было такъ много, что она не разъ сбиралась бросить житье на заводѣ, да вотъ бѣда: ее задерживалъ Короваевъ, котораго она поджидала къ себѣ на заводъ или самого, или хоть вѣсточку отъ него. Выносливость и терпѣніе Палагеи были поразительны. Она никогда не бросила бы, кажется, варницъ, если бы до нея не дошелъ слухъ, что Короваевъ работаетъ на желѣзной дорогѣ. Палагея сколотила деньженокъ на дорогу и отправилась на поиски Короваева. Она добралась уже до Нижняго, гдѣ, однако, отсовѣтовали поступать въ работницы на желѣзную дорогу, почему она рѣшилась добраться до Питера. На пути кого ни спрашивала Палагея: „Куда идетъ этотъ народъ?“ отъ всѣхъ получала одинъ отвѣтъ: „Туда, гдѣ лучше!“ Поселилась Горюнова въ Питерѣ сначала кухаркой у одной кухмистерши-чиновницы; нанималась потомъ туда-сюда, но не нападала на хорошихъ хозяевъ, а главное на такихъ, которые съумѣли бы понять ее и оцѣнить прекрасныя свойства ея характера. Чѣмъ дольше она жила въ Питерѣ, тѣмъ больше убѣждалась, что жизнь здѣсь еще хуже, чѣмъ на варницахъ. Вернуться бы ей назадъ домой, но, видно, гордость мѣшала. Палагея до того измѣнилась и похудѣла, что ее едва могъ узнать братъ ея Панфилъ, съ которымъ она встрѣтилась въ Петербургѣ. Братъ оказалъ ей и матеріальную и нравственную поддержку и спасъ ее отъ нищеты съ ея спутниками—голодомъ и холодомъ. Точно на бѣду, не успѣла она и пожить съ братомъ, какъ онъ заболѣлъ и померъ. Опустили въ могилу гробъ Панфила, и гробъ этотъ шлепнулъ въ воду. „Вотъ, братъ, тебѣ и спокой. Ищи, братъ, гдѣ лучше! И жизнь-то худая человѣку на землѣ, а и умрешь-то, такъ въ воду попадешь.... А вѣдь тоже искалъ, гдѣ лучше“. Недолго прожила Палагея послѣ смерти брата. Да и что была за жизнь ея! Здоровье отъ непосильнаго труда было уже надломлено. Поздно ей хотѣла улыбнуться жизнь, поздно полюбила она Петрова. Силы ея надорваны, смерть стояла у порога и не заставила себя долго ждать. „Петровъ, горячо полюбившій Палагею, стоялъ предъ ея трупомъ, а въ головѣ его вертѣлась

мысль: „Все, значитъ, кончено! ищи, голубушка, гдѣ лучше.... Охъ ты, жизнь проклятая!“ И онъ заплакалъ.

Произведеніе „Гдѣ лучше?“, какъ видите, представляетъ изъ себя образчикъ самаго реальнѣйшаго изъ реальныхъ романовъ. Общая тенденція въ этомъ романѣ —возбужденіе сочувствія къ нашимъ меньшимъ братьямъ —не только невинна, но и вполнѣ симпатична. Но бѣда только въ томъ, что для воплощенія этой сентенціи Рѣшетниковъ опустилъ изъ виду самое элементарное требованіе отъ литературнаго произведенія, именно, что оно прежде всего должно поражать жизненной правдой. Между тѣмъ у Рѣшетникова судьба Палагеи представляетъ изъ себя цѣпь, состоящую изъ самыхъ черныхъ колецъ. Писатель ужъ слишкомъ много горя нанизалъ на ея шею. Мы совершенно понимаемъ его задачу—представить въ лицѣ Палагеи типъ сдержанной, сосредоточенной, энергичной, вообще самой симпатичной женщины изъ простого званія. Но сочиненность этого типа и фальшь ослабляютъ то впечатлѣніе, которое Палагея могла бы произвести на насъ при другихъ литературныхъ условіяхъ и пріемахъ.

Почтальонъ Макся.

Въ числѣ типовъ Рѣшетникова есть рѣдко встрѣчающійся въ нашей литературѣ типъ человѣка, мало-помалу падающаго нравственно и дѣлающагося самой жалкой жертвой, довольно распространенной въ обществѣ страсти къ пьянству. Пьянство является коварною змѣею, которая тихо подползаетъ и незамѣтно впивается въ природу человѣка. Пьяница, какъ извѣстно, не вдругъ опускается, дѣлается пьяницей. Сначала онъ смотритъ на водку, какъ на развлеченіе въ веселой кампаніи. Случись, однако, въ жизни такого человѣка, неудача, несчастіе, водка является тогда уже какъ бы всеисцѣляющимъ лѣкарствомъ, въ которомъ горе топится. Предъ нами герой Рѣшетникова, почтальонъ изъ семинаристовъ, Макся, который служилъ сначала разносчикомъ писемъ по городу. Будучи расторопнымъ и усерднымъ парнемъ, Макся заслужилъ расположеніе отъ почтмейстера, который хотѣлъ было сдѣлать его даже начальникомъ станціи, но, по проискамъ своихъ товарищей и особенно старшаго почтальона, Макся разжалованъ былъ въ разъѣздные съ почтой. Макся безпрекословно и даже охотно принялъ новое назначеніе по службѣ; онъ не вѣрилъ даже почтальонамъ, что съ почтой ѣздить хорошо разъ пять, де-

сять, и то въ хорошее время; но, проѣздивши разъ 20-ть, надоѣстъ такъ, что ничему не будешь радъ. Предсказаніе почтальоновъ оправдалось. Ѣзда опротивѣла Максѣ съ седьмого раза; опротивѣли ему ухабы, чемоданы, морозы, вѣтры и многое, многое опротивѣло. Ямщики очень часто жаловались Максѣ на свое житье-бытье. Жалко ихъ стало и онъ полюбилъ ихъ до того, что часто началъ угощать ихъ водкой, а тѣ упрашивали выпить, угощая его. Макся скоро запримѣтилъ всѣ села и деревни съ кабаками по дорогѣ, гдѣ приходилось проѣзжать почтѣ. Макся пилъ спачала такъ—въ угожденіе, изъ любезности къ ямщикамъ, потомъ увидѣлъ, что водка согрѣваетъ въ холодное время. Дѣло мало-по-малу дошло до того, что каждый ямщикъ считалъ обязанностію остановиться съ Максей около каждаго кабака на дорогѣ. Прошло пять мѣсяцевъ. Макся началъ пріѣзжать пьяный въ губернскую контору. А одинъ разъ и саблю потерялъ дорогой. Почтмейстеръ узналъ, что Макся пьянствуетъ, и рѣшилъ гонять Максю постоянно, безъ отдыху, съ почтой. Макся сдѣлался отчаяннымъ пьяницей, никуда негоднымъ почтальономъ.

Какой докторъ-физіологъ отвѣтитъ и опредѣлитъ намъ, когда, съ какого именно момента, водка перестала быть для Макси простымъ развлеченіемъ въ компаніи, а сдѣлалась уже настоятельною потребностію организма; кто изъ докторовъ можетъ разъяснить намъ постепенное развитіе этой несчастной страсти? Между тѣмъ Рѣшетниковъ, раскрывая предъ нами характеръ Макси и условія его жизни, достаточно разрѣшаетъ эти не поддающіеся даже наукѣ вопросы.

ГАВРИЛА ПИЛИНЪ.

(Въ „**Подлиповцахъ**“.)

Въ своихъ „Подлиповцахъ“ Рѣшетниковъ рисуетъ бытъ восточныхъ нашихъ инородцевъ. Эти люди стоятъ на степени неизмѣримо низшей, чѣмъ простые русскіе мужики. У нихъ еще до сихъ поръ сохраняется фатализмъ въ самой грубой формѣ; они молятся чучеламъ, молятся солнцу, молятся лунѣ, „и дождь, и молнія, и снѣгъ—все Богъ для нихъ“. Пріѣзжаетъ къ этимъ людямъ священникъ „толковать о Богѣ“, а они и понять ничего не могутъ, но образа имѣютъ, хотя и прячутъ ихъ подъ лавку и вынимаютъ ихъ только тогда, когда наѣзжаетъ священникъ. Изъ боязни предъ нимъ крестятся, изъ боязни вѣнчаются, изъ боязни возятъ къ священнику покойниковъ.

Подлиповцы болѣе звѣроловы, чѣмъ земледѣльцы; они и не подозрѣваютъ о существованіи міра дальше деревни: имъ и на мысль не приходитъ, что они живутъ въ огромномъ, благоустроенномъ государствѣ.

И вотъ въ этихъ-то звѣроподобныхъ дикаряхъ Рѣшетниковъ умѣлъ уловить и схватить человѣческія чувства и стремленія, которыя руководятъ ихъ въ жизни. Этого мало. Писатель подмѣтилъ въ отношеніяхъ между этими Подлиповцами такія черты, которыя не всегда можно найти и въ образованномъ обществѣ.

Гаврила Гавриловичъ Пилинъ, поподлиповски „Пила", былъ человѣкъ предобрый и работящій. Проникнутый убѣжденіемъ, что безъ труда съ голоду насидишься, Пилинъ всячески старается подыскать себѣ работу. То онъ стрѣляетъ дичь и сбываетъ ее въ городъ, то соберетъ у подлиповцевъ надѣланныя кадки, кузовки и лапти, свезетъ и продастъ ихъ въ городѣ. Онъ не только самъ работалъ, но и сосѣдей подталкивалъ къ дѣятельности. „Смотри, траву надо косить", кричитъ онъ сосѣду, и подлиповцы, по голосу Пилы, идутъ въ луга. Еще симпатичнѣе былъ Пила тогда, когда нужна была помощь сосѣдямъ. Онъ и больныхъ лѣчилъ травами, хотя и самъ не понималъ ровно ничего въ этихъ травахъ; онъ ѣздилъ за больныхъ сосѣдей въ городъ продавать сдѣланныя ими ведра; словомъ Пила помогалъ подлиповцамъ, чѣмъ только могъ. И любили же его Подлиповцы! Каждый шелъ къ нему, какъ къ учителю, просить совѣта, каждый шелъ къ нему, какъ къ родному, подѣлиться радостію и горемъ.

КУЗЬМИНЪ.

(Въ очеркѣ „**Между людьми**".).

Нѣкоторые изъ типовъ Рѣшетникова представляютъ довольно полную и вѣрную картину духовнаго развитія человѣка съ самаго дѣтства его подъ вліяніемъ окружающей среды. Рѣшетниковъ нерѣдко показывалъ, какъ къ юному, невинному и нелишенному хорошихъ качествъ ребенку постепенно, точно вмѣстѣ съ воздухомъ, которымъ онъ дышитъ, прилипаетъ все грязное, порочное. Часто мы видимъ, особенно въ среднемъ и низшемъ сословіи, какъ мало заботятся о развитіи добрыхъ наклонностей въ ребенкѣ и поселяютъ только одно дурное. Дѣти, которыя живутъ посреди грязи и разврата, большею частію самыя несчастныя дѣти; заброшенныя, одинокія, они рано черствѣютъ и ожесточаются; они рано познаютъ зло и, не видя добра, преждевременно нравственно падаютъ.

Кузьминъ, въ очеркѣ Рѣшетникова „Между людьми", представляетъ полную характеристику личности, окруженной тупостію и неумѣньемъ понимать духовную природу ребенка и воспитывать его. Кузьминъ росъ сиротой у дяди почтальона. Не видѣлъ онъ во всю жизнь искреннихъ ласкъ, за то постоянно слышалъ отъ своего невѣжественнаго дяди слова: „подлецъ", „чертенокъ", „негодяй"; часто, бывало, дядя звѣрски билъ ребенка за невинныя его иногда шалости, свойственныя возрасту всякаго ребенка. Тѣлесныя наказанія въ низшемъ и даже среднемъ сословіи у насъ еще и до сихъ поръ вѣдь практикуются и считаются чуть-чуть не единственными исправительными средствами. Всѣ заботы дяди и тетки въ отношеніи къ Кузьмину направлены были къ тому, чтобы воспитать въ ребенкѣ послушаніе. Маленькій Кузьминъ не поддавался. Онъ озлоблялся, озорничалъ и точно нарочно дѣлалъ то, что запрещають. „Напримѣръ, бывало, придетъ какой-нибудь нищій къ намъ", вспоминаетъ Кузьминъ, „я и говорю ему: дома нѣту". А самъ думаю: „вотъ и ничего не далъ". „Маменька (такъ Кузьминъ звалъ свою тетку) велѣла подавать грошики, а я не подамъ тебѣ, себѣ возьму". Кузьминъ, постоянно раздражаемый и только раздражаемый дядей и теткой, сначала сердился, капризничалъ, упрямился, а потомъ видя, что его всѣ бьютъ и обижаютъ, часто даже напрасно, съ каждымъ днемъ становился все злѣе и упрямѣе. Поставятъ его, напримѣръ, на колѣни, онъ готовъ простоять цѣлыя сутки, но попросить прощенія, сломить свою волю предъ волей другихъ, онъ этого почти никогда не позволялъ себѣ. Лишать Кузьмина обѣда, онъ и этимъ не смиряется, а скорѣе, если приведется, стащитъ кусокъ хлѣба. „Лишь только отдерутъ меня", разсказываетъ Кузьминъ, „я сажусь куда-нибудь въ уголъ и думаю: чтобы мнѣ такое сдѣлать, да такъ, чтобы не узналъ никто." Съ каждымъ днемъ положеніе Кузьмина становилось тяжелѣе. Онъ и самъ чувствовалъ и товарищи говорили ему, что онъ терпитъ много, и что ему нечего бояться тетки, вѣдь она не родная мать. Кузьминъ сталъ размышлять въ тяжелыя минуты: „А зачѣмъ я боюсь ихъ? Ну и не стану бояться". И не сталъ бояться; тетка ставитъ его на колѣни, а онъ и не думаетъ встать.

Вотъ дядя началъ учить Кузьмина грамотѣ. Ученье давалось плохо. Подзоветъ его, бывало, дядя къ столу, заставитъ читать и такъ строго, „что я", говоритъ Кузьминъ, „боюсь его и молчу. Онъ крикнетъ на меня: ну!

Я задрожу. Онъ ударитъ меня, я въ слезы; онъ хуже: привяжетъ меня къ столу и уйдетъ". Какъ только дядя уйдетъ, Кузьминъ начнетъ ковырять указкой буквы, вырывать листки изъ азбуки. Дядя выспится и спрашиваетъ:

„— Выучилъ?

Я молчу.

— Что же ты?

Я смотрю на него, надуваю губы и со злостью смотрю въ уголъ.

— Такъ-то ты?!—Онъ схватитъ ремень и начнетъ меня драть. Я возьму да и укушу ему руку."

На двѣнадцатомъ году мальчика отдали въ уѣздное училище, гдѣ онъ пробылъ четыре года, хотя и ничему не выучился. Ни въ классѣ, ни дома Кузьминъ ничего не дѣлалъ. За то онъ старался выслуживаться предъ учителями. Такъ какъ онъ жилъ у дяди на почтѣ, то и приносилъ учителямъ письма, разныя посылки и газеты. А если случалось, что учитель больно наказывалъ Кузьмина, то онъ, разсердившись на него, рвалъ адресованныя на его имя письма, или сначала распечатывалъ и читалъ ихъ товарищамъ.

Такъ какъ Кузьмину запрещалось дома читать книги, то онъ выдумалъ средство и этому горю помочь. Газеты и журналы разносили съ почты по городу сторожа, изъ коихъ большая часть была неграмотныхъ. Когда приходила почта, то Кузьминъ всячески старался угодить очередному сторожу чѣмъ-нибудь для того, чтобы тотъ попросилъ его сдѣлать подборку журналовъ и газетъ по городу. Если при этой подборкѣ не удавалось стянуть, то онъ подкараулвалъ, когда сторожъ клалъ на мѣсто сумку съ книгами и газетами—уже потомъ какъ-нибудь кралъ изъ нея. По этой причинѣ почти каждый разъ кто-нибудь изъ сторожей, возвращаясь на почту, удивлялся, куда дѣвался подобранный тому или другому лицу журналъ или газета. „Ну, потерялъ, выходитъ", смѣются почтальоны. На слѣдующій день повторялась таже исторія. Мало того Письма и пакеты разбрасывались по столамъ небрежно. Кузьмину нравились красивые конверты и онъ кралъ ихъ. Наконецъ продѣлки его были разоблачены Кузьмина, конечно, выгнали изъ училища и отдали подъ судъ.

Рѣшетниковъ, нарисовавши душевное состояніе Кузьмина, заставляетъ насъ рѣшить слѣдующіе педагогическіе вопросы: Какъ и отчего являются Кузьмины? Природа ли ихъ виновата, или воспитаніе? Отчего даже уроки

въ школѣ и уроки въ жизни не выправляютъ Кузьминыхъ? Отвѣты на эти вопросы лежатъ въ свойствахъ нашей природы. Въ каждомъ человѣкѣ есть сознаніе своихъ достоинствъ, уваженіе къ своей личности, стремленіе къ независимости, хотя и въ предѣлахъ той дѣятельности и труда, который онъ несетъ. Всякое грубое обращеніе съ этими благороднѣйшими и нѣжнѣйшими свойствами нашей природы, попраніе даже одной изъ этой святыни нашего духовнаго міра сопровождается незамѣтнымъ огрубѣніемъ человѣка, оскорбленіемъ всего его существа и неизбѣжно вызываетъ со стороны оскорбленнаго протестъ въ той или другой формѣ, смотря по его возрасту и развитію. Этотъ протестъ противъ стѣсненія и удовлетворенія самыхъ естественныхъ потребностей природы въ Кузьминѣ выразился, какъ мы видѣли, сначала упрямствомъ, озлобленіемъ, кусаньемъ руки дяди и наконецъ цѣлымъ рядомъ воровскихъ продѣлокъ, которыя сдѣлали изъ него воришку. Въ ребенкѣ даже самое-то упрямство есть уже признакъ силы его натуры, стойкости и стремленія къ независимости. Но какъ бы то ни было, а Кузьминъ, очевидно, погибшій человѣкъ; дорога ему лежитъ, вѣроятно, въ острогъ, или на каторгу.

ПОМЯЛОВСКІЙ.

Содержаніе и характеръ произведеній Помяловскаго, объясняемый его образованіемъ и воспитаніемъ.—Бурсацкіе типы: Молотовъ—пробивающійся въ люди изъ плебеевъ.—Пьяный Череванинъ—мечтающій о себѣ, какъ „о честномъ человѣкѣ".—Леночка—„кисейная барышня".

Помяловскій, какъ писатель, представляетъ изъ себя нѣчто особенное, своеобразное въ нашей литературѣ. Прежде всего насъ поражаетъ то обстоятельство, что онъ, бѣдный семинаристъ съ Охты, ничего почти не видавшій, кромѣ своей бурсы, въ какіе-нибудь 5 лѣтъ проявилъ настоящія творческія силы. Ему не суждено было долго жить; онъ умеръ 29 лѣтъ отъ роду. Имя Помяловскаго стало извѣстно въ нашей литературѣ со времени появленія его „Очерковъ бурсы". Незнакомый съ жизнію и ея условіями и не имѣя поэтому матеріала для удовлетворенія своихъ пробуждающихся силъ, Помяловскій припалъ къ знакомому ему источнику, точно африканскій пустынникъ, напавшій на холодный ключъ. Онъ замышлялъ приэтомъ многое, даже очень многое; онъ, какъ томимый сильною жаждою, хотѣлъ выпить весь источникъ и надѣялся написать 20 очерковъ изъ бурсацкой жизни. И посмотрите, какими чувствами онъ проникнутъ къ этой бурсѣ, скорѣе къ своей мачихѣ, чѣмъ матери, къ той бурсѣ, отъ которой съ преобразованіемъ духовно-учебныхъ заведеній, совершеннымъ лѣтъ пятнадцать назадъ, остались только одни кирпичи да щебень. На ряду съ ненавистью къ своей погубительницѣ-бурсѣ, Помяловскій съумѣлъ подъ покровомъ грязи и цинизма найти въ ней и выразить свое нѣжное, почтительное чувство. Страшно и больно заглянуть въ бурсу „въ этотъ мертвый домъ", какъ называлъ Писаревъ, въ эту могилу, въ которую живыми, когда-то, закапывали молодыя русскія силы. Да, бурса была именно могилой! Остановимся прежде всего на главныхъ педагогическихъ принципахъ этой бурсы. Вся суть ученія въ ней заключалась въ долбнѣ, въ долбнѣ ужасной и мертвящей. Пропустить букву, переставить

---

*) Разборъ сочиненій Помяловскаго смотр. въ „Отеч. Запискахъ", 1865 г. № 4, 5 и 6, и „Современникѣ", 1864 г. кн. 11 и 12.

слова въ урокѣ здѣсь считалось преступленіемъ. Ученики, сидя надъ книгою, повторяли безъ конца и безъ смысла: „стыдъ и срамъ, стыдъ и срамъ, стыдъ и срамъ.... потомъ, потомъ.... постигли, стигли, стигли.... стыдъ и срамъ потомъ постигли....“ Такая египетская работа продолжалась до тѣхъ поръ, пока навѣки нерушимо не запечатлѣвался въ головѣ ученика „стыдъ и срамъ“. Сильно мучился воспитанникъ во время урока, такъ что ученье здѣсь являлось физическимъ страданіемъ, которое и выразилось въ пѣснѣ бурсаковъ:

Коль блаженны тѣ народы,
Коихъ крѣпкія природы
Не знали нашихъ мукъ,
Не вѣдали наукъ.

Да и какъ было не мучиться, не долбить, не зубрить, когда учителя ничего не объясняли. Придетъ, бывало, въ классъ учитель, спроситъ пять-шесть учениковъ, накажетъ кого слѣдуетъ, задремлетъ, а потомъ и заснетъ, легонько всхрапывая. Проснувшись, онъ отмѣтитъ потомъ въ книжкѣ „съ энтихъ до энтихъ“. Другимъ принципомъ педагогическимъ былъ страхъ, который слѣдовало воспитывать въ учащихся, а страхъ этотъ внушался тяжкими физическими наказаніями. Священнѣйшая обязанность почти каждаго учителя состояла въ томъ, чтобы въ продолженіе курса пересѣчь всѣхъ учениковъ—и правыхъ, и виноватыхъ, прилежныхъ и лѣнивыхъ. Въ силу такого принципа учители старались даже подыскивать поводъ, придраться къ чему-нибудь. Никакихъ другихъ пріемовъ бурсацкая педагогика не знала. Слѣдствія такого порядка вещей понятны. Въ ученикахъ убивалось все живое, доброе, честное, человѣческое. Бурса опредѣляла весь дальнѣйшій характеръ воспитанника. Посмотрите, напримѣръ, на этого юношу Карася (такъ товарищи прозвали одного изъ учениковъ), получившаго гуманное и честное домашнее воспитаніе и имѣвшаго богатыя природныя дарованія! Что сдѣлала изъ него бурса? По отношенію къ начальству онъ сдѣлался полнѣйшимъ, закаленнымъ бурсакомъ. Главное начало товарищества, протестъ противъ учителей и начальства— этихъ обидчиковъ и погубителей, укоренился въ Карасѣ болѣе, чѣмъ въ какомъ-нибудь другомъ. Довѣренность къ начальству въ немъ была убита сразу и навсегда. Это выражалось, между прочимъ, и въ томъ, что онъ не могъ прямо смотрѣть начальнику въ глаза, а всегда изъ подлобья; никогда не говорилъ естественнымъ голосомъ, а

заунывнымъ и фальшивымъ, гробовымъ и нижне-тоннымъ. Карась положительно сознавалъ, что онъ ненавидитъ бурсу, ея воспитателей, ея законы, учебники, щи и кашу—и въ то же время долженъ покаряться начальству, улыбаться предъ нимъ, кланяться, а иногда и льстить. Вся духовная природа бурсаковъ искалѣчивалась. Бурса представляла изъ себя мѣсто, полное смрада, физической и нравственной нечистоты. Рисуя, однако, по произведеніямъ Помяловскаго такую страшную картину прежней духовной школы, этихъ разсадниковъ просвѣщенія, не нужно забывать, что это было время насильственнаго образованія, когда все русское общество еще не было проникнуто сознаніемъ пользы просвѣщенія и его неизбѣжности. Не только въ бурсѣ, которая такъ полно и обстоятельно описана Помяловскимъ, но въ тогдашнее время и въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ были порядки и педагогическіе принципы немного выше, да едва ли и выше принциповъ бурсы.

Хотя „Очерки бурсы" и сдѣлали Помяловскаго извѣстнымъ нашему обществу, однако литературное значеніе, его доля въ поэтическомъ изображеніи русской жизни основывается на его главныхъ повѣстяхъ: „Мѣщанское счастье" и „Молотовъ". Въ обоихъ этихъ произведеніяхъ существенную роль играетъ одно и то же лицо—Молотовъ. Бурса и соединенное съ нею полное незнаніе дѣйствительной жизни наложило свою печать на всѣ произведенія Помяловскаго. Будучи знакомъ съ настроеніемъ и стремленіями нашего общества только по книжкамъ, Помяловскій схватился за обработку и видоизмѣненіе такого типа, который давно трепался нашими писателями и варіировался на разные лады. Типъ этотъ —„герой нашего времени" Лермонтова. Помяловскій въ силу новыхъ требованій жизни, которыя онъ, я опять повторяю, зналъ по книжкамъ, задался цѣлію передѣлать Печорина изъ человѣка фразы въ человѣка дѣла. Онъ, забиваемый и нравственно и физически въ бурсѣ, по выходѣ изъ нея, по опыту зналъ, что ничего не стоятъ тѣ люди, которые позволяютъ заѣсть себя средѣ, хотя бы и самой немилосердной и развращающей природу человѣка. Зная лучше всего въ мірѣ свою бурсу и желая быть искреннимъ писателемъ, Помяловскій всѣ свои типы началъ выкраивать и обработывать по образу и подобію тѣхъ бурсаковъ, которыхъ онъ зналъ въ семинаріи. Онъ подмѣчалъ и зналъ основныя черты характера своихъ товарищей, ихъ вкусы, стремленія, нравы, которые, какъ

извѣстно, болѣе или менѣе отражаются потомъ и въ жизни по выходѣ воспитанника изъ той или другой школы. Ни общественное положеніе, ни среда, въ которой потомъ придется дѣйствовать бурсаку, не могутъ совсѣмъ уничтожить хоть, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ сторонъ ихъ характера. Всѣ выведенныя имъ лица, какъ-то: начальникъ отдѣленія, художникъ, протоколистъ, гарнизонный офицеръ, директоръ департамента—все это взрослые и служащіе уже бурсаки, которыхъ можно [illegible] въ „Очеркахъ“, такъ сказать, еще въ школьныхъ пеленкахъ, если не въ зародышѣ. Такъ, Молотовъ напоминаетъ собою одного изъ „жениховъ бурсы“, Череванинъ—это взрослый и развившійся Карась въ „Очеркахъ“.

Даже внѣшніе литературные пріемы и тѣ объясняются незнакомствомъ Помяловскаго съ жизнію. Вѣдь извѣстно, что гораздо проще и легче описывать, разсказывать объ извѣстномъ лицѣ, когда онъ уже живетъ и дѣйствуетъ, занимая какую-нибудь должность, чѣмъ психологически выяснить пружины, подталкивавшія человѣка на ту или другую служебную дорогу, рисовать, какъ герою приходилось вибираться на эту дорогу, т. е. какія препятствія онъ долженъ былъ встрѣчать и побѣждать. Если по этой причинѣ у Помяловскаго рѣдко изображается самое дѣйствіе, за то сплошь и рядомъ идетъ разсказъ или отъ самого писателя, или отъ другого лица.

МОЛОТОВЪ И ЧЕРЕВАНИНЪ.

Герой повѣсти „Молотовъ“, по окончаніи курса въ гимназіи и въ университетѣ, почти уже вышелъ въ люди изъ плебеевъ; онъ пристроился въ одномъ аристократическомъ семействѣ, гдѣ онъ заслужилъ любовь и считалъ себя почти членомъ этого семейства. Онъ и забылъ мечтать о томъ, что нужно добиваться до извѣстныхъ почтенныхъ ступеней; ему живется у аристократовъ тепло, хорошо. Но вотъ онъ совершенно случайно подслушиваетъ разговоръ между мужемъ и женой того семейства, гдѣ онъ живетъ, разговоръ, касающійся его личности:

— „Это кладъ достался намъ“, говоритъ мужъ своей женѣ.

— „Признаться, я не совсѣмъ понимаю его“, отвѣчала жена.

— Что же?

— Что ни заставь, все сдѣлаетъ.

— Это умнѣйшій молодой человѣкъ, отвѣтилъ мужъ: я

все думаю, какъ бы приручить его къ нашему гнѣзду. Я бы и за жалованьемъ не постоялъ.

— Ахъ, душенька, повѣрь, онъ самъ радъ, что попалъ въ нашу семью..... сколько разъ онъ объ этомъ говорилъ! Этимъ людямъ кусокъ хлѣба дай, а они, что хочешь, сдѣлаютъ.

— Что дѣлать.... бѣдность! сказалъ со вздохомъ мужъ.

— Нѣтъ, не то, сказала жена: ты согласись, что у нихъ нѣтъ этого *дворянскаго гонору*.... манеръ нѣтъ.

— Что жъ дѣлать! Порода много значитъ.

— Они, я говорю, образованный народъ, продолжаетъ жена:—но все-таки народъ чернорабочій, и все какъ будто подачки ждутъ.

— Что же? можно сдѣлать ему подарокъ какой-нибудь. Онъ стоитъ того.

— Я думаю часы подарить.... "

Аристократическіе супруги по косточкамъ стали разбирать всѣ добродѣтели и странности Молотова. Больше всего возмутило его въ разговорѣ то, что „онъ много ѣстъ". Молотовъ давно чувствовалъ себя въ аристократическомъ семействѣ, что называется „не въ своей тарелкѣ". Онъ былъ самолюбивъ, а ему почти на каждомъ шагу приходилось испытывать уязвленіе этого самолюбія: онъ краснѣлъ и конфузился отъ всякой бездѣлицы; онъ не зналъ этикета. Хоть расположенные къ нему аристократы и не подавали вида, что они замѣчаютъ его ничтожные и вполнѣ извинительные недостатки, однако Молотову отъ этого не легче было. Разговоръ же ихъ, случайно подслушанный, о томъ, что онъ „много ѣстъ", окончательно убѣдилъ Молотова въ мысли, что ворона не туда залетѣла и что ему необходимо выбраться отъ аристократовъ, не смотря на всю ихъ привязанность къ нему. Вотъ тутъ-то и сказалась плебейская натура. Молотовъ никакъ не хотѣлъ подыскать какого-нибудь благовиднаго предлога для того, чтобы какъ слѣдуетъ благовоспитанному человѣку уйти отъ службы у аристократовъ. Нѣтъ. Онъ непремѣнно хотѣлъ отрясти свой прахъ у ногъ этого дома со скандаломъ. Онъ точно желалъ порисоваться и доказать свое плебейство. Такая болѣзненная щепетильность Молотова только и можетъ быть объяснена его полнымъ незнакомствомъ съ жизнію, да сознаніемъ своихъ прекрасныхъ качествъ, каковы—развитая совѣсть, любовь къ труду, да такому труду и энергіи, какія только и могутъ развиться у плебея, потомъ и кровью достигающаго извѣстныхъ цѣлей.

При всемъ умѣ и развитіи Молотова, въ немъ сказывалось что-то эгоистическое, какая-то узкость во взглядахъ на жизнь и ограниченность. По крайней мѣрѣ Помяловскій, видимо, старается указать въ немъ на эти стороны. Сдѣлавшись 33-хъ лѣтъ управляющимъ домомъ на Мойкѣ и архиваріусомъ въ департаментѣ, Молотовъ хоть еще и не женатъ, а однако стремится быть домохозяиномъ, скопидомомъ. Онъ скупаетъ, гдѣ попало, книги, красивые подсвѣчники, ковры, картины, прес-папье, гравюры и проч. предметы искусства. Нельзя сказать, чтобы пріобрѣтеніе этихъ предметовъ вызывалось насущными потребностями его натуры; нѣтъ, оно скорѣе вытекало изъ составленнаго имъ идеала, изъ жажды къ благосостоянію. Намъ кажется, что забота объ убранствѣ комнатъ выше своихъ средствъ, хлопоты по пріобрѣтенію разныхъ бездѣлушекъ и предметовъ роскоши есть черта, съ особенною силою и характеромъ проявляющаяся у всѣхъ сколько-нибудь обезпеченныхъ людей, вышедшихъ изъ плебеевъ. Каждый воспитывавшійся на мѣдные гроши, съ самаго дѣтства больше всего поражался тою лучшею обстановкою, которую ему иногда приходилось, хоть издали, видать въ порядочныхъ домахъ. Выйдя въ люди, онъ прежде всего и самъ хлопочетъ объ этой обстановкѣ, не разбирая часто способовъ и не боясь впасть въ расходы выше своихъ средствъ.

Характеръ семинарскаго образованія даже по настоящее время имѣетъ свои особенности въ сравненіи съ образованіемъ въ гимназіяхъ. Въ обществѣ, незнакомомъ съ строемъ духовно-учебныхъ заведеній, думаютъ, что въ семинаріяхъ только то и дѣлаютъ, что начиняютъ головы воспитанниковъ священнымъ писаніемъ, разными литургиками, гомилетиками и т. п. спеціальными предметами богословскаго характера. Между тѣмъ отличительная черта этого образованія состоитъ въ философскомъ направленіи, которое дается введенными тамъ предметами и которыхъ почти нѣтъ въ курсѣ свѣтскихъ учебныхъ заведеній, каковы напр. обзоръ главныхъ философскихъ системъ, психологія, нравственное и основное богословіе. Все это такія науки, которыя развивая философское умозрѣніе и пробуждая мысль учащихся, болѣе или менѣе уясняютъ вопросы, самые жгучіе для молодыхъ, пытливыхъ умовъ, вопросы о первопричинѣ всего существующаго.

Помяловскій въ лицѣ Череванина искренно и даже художественно съумѣлъ обрисовать складъ мыслей и убѣ-

жденія бурсаковъ, навѣянныя на нихъ семинарской премудростію.

Череванинъ, этотъ художникъ въ душѣ и по профессіи, только что вырвавшійся изъ пьяной кампаніи, предпринимавшей устроить „скандалиссимусъ"—побить перваго встрѣчнаго, заводитъ Молотова въ кабачекъ. Вотъ здѣсь-то Череванинъ съ Молотовымъ и ведутъ бесѣду ни больше, ни меньше какъ о конечныхъ цѣляхъ человѣческаго бытія вообще, о свободѣ воли, о безсмертіи души и прочихъ „матерьяхъ важныхъ".

Молотовъ говоритъ Череванину, что онъ совсѣмъ потерялъ вкусъ въ жизни, на что Череванинъ отвѣчаетъ: „У меня такъ голова устроена, что я во всякомъ словѣ открываю безсодержательность, во всякомъ явленіи—какую-нибудь гадость.... Прежде, бывало, ломался и кричалъ: трудъ, отечество, любовь, свобода.... а теперь ничего не хочу, кромѣ сна, забвенія, обморка.... На свѣтѣ нѣтъ любви, а есть только аппетитъ здороваго человѣка; вмѣсто поэзіи въ жизни мерзость какая-то, скука и тоска неисходная.... Все мнѣ представляется ничтожнымъ до невѣроятности, потому что все на свѣтѣ „скоропреходяще и тлѣнно!" Я никого не люблю, продолжалъ Череванинъ: человѣкъ я честный и въ товариществѣ добрый, но ни къ кому я не привязанъ и никого мнѣ не надо".

Череванинъ сознается, что онъ когда-то дѣлалъ добро людямъ, да только дѣлалъ это не по требованію сердца, а такъ.... скорѣе себя тѣшилъ. „Для кого, зачѣмъ я буду работать? Для будущаго поколѣнія? Вотъ еще діалектическій фокусъ, пунктъ помѣшательства, благодушная дичь!... Вѣдь насъ тогда не будетъ. Благодарно будетъ будущее поколѣніе: но вѣдь мы не услышимъ ихъ благодарности, потому что уши наши будутъ заткнуты землей".

Череванинъ, это дѣтище бурсы, воспиталъ въ себѣ отвращеніе ко всему высокому, гуманному; онъ убилъ въ себѣ добрые порывы и смотритъ на міръ самыми мрачными глазами. Ему, очевидно, нуженъ другой идеалъ, но гдѣ онъ возьметъ его? Его не дадутъ ни умъ его, ни жизнь, которую онъ знаетъ только по книжкамъ. Кто же долженъ былъ бы дать ему этотъ идеалъ? Школа, или семья—вотъ кто!

Такъ какъ кромѣ долбни въ бурсѣ замѣчательно было розвито у учителей и учениковъ схоластическое направленіе, то и оно вполнѣ отразилось на Череванинѣ. Въ чемъ же проявлялась эта схоластика?

Педагоги произошли всевозможную синекдоху и гиперболу, остріемъ священной хріи вскормлены, воспитаны тою философіею, которая учитъ: „всѣ люди смертны, Кай —человѣкъ, слѣдовательно, Кай смертенъ, или, что „всѣ люди безмертны, Кай—человѣкъ, слѣдовательно, Кай безсмертенъ“. Бурсаки упражнялись въ діалектикѣ, разрѣшая такіе, напримѣръ, вопросы: „Можетъ ли діаволъ согрѣшить?“ Что чему предшествуетъ: „вѣра любви, или любовь вѣрѣ?“ и т. п. Окончательно же закалялись ихъ мозги въ диспутахъ, когда они побѣдоносно витійствовали на одну и ту же тему pro и contra, смотря по тому, какъ прикажетъ начальство, при чемъ пускались въ дѣло всѣ сто формъ схоластическихъ предложеній, всѣ роды и виды софизмовъ и паралогизмовъ. Любимыми предметами для споровъ были вопросы: „Что такое сущность? Что такое цѣлое? Спасется ли Сократъ и др. благочестивые философы язычества, или нѣтъ? и бурсакамъ очень хотѣлось, чтобы нѣтъ. Особенно же любили учителя доказывать, что человѣкъ есть существо безсмертное, разумно-свободное и т. д. Все это хотя и рѣдко слышалось въ возраженіяхъ педагоговъ, однако ученикамъ приходилось разрѣшать эти вопросы до боли въ мозгахъ, до одурѣнія. Не даромъ поэтому Молотовъ въ бесѣдахъ съ Череванинымъ удивлялся діалектическому направленію его мыслей.

„Охота тебѣ питаться софизмами! говорилъ Череванину Молотовъ. „Слушай“, замѣчалъ на это Череванинъ: „я дѣйствительно съумѣю, что угодно опровергнуть или доказать.... Діалектика у меня развита. Мой отецъ, который самъ преподавалъ въ бурсѣ риторику и логику, бывало, заставлялъ меня на одну и ту же тему говорить pro и contra.“ Такой характеръ бурсацкаго образованія, безспорно имѣлъ и хорошія стороны. Развивая формальное мышленіе, давая гимнастику для ума, бурсаки выносили изъ школы способность къ довольно смѣлымъ и широкимъ обобщеніямъ, навыкъ къ неумолимой логичности въ сужденіяхъ.

Леночка.

Желая обрисовать типъ Молотова полнѣе, остановимся на его отношеніяхъ къ Леночкѣ, барышнѣ самой обыкновенной, не отличающейся ни силой характера, ни умомъ, ни образованіемъ. Молотовъ давно мечталъ о женитьбѣ. Леночка отдалась всѣмъ своимъ существомъ ему, какъ неглупому и образованному человѣку. Молотовъ отвѣчалъ ей взаимностью. Но они скоро разошлись и

Леночка стала разрѣшать вопросъ: „отчего это насъ любить нельзя?“ Насъ много такихъ дѣвушекъ!“ Помяловскій разъясняетъ причину разрыва между Молотовымъ и Леночкой. Дѣло въ томъ, что для гармоніи взаимныхъ отношеній между людьми, какъ равно для правильныхъ и искреннихъ отношеній между мужемъ и женой, недостаточно однихъ только чувствъ любви, привязанности, дружбы и даже привычки. Гармонія, или родство двухъ существъ, должны основываться на взаимномъ уваженіи другъ друга, а это уваженіе можетъ обусловливаться приблизительно одинаковымъ умственнымъ развитіемъ. Умный и образованный человѣкъ имѣетъ цѣлый рядъ своихъ интересовъ, раздѣлить которые онъ можетъ только съ умной и развитой женой. Очевидно, для образованнаго человѣка, какимъ былъ Молотовъ, Леночка, эта, какъ прежде называли, „кисейная барышня“ при всей своей даже искренней любви не могла нравиться Молотову. Мы такимъ образомъ опять приходимъ къ тому же выводу, къ которому приходили и при разборѣ Елены Тургенева. Основательное образованіе, которое дѣлаетъ женщину развитою личностію, равною мужчинѣ, открываетъ ей не только поле дѣятельности во многихъ сферахъ нашей общественной жизни, но оно, и только оно одно, это основательное образованіе, даетъ ей право на названіе истинной матери семейства и искренняго друга своего мужа.

БЫТОПИСАТЕЛИ РУССКАГО КРЕСТЬЯНСТВА.

Литература, какъ средство, выясняющее народные идеалы.—Воспитательное значеніе идеаловъ для народа.—Фотографическіе снимки случайныхъ сценъ изъ народной жизни, какъ слабая сторона произведеній „бытописателей русскаго крестьянства“.

Многіе изъ нашихъ писателей (Тургеневъ, гр. Толстой, Некрасовъ, Щедринъ), какъ мы видѣли, старались выводить въ своихъ произведеніяхъ простыхъ русскихъ людей, которыхъ еще не касалась цивилизація. Но всѣ эти выводимые типы являлись предъ нами выраженіемъ людей, стоящихъ только на степени стихійнаго существованія, замкнутаго идиллическаго быта или пассивной жизни. И нельзя нашимъ писателямъ поставить на видъ, что они не дали намъ изъ среды крестьянъ типа, который являлся бы воплощеніемъ общественнаго дѣятеля, обнаруживалъ бы въ себѣ индивидуальныя особенности русскаго мужика. А между тѣмъ въ народѣ есть особыя черты и идеалы, отличные отъ интеллигенціи общества. Что эти идеалы прекрасны, хотя и мало извѣстны культурному обществу, въ этомъ и сомнѣваться нельзя. Чтобы понять характеръ простого народа, для этого писателю нужно если не вырости среди его, какъ Кольцову и Никитину, то по крайней мѣрѣ сблизиться съ нимъ. Упраздненіе крѣпостного права, давшее совершенно новое содержаніе русской жизни, земскія учрежденія, городское самоуправленіе, судъ присяжныхъ, всеобщая воинская повинность и стоящая на очереди общесословная волость—все это разрушило нынѣ ту сторону, которая отдѣляла народъ отъ образованныхъ классовъ. Реформы послѣдняго времени не только не игнорируютъ интересовъ народной массы, но ставятъ ихъ на первомъ планѣ. Соотвѣтственно этому

---

*) Разборъ сочиненій: „Слово“ 1878 г. кн. 6; „Вѣст. Европы“ 1869 г. кн. 12, 1882 г., кн. 1; „Мысль“ 1882 г. кн. 1; „Рус. Вѣстникъ“ 1873 г. кн. 5., 1876 г. кн. 2; „Отеч. Записки“ 1868 г. кн. 4., „Дѣло“ 1879 г. критич. стат. Никитина; „Современникъ“ 1866 г. кн. 4; „Русская мысль“ 1882 г. кн. 3.

и мужицкая беллетристика разростается и загромождаетъ всѣ наши періодическія изданія. Любителямъ изящной поэзіи совсѣмъ читать нечего—слышатся часто жалобы. Причина такого интереса нашихъ писателей къ народу и его жизни понятна. Россія, гдѣ $^4/_5$ всего населенія состоитъ изъ крестьянъ, богата и сильна можетъ быть только мужикомъ. Выясняя потребности народной жизни, изучая народныя нужды и тяготы, литература нашего времени, между прочимъ, должна служить орудіемъ того великаго единенія интеллигенціи и народа, которое удесятеритъ силы русскаго духа. Задача народной литературы, въ виду сказаннаго, и должна состоять въ настоящее время въ томъ, чтобы помогать какъ правительству, такъ и обществу уяснять народные идеалы съ его національными особенностями. Вѣдь помимо общечеловѣческихъ свойствъ мужика, которыя сближаютъ его съ образованнымъ обществомъ, у него есть и другія свойства, другой складъ ума и характера. Все это отличаетъ нашего мужика отъ барина, купца, чиновника и т. д. Вотъ эти-то свойства и должны составлять характерныя особенности его души, на которыя литература больше всего должна обратить вниманіе. Правда, нельзя не замѣтить, что такъ какъ общественно-экономическія и нравственно-интеллектуальныя условія крестьянскаго быта крайне однообразны, то и внутренній міръ крестьянъ имѣетъ какой-то общій однообразный отпечатокъ. Русскіе мужики не представляютъ той индивидуальной разноцвѣтности, которую мы привыкли встрѣчать во внутреннемъ мірѣ образованныхъ людей. Это обстоятельство, повидимому, должно бы облегчать задачу бытописателей русскаго крестьянства. Что же мы, большею частію, видимъ у этихъ писателей-народниковъ? А всѣ они, за немногими счастливыми исключеніями, ограничиваются только фотографическими снимками случайныхъ сценъ изъ народной жизни. Если реальность требуетъ, чтобы писатель изображалъ жизнь, какъ она есть, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что можно и должно наводнять свое произведеніе массою конкретныхъ фактовъ. Писатель-реалистъ при изображеніи жизни долженъ обобщать эти факты, изслѣдовать ихъ причины и слѣдствія, переходить къ общимъ условіямъ отъ частныхъ явленій. Такимъ образомъ главный недостатокъ, который встрѣчается у большинства писателей-народниковъ, или, какъ ихъ называютъ, „мужиковствующихъ сочинителей“ заключается въ ложномъ реализмѣ, воспроизводящемъ только случайныя частности, рѣдко вводящія насъ въ настоящую дѣйствительность.

Другой не менѣе важный недостатокъ, который замѣчаютъ у нашихъ народниковъ-писателей, заключается въ томъ, что они лица и предметы нерѣдко освѣщаютъ не яснымъ днемъ, а какимъ-то причудливымъ, словно сквозь туманъ пробивающимся свѣтомъ. Еще чаще можно встрѣтить, какъ писатели передѣлываютъ типы изъ образованной среды въ простыхъ людей, наряжая и награждая ихъ мужицкимъ костюмомъ, манерами, языкомъ и только; все же остальное, т. е. внутреннее, какъ болѣе существенное, совсѣмъ не обнаруживаетъ простой крестьянской души.

Возьмемъ, напримѣръ, богомолку изъ крестьянъ Степаниду Потѣхина („Около денегъ"). Степанидѣ стукнуло 30 лѣтъ; она потеряла всякую надежду выйти замужъ и зачислила себя въ разрядъ „старыхъ дѣвъ". Не встрѣчая ни въ чемъ нужды, Степанида стала развивать въ себѣ религіозное чувство, что и выражала въ хожденіи на разныя богомолья. Степанида составила убѣжденіе, что она „предназначена служить Богу", „быть Христовой невѣстой". Въ объясненіе того, какія обстоятельства развили въ Степанидѣ эти убѣжденія, Потѣхинъ прибѣгаетъ къ тѣмъ же общимъ психическимъ причинамъ, какія можно представить и въ объясненіе религіозной, мистической экзальтаціи любой отцвѣтающей барышни. „Въ извѣстномъ возрастѣ", говоритъ Потѣхихъ, „дѣвушки, не вышедшія за мужъ, обыкновенно или озлобляются, или начинаютъ сами себя обманывать, тѣша свое самолюбіе и притупляя скорбное чувство одиночества мыслью, что онѣ не вѣрятъ въ любовь, что онѣ всегда сами отвергали ее или, по крайней мѣрѣ, уклонялись отъ нея, что онѣ, наконецъ, призваны и предназначены къ другой долѣ, къ служенію высшимъ, неземнымъ цѣлямъ. Эта мысль ведетъ или къ ханжеству, или къ монашеству, или къ страшному обожанію кошекъ и собакъ, или просто къ темному разврату". Точно также возьмемъ, напримѣръ, одинъ изъ послѣднихъ разсказовъ Златовратскаго „Пріѣздъ въ деревню". Здѣсь, очевидно, писатель останавливается на двухъ характерныхъ чертахъ народа—на низкопоклонствѣ предъ разбогатѣвшимъ мужикомъ и тупымъ непониманіемъ добрыхъ намѣреній барина, все отдающаго крестьянамъ. Черты крестьянъ подмѣчены Златовратскимъ вѣрно. Многія историческія обстоятельства и особенно крѣпостное право дѣйствительно воспитали и сильно развили въ русскомъ крестьянинѣ низкопоклонство и униженіе предъ другимъ лицомъ, даже мужикомъ, если онъ побогаче. Но

нельзя допустить, подобно Златовратскому, чтобы эти черты составляли индивидуальныя особенности русскаго мужика и русскаго народа. Рознь между сословіями, ухаживанье за богатствомъ проявляются вездѣ, даже въ другихъ государствахъ едва ли не рѣзче, чѣмъ у насъ. На эту тему можно, не выходя изъ кабинета, сочинить какой угодно разсказъ, нарядивъ любого европейца въ кафтанъ русскаго крестьянина.

ЛЕВИТОВЪ.

Міросозерцаніе и бытъ обитателей южныхъ степей (въ „Степныхъ очеркахъ").—Вліяніе степи и природы на вѣрованія народа.—Ѳедотъ Ивановъ—кулакъ-міроѣдъ и баба Козлиха, приговоренная міромъ въ вѣчную кабалу.

Изъ числа особенно даровитыхъ народниковъ мы остановимся на Левитовѣ, Глѣбѣ Успѣнскомъ, Злотовратскомъ и Мельниковѣ.

Левитовъ прекрасно зналъ крестьянскую жизнь и любилъ останавливаться на такихъ сторонахъ народнаго быта и на такихъ характерахъ, которые не особенно часто встрѣчаются. Отличительная черта таланта Левитова—чувство. Возьмемъ, напримѣръ, лучшій изъ его разсказовъ „Выселки". Съ сердечною теплотою онъ относится къ главному герою разсказа, къ Ивану, прозванному колдуномъ, и Петру, по фамиліи Крутому. Этотъ Петръ, не успѣлъ еще явиться и на Божій свѣтъ, какъ невѣжественные сосѣди распускали молву, что лѣшій подмѣнилъ его у матери, и, утащивъ ея сына, оставилъ ей лѣшенка. Такъ сосѣди и окрестили Петра лѣшенкомъ; не втерпежъ Петру стала эта кличка: она отравляла его жизнь и заставила наконецъ идти скитаться по бѣлу-свѣту. Особый пріемъ Левитова состоитъ въ томъ, что онъ умѣетъ подмѣтить въ русскомъ человѣкѣ свѣтлыя стороны и сопоставить ихъ съ тою непроницаемою тьмою невѣжества и грубости, которая, при сопоставленіи съ свѣтлыми сторонами, становится еще мрачнѣе и тяжелѣе.

Этотъ же пріемъ обнаруживается и въ „Степныхъ очеркахъ" Левитова. Изображая жизнь обитателей южныхъ степей и показывая вліяніе на этихъ обитателей физической природы, Левитовъ нарочно не скрываетъ свѣтлыхъ сторонъ ихъ жизни, чтобы представить въ болѣе сильномъ освѣщеніи другую, мрачную сторону жизни.

Необозримыя степи, дикій просторъ которыхъ подавляетъ человѣка, пугаетъ мысли и заставляетъ его чувствовать все ничтожество и безпомощность, воспитываетъ въ степныхъ обитателяхъ страшное суевѣріе. Чудовищная сила заселяетъ всѣ степи и вмѣшивается въ людскую жизнь. Если кто-нибудь изъ степняковъ скорѣе

другого разбогатѣетъ, благодаря уму, энергіи и трудолюбію, всѣ сосѣди набросятся на него и будутъ считать такъ же, какъ и Петра Крутого въ „Выселкахъ", исчадіемъ діавола, колдуномъ, имѣющимъ дѣло съ нечистою силою.

Для объясненія всѣхъ физическихъ и духовныхъ явленій степные обитатели прибѣгаютъ къ той же нечистой силѣ. Такъ, напримѣръ, богатый купецъ Лука Петровичъ ударилъ палкой по головѣ своего единственнаго сына Арешу такъ сильно, что тотъ, сдѣлавшись полоумнымъ, сталъ, какъ идіотъ или блаженный, бродить по посаду. Къ Лукѣ Петровичу начали съѣзжаться со всѣхъ мѣстъ знахари и знахарки. Всѣ одинаково рѣшили, что въ немъ засѣла „сила люта и неуступчива зѣло".

Одна черница посовѣтовала убивающемуся отъ горя отцу съѣздить съ своимъ несчастнымъ сыномъ Арешей въ Москву, взойти съ нимъ на колокольню Ивана Великаго, подъ самые колокола, и показать ему оттуда долъ зеленый и „искусить его". Лука Петровичъ въ точности исполнилъ совѣтъ черницы, но облегченія для своего сына, конечно, не видѣлъ.

Читая Четьи-Минеи, Лука Петровичъ узрѣлъ однажды видѣніе: предъ нимъ предсталъ цѣлый сонмъ святыхъ, и дѣва, красоты неписанной, провозвѣстила ему:

— „Купи ты, рабъ, не скупись, колоколъ для своей церкви въ 200 пудовъ,—самъ увидишь тогда, какая благодать снизойдетъ на тебя за этотъ даръ"; съ этими словами дѣва исчезла. Лука Петровичъ такъ и сдѣлалъ: заказалъ колоколъ, повѣсилъ его, подвелъ подъ колоколъ своего Арешу и велѣлъ въ это время трезвонить. Приказчики держали Арешу, а онъ—змѣей, змѣей извивался, и руки-то по локоть тоже змѣей взвивалъ, и головой вертѣлъ и кричалъ...

„Послѣ этого", разсказываютъ державшіе Арешу, „предсталъ онъ предъ нами, словно бы собака, которую служить заставляютъ для потѣхи, на четырехъ лапахъ. Такъ на нихъ всю жизнь горемычную и поползъ онъ, бѣдняга, глухъ и нѣмъ!.."

Такому дикому міросозерцанію вполнѣ соотвѣтствуетъ общественный и семейный бытъ степняковъ. Полными заправителями мірскаго дѣла являются богатые мужики-міроѣды, спаивающіе народъ и чинящіе расправу по преданіямъ временъ стародавнихъ, а иногда просто по своему произволу.

Разъ случилось, что овечка, принадлежащая бѣдной бабѣ

Козлихѣ, забѣжала на дворъ къ богатому мужику Ѳедоту Иванову, вмѣстѣ съ стадомъ послѣдняго. Это послужило поводомъ къ тому, что Ѳедотъ Ивановъ сдѣлалъ мірскую сходку, напоилъ мужиковъ и нажаловался имъ, что Козлиха изругала и его жену, и сыновей, и его самого. Міръ присудилъ Козлиху оштрафовать и наказать розгами. Но и этого было мало.

„Знаете вы, православные, обратился къ міру Ѳедотъ Ивановичъ: убогая баба Козлиха, вдовая, ни роду, ни племени нѣтъ у нея. Такъ я теперича за избу ея даю пять рублевъ, за дворъ и за скотину, какая у нея есть, тоже пять рублевъ. Пусть на міру знаютъ, што не притѣснитель я какой, не грабитель, а примѣрно, на убожество ея взираючи, призрѣть хочу. *За ее самое, ежели то-исть присудить вамъ захочется этакъ, даю десять рублевъ за посмертную кабалу....*

Отчего не присудить? Присудить такъ можно, потому она баба вострая—работать будетъ исправно.

— Ну, такъ, значитъ, бѣги за ведромъ, Василій, обратился Ѳедотъ въ сторону.

— Это мы съ одного маху.

— Отцы родные! закричала Козлиха: вѣдь старуха-то (жена) Ѳедота Ивановича поѣдомъ меня живую съѣстъ, коли вы такъ-то присудите.

— Счастья своего не понимаешь! сказалъ ей толстый мужикъ.

— Истинно, Господь-то великъ и многомилостивъ къ сирымъ, закончилъ дьячекъ, тоже зачесавшійся въ мірскую ватагу.

Итакъ Козлиха міромъ была приговорена въ вѣчную кабалу, въ каторгу, къ врагу своему Ѳедоту Иванову и его злой женѣ.

ГЛѢБЪ УСПѢНСКІЙ И ЗЛАТОВРАТСКІЙ.

Типъ старо-завѣтнаго мужика, признающаго проценты съ денегъ „дѣломъ нечистымъ“.—Восьмидесятилѣтній старикъ Парменъ, соглашающійся постоять за „обчество“. Крестьяне-присяжные и ихъ положеніе въ судѣ.—Низкопоклонство крестьянъ предъ разбогатѣвшимъ мужикомъ и тупое непониманіе „барина“.

Еще глубже умѣютъ заглядывать во внутренній строй крестьянскаго быта Глѣбъ Успѣнскій и Златовратскій. Какъ тотъ, такъ и другой любятъ сосредоточивать свое вниманіе на внутреннемъ мірѣ человѣка, на его мысляхъ, чувствахъ и разнообразныхъ душевныхъ настроеніяхъ. Выдѣляясь изъ ряда другихъ бытописателей русскаго крестьянства знаніемъ жизни и талантомъ, Гл. Успѣнскій и Златовратскій, въ нѣкоторыхъ своихъ произведеніяхъ, какъ пчелы собрали единичныя свойства мужицкой души, отдѣливъ въ ней общіе основные признаки отъ случайныхъ. Въ самомъ началѣ своей литературной дѣятельности Глѣбъ Успѣнскій не признавалъ въ русскомъ мужикѣ силы, не вѣрилъ, чтобы онъ самъ могъ справиться съ разными нововведеніями и улучшеніями своего быта. Онъ старался даже отыскивать въ народѣ такія свойства, которыя требовали, чтобы у народа была нянька. Онъ то и дѣло говорилъ напримѣръ, что народъ нашъ страшно грубъ, корыстолюбивъ, жестокъ и проч. Въ послѣднихъ своихъ произведеніяхъ, какъ замѣчала критика, нашъ народъ представляется Гл. Успѣнскимъ въ болѣе радужномъ свѣтѣ. Онъ начинаетъ усматривать въ немъ нѣчто и достойное уваженія. Въ послѣднихъ своихъ очеркахъ, напримѣръ, помѣщенныхъ въ „Отечественныхъ запискахъ“ 1881 года „Безъ опредѣленныхъ занятій“ и „Пришло на память“ онъ уже находитъ въ простомъ мужикѣ даже такія тонкія понятія, какъ мученія и терзанія совѣсти косцовъ, которыя нанялись косить траву къ Демьяну Ильичу, но по случаю ненастья

имъ нѣсколько дней не приходилось работать; хлѣбъ же ѣсть за даромъ было стыдно.

Что касается внѣшнихъ литературныхъ пріемовъ Гл. Успѣнскаго, то критика справедливо замѣчала, что его прежніе разсказы и очерки страдали *эпизодичностью.* Вы немного найдете у него произведеній, которыя поражали бы своею цѣльностію, законченностію сюжета, обработкою подробностей, необходимыхъ для отдѣлки художественной стороны. Онъ не любитъ сосредоточиваться на развитіи какой-нибудь излюбленной идеи, не любитъ выводить законченныхъ типовъ, за то постоянно пересыпаетъ свой разсказъ разсужденіями и соображеніями отъ своего лица.

Глѣбъ Успѣнскій съ особенною симпатіей относится къ „темному" человѣку, выросшему и воспитавшемуся подъ вліяніемъ „старо-завѣтныхъ" уставовъ. Такъ въ очеркѣ „Черная работа" онъ представляетъ типъ мужика, живущаго этими старо-завѣтными понятіями, который сколотилъ отъ трудовъ праведныхъ для своего единственнаго внука капиталъ въ 42 руб. Онъ привозитъ этотъ капиталъ не въ „банкъ", а, какъ онъ выражается, „въ банку" для отдачи его на сохраненіе. Ему говорятъ, что онъ будетъ получать на него проценты. Старикъ и руками, и ногами начинаетъ отмахиваться отъ процентовъ. „Дай ты мнѣ", говоритъ, „съ чистою совѣстью умереть, не хочу я этихъ нечистыхъ денегъ (т. е. процентовъ), хоть бы тамъ ихъ тысячи наросли. Не знаю я, откуда они идутъ, и не надо мнѣ ихъ. Мое кровное отдай, тутъ уже самая моя копейка изъ самыхъ моихъ кровей!" Мужика начали убѣждать, что взгляды его противны нынѣшнимъ понятіямъ, что самъ же внукъ не только не поблагодаритъ его за подобныя понятія, а даже назоветъ дуракомъ. Въ душѣ старика подпимается страшная борьба. Съ одной стороны его „ветхозавѣтныя понятія" подсказываютъ, что только тѣ деньги можно считать своими, которыя заработалъ собственнымъ трудомъ, что „процентъ—дѣло не чистое, въ родѣ, какъ бы кража", съ другой—любовь къ внуку и желаніе добра, которое и беретъ наконецъ верхъ надъ этими понятіями. „Ну, такъ ужъ и быть, пущай мой внукъ получаетъ съ ростомъ. Принимаю грѣхъ на себя. Потому времена подходятъ точно... гонимыя, лютыя". Въ душѣ старика, очевидно, не видно той закоснѣлости, фанатизма противъ всего новаго; онъ податливъ, если ему представятъ резоны, что вотъ молъ новые порядки лучше старыхъ и вольготнѣе.

А вотъ и другой русскій мужикъ.

У стариннаго управляющаго Ростовской округой явилась счастливая мысль: оьазалось, что мѣста, на которыхъ давно сидѣли ростовцы, какъ разъ подходятъ подъ что-то такое, что ежели это *что-то* „округлить“ съ *чьмъ-то*, то какъ разъ въ четверо можно получать доходу болѣе противъ прежняго. Для этого стоило только переселить ростовцевъ куда-то въ другое мѣсто. Управляющій принялся хлопотать объ этомъ. Ростовцы ощетинились и рѣшились послать въ губернскій городъ „воевать за свое дѣло“ стараго дѣда Пармена, который ужъ около 40 лѣтъ не бывалъ въ губерніи. Ему оставалось одно—положиться вовсемъ на Бога, на Его милость и указаніе. Для бо̀льшаго успѣха въ своемъ дѣлѣ онъ не пилъ, не ѣлъ по цѣлымъ днямъ, желая постничествомъ угодить Богу. „Видно ужъ Господь-батюшка, Никола-милостивый, такъ осудилъ меня вѣнцомъ—иду!“ рѣшилъ дѣдъ и, заложивъ котомку за спину, взявъ длинную палку въ руку, неровною поступью худыхъ, тонкихъ ногъ, обутыхъ на мірской счетъ въ новые лапти, пошелъ „воевать за мірское дѣло“.

Новыя условія крестьянской жизни сказались и въ другихъ фактахъ. Самоуправленіе и новый судъ, какъ извѣстно, требуютъ дѣятельнаго и самоличнаго участія. Не мало комичныхъ сценъ представляли и до сихъ поръ представляютъ крестьяне, когда имъ приходится по совѣсти, самостоятельно рѣшать вопросъ о виновности подсудимаго въ качествѣ присяжныхъ. Вмѣстѣ съ своею неподготовленностію къ этой обязанности они обнаруживаютъ въ себѣ много богатаго ума, здравыхъ нравственныхъ понятій и знанія человѣческаго сердца.

Въ разсказѣ Златовратскаго „Крестьяне-присяжные“ изображается слѣдующая картина: Пеньковская волость получила предписаніе выставить „въ округу“ извѣстное число „присяжныхъ“. При исполненіи этихъ обязанностей мужики находились подъ постояннымъ гнетомъ двухъ различныхъ вліяній: съ одной стороны мундирный, оффиціальный міръ, дѣйствующій на нихъ запугивающимъ образомъ, съ другой—ихъ внутренній міръ, „міръ народныхъ скорбей и печалей“, какъ выраженіе ихъ симпатичныхъ сторонъ, состоящихъ въ чуткости къ чужому горю и бѣдѣ. Это чувство говоритъ имъ: „Поддержки народу нѣтъ, что малый ребенокъ онъ, какъ ты его осудишь!“ Но они слишкомъ робки и запуганы, чтобы слѣдовать исключительно влеченіямъ только своего чувства. Самолюбіе мужиковъ—уронить себя, показать себя

совсѣмъ ничего не понимающими—тоже играетъ не малую роль. Ихъ безпокоятъ вопросы: „Какъ бы не оказаться дураками? Какъ бы грѣха не принять на душу?“ Разъ оправдали они мальчишку, обвиненнаго въ поджигательствѣ, оправдали его и услышали отъ всѣхъ самые дерзкіе попреки: „Потатчики! Гольтяпа проклятая! Какой же теперь къ суду будетъ страхъ! Поджигальщиковъ оправдываютъ! Да теперь поджигальщики для хозяйнаго человѣка хуже изъ всѣхъ! Разбойникъ сноснѣй! Имъ, голякамъ, ничего!“... Осудили и осудили противъ совѣсти (большинство было подговорено врагами подсудимаго) двоеженца,—опять не потрафили: здравомыслящіе и либеральные мужики закричали: „Ну, ужъ судъ: невиннаго человѣка осудили! Богъ мой! Да это такъ и должно быть: мужики, такъ мужики и есть... Развѣ имъ что-нибудь значитъ засудить человѣка“. Эти незаслуженные попреки совсѣмъ заставили растеряться нашихъ мужиковъ. „Мы-то чѣмъ виноваты?“ какъ бы оправдываясь, говорили они. Вся душа ихъ переболѣла отъ разныхъ попрековъ, которые имъ приходилось слышать на каждомъ шагу.

Во многихъ изъ другихъ своихъ очерковъ Златовратскій пытался уловить умственную и нравственную физіономію „новой деревни“. Въ первыхъ своихъ очеркахъ онъ, въ противоположность Гл. Успѣнскому, проявлялъ сантиментальность, которая ослабляла жизненность его произведеній. Но въ послѣднихъ очеркахъ онъ нѣсколько ослабилъ эту сантиментальность и обнаружилъ болѣе естественности въ изображеніи дѣйствительной жизни народа.

МЕЛЬНИКОВЪ.

«Старые годы»—черты крѣпостного права въ грубой наготѣ.—Жизнь раскольниковъ въ «Лѣсахъ» и па «Горахъ».—Типы: Настенька, ея религіозно-художественное воспитаніе и судьба.—Потапъ Максимычъ Чапуринъ—раскольникъ.

Талантливый разсказчикъ на бытовые сюжеты Печерскій (Мельниковъ) по оригинальности, мастерству пріемовъ и по богатству наблюденій долженъ быть причисленъ къ нашимъ выдающимся писателямъ-народникамъ. Онъ беретъ матеріалъ изъ жизни раскольниковъ и знакомитъ съ культурнымъ явленіемъ раскола, играющимъ такую видную роль въ русской исторіи и возбуждающимъ особенный интересъ въ послѣднее время. У автора, очевидно, было много матеріала подъ руками, матеріала, который онъ и передалъ намъ въ своихъ капитальныхъ произведеніяхъ „Въ лѣсахъ“ и „На горахъ“. Кромѣ этого онъ собралъ въ отдѣльную книгу разсказы, писанные имъ въ 50 и 60 годахъ. Въ послѣднихъ разсказахъ выступаютъ черты крѣпостного права во всей своей грубой наготѣ. Печерскій выводитъ героевъ стараго времени, преданныхъ своеволію и чувственности. Заслуга Печерскаго состоитъ вовсе не въ изображеніи этихъ самодуровъ-помѣщиковъ, которые являлись въ нашей литературѣ подъ разнообразными типами, а въ томъ, что изображеніе Мельникова отличается художественною правдою и яркостью. Какъ на особенность произведеній Печерскаго, указываютъ также, что онъ при изображеніи народной жизни не имѣетъ никакихъ предвзятыхъ цѣлей и мыслей. Онъ желаетъ разсказывать жизнь такъ, какъ она есть, и какъ представляется его художническому наблюденію.

„ВЪ ЛѢСАХЪ“ И „НА ГОРАХЪ“.

Расколъ представляетъ интереснѣйшее явленіе. Какъ бы ни казались странными и даже болѣзненными его внѣшнія формы, въ нихъ, подъ этой оболочкой, созданной гнетомъ и подпольнымъ развитіемъ, должны все же сказаться ростки настоящаго народнаго характера. Безъ истиннаго пониманія нашего старообрядства и раскола совсѣмъ нельзя правильно понимать ни нашу исторію, ни нашъ народъ. Расколъ вѣдь есть явленіе, возникшее изъ

самой глубины народной жизни и выражающее, какъ и народная поэзія, все существо русскаго человѣка, его складъ ума, характера и стремленій. Расколъ покоится на убѣжденіи, что старый порядокъ вещей лучше новаго, что благодать Божія попреимуществу почиваетъ на всемъ древнемъ строѣ жизни, не исключая даже старыхъ книгъ и иконъ.

Заброшенный въ сѣверо-восточныя лѣсныя дебри расколъ отживаетъ тамъ свои героическія времена. Онъ уже не имѣетъ той внутренней силы, которая породила его; на мѣсто прежней силы осталось одно оскудѣніе и обрядность, хотя и строгая. Нѣкоторые только слѣды прежней силы еще уцѣлѣли и по настоящее время —это скиты и женскія обители. Съ первоначалу скиты были учрежденіями чисто религіозными, какъ и наши монастыри. Они служили убѣжищемъ „не хотѣвшимъ новизны Никоновы пріяти“, но съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ религіозный фанатизмъ ослабѣвалъ въ средѣ раскольниковъ, скиты теряли первоначальный характеръ, превращались въ рабочія общины съ артельнымъ хозяйствомъ. Въ стѣнахъ общины каждый день, кромѣ праздниковъ, работа кипѣла съ утра до ночи. Пряли ленъ и шерсть, ткали новины, пестряди, сукна; занимались и бѣлоручными работами: ткали шелковые пояски, вышивали по канвѣ шерстями, шили золотомъ, переписывали разныя тетради духовнаго содержанія, писали даже иконы. Здѣсь-то, въ этихъ общинахъ, и проглядываетъ идеалъ добраго житія и русскаго домоводства. Здѣсь крѣпкій старый укладъ, обуздывающій молодое легкомысліе; здѣсь дается отпоръ всякому новшеству; здѣсь трудовая жизнь безъ отягощенія; здѣсь все дѣлается съ крестомъ, да съ молитвою; здѣсь есть пища для сердца и чувства: обители щеголяютъ одна предъ другою согласнымъ пѣніемъ, благословенными иконами, искуснымъ рукодѣліемъ своихъ бѣлицъ, большею частію молодыхъ да приглядныхъ. Эти бѣлицы, полу-отшельницы, полу-мірянки, съ ропотомъ переносятъ свою затворническую жизнь. Неймется молодое сердце, горячая кровь кипитъ, переливается: не спасаютъ ихъ стѣны обители отъ жаркихъ весеннихъ грезъ. Для мірскихъ парней эти бѣлицы тѣмъ привлекательны, что находятся подъ крѣпкимъ надзоромъ. Жениться на бѣлицѣ можно только „уходомъ“ *).

---

*) „Русск. Вѣстн.“ 1874 г., кн. 1.

НАСТЕНЬКА.

Настенька—дочь одного изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ эпопеѣ Печерскаго—„Въ лѣсахъ“ и „На горахъ“—Патапа Максимыча Чапурина. Отецъ не для черной жизни готовилъ свою Настеньку. Она вмѣстѣ съ своей сестрой воспитывалась въ скитѣ у своей тетки, матушки Манеѳы. Здѣсь она научилась изъ бисера вязать лѣстовки, кошельки да пояски шелковые ткать, по канвѣ шерстью вышивать, выучила наизусть часовникъ и псалтирь, службу, положенную по уставу, навыкла отправлять. Умѣла она и пѣть по крюкамъ и переписывать церковныя книги. Образованіе на почвѣ русской народной жизни сдѣлало изъ Настеньки начетчицу, хоть она не обнаруживала иногда и самыхъ элементарныхъ научныхъ свѣдѣній. Не могъ и налюбоваться своею дочерью-рукодѣльницей Патапъ Максимычъ.

Изъ сосѣдней деревни Патапъ Максимычъ пригласилъ къ себѣ токаря въ токарню, молодого парня Алексѣя Лохматова. За его мастерство и за добрый нравъ Патапъ Максимычъ полюбилъ его какъ сына. И Настенька полюбила Алексѣя: она отдалась ему и ужъ знала свой „тайный грѣхъ“. Она хоть и видѣла, что отецъ воспротивится выдать ее за мужъ за Лохматова, однако рѣшилась повѣнчаться съ нимъ „уходомъ“, да потомъ и броситься отцу въ ноги и просить прощенія. Посердится-де отецъ, да вѣдь не убьетъ же. Составляя такой планъ, Настенька не узнала хорошенько Лохматова: она думала, что ея милый Алеша, какъ сказочный богатырь, и тѣломъ силенъ и душою могучъ, что на всемъ свѣтѣ ему нѣтъ человѣка по плечу... Но вотъ Настенька какъ-то увидала, что ея Алеша плачетъ-рыдаетъ, и, ничего еще не видя, труситъ Патапа Максимыча, какъ старая баба домового... „Гдѣ же удаль молодецкая“, спрашиваетъ Настенька, „гдѣ сила богатырская? Видно у него только обличье соколье, а душа-то воронья“... Упалъ въ Настенькиныхъ глазахъ Алексѣй! Жаль ей парня, но жаль какъ ребенка беззащитнаго, какъ старика-калѣку... „Плохъ онъ, думаетъ Настя, какъ же за такимъ мужемъ жить? Только жизнь волочить, да маяться до гробовой доски“... Теперь разгадала Настенька своего Алешу. Она поняла его думы: вѣдь не Настенька ему нужна была, а то, что у нея въ сундукахъ добра счету нѣтъ, что половина отцовскаго имѣнія достанется ему. Другой такой богатой невѣсты, конечно, ему и не сыскать! Въ то

время, какъ Патапъ Максимычъ послалъ Лохматова по дѣламъ въ Ветлугу, Настенька догадалась, что она не можетъ утаить своего грѣха отъ людского глаза, но не можетъ и за мужъ выйти за Алешу, въ которомъ она совсѣмъ разочаровалась. Начались думы. А вѣдь

Думы дѣвичьи завѣтныя,
Гдѣ васъ всѣ-то угадать?
Легче камни самоцвѣтные
На днѣ моря сосчитать.

(*Некрасовъ*).

Не выдержала нервная натура Настеньки душевныхъ потрясеній; нервная болѣзнь съ ней приключилась, а потомъ скоро и душу Богу отдала.

Цѣльная натура Настеньки производитъ сильное впечатлѣніе тѣмъ богатствомъ непочатыхъ силъ ея души, которыя, вырвавшись на просторъ изъ-подъ замковъ и затворничества, хлынули сильнымъ потокомъ и утопили Настеньку.

ПАТАПЪ МАКСИМЫЧЪ ЧАПУРИНЪ.

(„Въ лѣсахъ“ и „На горахъ“).

Патапъ Максимычъ Чапуринъ, этотъ „тысячникъ“-раскольникъ, выражалъ нѣкоторое недовѣріе къ расколу и скитамъ. Такъ, напримѣръ, онъ не вѣрилъ въ святость обительскаго житія и любилъ подтрунивать надъ старицами и бѣлицами. „Въ скитахъ вѣдь завсегда грѣхъ со спасеньемъ рядомъ живутъ“, нерѣдко дразнилъ свою жену Патапъ Максимычъ, желая порисоваться этимъ взглядомъ. „Сколько на своемъ вѣку“, говаривалъ онъ, „перезнавалъ я этихъ иноковъ да инокинь, ни единой путной души не видывалъ! Пустосвяты они, дармоѣды, больше ничего! Вотъ слухи пошли, что начальство хочетъ совсѣмъ скиты порѣшить, и хорошее бы это дѣло было. Грѣха по крайности меньше будетъ, надо правду говорить“... И какъ начнетъ Патапъ Максимычъ про скитское житье разсказывать, то подъ конецъ такъ разговорится, что женскій полъ одна за другой вонъ да вонъ... Презрительное отношеніе къ скитской жизни нисколько, однако, не мѣшаетъ Патапу Максимычу быть раскольникомъ съ ногъ до головы. Его расколъ интересуетъ не съ догматической стороны, а съ бытовой, какъ старый укладъ жизни. Этимъ можно объяснить и тотъ фактъ, что онъ ни за что не хотѣлъ выдать свою Настеньку за мужъ за богатаго купца Снѣжкова, который сватался къ ней до ея сближенія съ Лохматовымъ. Какъ это можно, чтобы его дочь по новымъ московскимъ да петербургскимъ порядкамъ жила,

и на балы съ голыми руками и плечами выѣзжала бы! „Не рука намъ таковскій зять!“

[illegible]ее обличье и характеръ Патапа Максимыча заключали въ себѣ почти всѣ признаки того чисто-русскаго самодурства, которое мы видѣли у героевъ въ комедіяхъ Островскаго. Та же съ виду суровость, а въ сущности безхарактерность, какъ аттрибутъ власти всякаго родоначальника и домоправителя. Настенька предъ смертію просила отца простить ее и Алексѣя Лохматова и не дѣлать ему зла. Настоящій самодуръ, если бы только былъ таковымъ Чапуринъ, скоро забылъ бы предсмертную просьбу своей дочери. А между тѣмъ, что же мы видимъ? Патапъ Максимычъ не только не мститъ Лохматову, а продолжаетъ даже покровительствовать ему, сознавая въ то же время, что онъ виновникъ смерти его единственной дочери Настеньки. Онъ даже любитъ его попрежнему. Но вотъ прошло уже много лѣтъ послѣ смерти Настеньки. Лохматовъ живетъ самостоятельно; онъ женатъ: онъ ужъ нареченный самарскій городской голова. Патапъ же Максимычъ остался одинъ одинешенекъ, какъ есть бобыль. Разъ случилось ему ѣхать на пароходѣ и встрѣтиться съ Лохматовымъ. Сидя въ своей каютѣ, Патапъ Максимычъ слышитъ, что Лохматовъ разсказываетъ своимъ спутникамъ, ѣдущимъ на пароходѣ, какъ онъ давно знаетъ Патапа Максимыча, какъ онъ думалъ жениться на его Настенькѣ, какъ и отчего послѣдняя померла. Не стерпѣло у Чапурина сердце, не смотря на всю доброту его; однимъ размахомъ растворилъ онъ свою дверку, но Алексѣй уже поднимался вверхъ. Чапуринъ за нимъ въ догонку.

— „А кто обѣщалъ про это дѣло никому не поминать? Кто слово далъ и себя заклиналъ? А? прошипѣлъ, подойдя къ Алексѣю Патапъ Максимычъ.—Забылъ?“

Повѣсивъ голову, не говоря ни слова, Лохматовъ старался уйти отъ разъяреннаго Чапурина, но не удалось ему: куда онъ ни пойдетъ, тотъ за нимъ слѣдомъ.

И вспомнились Лохматову тутъ слова внутренняго голоса, которыя нерѣдко смущали его, когда онъ жилъ у Патапа Максимыча: „отъ сего человѣка погибель твоя“. Ни шагу не отступалъ отъ него Патапъ Максимычъ. Куда Лохматовъ ни пойдетъ, онъ за нимъ съ попреками, съ бранью. Подходили они къ пароходному трапу, и ни одного человѣка кругомъ ихъ не было. Патапъ Максимычъ поднялъ увѣсистый кулакъ, чтобы сокрушить супротивника, а... Лохматовъ пятится, пятится. И дошелъ

такимъ образомъ до самаго трапа. А на станціи въ Батракахъ, по оплошности матросовъ на пароходѣ, не былъ укрѣпленъ трапъ, чрезъ который носили дрова. Дошли до этого трапа: Алексѣй задомъ, Патапъ Максимычъ напирая на него. Лохматовъ что-то такое говорилъ, но взволнованный Патапъ Максимычъ не понималъ его словъ, должно быть какихъ-нибудь оправдательныхъ. Лохматовъ оперся о трапъ; Патапъ Максимычъ былъ возлѣ него. Трапъ растворился, и они оба упали въ воду.

— „Упали, упали!“ раздались голоса на палубѣ. Патапа Максимыча вытащили еще живого. Лодку подали, чтобы спасти Лохматова. Быстро она понеслась къ утопавшему, но еще нѣсколько аршинъ не доплыла до Лохматова, какъ онъ, съ мыслію: „отъ сего человѣка погибель твоя“, опустился на дно. Такъ погибъ Алексѣй Лохматовъ, бывшій женихъ Настеньки.

Патапъ Максимычъ—этотъ либеральный раскольникъ, критически относящійся не къ догматической, какъ мы сказали, а къ бытовой сторонѣ раскола и особенно къ скитской жизни, такъ распространенной въ сѣверо-восточныхъ лѣсныхъ дебряхъ, сохранилъ въ себѣ всѣ чисто-національныя свойства въ полной свѣжести и неприкосновенности. Міровоззрѣніе Патапа Максимыча есть тоже самое міровоззрѣніе всего русскаго народа, котораго не коснулась еще цивилизація. Это міровоззрѣніе есть органически-стройное выраженіе глубоко укоренившихся и широко распространенныхъ принциповъ религіозно-нравственной жизни народа. Посреди грязи и безобразія, которыя можно найти въ каждомъ народѣ, въ каждомъ обществѣ и средѣ, въ мірѣ раскольниковъ всего скорѣе можно встрѣтить сильные и цѣльные типы добра, которые остаются чистыми, какъ хрусталь, и даже распространяютъ лучи своего свѣта на окружающихъ. Такимъ типомъ и является въ мірѣ раскольниковъ Патапъ Максимычъ. Да и самый расколъ по произведеніямъ Печерскаго представляетъ замѣчательную организацію, вызванную, очевидно, крайней потребностью самозащиты отъ внѣшнихъ гоненій; онъ имѣетъ прекрасную почву, и представляетъ государство въ государствѣ, отличается такимъ гуманизмомъ, что въ средѣ раскольниковъ и послѣдній бѣднякъ имѣетъ голосъ. Напрасно многіе изъ нашихъ писателей-народниковъ, даже тотъ же Гл. Успѣнскій, на которомъ мы останавливались, смотрѣли и смотрятъ на расколъ, какъ на изношенный, стоптанный сапогъ. Правда въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ очерковъ „Безъ опре-

дѣленныхъ занятій" Гл. Успѣнскій значительно смягчилъ свой взглядъ на русское сектантство, видя въ этихъ „алчущихъ и жаждущихъ правды" залогъ свѣтлой будущности народа. Мы желаемъ, чтобы этотъ же взглядъ на нашъ расколъ установился и у другихъ нашихъ народниковъ. Нѣтъ, расколъ—это не истоптанный сапогъ, а скорѣе тѣ сапоги-скороходы, при помощи которыхъ, мы вѣримъ, далеко уйдетъ нашъ народъ по пути цивилизаціи и прогресса.

Изданія того же автора:

I.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

изъ образцовыхъ произведеній русской словесности, съ логическимъ разборомъ, выводомъ основной мысли и объясненіемъ каждой статьи, съ 200 темъ и плановъ для устныхъ и письменныхъ упражненій. Часть 1-я. (Для младшаго возраста). *Изданіе третье*. Цѣна 40 к. съ перес.

Одобрено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ качествѣ учебнаго пособія для 1 и 2 класса среднихъ учебныхъ заведеній, для старшихъ отдѣленій перваго класса городскихъ и сельскихъ училищъ.

II.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

изъ образцовыхъ произведеній русской словесности, съ логическимъ разборомъ, выводомъ основной мысли и объясненіемъ каждой статьи, съ 300 темъ и плановъ для устныхъ и письменныхъ упражненій и съ біографіями писателей. Въ концѣ „Сборника" приложенъ краткій курсъ теоріи словесности. Часть II-я. *Изданіе третье*. Цѣна 70 коп. съ пересылкою.

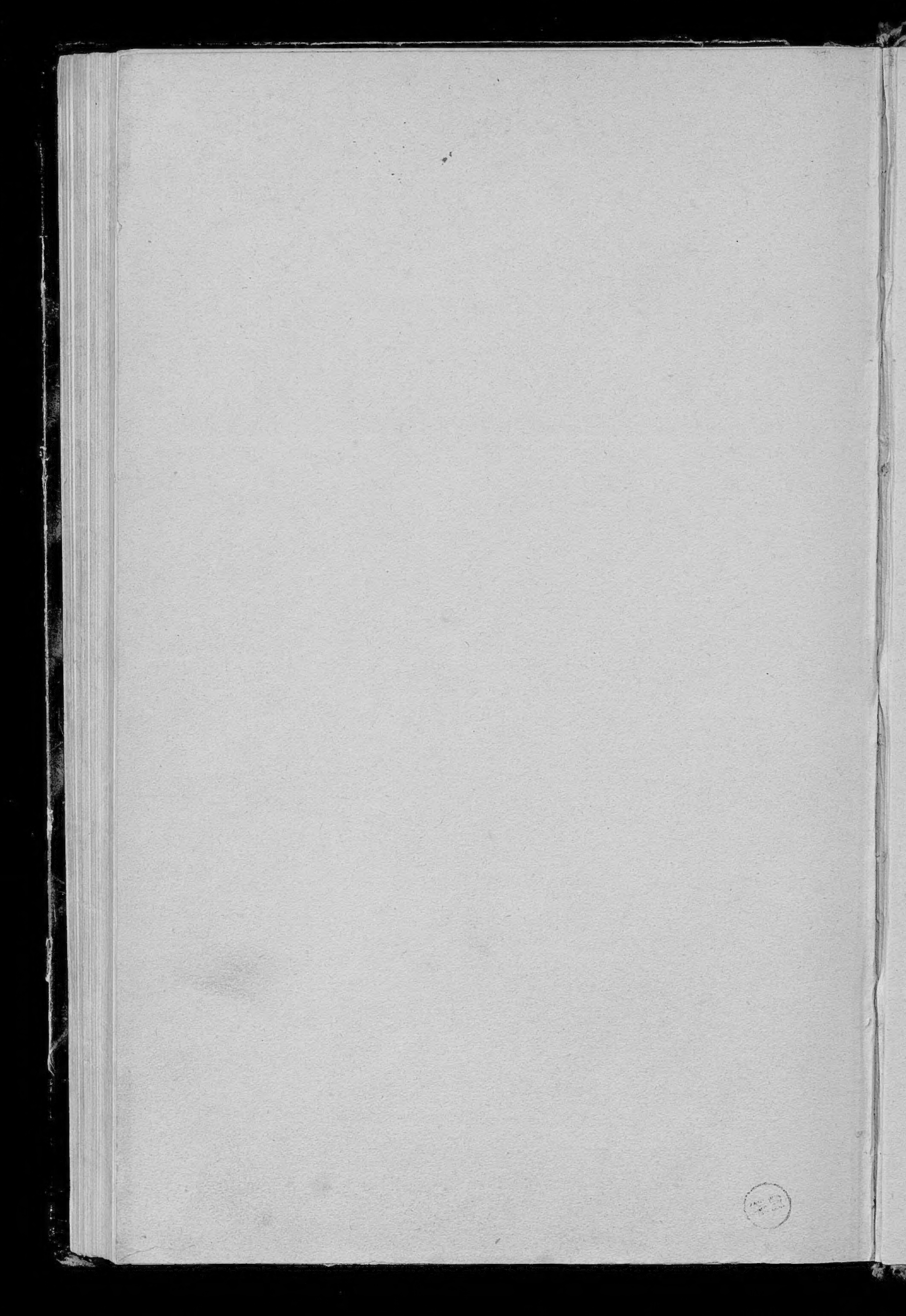
Одобрено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ качествѣ учебнаго пособія для среднихъ учебныхъ заведеній и для старшихъ классовъ городскихъ училищъ.

III.

РОДНАЯ РѢЧЬ.

Систематическій сводъ матеріала для 404 упражненій при изученіи русскаго языка съ приложеніемъ краткаго курса грамматики и методическихъ указаній. Для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. *Изданіе третье*. Цѣна 1 р. съ пересылкою.

Выписывающіе непосредственно отъ составителя (Казань, реальное училище) пользуются даровой пересылкой, а при значительной выпискѣ и уступкой отъ 20 до 30%.



=60 к.

~~6 р.~~

8199-3 ...

